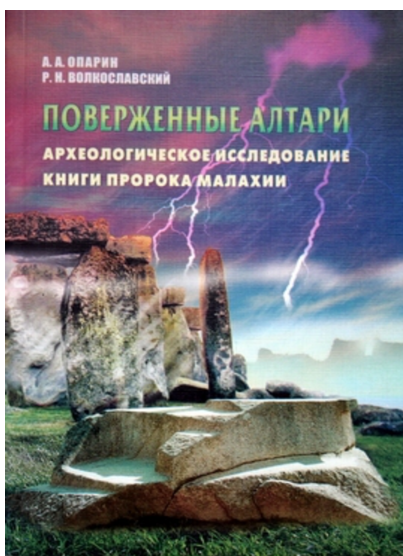

А. А. ОПАРИН
Р. Н. ВОЛКОСЛАВСКИЙ

ПОВЕРЖЕННЫЕ АЛТАРИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
КНИГИ ПРОРОКА МАЛАХИИ

Монография

Харьков «Факт» 2008

*Рекомендовано до друку вченою радою
Українського гуманітарного інституту (Київ)*

Видається в авторській редакції

Рецензенти:

О. К. Бурова, доктор філософських наук, професор
(Національна юридична академія імені Ярослава Мудрого, Харків);

А. С. Жаловага, доктор теологічних і філософських наук
(Український гуманітарний інститут, Київ)

В монографії на основі комплексного изучения даних історії, археології, релігієзнавства та теології проведено систематичне дослідження теми Богопоклонения в контексті біблійної книги пророка Малахії.

Рекомендована студентам і викладачам гуманітарних вузів, а також всім, хто цікавиться Біблією та історією релігії.

Опарін О.А., Волкославський Р. М.

О-60 Повержені вівтарі. Археологічне дослідження книги пророка Малахії: Монографія. — Х.: Факт, 2008. — 304 с.— Текст: рос.

ISBN 978-966-637-638-4.

У монографії на основі комплексного вивчення даних історії, археології, релігієзнавства та теології проведено систематичне дослідження теми Богопоклонения у контексті біблійної книги пророка Малахії.

Рекомендовано студентам і викладачам гуманітарних ВНЗ, а також усім, хто цікавиться Біблією та історією релігії.

ББК 86.391

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос богопоклонения является одним из центральных в жизни верующего человека, христианина. Однако, если мы сегодня посмотрим и проанализируем богопоклонение более чем в 300 существующих ныне христианских деноминациях, то мы увидим существенную разницу. Более того, мы увидим прямые противоречия, взаимоисключающие понятия и положения. Между тем Бог на страницах Библии говорит, что Он принимает только поклонение в духе и истине. «Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоан. 4:23—24). Но что это значит? Что Библия, Слово Бога, признаваемое за авторитет всеми христианами, независимо от принадлежности к той или иной конфессии говорит о богопоклонении? Принимает и примет ли Бог лично мое поклонение, служение Ему? То есть будут ли в конечном счете спасены я и мои близкие? Именно ответу на эти жизненно важные вопросы и посвящена настоящая монография. Авторы будут рады, если прочитав ее, читатели найдут ответы на вышепоставленные вопросы.

*профессор Алексей Опарин
профессор Ростислав Волкославский
Харьков, 8 ноября 2008 года*

По монографиям выпущена серия аудиокассет лекций А.А. Опарина «Тайны библиейской археологии», прочитанных им на семинарах в Хельсинки (Финляндия), Брюсселе (Бельгия), Дармштадте (Германия), Портленде, Сиэтле, Сан-Франциско (США), Риге, Резекне, Елгаве, Цесисе (Латвия), Туле, Воронеже, Белгороде, Брянске (Россия), Могилеве (Беларусь), Киеве, Харькове, Донецке, Луганске, Днепрпетровске, Одессе, Черновцах, Львове, Запорожье, Севастополе, Симферополе, Черкассах, Ковеле (Украина), Кишиневе, Бендерах, Тирасполе (Молдова).

ПРОЛОГ

У СТЕНЫ ПЛАЧА ЗЕМНОГО ИЕРУСАЛИМА

Безусловно, одним из самых посещаемых городов нашего мира является Иерусалим. Ежедневно десятки тысяч людей прибывают в этот великий город, чтобы поклониться его святыням, памятным местам, улицам и площадям. В дни же больших праздников кварталы этой древней столицы с трудом вмещают толпы паломников, стекающихся сюда со всего мира, чтобы стать сопричастниками великих чудес, и, в первую очередь, схождения благодатного огня. В момент его появления своды древней церкви оглашаются многотысячными криками, и затем миллионы рук со свечами и факелами с трепетом тянутся, чтобы получить благодатный огонь. При этом большинство верит, что паломничество хотя бы раз в жизни в Иерусалим на поклонение его святыням избавляет человека от его грехов, болезней и недугов. И потому в его древних церквях и святынях тысячи людей расprostираются ниц перед древними образами и фресками, поклоняясь, как они верят, Богу. Но есть в Иерусалиме особое место — это стена Плача — единственная постройка, уцелевшая от Древнего Храма, разрушенного римлянами в 70 г. х. э. У этой стены ежедневно склоняются тысячи людей, шепча слова самых сокровенных нужд и просьб, нередко вкладывая их записанными на бумаге в щели в древних камнях. Все, от простолудинов до глав государств склоняются у этой стены, взывая и поклоняясь Богу, орошая слезами ее древние камни. Другие накладывают на себя длительные посты, видя неотъемлемую часть поклонения в этом. Третьи, особенно перед праздником Пасхи, бичуют себя, повторяя крестные муки Спасителя, а в некоторых странах немалое число людей добровольно распинают себя на крестах, в память о Голгофской жертве. Помню, как перед Пасхой 2008 года брали интервью у одного из жителей Филиппин, который добровольно уже несколько лет подряд подвергал себя распятию. В своем интервью он сказал, что таким образом он поклоняется Господу и молится за других людей. Четвертые видят поклонение Богу в регулярном посещении храма, церковных служб, раздаче милостыни. Пятые, утверждая, что главное, чтобы Бог был в душе, вообще особо не задаются вопросом поклонения. Однако, когда несчастье постигает эту категорию людей, то большинство из них также начинает спешить в храм, молясь перед иконами и ставя свечи. Говоря о событиях, предшествующих Второму Пришествию, Христос сказал: «Не всякий, говорящий Мне: «Го-

споди! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие. Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое. И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Матф. 7:21—29). Вдумаемся в эти слова. Сколь многое и сколь великое делали эти люди. Казалось, что именно они были теми, кто верно поклоняется и служит Богу. Казалось, что их деяния, плоды их духовной жизни свидетельствуют об этом. Однако Христос говорит: Я никогда, подчеркнем никогда (!), не знал вас! Какая же это будет трагедия для миллионов людей! Сегодня много говорят о Божьей любви, о Божьем милосердии и прощении, и это правильно и прекрасно, но Библия говорит и о Божьем суде. Однако эти библейские тексты сегодня как-то странно, но очень целенаправленно умалчиваются. Причем, спросим себя, а кто же заинтересован в этом умалчивании, кто заинтересован в том, чтобы люди сообразовывали свое поклонение и веру не с тем, что говорит Бог. Кто заинтересован в том, чтобы люди не были готовы к последнему суду? Кто заинтересован в том, чтобы односторонне представлять людям Бога, говоря лишь только о Его любви, но умалчивая о Его справедливости и возмездии? Бог на страницах Библии многократно предупреждает, что спасется лишь малый остаток. «А Исаия провозглашает об Израиле: хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется» (Римл. 9:27). Остаток в то время, как поклонятся Богу в той или иной форме более полутора миллиарда христиан (!), о которых Христос в Свое время сказал: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим» (Матф. 15:8—9). Священное Писание говорит, что люди должны поклоняться Богу в духе и истине, но как это понять? Какого поклонения ждет сегодня от меня Бог? Какое по-

клонение станет для меня и моих близких благословением? Какое поклонение может принести мне сегодня истинный Божий мир и покой? Где мне искать это поклонение — у стен древних монастырей, у великих святынь, среди анналов манускриптов, в громком пении под бой барабанов или под исполнение церковных песнопений, у стены ли плача древнего Иерусалима? На эти судьбоносные для каждого человека вопросы нам ответит последняя книга Ветхого Завета — книга пророка Малахии. Уже сам по себе факт, что она стоит последней, замыкающей свод книг Ветхого Завета и предваряющей Новый Завет, привлекает к ней большое внимание. Ибо главное всегда ставится в начале и в конце. Эта книга стала последним ветхозаветным боговдохновенным произведением, которое отстоит от новозаветных Писаний на целых почти 500 лет. Эта книга и одна из самых трагических книг Библии по тем вестям, которые в ней содержатся. Трагических потому, что они, эти вести, были и будут отвергнуты большинством людей, избравших свое поклонение Богу, создавших своего бога, **оставивших христианство без Христа!** Попадём ли мы в эту категорию людей, будет зависеть от того, насколько сегодня мы примем ту весть, с которой Бог обращается к нам сегодня через книгу пророка Малахии.

Глава 1

УСНУВШЕЕ ЦАРСТВО: УСНУВШАЯ НАДЕЖДА

О личности автора последней Ветхозаветной книги ни Библия, ни история не дают практически никаких сведений. Более того, это самый таинственный Ветхозаветный пророк, не оставивший о себе никаких сведений и даже не обозначивший время начала своего служения, что делали практически все Ветхозаветные пророки. Также и древние предания, обычно довольно богатые своими сообщениями, повествуют лишь, что он происходил из колена Завулонова и родился в местечке Софе, что он якобы был очень красив лицом и чист душой, поэтому в народе его прозвали ангелом, а также то, что умер он в молодых летах¹. В переводе само имя Малахия означает «Мой вестник». Также, по имеющимся в книге косвенным сведениям, начало служения Малахии относится примерно к 430 г. до х. э. Вот, пожалуй, и все, что мы можем знать о биографии этого человека. Однако

¹ Толкование Ветхозаветных книг от кн. Исаяи по кн. Малахии // Под ред. П. Харглаа, США, Ашфорд, 1996 г. С. 588.

даже в этой недосказанности скрываются три очень важные момента. Во-первых, Божий пророк, если только он действительно Божий, всегда возвеличивает Бога и Его весть, а не себя. Мы можем здесь вспомнить и пророка Даниила, которому однажды вавилонский царь Навуходоносор повелел объяснить значение своего сна, на что «Даниил отвечал царю и сказал: тайны, о которой царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадалы. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны; и Он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни. Сон твой и видения главы твоей на ложе твоём были такие» (Дан. 2:27—28). Даниил особо подчеркнул, что не он, а Бог послал сон царю, и только Бог может растолковать его. К сожалению, этот один из важных критериев истинных пророков, провозглашающих Божью волю и Его весть, а не свои взгляды и учения, забыт сегодня многими людьми, которые идут по следам лжепророков, не сумев распознать их. Второе, о чем нам говорит недосказанность Малахии о себе самом, это то, что весть, данная ему Богом, будет актуальной не столько и не сколько для его времени, а для времен грядущих, времени Пришествия Бога в этот мир. Третье, Бог знал, что на несколько столетий пророческое слово не будет уже дано израильскому народу до тех пор, пока не родится Предтеча — Иоанн Креститель, особый вестник прихода Бога в этот мир, подобно тому, как Малахия в последующих стихах последней главы своей книги предсказал приход самого Иоанна Крестителя. Таким образом, через своего особого вестника Малахию Богом на четыреста лет была дана особая пророческая связь между двумя Заветами. Необыкновенную важность этой книги сознавали и древние. Так, знаменитые переводчики Библии на греческий язык Септуагинты вместо имени Малахии писали «Ангел Его». Если же мы мало знаем о личности самого Малахии, то его время широко и полно представлено на страницах древних летописей. Это было время, которое положило начало Великому Сну Израиля. «С четырехсотого, приблизительно, по двухсотый год Израиль, казалось, спал глубоким сном, и не без основания раввинская хронология сводит эти годы почти на нет»¹. Этот сон являл собой необыкновенный феномен в истории. История знала большие и малые царства, сильные и слабые, существовавшие долгие столетия и промелькнувшие в истории всего лишь на несколько лет. Знала царства, оставившие глубокий след в витии культуры или воинского искусства, прославившиеся своей жестокостью или безли-

¹ Ренан Э. История Израильского народа, М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. С. 590.

костью, но Уснувшего царства история больше не знала. Народа, который на протяжении веков существовал и не существовал одновременно, созидал и не созидал, воевал и не воевал, строил и не строил, писал и не писал. Это был Необыкновенный Духовный Летаргический Сон, который согласно уже последней книге Нового Завета — Книги Откровения — охватит своим смертельным дурманом почти весь христианский мир и который озаглавлен как Лаодикийский. Но чтобы понять причину сегодняшнего Лаодикийского сна, необходимо исследовать Книгу пророка Малахии, раскрывающей его пленительные чары. Итак, в 536 г. до х. э. первые иудеи стали возвращаться из Вавилонского плена назад в Палестину. Это было началом великого воодушевления народа, который воочию увидел гибель Вавилона, предсказанную Богом, и свое возвращение на родину, предсказанное Им. А если исполнились эти пророчества, как верили люди, то вскоре получат свое исполнение и другие Божьи предсказания, говорящие о том, что Иудея станет самым процветающим и великим царством на земле, куда за поиском мудрости будут приходить все народы. Шло время, и, несмотря на многочисленные попытки врагов Иудеи помешать им, народ вернулся в Палестину, практически отстроил Иерусалим, и самое главное — Храм, который символизировал зримое присутствие Бога среди народа. Казалось, что вот теперь должны исполниться великие Божьи обетования о величии Иудеи и становлении ее центральной державой мира. Но... этого не произошло. Жизнь вернувшихся иудеев не сделалась легкой. Иудея по-прежнему входила в состав Мидо-Персидской державы, управляясь иноземными чиновниками и платя дань, которая составляла в год более 100 талантов серебра, в то время как один талант соответствовал около 40 кг, а точнее 38, 88 кг¹. История нам сохранила сотни сосудов с клеймами Иудеи и наименованием имени ее наместника, доставленных в Персию. Сохранилось 108 официальных штампов сборщиков податей того времени в Иудее². Система государственных податей в Мидо-Персидской державе была установлена еще в 518 году до х. э. царем Дарием I. Для этого по его приказу вся земля была поделена на особые области — сатрапии, в которых была строго измерена их территория, пахотная земля и классифицирована по роду насаждений или по величине урожая³. Исходя из этого,

¹ Aharoni Y. Excavations at Ramat Rahel. The Biblical Archaeologist. New Haven Vol. 24. 1961. P. 98—118.

² Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М.: Наука, 1980. С. 193.

³ Геродот. История. М.: Ладомир, АСТ, 1999. Кн. 6, §42. С. 363.

все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные подати серебром, установленные с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности на основе среднего урожая за несколько лет, в соответствии с кадастрами (нормативами) по отдельным областям¹. Стоит отметить, что подати, установленные Дарием, были умеренными, однако произвол провинциальных чиновников разорял налогоплательщиков². К тому же, если во дни Дария и его ближайших преемников Мидо-Персидская держава находилась в апогее своего могущества, то ко времени Малахии некогда великая империя Кира и Дария твердо уже вступила в полосу глубокого упадка, который ей уже не суждено будет преодолеть. Неудачные, но многочисленные войны, которые вела Мидо-Персидская держава, страшным бременем ложилась на ее провинции, буквально разоряя их. «На положении налогоплательщика отрицательно сказывалось и то, что для уплаты денежных податей приходилось занимать деньги под залог недвижимого имущества или членов семьи... в Иудее многие занимали серебро для уплаты царских податей, отдавая своих сыновей и дочерей в рабство. Жители Иудеи жаловались, что они не имеют возможности выкупить своих детей из рабства, а также виноградники и поля у кредиторов. Подати шли на содержание армии, администрации и царского двора. Создание большого административного аппарата, который... паразитировал на труде земледельцев и ремесленников, раздача земли... персидской знати и царским воинам, денежные подати и огромные расходы зерна на содержание гарнизонных войск... являлось причиной повышения цен на продукты питания»³. Кроме уплаты податей подданным приходилось отдавать своих детей, чтобы они выполняли домашние работы на персидских царей в качестве пекарей, поваров, виночерпиев, евнухов и т. д.⁴ Все это тяжелое бремя усиливалось страшными нашествиями саранчи, которые опустошали и без того небольшие урожаи на полях. Все это порождало все в больших и больших умах «обиду» на Бога: где же исполнение Его обещаний, где воплощение пророчеств о величии Иудеи? Люди не желали увидеть за всем этим какого-то Божьего знака, сигнала для них. Они хотели видеть лишь исполнение того, чего желали. Спустя века о таких людях апостол Иаков напишет: «Желае-

¹ Ehtecham M. L'Yran sous les Achemenides. Fribang. 1946. P. 97.

² Дандамаев. Указ. соч. С. 200.

³ Дандамаев, Луконин. Указ. соч. С. 201.

⁴ Там же. С. 201.

те — и не имеете; убиваете и завидуете — и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете — и не имеете, потому что не просите. Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4:2—3). И действительно, если Бог хотел величия Иудеи для того, чтобы явить всему миру мудрость Своего Закона, Своей любви, то иудеи желали видеть лишь воплощение своих амбиций, удовлетворение своих желаний. Мысли многих из них оставались еще в Вавилоне, чью культуру, философию они всосали с молоком матери. В мыслях они оставались в этом великом городе, будучи покоренными его величием и размахом. Многие из них вышли и одновременно не вышли из Вавилона. Так и сегодня многие люди, присоединяясь внешне к церкви, остаются душой в мире. Видя, как год за годом ситуация не меняется, народ постепенно начинает терять надежду на скорое Пришествие Бога, надежду на исполнение Божьих обетований и пророчеств. «Новое поколение разуверилось в предсказаниях... они больше не верят в избранничество Израиля. Этот духовный кризис можно сравнить с тем, какой охватил Церковь в конце первохристианской эпохи. Ожидание со дня на день Второе Пришествие не наступало. Приходилось признать, что оно отодвигается на неопределенное будущее. Нужно было перестраиваться и начинать жить по-новому... Церковь устала жить в напряженном ожидании»¹. Продолжая свой анализ этого кризиса, известный православный богослов А. Мень пишет далее, что именно для того, чтобы справиться с этой ситуацией, и появились отцы Церкви, которые и охладили апокалипсические чаяния и якобы ответили на вопрос, как жить по Евангелию сегодня вне зависимости от конца мира. Так понятие надежды и ожидания на скорое Второе Пришествие Христа было отделено от понятия повседневной веры, и это страшно! Ибо вера, не основанная на надежде на скорое Пришествие, на осознании своей ответственности, в связи с этим, проповеди Евангелия как главного поручения Христа Своей Церкви, не может быть живой верой. Необыкновенный успех первохристианской Церкви как раз и состоял в том, что каждый из верующих был миссионером, человеком, который на первое место в своей жизни ставил проповедь Евангелия, понимая, что только оно способно приготовить людей ко Второму Пришествию Христа, способно решить их жизненные проблемы, способно даровать им надежду, которой так часто не хватает. В то время каждый

¹ Мень А. История религии. В 7 т. М.: Слово, 1992. Т. 5. С. 307.

христианин был миссионером¹. Именно благодаря этому, в считанные годы весть о Христе распространилась среди десятков народов необъятного Римского государства. Эта весть надежды, основанная на скором Пришествии Христа, перевернула сознание Древнего мира. Она явилась живой струей для прогнившего и развращенного античного мира, струей, смывающей его пороки и извращения. Сила этой надежды была столь велика, что ее не могли остановить ни страшные гонения римских императоров на христиан, заливавших их кровью стены амфитеатров, ни оккультные религии Востока, ни утонченная человеческая философия. «Но животворящая Евангельская проповедь первых двух веков истории церкви стала тускнеть к началу 4 века Х. Э., времени правления императора Константина. Христианство стало государственной религией и церкви заполнились номинальными христианами, которых мало интересовали духовные вопросы, а больше политика и общественный престиж. Христианство стало модным. Простые домашние церкви сменились сложными сооружениями»², а простая проповедь великих истин Христа — проповедь о вере, любви, соблюдении Божьего Закона — сменились мертвым богословием и отвлеченными диспутами на духовные темы, совершенно непонятные и далекие от подавляющего большинства христиан. Так, потеряв надежду на Второе Пришествие, христиане из действительно христиан превратились в прихожан. Таковы были плоды охлаждения надежды, в чем заслугу православные исследователи видят в отцах Церкви. Но на деле это была не заслуга, а трагедия, как мы увидели выше. Через века к своим последователям Христос обращается все с теми же словами: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28: 19—20). Некоторые люди говорят: ну каков был смысл, что ученики так ожидали Второго Пришествия Христа, ведь Он все равно не вернулся в их время? Зачем Его, предположим, нужно было ожидать во дни Средневековья, не лучше ли просто жить так называемой обычной христианской жизнью, не строя ее на близком Пришествии Христа? Да, во дни апостолов Христос действительно не пришел, но ожидание этого пришествия изменило жизнь этих людей, их характеры, приоритеты, систему ценностей. Смерть же, согласно Библии, является сном, и по-

¹ Foxe J. Foxe's Christian Martyrs of the world. Chicago. Moody. n. d. P. 41.

² Такер Р. От Иерусалима до края земли. История миссионерского движения. Спб.: Мирт, 2001. С. 24.

этому, когда апостолы и христиане первых веков проснутся, первым, кого они увидят, будет вернувшийся во второй раз Христос. Для каждого умершего в последующие столетия первое событие, с которым он столкнется после восстания от сна, будет Второе Пришествие. И потому нет принципиальной разницы в этом смысле для тех, кто встретит Христа живыми или пробудившимися от смертного сна. Дело же будет заключаться в том, кто готовил себя к этому Пришествию, кто жил надеждой на него, кто успел приготовить себя к нему, а кто — нет! «Книга Малахии обращает внимание на определенные духовные проблемы, которые особенно характерны для давно основанных евангельских церквей и христиан со стажем. Годы делают свое. И хотя, может быть, эти люди начинали с большим желанием и рвением, как и евреи, которые, вернувшись из плена, стали восстанавливать храм, но прошло время с момента посвящения Христу, и у них, почти незаметно, появилась стойкая эрозия живой веры и духовного рвения. Неизменный круговорот повседневной жизни с ее проблемами и искушениями каким-то образом снизил духовную температуру. Способные рисковать юные «истинные ученики» стали теперь степенными столпами церкви. Пылкий молодой представитель христианского союза женился, обустроился и теперь занят домашним хозяйством. Преданная делу молодая медсестра так и не поехала на миссионерское поле, как хотела раньше. Нет ничего плохого в том, чтобы найти хорошую работу и удобное место жительства, но почему-то обедняется христианская жизнь. Легкий, почти беззаботный подход вкрадывается в нашу духовную жизнь. Все наши теологические представления уже сложились, и мы стали искусными в уклонении от требующих изменений проповедей, которые от случая к случаю слышим. Огонек духовного светильника едва мерцает, и, похоже, некоторых это приводит к цинизму и потере общения с живым Богом. Как и в случае с евреями, жившими во времена Малахии, в спокойные годы без особых потрясений, побуждающих нас прильнуть к Богу, наши мысли незаметно обращаются от духовных целей и сокровищ небесных к личному комфорту. «Мы будем использовать наш новый дом для Господа», — заявили мы. Но вера потерпела крушение, и поклонение стало формальным. Наше сердце отвратилось от этого. Мы стали безучастными. Все это мы уже слышали раньше. Мы стали равнодушными к посещению молитвенных собраний и, если честно признаться, к нашему личному общению с Богом, к молитве и чтению Библии. Мы все еще покупаем пособия для молитвенного изучения Священного Писания, но они непрочитан-

ными лежат на журнальном столике. Это безразличие может стать заразным. Поскольку мы чувствуем в многообразных, едва заметных проявлениях состояние духовной жизни других людей, оно передается и распространяется в собрании верующих, и церковь становится мертвой, формальной и, можно смело сказать, лицемерной. В чем заключается суть книги Малахии? Она затрагивает вопросы духовного вырождения, упадка веры. В этой книге показано, что Божий народ Израиль «стал на прикол», и Бог обличает его и обвиняет в духовном падении»¹. Так потеря надежды на скорое возвращение Бога стала первой на пути духовного сна Иудеи времен Малахии, ранней христианской церкви, современного христианства. К сожалению, это угасание живой надежды мы можем наблюдать и среди некоторых представителей Божьей церкви, само уже название которой образовано от слова *Adventus* — ожидание — указывает на главное ее предназначение в этом мире, проповедь о скором Пришествии Христа, проповедь Трехангельской вести о поклонении Богу, Божьем суде, духовном Вавилоне. Но не теряем ли мы порой в своей повседневной жизни это знамя проповеди Евангелия? Всегда ли своими делами и словом мы говорим о нашей надежде на скорое Пришествие Христа? Или мы, подобно остальному христианскому миру, теряем то, о чем так верно написал доктор Бентон в приведенной выше цитате. Спросим же себя, имеем ли мы надежду на скорое Второе Пришествие Христа, и как эта надежда реально воплощается в нашей повседневной жизни, в нашем свидетельствовании другим людям, ибо потеряв эту надежду, мы незримо для себя теряем и живую веру в Бога. Сегодня дьявол, как и во дни Малахии, через политические и социальные кризисы, суету этого мира, через других людей, говорящих «где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (2 Петра 3: 4) хочет в нас убить, усыпить эту надежду, свергнув нас в духовный сон. Мы помним Евангельские программы начала и середины 1990-х годов, когда тысячи людей откликнулись на призыв Христа и жили надеждой на Его скорое пришествие, но сегодня залы на Евангельских программах полупусты, а призыв «Господь грядет» в сердцах большинства людей сменяется вопросом, а придет ли Бог вообще?

Итак, задумаемся, надежда живет или спит в нашем сердце?

¹ Бентон Д. Потеря связи с живым Богом. Книга пророка Малахии. Харьков: И-е Д. Ф. Ткаченко, 2001. С. 14—15.

УСНУВШЕЕ ЦАРСТВО: УСНУВШАЯ ВЕРА

Потеряв надежду на скорое Пришествие Бога, потеряв вытекающую из нее главную свою миссию — проповедь Господней истины окружающим народам, к чему, собственно, и были призваны иудеи, они замкнулись в себе, положив начало религии законничества — религии законничества и фарисейства, которые спустя века будут обличать Христос. Религии, в которой нет места живой вере, а вместо нее — обряд, предписания, привычка. **«Религия, которую отправляют механическим образом и при помощи которой можно сделаться святым без всякого труда, худшая из всех религий»¹.** Чем дальше человек отходит от Христа, тем он больше желает быть святым в своих собственных глазах. Когда человек теряет правую веру, живое общение со Христом, он пытается заполнить этот духовный вакуум обрядами, делами. Он пытается «добрать святости» то ли становясь во имя этого вегетарианцем (вегетарианство — это хорошо, но если не воспринимается людьми как метод достижения спасения), то ли бичуя себя, чтобы умертвить плоть. Живой Бог превращается в образы и иконы, без которых люди уже не могут обращаться к Богу. Когда мы пишем письмо нашим родителям, детям, когда говорим с ними по телефону, то разве держим постоянно их фотографии перед собой? Нет, нам это не нужно, мы их для этого хорошо знаем. Но в религии формализма нет живой веры. Во времена Малахии «для многих повиновение происходило не из веры и любви, ими управляли эгоистические побуждения. Показное служение считалось средством достижения национального величия. Избранный народ не стал светом для мира, но отделился от него, чтобы оградить себя от идолопоклонства... В то же время из-за своих грехов иудеи все дальше отдалялись от Бога. Они не понимали глубокого духовного смысла, заложенного в их символическом служении. Считая себя праведными, они уповали только на свои дела, жертвы и обряды вместо того, чтобы полагаться на заслуги Того, Кто является реальностью всех прообразов. «Так, «усиливаясь поставить собственную праведность» (Рим. 10:3), они утверждали себя в формализме. Лишенные Духа и благодати Божьей они пытались возместить этот недостаток суровым соблюдением религиозных обрядов и ритуалов. Неудовлетворенные постановлениями, данными Самим Богом, они обременяли Божественные уставы бес-

¹ Ренан. Указ. соч. С. 591.

численными требованиями собственного изобретения. Чем дальше они удалялись от Бога, тем строже старались исполнять эти формальности. Соблюдать закон со всеми этими мелочными и докучными требованиями было практически невозможно. Великие принципы праведности, выраженные в Десятисловиях, и славные истины, сокрытые в прообразном служении, также были затуманены и похоронены под грудой выдуманных человеком традиций и постановлений. Те, кто действительно желал служить Богу и старался исполнять весь закон так, как это нравилось священникам и начальникам, стонали под тяжелым бременем. Как нация израильский народ ожидал пришествия Мессии, но в своем сердце и жизни они так далеко ушли от Бога, что утратили всякое истинное понятие о сущности и миссии обетованного Искупителя. Вместо того чтобы стремиться освободиться от греха, предвкушать славу и мир святости, они мечтали избавиться от национальных врагов и восстановить свое былое могущество. Они ожидали Мессию как победителя, Который придет, чтобы сокрушить всякое ярмо и возвеличить Израиль над всеми остальными народами. Вот так преуспел сатана в приготовлении сердца этого народа для отвержения Спасителя, когда Тот придет. Гордость и ложное представление о Его сущности и Его цели помешали им в свое время по достоинству оценить доказательство Его мессианства. Более тысячи лет иудейский народ ожидал пришествия обетованного Спасителя. Их самые лучшие и светлые надежды покоились на этом событии. В течение тысячи лет они вспоминали Его имя в гимнах, пророчествах, храмовом служении и домашних молитвах, и все же, когда Он пришел, они не признали в Нем долгожданного Мессию. Он «пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11). Для их любящих мир сердец, Возлюбленный неба был «как росток из сухой земли». В их глазах Он не имел «ни вида, ни величия», они не разглядели в Нем той красоты, которую должны были увидеть (Ис. 53:2). Вся жизнь Иисуса из Назарета среди иудейского народа являлась упреком их эгоизму, проявившемуся в нежелании признать законные требования Владельца виноградника, над которым они были поставлены сторожами. Они ненавидели Иисуса за Его верность и благочестие, и когда настал час последнего испытания, решающего — жить ли им вечно, в случае повиновения, или умереть, в случае неповиновения, они отвергли Святого Израилева и взяли на себя ответственность за Его распятие на Голгофском кресте»¹. Религия самосвятости всегда приводит к выискиванию гре-

¹ Уайт Е. Пророки и цари. Заокский: Источник жизни. С. 446—447.

хов и недостатков других людей, взаимной слежке, подсматриванию за личной жизнью, расцветом двойных стандартов. И первыми, кто духовно гибнет из-за этого, являются дети таких верующих родителей. Видя своих родителей в храме, поющими псалмы, говорящими красивые слова о Боге и истине, а дома наблюдая за их формальным выполнением Закона, сплетнями и пересудами, потаканием тайным грехам, дети приучаются к лицемерию, которое внутренне опустошает их и приводит рано или поздно к уходу из церкви, или превращению в таких же формально верующих людей. Эта формальная вера, уснувшая вера привела в конце концов к тому, что народ, призванный встретить Христа и внешне ожидавший Его Пришествия, распял Его. Религия обряда будет царить и в эпоху Средневековья, явив миру свое страшное обличье в виде костров инквизиции и крестовых походов. Формализм фарисеев и законников, их надменность и самоправедность расцвели красными языками костров во дни папского деспотизма. Уснувшая надежда усыпляет и веру, а уснувшая вера усыпляет любовь, превращая человека, недавно верующего, в конце концов, в фанатика или формалиста. Израиль времен Малахии усыпил свою надежду, свою веру и, наконец, любовь.

Глава 3

УСНУВШЕЕ ЦАРСТВО: УСНУВШАЯ ЛЮБОВЬ

«Все давилось, теснилось. Поэзия, философия, наука — все было задушено»¹. Народ, который был призван стать светом для других народов, оставался для них неизвестным. «Работа, производившая в Иерусалиме, совершалась в тайне; лучшие глаза в мире не могли бы ее заметить. Геродот и географы не знали о ней ничего»². Это время Израильской истории (с 400 по 180 г. до х. э.) остается совершенно неизвестным их современникам. Великий историк того времени Геродот, оставивший подробнейшую историю, практически ничего не пишет об Иудее. Истина, которая была призвана открыть миру Божью любовь, была похоронена иудеями, замкнувшись в самих себе. Но тот мирок, который они создали внутри самих себя, был настолько жесток, подозрителен и лицемерен, что началась эмиграция Иудейского народа из Палестины. «Эмиграция происходила в больших раз-

¹ Ренан. Указ. соч. С. 590.

² Ренан. Указ. соч. С. 591.

мерах. Все, кто не мог бежать из Иерусалима, оступели, сделались хитрыми, лицемерными, злыми»¹. Измученные фальшью, постоянным подсматриванием друг за другом, формальными обрядами, не приносящими и не могущими принести ни мира, ни радости, заставляли многих бежать из обетованной земли, которая превратилась для них, или, точнее, которую превратили они для себя в духовную тюрьму. Но от себя человек убежать не может, и то ощущение свободы, которое они вначале чувствовали вне Иерусалима с его формальной, но жесткой священнической властью, вскоре проходило, и они превращались просто в мирских людей. Сегодня мы также видим огромный процент ухода из церкви молодежи, особенно из староверующих семей, многие из которых предпочитают бежать в чужие страны к чужим народам, желая избавиться от религиозного гнета и обрести, как им кажется, свободу. Эта проблема крушения внешне глубоковерующих семей, прекрасно отображена в романе великого американского писателя Теодора Драйзера «Оплот», молодые герои которого также искали свободы от религиозного давления родителей, но свободу может дать только Христос. Она начинается внутри нас с изменением нашего характера и не зависит от внешних обстоятельств. Проще всего кивать на родителей, устои в общине, друзей. Да, все это играет определенную роль, но Бог дал человеку свободу выбора, и ни один человек не погибнет из-за другого. Потеря надежды, потеря веры бросает людей, подобно маятнику, к разгулу, а что еще более часто, к удивительному их сочетанию, вроде бы совершенно несовместимых вещей. Обращаясь к фарисеям, этому «продукту», начало создания которого было положено во дни Малахии, Христос одновременно обвиняет их в формализме выполнения Закона, а с другой — в его грубейшем попрании. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены

¹ Ренан. Указ. соч. С. 590.

лицемерия и беззакония» (Мф. 23:23—28). Так и во дни Малахии те же самые люди, которые так формально и лицемерно ратовали за соблюдение религиозных норм, бросали своих жен и женились на молодых. «Иудейский народ того времени был обидчивым, чувствительным ко всякой насмешке и жестоким, когда ему казалось, что над ним смеются. Болезненно самолюбивые, они на всякую шутку отвечают ненавистью; честолюбие их мелкое, они не мечтают быть сатрапами, но устраиваются так, чтобы быть в милости у сатрапов»¹. Так Иудея вступила в полосу глубокого духовного, экономического, культурного и социального ступора. Вступила в полосу глубокого сна, будучи удовлетворена собой, своей святостью, делами, близостью к Богу. Они ни в чем не чувствовали нужды, они были нищи духовными богатствами, слепы к своим ошибкам и духовно наги, будучи одеты в лохмотья своей праведности. Как это напоминает наше время и Божественный глас, обращенный к Лаодикийской церкви «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть» (Откр. 3:14—18). И вот для того, чтобы пробудить народ этого уснувшего царства, царства, в котором уснули надежда, вера и любовь к истинному богопоклонению, Господь призывает пророка Малахию.

Глава 4

БЕДА: РЕЗУЛЬТАТ ИЛИ ПРИЧИНА?

Книга пророка Малахии в отличие от других библейских книг написана в очень необычной форме, форме диалога между пророком и израильским народом. Так, каждую их шести речей Малахия начинает со слов обвинения народа в отступничестве, затем следует, как бы, возражение на это самого народа, после чего пророк приводит доказательства в пользу своего обвинения. Это придает книге необычайную живость, позволяя читателю,

¹ Ренан. Указ. соч. С. 592.

как бы, участвовать в диалоге с пророком. Уже первые фразы вести, обращенной Малахией к народу, заставили людей прислушаться к словам этого молодого человека. «Пророческое слово Господа к Израилю через Малахию» (Мал. 1:1). Переведенное здесь как «пророческое слово» в еврейском оригинале обозначает понятие, что значит дословно бремя, тяжесть, огорчение (по-еврейски — масса). На протяжении почти всей ветхозаветной истории, вплоть до пророка Иеремии, этим словом обозначались лишь пророческие вести, обращенные против языческих народов, и только позднее им стали обозначать и вести, обращенные к Божьему народу. Таким образом, уже с первых слов своей проповеди Малахия возлагает бремя обличений на народ, отступивший от Бога. Фраза о том, что пророческое слово дано именно через Малахию, также примечательна. Ибо обыкновенно обличения и назидания произносили священники и старейшины народа, но здесь весть дана через Малахию, т. е. «Моего (Божьего) вестника», т. е. дана непосредственно от Самого Бога. Вместе с тем сама весть начинается не с обвинения, а с напоминания: «Я возлюбил вас, говорит Господь» (Мал. 1:2). Это не общие слова о любви к человечеству вообще, это личные слова о любви Бога к Израильскому народу. Сегодня, как никогда ранее, очень много в проповедях, теле- и радиопрограммах, книгах говорится о любви Божьей. Это самая популярная тема современного христианства, которую несут все без исключения конфессии. И это, с одной стороны, прекрасно, а с другой – создает две очень важные проблемы. Во-первых, сегодня, к сожалению, проповедуется такая беспринципная «всепотакающая» любовь Бога к людям. Вы все можете делать, жить как угодно, падать сколько угодно — Бог все равно вас любит и примет, уверяет большинство проповедников большинства конфессий. Они уподобляют Бога родителям, которые слепо любят своих детей, потакают всем, даже их самым эгоистичным желаниям. Но истинная цель Бога — спасти и изменить человека, подготовить его характер к вечности, а не привести человека к гибели, сделав из него эгоиста. Во-вторых, проповедью о такой всепотакающей любви эти проповедники не говорят о Боге, как о Судье, уверяя, что Бог вообще никого не наказывает, а делает все это дьявол. Но суды над допотопным миром, Содомом и Гоморрой, Вавилоном — это Божьи суды, суды справедливые, суды над теми, кто сознательно отверг Его, поправ Десятисловный Закон. Но это именно Божьи суды. И в конце времени Бог будет судить людей и этот суд по Библии уже идет с 1844 года. Но дьявол очень не заинтересован, чтобы люди были готовы к суду, и потому он очень рад, когда широко

проповедуется о том, что Бог никого не осудит и всех простит. В-третьих, такая широкая проповедь о Божьей любви привела к тому, что сегодня это великое понятие стало для огромного числа людей какой-то «шаблонной» фразой, за которой кроме красивых слов ничего не стоит. Это понятие ассоциируется для большинства людей с понятием любви Бога к человечеству, а не лично ко мне! Сегодня, пожалуй, все верующие скажут, что Бог любит человечество, но могут ли они сказать, что Бог любит конкретно их? Огромное количество проблем как раз возникает из-за того, что люди не уверены в том, что их, именно их, любит Бог. Не уверены, потому что не знают Бога лично, потому что не поклоняются Ему так, как говорится в Библии, не общаются так, как учит Писание. Каждый знает, как много в молодости значили для него слова: «Я люблю тебя». Они окрыляли, давали силы, вселяли уверенность, помогали переносить любое горе и испытание. В то же самое время как бывали мы опустошены, когда нам говорили: «Я не люблю тебя». И вот наш Небесный Отец сегодня уверяет нас через Малахию, что Он любит нас. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). Заметим, чтобы не погиб всякий, каждый верующий, то есть и вы, и я, читатель. Бог очень любит лично каждого из нас, сочувствует нам, принимает нас такими, какие мы есть, дает силы для исправления характера и решения наших нужд и проблем. Но в ответ на это утверждение следует вопрос слушателей Малахии: «В чем явил Ты любовь к нам?» Ранее мы уже говорили о том, что во дни Малахии Иудея испытывала весьма сложное социально-экономическое положение, а главное те обетования, которые Бог обещал исполнить по их возвращении из Вавилона в Палестину, так и остались невыполненными. Сегодня также многие люди, в том числе и верующие, задают Богу, если не прямо, то в глубине души тот же вопрос: «Мы пришли к Тебе, приняли крещение, а проблемы у нас остались. Мало платят, не на что учиться, плохое отношение начальника на работе, недоразумения в семье. Где же исполнение Твоих обещаний?» Однако, если бы народ того времени или мы сами задумались, то мы бы увидели, что большинство бед нашей жизни являются результатом нашего неповиновения Богу. Беда — это не причина наших несчастий, это результат нашего неповиновения. Безусловно, бывают особые Божьи испытания (как, например, у Иова), которые Господь допускает в жизни человека, то ли для свидетельства веры другим людям (как в дни первоапостольской церкви), то ли для очищения. Но все же большин-

ство проблем вызываем мы сами своей гордостью, эгоизмом, упрямством. И вот, отвечая на вопрос израильтян о том, в чем Бог явил к ним любовь, Сам Господь отвечает: «Не брат ли Исав Иакову? говорит Господь; и однако же Я возлюбил Иакова» (Мал. 1: 2). «А Исава возненавидел и предал горы его опустошению, и владения его — шакалам пустыни. Если Едом скажет: мы разорены, но мы восстановим разрушенное, то Господь Саваоф говорит: они построят, а Я разрушу, и прозовут их областью нечестивою, народом, на который Господь прогневался навсегда. И увидят это глаза ваши, и вы скажете: «возвеличился Господь над пределами Израиля!» (Мал. 1: 3—5). В этих словах Бог напоминает иудеям хорошо знакомую им историю из жизни древнего патриарха Исаака, у которого было два сына — старший Исав и младший Иаков; и если последний, несмотря на многие отрицательные стороны своего характера, шел за Богом, посвятив, в конечном счете, Ему свою жизнь, то Исав так и остался мирским человеком, не имевшим интереса к Истине и продавшим Божьи благословения за чечевичную похлебку. Причина Божьего предпочтения Иакова Исаву состоит не в предопределении, как учат некоторые церкви, а в отношении этих братьев к Богу, к Истине. Бог избирает Иакова, хотя по праву рождения, должен был быть избран Исав. Употребленное здесь слово «возненавидел» по отношению к Исаву для древних евреев имело не совсем то значение, которое мы вкладываем в него сегодня. В древности ненавидеть кого-либо означало не иметь с ним каких-либо отношений на основе любви. Бог проявил к ним Свою любовь на протяжении долгих столетий в течение почти 1400 лет (от Иакова до Малахии), ведя и храня их. Во-вторых, Он призывает направить их взоры на Юг и посмотреть, что стало с царством Исава — Эдомом. Как и Израиль, Эдом понес за свой грех Божий Суд в виде вражеских нашествий. Но если Израиль после вавилонского плена вернулся на свою землю и отстроил свои города, то земля Эдома и его народ постигла страшная участь, которую они, впрочем, избрали себе сами. И до сих пор остатки этого злоеца царства, Петра, столица которого, будто бы парила над землей, вселяют трепет в каждого, кто оказывался у кровавых ступеней Петры, к которым мы и отправимся в следующей главе.

КРОВАВЫЕ СТУПЕНИ К СОЛНЦУ

Противостояние между сыновьями патриарха Исаака было столь велико, что они уже не могли жить вместе, и тогда Исав решил откочевать со своим семейством и слугами на юг. После долгого путешествия перед их взором возвысилась величественная горная гряда, в которой они обнаружили небольшой узкий проход. Устремившись в этот проход, они, петляя по нему, вышли, наконец, на самое плато горы, с которой открывался величественный вид на расстилающиеся равнины. Увидев это, они поняли, что лучшего места для строительства города не найти. И тогда они начинают воздвигать город, который спустя некоторое время получит название Петра — город в скалах. Петра была поистине необыкновенным городом. Да, на нашей земле за ее долгую историю существовали великие города: Афины, Мемфис, Вавилон, Ниневия, Фивы, но Петра принципиальным образом отличалась от всех других городов нашей земли. И главным, принципиальным ее отличием было то, что практически все ее дома, дворцы, храмы были выбиты в цельной скале, проникая вглубь скальной породы на 5, 10, 15, 26 метров! Цвет этих скальных пород, из которых были вырублены дворцы и храмы Петры, имел красновато-розоватый оттенок и потому, когда поднималось солнце и освещало город своими лучами, он производил поистине фантастическое впечатление. Недаром древние путешественники и ученые, посещавшие Петру, говорили о том, что не может быть, чтобы такой город был построен человеческими руками. Нет, это только великие боги и герои могли воздвигнуть высоко в скалах, внутри самих скал этот сказочный город. И если бы мы сегодня могли перенестись в Петру тех далеких времен, то, безусловно, она поразила бы нас своей красотой и великолепием. Но если бы мы стали ближе знакомиться с обычаями и жизнью этого города, то наш первоначальный восторг уступил бы место сначала удивлению, а затем и ужасу от того, что мы узнали бы. Но первое, что удивило бы нас, так это то, на что существовала древняя Петра, какие были статьи дохода Эдомского царства. Первой из этих статей были хищнические нападения на окрестные народы. Жители Эдома не любили открыто объявлять войны и вести боевые действия, свои военные акции они проводили под покровом ночи или в виде «простых» разбойничьих набегов, захватывая добычу и возвращаясь с ней под прикрытием неприступных скал Петры. Второй статьей до-

ходов древнего Эдома был угон людей в рабство. В те времена работорговля была одним из самых ощутимых источников дохода, и потому именно на нее делали основную ставку правители этого государства. Третьей статьей дохода была перепродажа людей. Благодаря своему выгодному географическому положению Эдом находился на пересечении путей, ведущих из Египта в Вавилон и из Аравии в Финикию. Пользуясь этим, правители Эдома создают в своей столице один из самых больших в древнем мире рабовладельческий рынок. Стены домов и храмов Петры помнят слезы тысячелетней трагедии, когда мать могла быть продана в Вавилон, а ее ребенок — в Египет. Петра богатела, наживаясь на слезах и страданиях других людей. Четвертой статьей дохода Петры был сбор пошлин с купеческих караванов. Мы уже отметили, что Петра располагалась в очень выгодном географическом месте, и потому служила неотъемлемым транзитом для сотен и сотен купеческих караванов, взывая с них подать как за право торговли, так и за ночлег. Пятая же статья дохода этого скального царства была весьма своеобразной. Предположим, купеческий караван к вечеру подходил к воротам города. Заплатив положенную подать, купцы шли на ночлег, а рано поутру отправлялись из города в свой дальнейший путь. Но стоило им немного отойти от Петры, как на них совершали нападение какие-то неизвестные разбойники, грабящие их. При этом купцы и не предполагали, что этими разбойниками были вчерашние стражники Петры, стоявшие в воротах и взывавшие с них подать. Не предполагали они и того, что послали их под видом разбойников сами правители Эдома. Таким образом, древнее царство дважды обирало купцов: в первый раз официально взывая с них подать, а второй раз, грабя их под видом разбойников. Эдомское царство само практически ничего не производило, оно жило за счет грабежа и насилия, ведя паразитарный образ жизни. Недаром в истории его часто именуют государством пиратов, Пиратским царством. Но еще более ошеломила бы нас, если бы мы попали в Эдом тех лет, его страшная религия. Подавляющее большинство сооружений ЭДОМА относится к Древней истории и Библейским временам. Одно из них пользуется особой известностью, благодаря своей глубокой древности, восходящей к идумейскому господству. Этим памятником является алтарь, расположенный на вершине Зибби-Аттуф, господствующей над Петрой. Развалины этого самого старого святилища были обнаружены англичанином Робинсоном в 1900 году на самой высокой скале, куда вели крутые ступени, заканчивающиеся у площадки, углубленной в скалу. Выше имелась еще одна площадка,

где в древности находился огромный алтарь, на котором приносились страшные людские жертвы. Древние инженеры продумали все до тонкостей, вплоть до желобов, по которым стекала человеческая кровь. Красный цвет скальных пород, из которых вырублены и алтарь, и лестница, и дома словно бы вопиет к нам, далеким потомкам, о нескончаемой трагедии, которой сопровождалась древняя история этого места, о потоках крови, которые словно бы окрасили все в древней столице в красный цвет. Этот алтарь был местом поклонения богу солнца, «который на протяжении многих веков бросал вызов истинному Богу... Красные ступени Петры ... остаются символами дьявольского, преисполненного страстями поклонения, которое вызвало одно из самых решительных и серьезных пророчеств». Все те, кому доводилось видеть эти страшные алтари, надолго сохраняли жуткое впечатление от этого места. Вот как его описывает один из известных английских путешественников середины 20 века Мортон Генри: «Мое собственное ощущение — в Петре есть нечто смутное и зловещее. Проходишь по призракам красных лестниц, ведущим к громогласным над головами утесам, видишь ступени... вырезанные в откосах гор — они теряются в хаосе обрушившихся камней и возникают снова, чтобы вести вверх, прокладывая призрачный красный путь на «Высоты Ваала». Мне странно слышать, что кто-то рассматривает Петру... как диковинку, потому что для моего склада ума это место по сей день излучает энергию Ваала. Над ущельем я нашел главное возвышенное место. Верхушка горы выровнена, в скале вырезан бассейн для омытия жертв. Два отдельно стоящих внушительных обелиска взирают на... алтари — один алтарь заклания жертв, а другой для сожжения. Это возвышенное место так хорошо сохранилось, его назначение так ясно, что если бы жрецы Петры могли вернуться и устроить оргию при свете Луны, они бы и не узнали, что тень веков уже легла на их алтари»¹. Вдумаемся в этот факт, что на протяжении более 1000 лет ежедневно на алтарях Петры приносился в жертву хотя бы один человек. На протяжении 1000 лет по красным ступеням гигантской лестницы столицы Эдома в сопровождении жрецов поднималась очередная жертва, прекрасно осознавая, что с каждой ступенью, с каждым лестничным пролетом она поднимается навстречу своей страшной гибели. И пока обреченный под звуки барабанов медленно восходил на алтарь смерти, у подножия лестницы уже толпились сотни воз-

¹ Мортон Г. Святая земля. Путешествия по Библейским местам. М.: ЭКСМО, Спб.: Мидгард, 2007. С. 407.

бужденных жителей города в нетерпеливом религиозном экстазе ожидая того момента, когда со ступеней потечет кровь очередной жертвы, и когда победными исступленными возгласами можно будет огласить небо. Так шло на протяжении долгих столетий. Извратив представление о поклонении Богу, потеряв Самого Бога, все цивилизации древнего мира поклонялись демонам, доводя это свое поклонение до страшного садизма и извращения. И те жертвы животных, которые были установлены Богом, как символ искупления за грех, указывающие на грядущего Мессию, Христа, Который однажды придет в этот мир для искупления людей, превратились в жертвы задабривания богов, покупки спасения, а затем — в магические ритуалы, через которые надеялись получить силу убиваемых ими на алтаре людей. Гибель всей цивилизации Древнего мира — это следствие богоотступления, извращенного поклонения и представления о Боге. И Эдомское царство является одним из ярких иллюстраций этого постулата. На протяжении веков Господь обращался к эдомлянам с призывом покаяться, с призывом обратиться, но они все дальше и дальше отходили от Бога, попирая не просто Божественные, но и самые элементарные человеческие ценности. И тогда библейские пророчества, сказанные за много веков через вестников Господа, получили свое исполнение в жизни Эдома.

Библейские пророчества об Едоме

Книга Бытие

25 глава

23 текст: «Господь сказал ей: два племени во чреве твоём и два различных народа произойдут из утробы твоей; один делается сильнее другого, и больший будет служить меньшему».

Книга пророка Исаяи

34 глава

9 текст: «И превратятся реки в смолу, и прах его в серу, и будет земля его горящею смолою».

11 текст: «И завладеют ею пеликан и еж; и филин и ворон поселятся в ней, и протянут по ней вервь разорения и отвес уничтожения».

12 текст: «Никого не останется там из знатных ее, кого можно было бы призвать на царство, и все князья ее будут ничто».

13 текст: «И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником — твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов».

Книга пророка Иеремии

49 глава

10 текст: «А Я донага оберу Исава, открою потаенные места его и скрыться он не может. Истреблено будет племя его, и братья его и соседи его, и не будет его».

17 текст: «И будет Едом ужасом; всякий проходящий мимо, изумится и посвищит, смотря на все язвы его».

18 текст: «Как ниспровергнуты Содом и Гоморра и соседние города их, говорит Господь, так и там ни один человек не будет жить, и сын человеческий не остановится в нем».

Книга пророка Иезекииля

25 глава

13 текст: «За то, так говорит Господь Бог: простру руку Мою на Едома и истреблю у него людей и скот, и сделаю его пустынею; от Фемана до Дедана все падут от меча».

14 текст: «И совершу мщение Мое над Едомом рукою народа Моего Израиля; а они будут действовать в Идумее по Моему гневу и Моему негодованию, и узнают мщение Мое, говорит Господь Бог».

Книга пророка Амоса

9 глава

12 текст: «Чтобы они овладели остатком Едома и всеми народами, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие».

Книга пророка Авдия

1 глава

18 текст: «И дом Иакова будет огнем и дом Иосифа — пламенем, а дом Исава — соломою, зажгут его и истребят его, и никого не останется из дома Исава, ибо Господь сказал это».

19 текст: «И завладеют те, которые к югу горою Исава».

Выводы из пророчеств

1. Превосходство рода Иакова над родом Исава, который будет ему служить (Быт. 25:23).

2. Реки Едома лишатся воды (Ис. 34:9).

3. Из Едомского народа больше не произойдет ни одного царя (Ис. 34:12).

4. Население покинет город, там будут обитать звери (Ис. 34:13 — 15; Иерем. 49:18).

5. Народ идумейский будет полностью истреблен (Иерем. 49:10).

6. Изумление путников развалинам Едома (Иерем. 49:17).

7. Земля Едома станет пустыней (Ис. 34:9; Иезек. 25:13; 35:7).

8. Израиль станет хозяином в Едоме (Иезек. 25:14).

9. Остаток Едома войдет в состав Израиля (Ам. 9:12).

10. Племена с юга завладеют частью Едома и горой Сеир (гора Исава) — Авд. 1:19.

11. Кровавая история города (Иезек. 35:6).

Когда большинство из них было произнесено, то мало кто даже из иудеев, не говоря уже об эдомлянах, поверил им. Как может пасть Петра, эта неприступная столица, город в скалах, и город-скала одновременно?! Как могут высохнуть полноводные реки Едома и стать пустыней его плодородная земля?! Как может исчезнуть с лица земли целый народ и пресечься тысячелетняя царская династия?! Нет, все эти пророчества походят более на какую-то сказку. Так рассуждало подавляющее большинство эдомлян. Пока в конце VI в. до х. э. к Петре не подошли войска одного из аравийских царств, царства Дедан. После долгой осады Дедану удастся захватить неприступную столицу Едома¹. И тогда уже на собственном опыте идумеям было суждено познать, что значит стать рабами и жертвами, что значит подниматься по страшным красным ступеням к алтарям смерти. Ибо по тем самым ступеням, по которым еще недавно вели на смерть эдомляне, теперь уже вели их самих. И на тех самых алтарях, где они приносили в жертву своим ненасытным богам невинных людей, теперь повергали их самих. Древний библейский закон, провозглашающий «кто поднял меч, от меча и погибнет» получил свое полное исполнение в их жизни. Проходит менее ста лет господства Дедана в Петре, и к городу подступают новые полчища племени набатеев (кстати, родственных по Аврааму и эдомлянам и деданьянам). Вновь долгая осада, штурмы — и город в руках новых хозяев. И уже на алтари, возвышенные высоты возносят деданян в умилоствление богу солнца. Меняются хозяева, но страшный дух этого места, его страшная религия продолжает править в этой горной столице. В 106 году х. э. под скалы Петры подступают римские легионы императора Траяна. И вновь долгая осада, долгие неудачи римлян, уже начинающих проклинать неприступные утесы — стены этой твердыни — и, наконец, долгожданный момент победы, когда первые легионеры врываются в Петру. После этого городом попеременно владели... Византийская империя, Арабский халифат, крестоносцы, Османская империя, Иордания... И все эти долгие века лились слезы и кровь в этом месте, которые действительно будто бы все окрасили в этой древней столице в красный цвет. И, наконец, последним своеобразным аккордом страшной истории эдомского народа стала, безусловно, личность зловеще известного по библей-

¹ Грант М. История Древнего Израиля. М.: Терра, 1997. С. 203.

ской и всемирной истории царя Ирода «Великого», который по своему отцу Антипатру был эдомлянином. Часто его называют последним эдомлянином. И действительно, казалось, что все отрицательное, что было в этом древнем народе: его жестокость, разврат, алчность, лицемерие воплотились в личность этого зловещего правителя. Итак, если сегодня мы взглянем на физическую карту тех мест, где некогда располагалось Эдомское царство, то мы увидим, что от когда-то полноводных его рек не осталось и следа¹, и лишь вади (пересохшее русло) говорят о том, что здесь некогда была вода. Мы увидим, что на месте некогда плодородных земель лежат мертвые пески. Идумейский народ действительно прекратил свое существование и ушли в небытие истории царские династии Эдома². Города этого древнего царства разрушены и засыпаны песками, а его гордая столица заселена сегодня шакалами и филинами, ставшими хозяевами ее некогда величественных дворцов и храмов³. Да и сам этот город на протяжении почти семиста лет был полностью забыт историей и людьми, пока молодой английский путешественник и ученый Иоганн Людвиг Буркгардт не разбудил его от векового сна и открыл для современной науки. Иоганн Буркгардт родился в семье богатого швейцарского фабриканта в Лозанне 25 ноября 1784 года. Вскоре после этого семья переезжает в Базель, где располагается в специально построенном для них роскошном дворце, называемом «Вишневым сад». Маленький Иоганн получает прекрасное образование, но в связи с наполеоновскими войнами отец решает отправить сына в Лейпцигский университет, а затем для продолжения учебы в Геттинген. Однако победоносное шествие Наполеона по Европе приводит Иоганна по настоянию его отца в Англию, где его внимание привлекает Британская ассоциация для содействия открытия внутренних частей Африки. Грезивший с детства дальними путешествиями, Буркгардт находит в ней то, к чему он стремился всю свою юность. Для его родителей было большим ударом узнать, что их сын выбирает столь опасную профессию ученого-путешественника. В 1809 году начинается путешествие Буркгардта через Мальту, Сирию и Ливан в Аравию. Путешествие, которое сегодня происходит на прекрасных лайнерах и автомобилях, в те времена было сравнимо с поездкой в Афганистан или Ирак. Путешественника на каждой миле поджидали грабители, вооруженные арабские бедуины и лука-

¹ Физическая карта Ближнего Востока. Любое издание.

² Шифман И. Ш. Набатеяское государство и его культура. М.: Наука, 1976.

³ Герасимов О. Г. На ближневосточных перекрестках. М.: Наука, 1983. С. 129.

вые шейхи. Одним из заветных мечтаний Буркгардта было обнаружить знаменитую Библейскую Петру. Это желание особенно усилилось после того, как ему удалось найти несколько медных монет, на которых по-гречески было написано «Петра». Внимательно исследовав Библию и древних авторов по отношению места расположения Петры, Буркгардт, объяснив своим арабским проводникам, что хочет принести в жертву козу на одной из вершин горы Хор, где по Библейским и древним данным должна была находиться Петра. В своем дневнике Буркгардт оставил такую запись-размышление: «Другого такого перекрестка путей между Средиземным и Красным морями, между Суэцем и Вавилоном в этих краях нет. Древние — и Диодор, и Эратосфен, и Страбон — достаточно точно описывали местоположение Петры. Известно, что находится она в горном районе, среди высоких скал, до которых трудно добраться. По описаниям все сходится!¹ Буркгардт специально не стал раскрывать своего истинного намерения перед дикими бедуинами, которые подозревали, впрочем не без оснований, всех европейцев в том, что они хотят похитить сокровища древних царств, сокрытые в их землях. Именно поэтому они не допускали европейцев глубоко в свои земли и тем более к развалинам древних городов. Многим европейским путешественникам их любознательность стоила жизни. Это было хорошо известно Буркгардту, который поэтому вел себя весьма осторожно. И вот они с проводником медленно стали подходить к величественной горной цепи, возвышающейся над окружающей долиной. Подходивший к этим горам спустя сто лет другой путешественник Генри Мортон напишет: «Это были складчатые зубчатые горы темно-синего и пурпурного цветов, настолько голые и мертвые, словно служили границей чужого мира, горы настолько зловещие, что я был рад звуку коней по каменистой почве. Мы ехали минут 45, потом резко свернули направо и проскакали прямо к горам. Если бы кто-то посмотрел на нас со стороны и с некоторого расстояния, то он мог бы решить, что мы, словно призраки, исчезли в скале, потому что проход, ведущий к Петре — это расщелина в гигантской скале, местами настолько узкая, что, вытянув руки, можно коснуться разом обеих сторон... Ущелье, которое ведет к Петре, называется Эль-Сик. Ни один город в мире не защищен таким туннелем, ни к одному городу не ведет столь зловещий проход»². Представим же себе, что должен был ощущать Буркгардт, идущий, казалось,

¹ Путинцева Т. А. Следы ведут в пески Аравии. М.: Наука, 1986. С. 236.

² Мортон. Указ. соч. С. 394—395.

в небытие по этому узкому зловещему ущелью в сопровождении вооруженного фанатика-араба, зорко следившего за каждым его движением. «Прошли еще шагов триста. Ущелье чуть расширилось, и по его краю обнаружился глубокий овраг, отделивший тропу, по которой они шли, от отвесного склона горы. На дне его струился небольшой ручей. «Когда ручей зимой разливается, он, наверно, затопляет овраг, — решил Буркгардт, — а летом вода уходит в песок и гравий». Но что это? На берегах ручья виднеются остатки каменной облицовки, и кажется, этот каньон призван сам направлять поток воды. Ну, конечно же, дальше он пробит в скалах. Значит, здесь жили люди, которые пытались снабдить водой этот сухой горный участок и вместе с тем предотвратить затопление, если напор воды окажется слишком стремителен. Буркгардт восхитился делом рук человеческих, сумевших с таким искусством использовать скудные природные данные местности. Еще шагов через пятьдесят он увидел виадук, перекинутый между скалами. Наверху мелькнули развалины, глаза выхватили из полумрака ущелья большие ниши. «Такие ниши делают для статуй», — подумал Буркгардт.

— А что там, наверно? — спросил он. — Это еще не могила Гаруна?

— Нет. Там камни от старых домов и злые духи. Туда никому не подняться. Скалы отвесные. И духи не пускают. Впереди тоже камни. Целые дворцы. А Гарун дальше и выше. Успеть бы до заката, — сказал проводник и ускорил шаг.

Они шли по извилинам Эс-Сика, и количество ниш в скалах все возрастало. Ниши располагались порознь или по две-три вместе, состояли просто из углублений или были обрамлены с двух сторон короткими пилястрами. В некоторых нишах сохранились постаменты для статуй. Просвет между скалами все увеличивался. Буркгардт шел, спотыкаясь, не в силах оторваться от невероятного зрелища, которое открывалось по сторонам и там, наверху. Лепные украшения, пилоны, карнизы, низкие двери — все это связывалось воедино, образуя некие сооружения. Какие же? Может быть, гробницы? Святилища, алтари? На высоте примерно десяти футов он рассмотрел четыре обелиска. Похожи на египетские. К какому же времени они относятся? Ущелье еще больше расширилось, русло ручья соединилось здесь с другим, идущим с юга. Рассеялась и тьма, окутывавшая теснину. От яркого света Буркгардт на секунду зажмурился, а когда открыл глаза... прямо перед ним на фоне скалы возвышался храм, огромный, изумительно стройный, словно излучавший розовато-красный цвет песчаника, из которого храм был сделан,

и, наконец, его прекрасная сохранность — все было поразительно»¹. Буркгардт не мог оторваться от необыкновенного зрелища, которое являл этот величественный, как он решил, храм, выдолбленный из цельной монолитной скалы. «Далее распростерлась долина, густо усеянная развалинами дворцов, храмов, грудями камней, обломками колонн... на горных террасах, расположенных на разных уровнях, дома и храмы были выдолблены прямо в скалах»². Пораженный необыкновенным зрелищем города, вырубленного прямо в скалах, Буркгардт забыл о своем проводнике, который, между тем, уже с нескрываемой злобой взирал на европейца, открыто, наконец, обвинив его в том, что он хочет похитить древние сокровища. Уверения Буркгардта в том, что его лишь интересуют сами эти красивые здания и, безусловно, принесение в жертву козы, не только не успокоили араба, но еще более разозлили его. Понимая всю опасность своего положения Иоганн решил отступить от своего страстного желания продолжить исследование Петры и после принесения в жертву козы был вынужден покинуть этот необыкновенный город, точные координаты которого он нанес на карту, передав затем эти сведения в Европу, открыв тем самым для научного и общественного мира эту древнюю столицу Эдома. Последнее, как впрочем и другие исследования Буркгардта древних цивилизаций, еще более укрепила его веру в Бога. Он воочию увидел исполнение библейских пророчеств и тщету людских амбиций. И величественная кончина этого еще совсем молодого ученого говорит о том мире, что дал ему Бог. «Перед смертью все чаще он возвращается мыслями к родной Швейцарии. Газеты пишут — там голод, нужда. Швейцария покупает зерно у французов и итальянцев втридорога, а те везут его из Египта. В Александрийском порту он сам видел двести пятьдесят европейских судов, груженных пшеницей, ячменем, бобами, горохом, просом. Мухаммед Али лишь за пять месяцев этого года продал Европе полтора миллиона центнеров всякого зерна. 20 августа 1817 года Буркгардт посылает в Швейцарию чек на большую сумму и просит мать раздать деньги беднякам. «Это так ничтожно, — пишет он при этом, — что я даже не могу похвастаться тем, что сделал какое-то доброе дело, но все же если эта мелочь обратится в одежду, то она поможет многим семьям спокойнее пережить предстоящую зиму». Салт обещает написать портрет Буркгардта, о котором давно просит в письмах мать. «Ты думаешь, я очень

¹ Путинцева. Указ. соч. С. 237.

² Путинцева. Указ. соч. С. 239.

изменился, — пишет Буркгардт матери. — У меня только кожа потемнела, появились морщины да борода стала длиннее. Но я надеюсь, что когда сбрею бороду и сниму турецкий наряд, то буду выглядеть еще весьма презентабельно». Мать очень озабочена тем, что ее любимый сын остается одиноким, что он не подарит ей внуков. Вот и в последнем письме она пишет ему: «Неужели ты не встретил ни одной девушки, с которой был бы счастлив?...». Нет, такой девушки, с которой он мог бы быть счастлив, ему встретить не довелось. Надо ответить маме. И он пишет: «Счастливым брак — это, наверно, самый прекрасный цветок, который человек способен сорвать для собственного блага. Я сам не очень-то стремлюсь стать когда-либо отцом семейства, даже счастливым. Но когда я думаю о том, что среди многих сотен девушек и женщин, которых я видел в различных странах, едва ли найдется несколько, с которыми я мог бы жить счастливо, я и тогда не хочу играть в эту лотерею — в ней слишком мало выигрышных номеров, а проигрыш лишит меня навсегда спокойствия и довольства. Мне кажется, что турки и все восточные люди, вместе взятые, включая христиан и евреев в этих местах, много разумнее, чем мы». Он задумался. Конечно, в этих местах жених не видит невесты до свершения брака, зато узнает все подробности о ее характере. Когда нет любви, вероятность ошибки меньше. Прохладный ночной ветер залетел в комнату. С Нила донеслись заунывные звуки ребаба, страстное пение. Молодежь и здесь не скупилась на серенады. «Если бы еще эта музыка имела другой ладовый строй, я бы мог подумать, что я где-то в Швейцарии», — произнес он вслух и продолжал писать: «Ну а если бы и нашлась такая девушка, что толку? Еще неизвестно, признала ли бы она во мне сокровище, о котором мечтала. Ведь пока я один, мое плохое настроение, мое ворчание, моя мрачность портят жизнь мне одному, и я один за это расплачиваюсь». Длительное вынужденное бездействие, одиночество, горестные мысли измучили Иоганна куда больше, чем самые большие тяготы предыдущих путешествий. Все чаще задумывался он о своей жизни, ее свершениях и неудачах. 6 июля 1817 года он написал матери: «У меня нет никаких неприятностей, я знаю, что исполняю свой долг, и радостно взираю в будущее. Я готов и к хорошему и к плохому, что бы оно ни принесло мне, но во всех случаях надеюсь достигнуть одной цели — увидеть тебя в этой или иной жизни. Поверь мне, дорогая мама, что желание увидеть тебя неизмеримо больше, чем стремление к славе, почету и признанию, а твоя похвала много дороже, чем похвала толпы. Слава, если она когда-нибудь приходит, это пустое чувство, но беззаветная

любовь к матери и верность своему долгу в самых тяжелых жизненных ситуациях — это чувство, которое возвышает душу». В Каире снова чума. Мрачные предчувствия одолевают Иоганна. Какую бы диету, какой бы режим он себе ни устанавливал, прежние болезни продолжали мучить его. В октябре 1817 года, так и не дождавшись каравана, идущего к Нигеру и Тимбукту, Буркгардт свалился с тяжелой формой дизентерии. Около его постели поочередно дежурили Генри Салт и английский врач Ричардсон. Никакие средства не помогали. ... Иоганн Буркгардт попытался ободряюще улыбнуться, затем твердым голосом сказал консулу:

— Если я умру, вы получите у мистера Гамильтона двести пятьдесят фунтов, которые мне должна африканская Ассоциация, и двести тысяч пиастров, лежащие на моем счете в банке, и разделите эти деньги следующим образом: оплатите остаток суммы, причитающейся с меня за «Мемнона», две тысячи пиастров отдайте за Османа, того пленного шотландца, которого Мухаммед Али обещал мне отпустить на волю, четыреста подарите моему рабу — он будет свободен — и тысячу пошлите в Швейцарию для бедняков. Мою коллекцию восточных рукописей передайте Кембриджскому университету, а европейские книги возьмите себе. Все мои записи приведите в порядок и отправьте мистеру Гамильтону в Ассоциацию... Заверьте моих друзей в моем искреннем к ним расположении. Попросите мистера Гамильтона сообщить маме о моей смерти и сказать ей, что моя последняя мысль о ней. Он умолк, понимая, что наступает конец. Ни одной жалобы, ни одного стога Салт от него не услышал. В последнюю минуту Буркгардт дотянулся до руки консула и слабо пожал ее. Это случилось 17 октября 1817 года. Болезнь длилась всего пять дней. Тело Иоганна Буркгардта было погребено на мусульманском кладбище близ городских ворот Баб-эн-Наср, в северо-восточной части Каира, со всеми почестями, положенными шейху и хаджи. В 1871 году над его могилой был воздвигнут мраморный обелиск, на котором высечена арабская надпись: «Все смертны в этом мире. Здесь покоится прах досточтимого, милостью Аллаха призванного шейха Ибрагима, сына Абдаллаха Буркгардта из Лозанны. Рожден 10 мухаррама 1199 года. Окончил свои дни в Каире 6 зу-ль-хиджжа 1233 года. Год 1288. Велик Аллах милостивый и милосердный». Ему было всего тридцать три года, и при его жизни ничего из написанного им не было опубликовано. Лишь в 1819 году при содействии африканской Ассоциации начали выходить на английском языке его обширные труды: «Путешествие в Нубию», «Путешествие

в Аравию», «Путешествие по Сирии и Палестине», «О бедуинах и ваххабитах», «Арабские пословицы и поговорки». Почти одновременно все эти книги были изданы в Германии в переводе на немецкий язык. «Мало кто из путешественников, — писало о нем «Германское обозрение», — был наделен такой тонкой наблюдательностью, которая является природным даром и, как всякий талант, встречается очень редко. Он обладал особым чутьем, помогавшим ему распознавать истину даже в тех случаях, когда он не мог руководствоваться личными наблюдениями... Его пытливый ум, благодаря размышлениям и научным занятиям, зрелый не по возрасту, направляется прямо к цели и останавливается у нужного предела. Его всегда трезвые рассказы насыщены фактами, и тем не менее они читаются с бесконечным наслаждением. Он заставляет в них любить себя и как человека, и как ученого, и как превосходного наблюдателя»¹. Вскоре после смерти Буркгардта в Петру и на территорию бывшего Эдомского царства устремляются археологические экспедиции, в ходе которых были открыты многие тайны этих древних мест. Исследования этих земель проводили экспедиции Р. Дюссо и Ф. Маклера²; Р. Е. Брюннова и А. Домашевского³; А. Музиля⁴; А. Жоссена и Р. Савиньяка⁵; Г. Дальман⁶; Н. Глюком⁷; Ж. Старки⁸ Но Петра поражала ученых не только раскрытием тайн своей истории, но и тем, насколько полно нашли в ее истории место исполненные библейские пророчества. Один из археологов в своем дневнике оставил такую запись: «Хотелось бы, чтобы неверующий очутился на моем месте, среди развалин города в скалах, чтобы он открыл там Священную Книгу и прочел слова вдохновенного пророка, написанные еще в то время, когда этот заброшенный уголок земли был одним из величайших городов мира. Представляю, как ошеломлен будет недавний насмешник, как побледнеют его щеки, задрожат губы и в испуге забьется сердце, покуда разрушенный город будет кричать могучим и властным

¹ Путинцева. Указ. соч. С. 278—280.

² Dussand R., Macler F. Mission dans les regions desertiques de la Syrie Moyenne. Paris, 1903.

³ Brünnow R. E., Von Domaszewski A. Die Provincia Arabia. Bd. I—III. Strassburg, 1904—1909.

⁴ Musil A. Die Arabia Petraea. Bd. I—II. Wien, 1907—1908, Musil A. Arabia Deserta. Wien, 1927.

⁵ Jaussen A., Savignac R. Mission archeologique en Arabie. Paris, 1909.

⁶ Dalman G. Petra und ihre Felsheiligtümer. Leipzig, 1908.

⁷ Glueck N. The Other side of the Jordan. New Haven, 1940.

⁸ Starcky J. Petra et la Nabateue — «Supplement au Dictionnaire de la Bible». Vol. VII. Paris. 1961—1962.

голосом, словно восставший из мертвых. И пусть не верит он Моисею и пророкам, — невозможно не поверить почерку Самого Господа, запечатленному в этих заброшенных вечных руинах». Казалось, что благодаря своему географическому и политическому месту Эдом будет существовать вечно, но он отверг Бога и поклонение Ему, и потому Бог через Малахию недаром сказал: «Если Едом скажет: «мы разорены, но мы восстановим разрушенное», то Господь Саваоф говорит: они построят, а Я разрушу, и прозовут их областью нечестивою, народом, на который Господь прогневался навсегда. И увидят это глаза ваши, и вы скажете: «возвеличился Господь над пределами Израиля!» (Мал. 1:4—5). И сегодня потомки Иакова живы до сих пор и владеют, как и предсказывало пророчество, частью земель Эдома. В то время как племена с юга, т. е. арабы, завладели другой его частью. Страшные кровавые ступени к солнцу, восходя по которым, Эдом поклонялся своим богам, привели его к падению. Та дорога, которую он воспринимал как путь в небо, стала для него дорогой в ад, как крушением завершилась и вся история древнего мира, избравшего своих богов и свое поклонение. Какую дорогу, какой путь в своей жизни выберем мы, библейский путь богопоклонения или кровавые ступени богопоклонения Эдома?

Глава 6 НЕЧИСТЫЙ ХЛЕБ

Но если весть о грозных Божьих судах над Эдомом встретила радость на лицах иудеев, помнящих о тех бедствиях и напастях, которые им доставляли эдомляне, то последующие слова пророка вызвали в народе волнение, а во многих, особенно среди правителей и священников, гнев и возмущение. «Сын чтит отца и раб — господина своего; если Я отец, то где почтение ко Мне? и если Я Господь, то где благоговение предо Мною? говорит Господь Саваоф вам, священники, бесславящие имя Мое. Вы говорите: «чем мы бесславим имя Твое?» Вы приносите на жертвенник Мой нечистый хлеб, и говорите: «чем мы бесславим Тебя?» — Тем, что говорите: «трапеза Господня не стоит уважения». И когда приносите в жертву слепое, не худо ли это? или когда приносите хромоту и больное, не худо ли это? Поднеси это твоему князю; будет ли он доволен тобою и благосклонно ли примет тебя? говорит Господь Саваоф» (Мал. 1:6—8). Итак, пророк открыто обличил духовенство в отсутствии почтения, благоговения к Богу, Которого, по их словам, они беславили своим служением.

ем! Это обвинение было, вроде бы, неожиданным для священства и для народа. Ибо в отличие от языческих служений, служение у иудеев всегда отличалось особой торжественностью и благоговением. Величественный храм, лишенный языческой золотой мишуры и аляпистости, всегда поражал красотой своих пропорций и строгостью. Величественное неспешное служение священников и левитов, одетых в белоснежные одежды, подобно ангелам, величественные священнодействия жертвоприношений и исповедания грехов. Словом, все шло, вроде бы, точно так, как Бог заповедал непосредственно еще Моисею. И вот этот молодой пророк осмеливается говорить о том, что во всем этом нет ни почтения, ни благоговения пред Богом. Более того, все это бесславит Имя Господа. Да как он смеет, кто дал ему такое право? Мы можем только себе представить, какое возмущение, гнев, озлобление могли вызвать подобные слова. Малахия смело отвечает на гневный вопрос священства. Причем говорит не от своего имени, а от имени Бога, ибо таким служением священство оскорбляет не только его религиозные чувства, оно бесславит Самого Бога! «Вы приносите на жертвенник Мой нечистый хлеб, и говорите: «чем мы бесславим Тебя?» — Тем, что говорите: «трапеза Господня не стоит уважения». И когда приносите в жертву слепое, не худо ли это? или когда приносите хромое и больное, не худо ли это? Поднеси это твоему князю; будет ли он доволен тобою и благосклонно ли примет тебя? говорит Господь Саваоф» (Мал. 1:7—8). В основе богослужения древних иудеев лежала система жертвоприношений, которые указывали на грядущего Мессию, Который однажды придя в наш мир, отдаст Свою жизнь за грехи людей, пролив за них Свою кровь. Система жертвоприношений указывала израильтянам на то, что возмездие за грех — смерть. И потому перед тем, как принести животное в жертву, человек должен был исповедать свой грех, веруя, что он будет омыт грядущим Мессией. Ни одна другая религия мира не имела ничего подобного. В них вообще не было понятия греха как такового, а жертвы носили смысл задабривания богов. Система жертвоприношений в Израиле состояла из жертвы: ● за грех — приносимой, когда перед Богом согрешал кто-либо из народа (Лев. 4:27—35), все общество (Лев. 4:22—26), помазанный священник (Лев. 4:3—12), начальник (Лев. 4:22—26); ● жертвы всесожжения, которые приносились каждый день утром и вечером, как полное посвящение Богу и символ искупления (Лев. 6:9, 12). При этом в жертву должно было приноситься только лучшее из животных, которые были у народа (Лев. 1:3, 10, 14). ● жертвы повинности, которые приносились за сознательно сделанные грех (Лев. 5 гл.);

- мирные жертвы — символизирующие благодарность Богу;
- жертва хлебного приношения, во время которой на жертвеннике сожигалась мука, елей, зерно, крупа, как приятное благоухание Господу, отражая подчинение и зависимость, свидетельствуя о признании Бога Хозяином и обещании быть верным и послушным Ему. При этом, если приносился пресный хлеб, то он должен был быть приготовлен из самой лучшей муки, смешанной с елеем (Лев. 2:2—10). Особо указывалось, что хлебное приношение не должно быть квасное (Лев. 2:11). Ибо закваска — это символ греха (Лк. 12:1; 1 Кор. 5:8). Иногда под хлебом подразумевалась вообще всякая жертва (Лев. 21:6, Числ. 28:2). И вот Малахия обличает священников в том, что они отступили от Божьих предписаний в отношении жертвоприношений и приносят на жертвеннике нечистый хлеб, слепых, хромых и больных животных. Да, внешне все идет, вроде бы, как надо, но значение и символ служения полностью сведены к нулю этим святотатством. Более того, они вызывают проклятие от Бога. Ведь жертва — это то, что мы ценим, то, чем дорожим. Жертвой мы говорим о своей благодарности, уважении, почтении Богу. Принимая же у израильтян больных, хромых животных в дар Богу, священники способствовали формированию у людей неуважения к Богу, небрежности к Нему. Эти жертвы приносились по грубой народной поговорке «На Тебе Боже, что нам негоже». Это все равно, что, скажем, на день рождения человеку принести в подарок старую ненужную вещь. Да, подарок, вроде бы, есть, но что это за подарок? Таким отношением духовенство формировало у людей и формальное бездушное отношение к служению, сведя его просто к выполнению каких-то обрядов и форм, лишенных внутреннего смысла. Такое отношение формировало у народа и лицемерие в служении Богу. Ведь внешне все вроде бы идет, как положено, и голос совести постепенно заглушается. Такое отношение священников формировало у людей вообще презрительное отношение к Богопоклонению, ибо взирая, как духовенство принимает нечистые жертвы, как показывает всем своим видом, что это служение не стоит уважения, народ, видя, что за всем этим не следует немедленного наказания свыше, также начинает пренебрежительно относиться к поклонению Богу. Но почему духовенство, большая его часть, пошла на это? Во-первых, чтобы не обострять отношения с народом, на средства которого они существовали. Пусть приносят, что хотят, а то начнем требовать что-либо, и этого не получим и лишимся содержания. Народ любит духовенство, которое всегда льстит его слуху, а то, в свою очередь, тоже любит это делать, ибо так легче жить, чем обличать во гре-

хе людей и лишаться их благоволения и денег. А, во-вторых, и это главное, утратив живую связь с Богом, духовенство потеряло и понятие об истинном почтении и благоговении пред Богом. Еще через пророка Исаяю Господь говорил: «И сказал Господь: так как этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих» (Ис. 29:13). Сегодня эта проблема истинного почтения и благоговения пред Богом не менее актуальна, чем во дни Малахии. И в наши дни, как и в те древние времена, храмы изобилуют внешним великолепием, в них происходят торжественные служения, совершаемые духовенством, облаченным в величественные одежды. Благоухает елей, горят свечи, пред алтарями склоняются тысячи людей. И как, безусловно, были бы возмущены они, пояись сегодня такой пророк Малахия со своими обличительными речами! Не желая оскорбить ничьих религиозных чувств и базируясь только на Священном Писании, мы, к сожалению, увидим те же нарушения, что и во дни древнего пророка. Да, сегодня, в отличие от Ветхого Завета, хлеб и животные не приносятся в жертву, но само понятие жертвы Господу осталось. Апостол Павел пишет: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Римл. 12:1). Что же должно отличать такую жертву? Первое. Это святая жертва. Т. е. отделенная жертва, которая принадлежит ни тому, кто жертвует, а тому, кому жертвуют. По определению словаря В. Даля, жертва — это то, чего я лишаюсь безвозвратно. «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1 Кор. 6:19). Многие ли из современных людей, называющих себя верующими, готовы вручить свою жизнь Христу и следовать за Ним, куда бы Он ни повел. Второе. Жертвуют то, что дорого, что имеет ценность. Жертва — это отречение от своих выгод, утех¹. Жертва — это отречение от своих излюбленных идолов, кумиров. Во дни Малахии Иудея находилась под персидским владычеством, согласно обычаям которых для решения любого вопроса чиновнику или князю надо было дать подарок. И вот Малахия спрашивает и у иудеев, что если бы они поднесли ему такой дар, который они подносят Господу, в виде больных и хромых животных, то разве принял бы их князь благосклонно? Ответ напрашивался сам собою. Так часто и сегодня многие люди «князю» дают все, чтобы

¹ Даль. Указ. соч. Т. 1. С. 535.

он решил их проблему, а Богу по остаточному принципу. И потому спросим себя, а чем мы жертвуем Богу? Ибо дать при большом состоянии немного на храм или положить из толстого кошелька в руки нищей несколько медяков — это не жертва. Третье. Жертва должна приноситься добровольно, с радостью, а не с постным и унылым лицом и сердцем, исполненным самоправедностью. Четвертое — это живая жертва, т. е. жертва, приносящая плоды. Плоды покаяния, праведности, любви. Именно эти плоды должны отличать жизнь верующего (Гал. 5:22). Пятое — это благоугодная жертва, т. е. творящая добро, а не просто жертва обряда или ритуала. Шестое. Истинная жертва приносится для служения, служения людям и в церкви. Но несем ли мы служение в церкви, и если да, то как? Ведь пророк Иеремия пишет: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер. 48:10). И потому, если наши жертвы не отвечают этим критериям, то наша жертва является нечистым хлебом, говоря языком Малахии, как бы это неприятно и не звучало для каждого из нас. Так же Священное Писание называет жертвой и нашу молитву к Богу. «Итак будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его» (Евр. 13:15). Согласно Библии, молитвы и поклонения достоин только Бог. «Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись» (Откр. 22:8—9). Так же Библия называет только Христа Ходатаем и Посредником за людей пред Богом. «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1 Тим. 2:5). Однако, когда христианство начинало становиться государственной религией, в него стали вкрадываться многие языческие представления и, в частности, понятия многобожия и богини-матери, которые со временем трансформировались в институт святых и культ девы Марии, что мы подробно рассматривали в наших предыдущих работах (Опарин А. А. История рабства. Археологическое исследование книги Откровение. Харьков: Факт, 2-е изд., 2007; Опарин А. А. И камни возопиют. Харьков: Факт, 3-е изд., 2006). И потому, когда мы обращаемся в молитве не к Богу, а к святым, то это нечистая жертва. Мы вновь не хотим обидеть ничьих религиозных чувств, но такие молитвы согласно Библии оскорбительны для Бога, если человек знает и читает Его Слово. Ибо в основе молитвы к святым лежит чисто человеческий принцип: Бог высоко, может меня не услышать, не понять, а святые, такие же люди,

и можно через них договориться с Богом. Их Он послушает быстрее, чем меня. Если же еще и пожертвовать что-либо тому или иному святому в виде дара в его храм, то вопрос, можно сказать, решен. Да, мы написали внешне немного утрированно, но ведь философия церквей, обосновывающих ценность молитвы к святым, именно такова, хотя и скрывается за высокопарными богословскими терминами, преследуя, между тем, часто просто бизнес. Но опасен ни этот бизнес, когда на суевериях людей наживается духовенство, опасно то, что такой философией дискредитируется сам образ Бога, Его характер, значение Его Голгофской жертвы. Апостол Павел пишет: «Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи» (Евр. 4:14—16). Апостол говорит, что Бог всегда может понять и принять нас, а многие из духовенства учат, что вас Бог не поймет, к Нему опасно обращаться, нужно ходатайство святых, а также священника, дающего отпущение грехов. А между тем еще пророк Даниил предсказывал в VI в. до х. э., что однажды наступит такой момент истории, когда люди посмеют отнять у Бога ежедневную жертву (Дан. 12:11), т. е. молитву (Евр. 13:15), и что будет мерзость запустения (Дан. 9:27). Это предсказывал, кстати, и Сам Христос (Мф. 24:15). Введение тайной исповеди и наделение священников правом отпускать грехи вместо Бога стало исполнением этих важных пророчеств и еще одной иллюстрацией принесения нечистого хлеба, жертвы на Божий алтарь. Итак, Малахия обвиняет священников в принесении нечистых жертв, а также в отсутствии почтения и благоговения пред Богом. Священное Писание подчеркивает, что одним из символов почтения к Богу является исполнение IV заповеди. «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исх. 20:8—11). Это особый день поклонения Богу, в который мы оказываем Ему почтение как Царю и Творцу этого мира. Бог через пророка Исаяю добавляет: «Если ты удержишь ногу твою

ради субботы от исполнения прихотей твоих во святыи день Мой, и будешь называть субботу отрадою, святым днем Господним, чествуемым, и почтишь ее тем, что не будешь заниматься обычными твоими делами, угождать твоей прихоти и пустословить, — то будешь иметь радость в Господе, и Я возведу тебя на высоты земли и дам вкусить тебе наследие Иакова, отца твоего: уста Господни изрекли это» (Ис. 58:13—14). Христос говорит, что только Он является Господином субботы: «Посему Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мк. 2:28). Но несмотря на столь явные свидетельства Библии, большинство христианских конфессий вообще отвергли субботу, заменив ее языческим по своему происхождению днем солнца, который только в русском языке имеет название воскресения. И потому отвергая субботу, мы лишаем Бога почтения. Может быть, кому-то не понравятся эти слова, но это библейские слова. Отсутствие благоговения — это второе, в чем Бог через Малахию обвиняет иудеев. Само понятие благоговения провозглашает принцип страха Господнего. В Притчах сказано: «Страх Господень — ненавидеть зло» (Притч. 8:13), т. е. бояться оскорбить Бога, преступить Его волю, Его закон. В книге Откровение особо подчеркивается, что проклят будет всякий, кто что убавит и кто что прибавит к Библии, Слову Бога: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» (Откр. 22:18—19). К великому сожалению, в учении многих церквей, именующих себя христианскими, мы находим грубейшие прибавления к Библии или опущения того, что там провозглашается. Люди силой своего авторитета посмели отменить то, что говорит Бог и при этом продолжали говорить о своем благоговении пред Ним. Эти грубейшие искажения Божьего Слова можно суммировать в следующих таблицах.

Основные лжеучения в некоторых христианских церквях
и библейский взгляд на них

№	Название лжеучения	Расшифровка лжеучения	Библейский взгляд	Выводы
1.	Бессмертие души	Душа людей бессмертна ¹ . После смерти души праведников идут в рай, грешников в ад, предвечная вечное блаженство или мучение ² .	«Ибо вот, все души — Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои: душа согрешающая, та умрет» (Иез. 18:4); «Если же кто из туземцев, или из пришельцев, сделает что дерзкою рукою, то он хулит Господа: истребится душа та из народа своего, ибо слово Господне он презрел и заповедь Его нарушил; истребится душа та; грех ее на ней» (Числ. 15:30—31); «Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53:12); «Единый имеющий бессмертие, Который обитает в непроступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь» (1 Тим. 6:16); «Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им	Душа человека не имеет бессмертия. Бессмертием обладает только Бог. После смерти прекращается всяческая сознательная и бессознательная деятельность человека. Смерть это сон. «Так человек ляжет и не станет; до окончания неба он не пробудится и не воспрянет от сна своего» (Иов 14:12); «Призри, услышь меня, Господи Боже

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. М.: Возрождение, 1992. Т. 1. С. 806.

² Закон Божий. Сост. Протоиер. С. Слободской. М., 1991. С. 560.

			воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем. Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем. Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Еккл. 9:5—10); «Выходит дух его, и он возвращается в землю свою: в тот день ищут [все] помышления его» (Пс. 145:4); «Ибо не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет Тебя, не ниспешшие в могилу уповают на истину Твою. Живой, только живой прославит Тебя, как я ныне: отец возвестит детям истину Твою» (Ис. 38:18—19).	мой! Просвети очи мои, да не усну я сном смертным» (Пс. 12:4); «Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер» (Ин. 11:14).
--	--	--	--	--

		<p>Иконы — это изображения Бога и святых. Бывают чудотворные и нечудотворные иконы¹. «Иконою или образом называется изображение Самог^о Бога, или Божией Матери, или ангелов, или святых угодников. Изображение это немедленно освящается святой водою: через это освящение иконе сообщается благодать Святого Духа, и икона читится уже нами, как святая. Бывают иконы чудотворные, чрез которые пребывающая в них благодать Божия проявляется даже чудесами, например исцелять больных»².</p>	<p>«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20:4—6).</p>	<p>Бог запрещает делать какие-либо изображения, в том числе и Себя и поклоняться им.</p>
2.	Иконы			

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Указ. соч. С. 929—930.

² Закон Божий. Сост. протоиер. С Слободской. М., 1991. С. 48.

	<p>Замена субботы на воскресенье.</p>	<p>Суббота была дана евреям. В Ветхом Завете святости субботу, а в Новом воскресенью¹.</p>	<p>«И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт. 2:2—3); «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоemu: не делай в онный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исх. 20:8—11); «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5:17—18); «Посему для народа Божия еще остается суббота» (Евр. 4:9); «Ибо, как новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим, говорит Господь, так будет и семья ваша и имя ваше. Тогда из месяца в месяц и из субботы в субботу будет приходить всякая плоть пред лице Мое на поклонение, говорит Господь» (Ис. 66:22—23).</p>	<p>Суббота была дана, как день Божий, еще первым людям. Суббота — это часть Божьего Вечного закона. Христос пришел не нарушить закон, а исполнить. В вечности будет суббота.</p>
3.				

¹ Закон Божий. Указ. соч. С. 575.

	Божий Закон отмечен.	Закон был в Ветхом Завете, но жертвой Христа он упразднен.	<p>1. «И когда [Бог] перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим» (Исх. 31:18); «И говорил Господь к вам [на горе] из среды огня; глас слов [Его] вы слышали, но образа не видели, а только глас; и объявил Он вам завет Свой, который повелел вам исполнять, десятословие, и написал его на двух каменных скрижалях» (Втор. 4:12—13).</p> <p>2. «Правосудие и праваго — основание престола Твоего; милость и истина предходят пред лицом Твоим» (Пс. 88:15).</p> <p>3. «И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его; и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град» (Откр. 11:19).</p> <p>4. «За то, что Авраам [отец твой] послушался гласа Моего и соблюдал, что Мною заповедано было соблюдать: повеления Мои, уставы Мои и законы Мои» (Быт. 26:5); «И сказал Моисей: еще же сегодня не найдете его на поле» (Исх. 16:25).</p> <p>5. «Не прибавляйте к тому, что я заповедал вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам [сегодня] заповедал» (Втор. 4:2).</p>	<p>1. Закон написал Сам Бог.</p> <p>2. Закон — основание престола Бога.</p> <p>3. Оригинал Закона на небе.</p> <p>4. Закон был до Моисея.</p> <p>5. Закон нельзя менять.</p>
--	----------------------	--	---	--

			<p>6. «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Матф. 5:17—18).</p> <p>7. «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Римл. 3:31).</p> <p>8. «Потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут» (Римл. 2:13).</p> <p>9. «Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса» (Откр. 14:12).</p> <p>10. «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами» (Откр. 22:14).</p>	<p>6. Христос пришел не нарушить, но исполнить закон. Ни одна черта в законе не изменится.</p> <p>7. Вера утверждает, а не отменяет закон.</p> <p>8. Не слушатели, но исполнители закона оправданы будут.</p> <p>9. Соблюдение закона — один из отличительных признаков Божьего народа.</p> <p>10. Только соблюдающие закон смогут войти в Небесный Иерусалим.</p>
--	--	--	---	--

Примечание. На Голгофе был отменен (пригвожден ко кресту) закон Моисеев — обрядовый закон о жертвоприношении, о праздниках, потерявших значение после Голгофы: Дан. 9:11.

И потому всякий раз, когда мы, зная библейское учение, преступаем его, прибавляя или убавляя что-либо из того, что говорит Сам Бог на страницах Своего Слова, мы выказываем крайнее неблагоговение пред Богом, почитая Его по человеческим заповедям, как и иудеи во дни Малахии. Но Бог особо предупреждает нас, что нечистый хлеб, жертва — это не просто нечистое, неверное учение, это не просто учение, которое не принимает Бог, но это и учение, за соблюдение которого Бог наказывает, проклиная, точнее, мы сами навлекаем на себя проклятие. «Вот, я предлагаю вам сегодня благословение и проклятие: благословение, если послушаете заповедей Господа, Бога вашего, которые я заповедую вам сегодня, а проклятие, если не послушаете заповедей Господа, Бога вашего, и уклонитесь от пути, который заповедую вам сегодня, и пойдете вслед богов иных, которых вы не знаете» (Втор. 11:26—28). Таким образом, служение Богу, основанное на принесении нечистого хлеба, приведет к страшным последствиям. И потому спросим себя: что же мы приносим на духовный алтарь Богу?... В следующих главах, учитывая необычайную важность темы правильного Богопочтения, мы глубже исследуем в контексте всемирной истории и библейской философии проблему иконопочитания, а также коснемся разбора ряда библейских текстов, которые порой вызывают вопросы, и которые часто используются для обоснования человеческих представлений о богопочтении.

Глава 7

СУЩНОСТЬ ИКОНОПОЧИТАНИЯ И БИБЛЕЙСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ИСКУССТВА

Исследуя историю поклонения Живому Богу от создания мира, можно явственно увидеть, что истинное богослужение всегда совершалось без видимых изображений Бога. Адам и Ева, Каин и Авель не используют никаких скульптур или картин для поклонения Живому Богу. Авраам и потомки Авраама приносят жертвы Живому Богу на жертвенниках под открытым небом, не сооружая перед собой никаких столбов, скульптур или тому подобных изображений. Жертвенные животные, умирая за грех человека, указывали на грядущего Мессию, Который возьмет на Себя грехи мира. Но ни жертва, ни жертвенник не были объектами поклонения. Они были живой притчей, рассказывающей человеку о том, что, подобно тому, как невинный агнец умирает за грех человека, так однажды и невинный Мессия возьмет на Себя грехи мира.

Со времен Моисея и исхода дается заповедь Божия, запрещающая использовать или создавать изображения Живого Бога. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им. Ибо Я Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20: 4, 5).

Так Господь четко определил Свое отношение к предыдущей и последующей практике поклонения Ему — Богу невидимому и истинному. В храме-святилище, построенном по указанию Божьему, не было ни одного изображения Самого Бога. Разрешалось изобразить в храме только окружение Божье — херувимов и все, что прославляло Бога, но не было Самим Богом. Итак поклонение Живому и Истинному Богу от самых истоков человеческого рода на протяжении нескольких тысячелетий было сориентировано на неприменение и отсутствие рукотворных изображений Бога. Мы вправе искать ответ на вопрос, почему Истинный Бог запретил делать Свои изображения, в то время, как во всех языческих религиях непременно имелись рукотворные изображения богов. В святилищах Египта, Вавилона, Греции и Рима непременно находилось изображение идола, в честь которого посвящался этот храм. И только один храм на земле, в городе Иерусалиме, не имел изображения Бога, Которому он был посвящен.

Уникальность и величие взаимоотношений между Богом и человеком

Первая и вторая заповеди Закона Божия не только воспрещают языческое поклонение, но и внесение принципов языческой религии в служение Богу Живому и Истинному. «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из Среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах, ниже земли; и дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им, и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом» (Втор. 4:15—19).

Эта заповедь говорит о принципиальном различии библейской религии и ее Бога от языческих религий и их божков. Это принципиальное различие заключается в общении Живого и личностного Бога с живым и личностным человеком. Такого рода общение является уникальным. Ничто не может стоять между Богом и человеком. «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Бог невидим, Он стоит над всем миром природы, и человек выделяется Им из всего природного мира, чтобы быть выше стихий Ему мира. В этом плане человек должен осознать свою особую сущность, свою свободу и свое особое назначение в мире, как существа, созданного по образу Божьему и, хотя живущего в мире, но «не от мира сего» (Ин. 18:36). В определенном смысле человек больше звезд, солнца, больше всех видимых ему стихий, ибо только он создан по образу и подобию Божьему. Именно эту его особую несхожесть и нетождественность остальному природному миру провозглашает заповедь Божия. Человек может поклоняться только перед Богом, и потому весь сотворенный мир не должен помешать ему в этом и не может помочь ему. Ни луна, ни звезды, ни солнце ни все остальные стихии мира не помогут представить Бога, ибо Бог превыше всего. Так заповедь «Не делай себе кумира» включила, фактически, весь видимый мир и все творческие возможности человека, как неспособные представить Бога или приблизить Его к человеку.

Хотя весь видимый мир говорит нечто о Творце, но всего, что может открыть человеку созданный мир, недостаточно, чтобы постигнуть и уразуметь духовную и нравственную природу Творца. Все, что может художественное творчество человека, также несравненно менее самого человека и тем более Бога, Который создал человека. Итак, природа, ангелы, человек хотя и говорят о Боге, но это только смутное отражение, в котором слава Божия просматривается как «сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13:12). Ничто в этом мире не тождественно Богу, ничто не подобно Ему, кроме человека, созданного по Его подобию, и потому связь между Богом и человеком — это связь между живыми личностями, осуществляемая Духом Святым и Его Словом. Бог незрим сегодня так же, как Он был незрим и в Ветхом завете. Но Он присутствует везде и всегда посредством Духа Святого. Эта вечная и святая связь осуществляется через Сына Божия Иисуса Христа. Незримый Бог в лице Иисуса Христа пребывает со своими верными детьми во все дни до скончания века.

Это главнейшее в христианской религии. Первейшее же, что содействует освящению человека, есть Слово Божье, принятое верой. «Вы уже очищены через слово», — говорит Христос Сво-

им ученикам. Эта нацеленность Ветхого и Нового Завета на первостепенность донесения Слова Божия до сознания каждого человека постоянно усиливается от одной части Священного Писания к другой. Шаг за шагом весь путь библейской религии — это утверждение веры в Словом Божьим, ибо «мы ходим верою, а не видением» (2 Кор. 5:7).

Почему вера, а не видение? Ведь человек большую часть информации о мире воспринимает именно видением (визуально, глазами). И все, что он видит, сильнее всего впечатляет его. Не зря есть пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Да и все пять чувств есть Богом сотворенная система постижения мира. Это тот канал, созданный Богом, посредством которого мы постигаем видимый мир, который также является творением Божьим. Но есть еще и более высокий уровень усвоения информации, получаемый посредством разума: это мышление, сознание, постижение. И, наконец, человеческий практический опыт и действия, как критерий познания. Но вера в Слово Божье в нашей жизни больше видения и слышания, больше опытного знания, ибо сказано: «Верою познаем, что веки устроены Словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое». Вера больше, чем наш несовершенный опыт, а потому и сказано: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Именно верою мы постигаем то, что совершал Бог в далеком прошлом, когда творил мир, и верою постигаем сегодня, что Бог будет творить в будущем. Ни того, ни другого невозможно ни увидеть, ни уразуметь без веры в Слово Божье. Человек тем отличается от всех творений Божьих на земле, что он может видеть невидимое внутренним оком веры, и потому весь ход библейской истории нацелен на развитие именно этой уникальной способности человека. Закон умственного и духовного развития человека заключается в том, что мы становимся подобными тому, на что мы нацелены или о чем размышляем. «Ибо мы преобразуемся от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3:18). «Когда мы смотрим не на видимое, а на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4:18).

Когда однажды Богом был высказан основополагающий принцип поклонения только перед Богом и запрет изображать Бога Невидимого, то эта Заповедь Божья навсегда остается направляющей во всех последующих Божьих повелениях. Поэтому вся библейская система богослужения впоследствии слагается с учетом ранее данной Божьей заповеди, а потому не только иудеи Ветхого Завета, но и христианство Нового признает десять заповедей обязательными и имеющими силу на все времена.

Явление Христа во плоти не изменило основополагающей заповеди Божьей

После того, как Христос, образ Бога Невидимого, принял человеческое естество, естественно, что все окружающие люди видели, соприкасались и общались с Ним. Изменило ли это основополагающую заповедь о поклонении Живому Богу, и можно ли изображать Христа для поклонения перед Ним? Мы должны помнить, что запреты и повеления в Священном Писании есть только исполнительные принципы той истины, из которой они вытекают. Они являются только производными действиями той истины, на службе у которой они находятся. Есть необходимость сначала исследовать саму истину, а потом рассуждать, позволительно или непозволительно изображать Христа для поклонения. Христос, будучи истинным Богом, живя во плоти на нашей земле, во главу Своей миссии ставил цель открыть людям Бога Отца посредством Своих дел, жизни и смерти, и спасти человека посредством искупления, через благовестие. Евангелие содержит описание Его слов и Его дел, но не содержит описания Его внешнего облика не потому, что это невозможно было сделать евангелистам, а потому, что в том нет необходимости. очевидцы Христа видели Его, слышали Его голос, осязали Его руками, но оставили нам только слова жизни, которые Он говорил. Ни одежд Его, ни предметов Его личного обихода, ни описания Его внешности они не передали тем, которые их знали и слушали не потому, что это было невозможно, а потому, что это не имело никакого значения для спасения людей. Да и Сам Иисус Христос даже говоря о Своем Телe и Крови, подчеркнул: «Слова, которые Я вам говорю, суть дух и жизнь» (Иоан. 6:63). И потому плоть (Он имел в виду Свое буквальное Тело) «не пользуется нимало». Бесспорно, что Его буквальное Тело и Кровь сыграли великую роль в спасении человека, но в будущем, в проповеди Евангелия, будут иметь значение только воспоминания о Его подвиге и вера в Него, а не земное Его Тело, Его одежда, ясли, крест и т. п. Если бы это было нужно, то Бог в Своем всемогуществе сохранил бы все, что имело место в Его земной жизни для последующих поколений.

Вдумайтесь только: в Евангелиях нет ни одного намека на то, был ли Христос высокого роста или среднего, нет описания цвета Его волос или глаз, хотя такое описание не было бы нарушением Писаний, ибо о Сауле сказано, что он был очень высокого роста, а о Давиде, что он был белокур, Авессалом имел прекрасные волосы, о Сарре, жене Авраама, сказано, что она была очень красива, и Рахиль, и Лия также описаны в книге Бытие. Но почему Тот, о Котором писали все пророки и евангелисты, не описан

нам словесно? Почему послания апостольские совсем умалчивают об этом? Нет, не потому, что это невозможно было сделать, а потому, что это молчание также очень существенно. Пророки Ветхого завета и апостолы и евангелисты Нового завета напрягают весь свой писательский талант для того, чтобы рассказать людям о воле Божией, чтобы передать Его слова, чтобы описать Его действия. Тридцатитрехлетнее пребывание Сына Божия во плоти не нарушило принципов и не изменило основу богооткровенной религии и заповедей Завета. Сам Христос обращает внимание на величие Слова Божия. Он Сам, будучи воплощенным Словом, в Своей итоговой первосвященнической молитве говорит Отцу: «Я открыл имя Твое человекам. И слова, которые Ты дал Мне, Я передал им». Ученикам же говорит: «Вы уже очищены через Слово». «Если слова Мои в вас пребудут, то вы истинно Мои ученики» (Ин. 8:31). И главная цель Евангелия определена очень конкретно: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам. И се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). Внимание везде концентрируется на учении, а не на изображении внешнего вида Господа Иисуса Христа. И коль скоро Бог неизменен в Своей природе как в Ветхом, так и в Новом Завете, неизменными остаются и Его возможности общения с человеком, неизменной остается и заповедь, запрещающая изображать Его для поклонения перед Ним. Если бы необходимо было поклоняться Богу посредством изображений, то это бы изменило основу Завета Божьего и отменило бы вторую заповедь Десятисловия. Но Христос сказал, что Он не пришел нарушить Закон или пророков. Вот почему в Новом Завете в Деяниях святых Апостолов, в посланиях нет описания внешности Иисуса Христа.

Итак, основы богооткровенной религии остаются неизменными. Если бы была необходимость поклоняться Богу посредством изображений, то это также свидетельствовало бы об ограничении Его возможностей и вездесущия. Христос же ясно объявил о вездесущии Божьем посредством святого Духа, Который «с вами пребывает и в вас будет». Далекий и отсутствующий Бог нуждался бы в своих изображениях оставленных для своих далеких и осиротевших поклонников, пребывающих на земле в ожидании Того, Кто позволил бы им напоминать о Себе Своими изображениями и тем самым хоть как-то компенсировать Свое отсутствие. Если мы обращаемся к портретам своих близких со словами надежды на их возвращение, то тем свидетельствуем, что их с нами нет. Ибо какой смысл целовать фотографию любимого, когда он рядом? Иконы скорее подчеркивают отсутствие

Христа, Его ограниченность и удаленность от молящегося, а не Его живое присутствие. Ибо когда Он говорит: «Се, стою у двери и стучу», или «Я с вами во все дни до скончания века», или «Где двое или трое собрались во имя Мое, там и Я посреди них», так Он и действует, как сказал. Этот стук, эта Его близость, это присутствие невидимого Христа воспринимаются только духовным взором веры как Его реальное присутствие, которое Он утверждает Своим Словом, читаемым и слушаемым молящимися. Но можно возразить, что и читающий Слово Божье, тем самым похож на человека, получившего письмо, пришедшее давным-давно из дальней страны. Ибо вряд ли кто станет читать письмо друга, когда он рядом. Поэтому и читающий письмо не говорит ли этим, что не ощущает близости Божьей непосредственно здесь, в помещении?

Бог действительно рядом, но Он повелел это делать, говоря: «Блажен читающий и слушающие слова пророчества книги сей» (Откр. 1:3) или «Читающий да понимает» (Мф. 24:15), или «Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно» (1 Тим. 4:16).

Чтение Писания — это именно тот Богом утвержденный путь, которым Он Сам повелел пользоваться верующим всех веков. Слово Божье — не письмо из отдаленных веков. «Слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого. Оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4:12). Кто же мы есть, чтобы спорить с Богом? Он утвердил Свое Слово, а не иконы, как критерий истины. Чтение Писаний и молитва перед иконой не равноправны перед Богом. Ибо в одном случае есть повеление Божье так поступать, а в другом остается в силе Его повеление так не делать.

Христос после Воскресения

Важно отметить одну особенность, что воскресший Христос несколько раз являлся ученикам Своим до вознесения на небо. Обращает на себя внимание тот факт, что ученики каждый раз не узнают Его, когда Он является им. Но когда Он начинает говорить и действовать, они признают в Нем воскресшего Господа. В светлое утро Воскресения Христос явился Марии Магдалине, но она не узнала Его. Он начинает говорить с ней, называет ее по имени, и только после этого она с радостью узнает Его (Ин. 20:14—16).

Христос является двум ученикам на пути в Еммаус, но они не узнавали Его на протяжении всей дороги. Он беседовал с ними, свидетельствуя им о себе из Писаний. И они узнали Его только

в последний миг, но Он тотчас становится невидимым для Них. (Лк. 24:16—31).

И опять Он предстает перед апостолами, собравшимися в горнице, а они, смутившись, думают, что видят духа. Он начинает говорить и действовать, и только тогда они узнают Его. (Лк. 24:37—43).

Вот Он на берегу Генисаретского озера. Ученики опять не узнали Его, а когда Он обращается к ним, узнают Его по голосу. (Ин. 21:4—7).

И, наконец, он является пятистам ученикам в Галилее, и опять та же ситуация: некоторые радостно Его приветствовали, а другие усомнились, не узнав Его. (Мф. 28:17).

Почему воскресший Иисус не делает никаких усилий, чтобы ученики запомнили Его лицо и описали Его внешний вид? Почему Он так часто неузнаваем ими? Почему Он предпочитает являться «в ином образе» (Мк. 16:12)? Разве Он не хотел, чтобы они уверовали в реальность Его Воскресения? Он позволил Фоме вложить персты в Свои раны, чтобы убедить его в том, что Он воскрес в прославленном теле, но Он продолжает утверждать преимущество веры над видением, над осязанием, над чувственным восприятием Его внешнего образа. Иисус говорит Фоме: «Ты уверовал, потому что увидел Меня. Блаженны не видевшие, но уверовавшие» (Ин. 20:29). Все это еще раз подтверждает, что в Новом Завете действует заповедь, запрещающая поклоняться Богу посредством видимых изображений Его образа, потому что эта заповедь не изменилась в своей основе после воплощения Иисуса Христа.

Апостолы Христовы и евангелисты

Почему апостолы Христовы и Его ученики в своих Евангелиях и посланиях ничего не говорят по поводу внешнего образа Христа? Кроме того, они нигде не пишут, чтобы люди чттили гроб Господень, или превратили в святыню ясли и пелены Иисуса или другие предметы Его обихода? Ведь кому, как не им, достоверно знавшим все, связанное с жизнью и смертью Христа, следовало бы хранить и самим показать пример особого почтения к реликвиям. Не им ли следовало собираться на Голгофе или у гроба Господня для молитвы? Ведь на фоне этих вещественных доказательств их проповедь была бы еще убедительнее. Если бы они мыслили так, как Иоанн Дамаскин и его последователи, то непременно дали бы не только пример всем, но и записали бы это в своих посланиях и соборном решении. Ответ может быть один: у них был другой склад религиозного сознания, совершен-

но отличный от того, который развился впоследствии у богословов раннего средневековья. Апостолы и евангелисты были сорентированы на Слово Божие, на заповеди Закона Божьего, на проповедь учения Иисуса Христа. Есть огромная разница между способом мышления и духовными приоритетами первоапостольского евангельского наследия и критериями, которыми руководствовались отцы седьмого Вселенского собора, утвердившего иконопочитание.

Апостол Павел в своих посланиях, и особенно во Втором послании к Коринфянам, развивает учение о поклонении невидимому Богу в лице Иисуса Христа. Он говорит: «Мы ходим верою, а не видением»; «мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ, от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3:18). Христос и теперь продолжает быть для нас образом Бога невидимого (2 Кор. 4:4); «Когда мы смотрим не на видимое, а на невидимое. Ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4:18). В послании к Евреям 11-й главе в первом тексте он дает исчерпывающее определение веры, которое и в Ветхом, и в Новом Завете есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

Судьбы религиозного искусства в Ветхом и Новом Завете

Наряду с тем, что заповедь Божья запрещает изображение Самого Бога, в Ветхом завете при строительстве храма Сам Господь повелел: «Сделай из золота двух херувимов» (Исх. 25:18—22). Также на покрывалах скинии искусною работою должны были быть вытканы изображения херувимов (Исх. 26:1). Это храмовое искусство продолжало развиваться при строительстве монументального храма во дни Соломона (3 Цар. 17:21; 2 Пар. 3:14). Искусство включало художественную вышивку, литье (золотые фигуры херувимов), резьбу по дереву. Его спектр был разнообразен. Во дворе храма двенадцать тельцов, вылитых из меди, поддерживали огромную чашу, наполненную водой. Предметы святилища были украшены золотыми венцами, среди которых были яблоки, листья, изображения огурцов, пальмы и др. Итак, в храме было изображение окружения Божия, но не было изображения Самого Бога, а также не было изображений праотцов — Авраама, Исаака, Иакова, Моисея и других, глубоко почитаемых еврейским народом. Искусство имело свой стиль и законный статус. Оно не посягало на заповеди Божьи. Это значит, что храмовое и религиозное искусство имело право на развитие в древности и тем более в христианскую эпоху. Самые ранние образцы христианской живописи относятся ко II—III вв. «Это

росписи стен в римских катакомбах — подземных лабиринтах, где находились древнейшие христианские захоронения. Основная часть этих фресок создана еще в III веке... Потаенные, созданные в период жестоких гонений на христианские общины, многие образцы этого искусства исполнены экзальтации. Однако это не трагическая напряженность их языческих современников, а экстаз веры неотступной и сильной, несмотря на преследования. Молодое христианское искусство обладало страстным пафосом, но не имело еще твердой программы, как иконографической, так и стилистической¹.

Вместе с иносказательностью в катакомбах формируется «прообразная» символика — предсказание явлений и событий Нового Завета в Ветхом, которая будет широко использоваться и развиваться в искусстве на протяжении всего средневековья. Так пророк Даниил во рве львином, по Божественной воле не тронутый хищниками, является прообразом Христа, Его искупительной жертвы и вознесения. На это же указывает ветхозаветная история Ионы, проглоченного китом и чудесно спасенного из утробы морского гиганта. Кроме подобных сюжетных композиций в катакомбах появляется множество отдельных изображений, носящих характер атрибута, знака — иногда емкого символа². «Рыба (особенно излюбленное изображение в раннехристианском искусстве) намекает на образ Христа, ибо греческое слово ИХТУС (рыба) представляет собой тайнопись: буквы его являются начальными в греческих словах «Иисус Христос Бога Сын Спаситель»³. «Павлин, тело которого по представлению древних было нетленно, означал воскресение. Символов-знаков так много, что создается впечатление, будто весь природный мир, все обитающие в нем твари, растения и предметы обладают кроме своей наглядной и простой сущности еще и другой, незримой, но угадываемой, осознаваемой, глубинной и наиболее важной»⁴.

Опасный перелом в искусстве IV века

В христианском искусстве Картина меняется после того, как гонимая христианская церковь становится из гонимой сначала общепризнанной (с 313 года), а затем и государственной (к 380 году). В начале IV века, когда император Константин прекратил гонения на христианскую церковь, стали воздвигаться

¹ Культура Византии IV века — первая половина VII века. Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1984. С. 547.

² Там же. С. 548.

³ Там же. С. 548.

⁴ Там же. С. 548.

храмы и, естественно, возник вопрос, какого рода живопись должна их наполнять. Идти ли по пути уже созданного в катакомбах символизма, или, подражая монументальным языческим картинам и фрескам, начать изображать сцены Священного Писания, используя приемы, выработанные в античном искусстве, но неостребованные ранее христианством. У строгих богословов возникает «страх перед остатками античного сенсуализма (чувственности), ужас «образопоклонства»... не стали бы яркие изображения библейских персонажей поводом для языческого обожествления живописи, ведь в церковь пришли огромные массы вчерашних язычников, у которых всегда перед глазами предстояли изображения их богов. Не будут ли они привносить свои старые обычаи поклоняться перед изображениями, как это они недавно делали в своих языческих храмах?

«В ранних мозаических циклах нет изображения Божества в человеческом образе. Таковы мозаики свода и центрального купола в мавзолее Санта-Констанца в Риме (первая половина или около середины IV века), мозаика капеллы Руфины и Секонды Латеранского баптистерия (около 315 года), старая мозаика абсиды церкви Санта-Мария Маджоре (432—440 г.), мозаика в Сан-Джованни ин-Латерано (IV век). В них стены и своды покрыты изображениями птиц, животных, цветов в вазах, пейзажей, орнаментов... Человеческая фигура в таких композициях мало заметна и никогда не олицетворяет христианскую святую»¹. Православный историк Г. В. Флоровский в своей книге «Восточные отцы V—VIII веков» говорит: «Почитание икон установилось в церкви не сразу. В первые века, во всяком случае, оно не занимало заметного места в христианском благочестии. Даже у писателей IV века мы находим только редкие случайные упоминания о священных изображениях, — и то были библейские эпизоды, либо изображения мученических подвигов. В древнейших известных нам росписях нет «икон» в собственном смысле слова. Отчасти то были символические знаки (якорь, голубь, рыба) и аллегории, — всего чаще евангельские притчи². Проследить раннюю историю иконописания во всех подробностях мы не можем за недостатком исторических данных.

К концу VI века иконы уже были во всеобщем употреблении. Однако мы знаем о резких возражениях против икон. Прежде всего нужно припомнить отзыв Евсевия Кесарийского (см. его

¹ Культура Византии IV — I половина VII века. Отв. редактор З. В. Удальцова. М.: Наука, 1984. С. 553.

² Флоровский Г. В. «Восточные отцы V—VIII веков». М.: МП «Паломник», 1992. С. 247, 248.

письмо Констанции, сестре Константина Великого): «... Конечно, ты ищешь икону, которая изображает Его в образе раба и во плоти, которою Он облекся ради нас; но мы научены, что и она растворена славою Божества, и смертное поглощено жизнью» ... Чувственно зримое во Христе как бы растаяло в сиянии Его Божества, и потому недопустимо изображение в мертвенных чертах и красках... С другой стороны к подобным выводам приходят и противники символизма, например, Епифаний Кипрский. Тоже самое утверждает историк М. Э. Поснов в своей книге «История христианской церкви»: «В IV веке прокладывают себе путь с большим трудом, но все-таки постепенно вводятся иконы Спасителя, Божьей Матери, Апостолов и Святых, не в смысле портретов или исторических назидательных картин, а в смысле предметов для поклонения»¹. Историк Карташев А. В. в своей книге «Вселенские Соборы» пишет: «Святой Епифаний Кипрский в Анаблате (Палестина) не в своей епархии увидел в церкви завесу с изображением человека (?). Епифаний разорвал эту завесу и отдал ее на покрытие гроба какого-то нищего, а в церковь подарил новый кусок материи. На западе в Испании, на Эльвирском соборе (Гренада, ок. 300 г.) было принято постановление против стенной живописи в церквах. Правило 36².

Тот же историк Флоровский пишет о святом Епифании Кипрском (р. ок. 315 г.): «Он не был сторонником иконопочитания и даже употребления икон. В своем «Завещании» он заповедует «не вносить» икон ни в церкви, ни в усыпальницы, воспоминания нужно хранить в сердце, а не закреплять их в чувственных образах»³.

Седьмой век — первое церковное решение об иконопочитании

Несмотря на то, что многие христианские мыслители и даже епископы выступали против иконопочитания, уже с пятого столетия, т. е. с эпохи императора Юстиниана иконопочитание становится распространенным в пределах Восточной Римской империи. Однако только в седьмом столетии впервые на Трулльском соборе в 692 году устанавливаются основные начала иконопочитания в известном 82-м правиле. Так звучит это решение: «Почитая древние образы и тени, предания Церкви, как знамения и предназначения истины, мы выше чтим благодать и ис-

¹ Поснов М. Э. «История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.)». Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1964. С. 491.

² Карташев А. В. «Вселенские Соборы». М.: Изд-во «Республика», 1994. С. 457.

³ Флоровский Г. В. «Восточные отцы IV века». М.: МП «Паломник», 1992. С. 199.

тину, как исполнение закона. Посему, чтобы искусством живописания совершенное было представляемо очам всех, становляем отныне запечатлевать на иконах Христа Бога нашего, Агнца, взявшего грехи мира, в человеческом образе... ». Таким образом, прошло семьсот лет после Христа и апостолов, прежде чем появилось первое церковное решение о почитании икон. Однако, как пишет Карташев, «у первых защитников иконопочитания мы не находим связной системы догматических доводов. Но совершенно ясно, что для них возможность иконописания связана именно с реальностью евангельской истины, с истинной воплощения... Дамаскин впервые делает попытку развить защиту святых икон в богословское оправдание»¹.

Иоанн Дамаскин (675 — до 753 г.), ведущий идейный противник иконоборчества, решая задачу упорядочения наук под эгидой церкви, на основании аристотелевской логики создал основы схоластического метода и таким образом положил начало развитию средневековой схоластики. У Дамаскина впоследствии учились и западные схоласты — Фома Аквинский, Альберт Великий и другие.

Рассмотрим кратко аргументы Иоанна Дамаскина в защиту иконопочитания

АРГУМЕНТ 1. «В древности Бог, бестелесный и не имеющий вида, никогда не изображался, теперь же, когда Бог явился во плоти и жил среди людей, изображаем видимое Бога». И еще: «Не невидимое Божество изображаю, но изображаю виденную плоть Бога». И еще: «Когда Невидимый сделался видимым во плоти, тогда изобразишь подобие Виденного... тогда начертай Его на доске и возложи для созерцания Того, Кто допустил, чтобы Его видели»².

Посмотрим, в чем прав Дамаскин, и в чем нельзя с ним согласиться. Он прав в том, что Иисус Христос действительно принял человеческую природу и был истинным Богом во плоти. Но из этого не следует вывод, что теперь можно делать Его изображения для поклонения. Решая, что воплощение дает право изображать Христа для поклонения, Дамаскин переносит свой аргумент из одной сферы в другую, из библейской в чисто логическую, используя приемы аристотелевской логики. Неправоммерность этого метода в сфере богооткровенной религии очевидна. Тогда, когда богословие использует чуждый христианской вере метод, люди незаметно для себя попадают в ловушку, име-

¹ Флоровский Г. В. «Восточные отцы V—VIII веков». М.: МП «Паломник», 1992. С. 250.

² Там же. С. 252.

нуемую в Библии «тайной беззакония». Да, Христос воплотился и был видим людьми, но это не значит, что в связи с этим можно изменять ранее данную заповедь Божью, запрещающую поклоняться Богу, используя Его изображение. Воплощение Христа совершилось как осуществление Божественного Завета. Свое отношение к заповедям Божиим Сам Иисус Христос объяснил следующим образом: «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков; не нарушить Я пришел, но исполнить. Ибо истинно говорю вам, доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота и ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших, и так научит людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном» (Мф.5:17—19). Здесь речь идет в первую очередь о десяти заповедях, как условия Божественного завета, и на этом основании все христианские церкви включают их в свои катехизисы, как обязательные для христиан. Ни одна из десяти заповедей не должна быть отменена или видоизменена настолько, чтобы потерять свой основной первоначальный смысл, и не может быть вытеснена рассуждениями тех, кто собирается учить народ Божественной истине.

АРГУМЕНТ 2. Дамаскин ссылается на предания отцов Церкви, живших прежде него, в основном тех, кто жил в IV—V веках, указывая на то, что некоторые из них очень высоко отзывались о христианской живописи. Предания отцов Церкви достойны всякого уважения, если они находятся в согласии с учением Христа и апостолов. Но Христос высказался очень определенно против тех преданий, которые незаметно вытесняют заповеди Божьи: «Ибо вы, оставивши заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное. И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: «почитай отца своего и мать свою»; и «злословящий отца или мать смертью да умрет». А вы говорите: кто скажет отцу или матери: «корван, или дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался», — Тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устрояя Слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное» (Мк. 7:8—13). Из этих слов следует, что статус заповеди Божьей несравненно выше церковного предания, это неравноценные и несоизмеримые величины.

АРГУМЕНТ 3. «Подобает чтить все, что связано с делом спасения: гора Синай, Назарет, ясли Вифлеемские, святой Гроб,

блаженный сад Гефсиманский, — «ибо они вместилище Божественного действия»...¹ — Действительно, все, что напоминает о земной жизни Христа, должно быть достойно оберегаемо в связи с исторической значимостью событий там происшедших. Но рассуждения Дамаскина, высказанные в VIII столетии о почитании всех вещей и мест, связанных с земной жизнью Иисуса Христа, были оправданием уже сложившегося культа реликвий и «народной святыни» с паломничеством к «святым местам». В ту пору уже для многих паломников и камни, и прах Иерусалима казались святынями. Эта материализация самого понятия «святыня» получила наконец богословское оправдание в трудах отца средневековой схоластики. Произошло смещение понятий от евангельских ценностей в совершенно другой план, чуждый евангельскому содержанию.

Думается, здесь уместно будет повторить рассуждения, уже приводимые нами выше. Почему же апостолы Христовы и Его ученики — современники земной жизни Спасителя — нигде не говорят в своих писаниях о том, чтобы люди особо чтити гроб Господень, Его пелены и другие предметы Его обихода? Ведь кому, как не им, достоверно знавшим все, связанное с земной жизнью и смертью Христа, следовало бы хранить все это и самим показать пример почитания реликвий — не им ли следовало собираться на Голгофе или у гроба Господня для молитвы? Ведь на фоне этих вещественных доказательств их проповедь была бы еще убедительнее. Если бы они мыслили так, как Иоанн Дамаскин и его последователи, то непременно подали бы не только пример всем, но и записали бы это в своих посланиях и закрепили соборным решением. Ответ может быть один: у них был другой склад религиозного сознания, совершенно отличный от того, который господствовал у богословов раннего средневековья. Апостолы и евангелисты были сориентированы на Слово Божье, на проповедь учения Иисуса Христа. Это та весть, тот духовный свет, который необходим был для каждого поколения христиан, если они хотят мыслить, рассуждать, жить в той атмосфере, в которой действовал Дух Божий во дни апостолов. Есть огромная разница в способе мышления, в источнике вдохновения, в духовных приоритетах первоапостольского евангельского наследия и теми ценностями и критериями, которыми руководствовались отцы раннего средневековья, эпохи, когда окончательно утвердилось иконопочитание.

¹ Флоровский Г. В. «Восточные отцы V—VIII веков». М.: МП «Паломник», 1992. С. 253.

При всей привлекательности рассуждений Иоанна Дамаскина именно его богословие заложило основы для дальнейшего роста грандиозной системы культа реликвий, а в дальнейшем послужило духовным оправданием целой серии крестовых походов за освобождение Гроба Господня.

АРГУМЕНТ 4 (психологический). Дамаскин восклицает: «Мы желаем созерцать Его черты!» «Мы, христиане, телесно лобызая икону Христа, или апостола, или мученика, лобызаем Самого Христа или Его мученика»¹. Таким образом он выдает желаемое за действительное. Следует помнить, однако, что наши самые искренние религиозные порывы так же, как и наши религиозные рассуждения, не застрахованы от ошибок, и об этом повествует Слово Божье неоднократно. Наши благочестивые чувства и мысли могут стать причиной неверных выводов и ошибочной религиозной практики.

Вот ряд примеров из Священного Писания

Во дни пророка Малахии человек плачущий и обливающий своими слезами жертвенник Господень предполагал, что это угодно Господу, но Господь вовсе не одобряет тех, кто это делал, и священников, которые этому учили (Мал. 2:13). Вот перед нами апостол Петр, увещающий Господа не идти в Иерусалим, где Его ждет смерть, он убежден, что делает наилучшее (Мк. 8:31—33). Или тот же Петр, размахивающий мечем, чтобы устрашить врагов Христовых, искренне верит, что делает дело Божье. (Ин.18:10—11). Петр, воспрещающий Господу омыть его ноги, а потом просящий омыть его всего, разве не из уважения и почтения ко Христу проявляет эту суетливую инициативу? (Ин. 13: 8—10). Однако ни один из этих благожелательных порывов апостола не был одобрен Господом Иисусом Христом. Для чего же даны все эти строгие и очень определенные замечания Божьи? Разве они не содержат в себе Господню волю, над которой стоит поразмыслить не только великим апостолам Божьим, но и нам, для кого записаны эти примеры? Мы не вправе делать наши благие порывы и рассуждения критерием истины.

Следует обратить внимание на заключительные главы Книги Откровение, где Господь посредством Своего ангела показывает Иоанну святой город Иерусалим, сходящий с неба, и славу грядущего мира. Потрясенный величием и непостижимой красотой всего, что он видел, Иоанн поклоняется, падши ниц, перед ангелом Божьим. (Откр. 19:10). Можно понять апостола,

¹ Флоровский Г. В. «Восточные отцы V—VIII веков». М.: МП «Паломник», 1992. С. 249, 252.

исполненного благодарности и восхищения и желающего по-человечески благодарить за все Бога и даже того, через кого Бог показал ему небесную славу. Он падает к ногам ангела Господня отнюдь не потому, что ошибочно принял его за Бога. Но вот что говорит ему ангел Господень: «Смотри, не делай сего! Богу поклонись». Казалось бы, и Богу, и ангелу понятно, что Иоанн, поклонившись перед ангелом, желает выразить свое величайшее признание Богу за все, что он удостоился увидеть. Почему же здесь столь строгое предупреждение, и притом сделанное дважды в одной и той же ситуации: «Смотри, не делай сего» (Откр. 19:10; 22:8—9).

Бог прекрасно понимает наши мотивы и действия. Он понимает восхищение и благодарность Иоанна, павшего ниц перед Его ангелом. Но здесь преподан всему христианскому миру урок: «Смотри, не делай сего!» Ни живой ангел, ни вся слава небес, ни Небесный Иерусалим не могут быть причиной, извиняющей даже косвенное нарушение заповеди Божьей: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему Одному служи». Это вечная заповедь, и она остается всегда в силе. Никакие самые сильные эмоции и религиозный экстаз не отменяют вечного Божьего повеления. Ни для кого не делается исключения — ни для апостолов, ни для пророков, ни для столпов церкви, ни в обыденной жизни, ни в часы величайшего мистического озарения. Заповедь Божья должна быть свято оберегаема и правильно преподаваема для всех грядущих поколений христиан. Поэтому теряют всякую силу аргументы, побуждающие людей молитвенно склоняться перед изображениями святых и ангелов Божьих.

Часто апологеты иконопочитания приводят пример о том, что люди целуют фотографии своих любимых, когда их нет рядом. Из этого следует вывод о том, что нет ничего предосудительного в целовании икон, изображающих святых или Иисуса Христа. Еще раз хочется возразить, что такого рода рассуждения и подобная практика, кажется, больше говорит в пользу отсутствия живого Иисуса Христа. Ибо кто же станет целовать фотографию любимого человека, когда он сам рядом?

АРГУМЕНТ 5. Сторонники иконопочитания утверждают, что в Ветхом Завете нельзя было изображать Бога потому, что Его не видели. А в Новом Завете, после воплощения Христа, Его видели, и потому можно Его изображать и кланяться Ему, используя Его изображения (иконы). Однако вторая заповедь имела силу запрета изображать Бога для поклонения перед Ним с учетом того, что хотя народ и не видел лица Господня, но пророк Моисей, а затем Исаия, Иезекииль и Даниил видели славу Божью

и даже образ Его... который был явлен им в разной степени самораскрытия и Богоявления (теофания). Так что они могли бы изобразить Его хотя бы приблизительно в красках кистью на доске так же, как они приблизительно описали Его славу словами. Но они не дерзнули Его нарисовать не в силу невозможности, а по причине запрета, содержащегося в заповеди. И в Новом Завете воплотившийся Христос был видим тысячами людей. Ученики видели Его на горе преображения прославленным, затем многократно видели Его воскресшим. Апостол Иоанн видел Его на острове Патмос в великой славе. Но никто из них не изобразил Его ни красками, ни в виде скульптуры. Вопрос о видении и невидении не является основополагающим во второй заповеди для ясновидцев и пророков Божьих. Они руководствуются заповедью Божьей. Именно поэтому христиане первых трех столетий не делают икон. Аргумент «невидения» действительно существует в Ветхом Завете. Когда Моисей говорит народу: «Помните, что вы не видели Господа, когда Господь говорил с вами из Среды огня», — звучит как дополнительное свидетельство в пользу того, что они не имеют права Его изображать не только потому, что это запрещено заповедью, но и потому, что они к тому же и не удостоились видеть Его образа, когда Господь говорил с ними из среды огня. До грехопадения Адам и Ева видели Бога (Христа) в саду Эдемском. Он беседовал с Каином, говорил к Ною, а потом к Аврааму, являлся во сне Иакову; но никто из них не делал Его изображения, ибо такова была практика истинного Богопочтения на протяжении первых тысячелетий истории народа Божьего. Да, Господь предпочел быть невидимым для нашего согрешившего человеческого рода, «ибо человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33:20). Это великая милость Божья, что мы не видим Бога, а Он видит нас всех и всегда. Это дает нам, людям, возможность свободно и естественно вести себя и проявлять себя такими, каковы мы есть в действительности. Кроме того, это оставляет за людьми право искать Его добровольно, из любви к Нему: «Посему да благоговеют пред Ним люди, и да трепещут пред Ним все мудрые сердцем» (Иов. 37:24). Его всеприсутствие и близость к человеку исключает необходимость общаться с Господом посредством образов, сделанных человеческими руками. Будем помнить, что тысячи людей были свидетелями откровения славы Божьей на горе Хорив в дни исхода, но это не изменило духовной природы человека в лучшую сторону. Тысячи людей видели воплотившегося Иисуса Христа, но не уверовали в Него. И потому центральной смыслообразующей истиной, которая содержится в заповеди Божьей, является

«вера, а не видение». Это исключает всякую необходимость изменять вторую заповедь десятилетия в Новом Завете или давать ей такое объяснение, которое лишает ее прямого и первоначального назначения.

Иконоборцы и иконопочитатели в средние века (726 — 843 гг.)

Вопрос об иконопочитании долго оставался спорным в христианском мире. Мы уже упоминали о том, что около 300 года Эльвирский собор в Гренаде (Испания) выступил против стеной живописи в церквях, опасаясь, что это послужит для новообращенных из язычников поводом для идолопоклонства. Но вот наступил седьмой век. В Византийской империи иконопочитание уже пустило глубокие корни. Сложилась даже традиция, как правильно рисовать иконы. Но, оказывается, не все были убеждены, что иконопочитание угодно Господу. Поэтому потребовалось решение собора, чтобы утвердить сложившуюся практику. И поэтому в 691 году был собран Трульский собор, который принял решение в пользу иконопочитания (82-е правило). Это была эпоха императора Юстиниана II, который своим династическим знаменем считал иконопочитание. Православные историки описывают жизнь этого императора не без содрогания. Это был «шаловой» человек, по свидетельству историка Карташева. Ввиду дворцового переворота он был лишен царской власти и сослан в Крым. Жители Крыма не оказали ему должного уважения. Но вскоре Юстиниан II, сговорившись с варварами, кочевавшими поблизости, отправился снова в Константинополь, чтобы вернуть себе престол. Пробравшись ночью с группой воинов через водосточную трубу в город, он открыл одни из ворот, и толпы его единомышленников ворвались в спящие кварталы Константинополя. Наутро жители столицы должны были присягнуть вернувшемуся императору. Для этого на огромном ипподроме Юстиниан перед тысячами людей приказал привести своих врагов, которые еще вчера сидели на престоле. Здесь он топтал их ногами, а затем велел отрубить им головы, которые стали для него подножием, когда он восседал на престоле. Юстиниан Второй решил также наказать и жителей Крыма, не почтивших его в свое время. Для этого был отправлен огромный флот, который совершил избиение мирных жителей. Но этого показалось мало императору. Когда он услышал, что его воины щадят детей, то потребовал привезти их всех в Константинополь для особой расправы. Посланный флот не вернулся в столицу. Более семидесяти тысяч человек утонули во время бури в море. Услышав об этом, император сожалел, что те, которых он хотел наказывать по всей строгости и жестокости византийских обы-

чаев казни, «отделались» легкой смертью. Юстиниан II начал свое правление как раз после того, как Трульский собор утвердил иконопочитание, и он поддерживал это постановление. Когда человек оказывает величайшее почтение рукотворным образам, они незаметно для себя совершенно перестают ценить живых людей, созданных по образу и подобию Божьему. Нужно заметить, что те, которые погибли в волнах Черного моря, вовсе не были еретиками или мусульманами, это были братья по вере, православные христиане.

Начало иконоборчества при Льве Исавре (717 — 741 гг.)

Настоящим потрясением для жителей Византии стала эпоха, получившая в истории название иконоборческой. Случилось это тогда, когда в Константинополе воцарилась новая Исаврийская династия, основоположником которой был Лев Исавр. Лев был исключительно одаренный полководец, он освободил Константинополь от страшного нашествия сарацин в 717 году. В то время Византийская империя потеряла почти все свои территории, за исключением столицы. Постепенно посредством целого ряда походов император Лев Исавр восстановил значительную часть территории, принадлежавшей ранее Византии. Нужно сказать, что в это время по соседству с Византийской империей, арабские народы исповедовали ислам, веру, которая категорически отрицала поклонение изображениям. Мусульмане рассматривали поклонение иконам как идолопоклонство, что создавало непреодолимый барьер для взаимного понимания в вопросах религии. Это было одной из причин, побудивших императора переосмыслить установившуюся в Византии практику иконопочитания. Нужно сказать, что император не только из политических соображений противостоял иконопочитанию. Он хорошо знал, что многие священнослужители и епископы также не согласны с непомерно разросшимся культом икон. Поэтому сравнительно скоро началось движение против иконопочитания в разных концах Византийской империи. «Особого насилие в этом случае не было. Епископы могли думать, что эта мера возвысит духовность народного благочестия и избавит иерархию от борьбы с бытовыми крайностями. Позднее (ок. 825 г.) император Михаил Травль жаловался, что византийцы берут иконы в восприемники своих детей при крещении, другие не берут в уста святого Тела, прежде чем не положат его на иконы. Священники соскабливают краски с икон и примешивают их к святой Крови. Иные предпочитают служить литургии по домам на святых иконах вместо церковных престолов»¹. В 754 году

¹ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 461.

был созван VII вселенский собор. В нем участвовал почти весь византийский епископат в количестве 338 человек. Они все высказались против икон. В решении этого собора было провозглашено: «Итак, будучи твердо наставлены из богодухновенных Писаний и отцов, а также утвердив свои ноги на камне божественного служения духом, мы все, облеченные саном священства, во имя Святой Троицы пришли к одному убеждению и единогласно определяем, что всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должна быть извергаема из христианских церквей. Она чужда им и заслуживает презрения». «Никакой человек да не дерзает заниматься таким нечестивым и неблагоприличным делом. Если же кто-нибудь с этого времени дерзнет устроить икону, или поклоняться ей, или поставит ее в церкви, или в собственном доме, или же будет скрывать ее, таковой, если это будет епископ или пресвитер, или диакон, да будет низложен, а если монах или мирянин, то да будет предан анафеме, и да будет он виновен перед царскими законами, так как он противник Божьих предписаний и враг отеческих догматов»¹.

В параграфе седьмом решения собора записано: «Употребление икон воспрещено Священным Писанием: Ин. 4:24; 1:18; 5:37; 20:29; Втор. 5:8; Рим. 1:23, 24; 10:17; 2 Кор. 5:16 и отцами церкви (ссылки на имена святых Епифания Кипрского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Афанасия Великого, Амфилия иконийского, Феодота анкирского и Евсебия кесарийского)². Итак, мы видим, что даже в среде Православной церкви в ту эпоху возникло движение, и притом вселенских масштабов, не только поставившее под сомнение иконопочитание, но и признавшее его несостоятельным с точки зрения Священного Писания и церковной истории. Однако борьба с иконопочитанием была осложнена и усугублена вмешательством государственной власти, которая использовала зачастую насильственные меры по отношению к почитателям икон. Это вызвало возмущение среди фанатично настроенных монахов. Один из защитников иконопочитания, Стефан, был сослан на остров Пропондиты. Здесь около него собралось много монахов, почитателей икон. Власти постарались расправиться с ними. Многих из них бросили в тюрьму, многих пытали и наказывали. Как повествуют историки, Стефан был безжалостно убит разъяренной толпой. Многие монастыри были распущены, а монастырские здания обращены

¹ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 472.

² Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. IV. М., 1994. С. 526.

в воинские казармы. Были случаи группового убийства монахов. Конечно, все эти неразумные и жестокие меры против людей, которые по-другому мыслят, не могут быть оправданы правильными вероисповедными положениями. Но это было результатом церковно-государственного союза, который усугубил духовную борьбу внутри церкви. По этой причине вопросы вероисповедания переплетались в сознании людей с политическими лозунгами и партийной борьбой. Вскоре общество Византии раскололось не только в религиозном, но и в политическом плане. Борьба между иконопочитателями и иконоборцами вылилась в политическую борьбу. Через несколько лет после смерти императора Льва IV Хазара в 780 году к власти пришла его жена Ирина вместе с малолетним сыном Константином VI. Она, вопреки своему мужу, была ревностная иконопочитательница и использовала свою власть для того, чтобы приблизить ко двору иконопочитателей.

Седьмой вселенский собор 787 года

В 787 году по инициативе императрицы Ирины и патриарха Тарасия, возведенного ею перед этим на патриарший престол, началась подготовка к новому Вселенскому собору. Для этого нужно было получить согласие римского папы Адриана. Римский папа считал, что достаточно сослаться на существующее в церкви предание и, возможно, нет необходимости созывать собор. Он воспользовался запросом Константинополя для того, чтобы в своем послании очень основательно напомнить византийцам о «первенстве» римского престола, «главы всех церквей». Кроме того, он сознавал, что поспешно избранный патриарх, вчерашний солдат, не очень-то подходит для такого высокого служения. Однако ему импонировала сама направленность собора, и он в конце концов решил послать двух легатов, которые должны были первыми подписать решение будущего собора.

Патриархи Иерусалимский, Антиохийский и Александрийский находились под властью арабов и поэтому тайно послали двух своих представителей для участия в соборе.

Нужно сказать, что империя к тому времени потеряла большую часть своих территорий и заключила очень невыгодный мир с арабами, уступив им Сирию. Фактически от бывшей Восточной Римской империи осталась только очень незначительная территория. Собор, именуемый вселенским, конечно же, не представлял целого ряда христианских стран Европы. На соборе присутствовало около 350 человек, из них — 131 монах без права голоса, но устроители собора понимали, что им нужно набрать

больше голосов, чем это было на предыдущем иконоборческом соборе 754 года. С этой целью тут же на соборе решили, что и монахи имеют право голоса. Это было новое в практике соборов, потому что на предыдущих соборах право голоса имели только епископы.

Население Константинополя и армия перед этим были возмущены возвращением иконопочитания, поэтому хитрая Ирина выслала из Константинополя накануне собора военные части, которые могли бы препятствовать намеченному мероприятию. «Всего было восемь заседаний собора: первое — в Никее, в церкви святой Софии 24 сентября 787 года и последнее — в присутствии императоров Ирины и ее сына Константина VI в Константинополе 23 октября. Таким образом, собор был сравнительно кратким»¹.

Собор судил оставшихся в живых епископов, участвовавших в иконоборческом соборе 754 года. Немногие из них остались в живых к тому времени. Пожилой митрополит Григорий Неокесарийский был приведен под конвоем для ответа перед собором. Некоторые оставшиеся в живых епископы спешно «покаялись».

После длительных дебатов «покаявшихся» епископов решено было оставить при их должностях. Для подтверждения своих взглядов собор указал на несколько библейских цитат из Ветхого Завета о том, что в скинии были изображения херувимов. Затем были приведены высказывания отцов V и VI веков о значении религиозного искусства. Собор обратил особое внимание на то, что иконоборцы в своих крайних действиях уничтожили ряд картин и икон.

Снова было повторено, что «... взирающие (на иконы) побуждаются к воспоминанию о самих первообразах и любви к ним и к тому, чтобы чествовать их лобызанием и почитательным поклонением, не тем истинным по нашей вере служением, которое приличествует одному только Божескому естеству, но почитанием по тому же образцу, как оно воздается изображению честного и животворящего Креста и святому Евангелию, и прочим святыням, фимиамом и поставлением свечей, как делалось это по благочестивому обычаю и древними.

Ибо честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней»². Собор произнес анафему на предыдущий собор 754 года.

¹ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 494.

² Там же. С. 501.

Подписав протокол, отцы восклицали: «Такова наша вера, таково учение апостолов! Анафема не примыкающих к нему, не чтущим икон, которые они называют идолами и обвиняют за них христиан в идолослужении. Многая лета императорам! Вечная память новому Константину и новой Елене! Да благословит Бог их правление! Анафема всем еретикам!»¹.

После блистательного пира, устроенного императрицей в честь собора, снова стали вносить иконы в христианские храмы. Убежавшие от преследований монахи стали возвращаться в свои монастыри. Однако мир не наступил ни во дворце, ни в империи. Вскоре после собора началась жестокая борьба за власть между императрицей Ириной и ее подростком сыном Константином VI. По наущению матери заговорщики напали на молодого императора, но ему удалось вырваться из их рук и убежать на корабль, который переправил его на азиатскую сторону. Население Константинополя начало волноваться, и императрица почувствовала большую опасность. Она подослала своих агентов, и им удалось насильственно вернуть сына в Константинополь. Здесь, в праздник Успения, в той самой комнате, где он был рожден, вельможи императрицы с ее позволения чрезвычайно жестоко ослепили императора, и он вскоре умер. Императрица Ирина царствовала единовластно с 797 по 802 год. Главой ее правительства был евнух Ставрикий. Летописцы сообщают, что после ослепления Константина VI императрица дала особые привилегии монастырям, так что преподобный Феодор Студит восхваляет императрицу, говоря: «Ты угождаешь Богу и ты радуешь избранных ангелов Божиих и людей, живущих преподобно и праведно, богоименитая Ирина»².

Однако вскоре, в 802 году, императрица была свергнута с престола министром финансов Никифором, была лишена всего имущества и сослана на остров Лесбос, где вскоре и скончалась. После смерти Ирина была канонизирована, причислена к лику святых.

Дорофей Монеувасийский с горечью восклицает: «О чудо! Одна женщина с ребенком восстановила благочестие, но она же стала и детоубийцей»³.

¹ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 501.

² Там же. С. 506.

³ Там же. С. 507.

ПРИМЕЧАНИЕ

Крайности иконоборцев	Крайности иконопочитателей
1. Иконоборцы явно впадали в крайности по отношению к религиозному изобразительному искусству. Они запрещали делать изображения человеческих лиц и фигур в церквях. Их росписи обычно ограничивались изображением растительного и животного мира.	1. Иконопочитатели завысили статус религиозного искусства, придав иконам сакральный (священный) смысл и сделав их объектом поклонения.
2. В борьбе с иконами они допускали варварские методы: уничтожали изображения, зачастую требовали от иконопочитателей топтать иконы и т. п.	2. В борьбе с иконоборцами они также использовали насмешки, изображая их действия в безобразных иллюстрациях.
3. Иконоборцы использовали государственную власть для утверждения своих решений и преследовали инакомыслящих, несогласных с постановлениями их соборов.	3. Они также использовали государственную власть для насильственного внедрения решений своих соборов в религиозную жизнь населения. После утверждения иконопочитания на соборах в 787 и 843 гг. последовали жестокие гонения на инакомыслящих.

Иконопочитатели удачно использовали ошибочную позицию иконоборцев по отношению к религиозной живописи, справедливо указав на то, что Сам Бог в Ветхом Завете повелел сделать «искусною работой херувимов» в храме. Затем они сослались на труды отцов Церкви II века, а именно Василия Великого и Григория Богослова, в которых есть советы использовать священные изображения для украшения храмов. Однако из этого они сделали неправомерные и далеко идущие выводы о том, что иконопочитание имеет как бы библейскую основу и также подтверждено авторитетными высказываниями вышеупомянутых отцов Церкви. Однако, если упрек иконоборцам в отрицании религиозной живописи и был правомерен, то нельзя было использовать этот аргумент в том плане, чтобы оправдать тот культ икон, который они создали впоследствии, наделив икону сакральным богослужебным значением и потребовав поклонения перед иконой, как это изложено в решениях VII Вселенского собора (787 г.).

Любой священный предмет, находящийся в храме, может быть использован не так, как Господь этого ожидает от верующих.

Ярким примером является то, что произошло с медным змием, который был сделан Моисеем по повелению Божьему в пустыне. В свое время там, в пустыне, всякий верующий, взирая на него, мог исцеляться от укусов змей. Таким образом, можно считать, что медный змей, вознесенный на древо, имел чудотворные свойства и, кроме того, впоследствии был помещен в храме Соломона. А сам храм и все, что в нем было, было освящено Богом, как свидетельствует об этом Писание (3 Цар. 8). Однако когда народ стал поклоняться и кадить перед медным змием, придавая ему сакральное магическое значение, благочестивый царь Езекия истребил его, как свидетельствует об этом Писание (4 Цар. 18:4). Вне всякого сомнения, народ израильский помнил историю создания медного змия в пустыне Моисеем и мог сослаться на то, что он сделан по повелению Божьему, что через него Господь совершал чудеса исцеления. Но это не давало права народу совершать такого рода поклонение, которое приличествует одному Богу. Это яркий пример того, как почитательное поклонение, за которое ратуют иконопочитатели, незаметно перерастает в идолослужение. Именно ситуации такого рода наиболее рискованны, когда под видом религиозного служения проникает запрещенная Богом религиозная практика. Если же в Ветхом Завете служение и поклонение перед живым Богом могло происходить без использования изображения Самого Бога, то тем более в Новом Завете, когда умножилась благодать Божья и христианство освещено яркими лучами откровения Божьего Слова. Служение и поклонение Богу успешно совершалось во дни апостолов без изображения уже воплотившегося Иисуса Христа. Апостол Павел во Втором послании к Коринфянам основательно развивает учение о поклонении Иисусу Христу и Богу Невидимому. Он пишет: «Ибо мы ходим верою, а не видением» (5:7). Он говорит о внутренней способности христианина видеть невидимое верою: «Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4:18). Такого рода духовное взирание содействует тому, что сам человек преображается в тот же образ «от славы в славу как от Господня Духа» (2 Кор. 3:18). То богопоклонение, которое очерчено совокупностью всех свидетельств Ветхого и Нового Завета, основывается не на созерцании изображений Бога, а на боговедении, которое доступно каждому человеку, когда он ходит «верою, а не видением».

Главный модус иконопочитания

«Центральным и самым важным пунктом всего постановления (ороса) об иконопочитании является определение «модуса»

чествования св. икон. Этот модус чествования определяется отцами собора как «почтительное поклонение», в противоположность служению»¹.

Постараемся объяснить это следующим образом:

Слова «почтительное поклонение» применимы к иконам, но это не значит, что они равны тому поклонению и служению, которые приличествуют одному только Божественному естеству. Существуют разные виды «почтительного поклонения», — вот, что пытаются сказать отцы Вселенского собора. Согласно их понятию перед иконой нельзя поклоняться как перед Богом, но нужно поклоняться «почтительным поклонением». При этом перед иконами нужно возжигать свечи, курить фимиам, склонять колени и целовать их. «Ибо честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется существу (ипостаси) изображенного на ней»².

Тут происходит наложение двух взаимоисключающих видов поклонения в одно и то же время.

Первое. Если вы поклоняетесь иконе, как подобает поклоняться Самому Богу, то вы нарушили заповедь Божью и повеление Седьмого вселенского собора, который запрещает совершать перед иконой Божественное поклонение и служение.

Иконопочитатели, однако, утверждают, что «почтительное поклонение» и служение Богу — это разные вещи. Они говорят, что «почтительное поклонение можно воздавать всем, а «служить», как Богу, можно только перед одним Богом. Вот что говорит по этому поводу святой Анастасий, епископ Феопольский: «Мы поклоняемся и святым людям, и ангелам, но не служим им, как богам, ибо Моисей говорит: Господу Богу твоему поклоняйся и Тому Единому послужи. Смотри, при слове «послужи» прибавлено «Единому», а к слову «поклонись» не прибавлено. Значит, можно поклоняться и не Богу, потому что поклонение есть выражение почтения, служить же нельзя никому, кроме Бога»³.

Но посмотрим, как Священное Писание использует эти понятия и термины. «Почтительное поклонение» и «служение» идут в Писании вместе. И поклонение, и служение — это явления одного и того же порядка. Они взаимосвязаны, хотя и обозначают две разные стороны одного дела. Есть «почтительное поклонение» и соответствующее ему «служение» по отношению к высокопоставленным людям. Библия дает ряд примеров [Быт. 23:12; 33:3—7; 37:7—10; 1 Цар. 24:9; 2 Цар. 18:28].

¹ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. IV. М., 1994. С. 563.

² Там же. С. 561.

³ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 499.

Все эти случаи, о которых говорит Библия, описывают примеры, когда люди кланяются перед другими и одновременно служат им. Есть другой вид поклонения и служения, который подобает одному истинному Богу, и никому более. Его можно назвать «богослужебное поклонение», да и само служение называется «богослужением» [Исх. 20:5; 23:25; Втор. 6:13; Лк. 4:8; 1 Фес. 1:9; Еф. 6:7]. Нельзя смешивать «почтительное поклонение» и служение, которое люди практиковали в библейские времена между собой, и «богослужебное поклонение», которое воздавалось только одному Богу. Но в модусе об иконопочитании соединены два разных поклонения и служения. «Почтительное поклонение» перед иконой и служение перед Богом. Первое — это меньшее, а второе — большее, ибо «почтительное поклонение» перед иконой, по понятиям иконопочитателей, не есть служение, которого достоин Бог.

Заповедь Божья говорит: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Здесь и поклонение, и служение одного порядка, т. е. одного уровня, а именно — богослужебного. Нельзя в этой заповеди соединить меньшее поклонение с большим служением, и недопустимо оторвать поклонение Богу от служения Ему, а модус иконопочитания именно это и совершает. Во-первых, разделяет поклонение перед иконой как меньшее — «почтительное», от служения Самому Богу — как большее, а потом возносит это меньшее к Богу. Таким образом, через икону человек воздает Богу неполное поклонение. Особенно это становится ясным, когда на иконе изображен Иисус Христос — истинный Бог. Икона остается иконой, и перед нею допустимо только «почтительное поклонение». Но иконопочитатели утверждают, что поклонение восходит от образа к первообразу, и поклоняющийся перед иконой поклоняется перед лицом изображенного на ней. Значит, к Иисусу Христу восходит только «почтительное поклонение», а Он как истинный Бог достоин богослужебного поклонения.

Второе. Если же вы поклоняетесь перед иконой только почтительным поклонением, то вы поклоняетесь неполноценным поклонением, ибо сказано, что «поклоняющийся перед иконой поклоняется Естеству, изображенному на ней». И это поклонение восходит к Первообразу.

Итак, нельзя совместить дозволенное «почтительное поклонение» с недозволенным «Божественным» поклонением в одном и том же акте поклонения перед иконой. Нельзя соединить и «да», и «нет» в одном и том же слове или деле, ибо если вы говорите «да-нет», то это от лукавого. Нельзя совместить в одном

поклонении частичное и полное. Нельзя их соединить, ибо это не арифметика, где меньшее число приплюсовывается к большему. Это два разных поклонения, качественно и духовно различные между собой. Это подобно тому, как нельзя масло соединить с водой, слив их в один сосуд. Разве не Сам Господь сказал: «Отдавайте кесарево — кесарю, а Божие — Богу»? В том же смысле можно сказать: воздайте художественному произведению то, что ему надлежит — ваше восхищение, а Богу — поклонение. Ибо у них две совершенно разные природы. Воздайте святым людям то почтение, которое соответствует их природе; Ангелам — то почтение, которое подобает им. А Божественное поклонение и служение приличествует только одному Богу. «Итак, отдавайте каждому свое. Кому страх — страх, кому честь — честь, кому подать — подать. Бога бойтесь, царя чтите. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви».

Священное Писание очень определенно разграничивает природу поклонения Богу и людям. Когда богатый юноша подбежал и поклонился Иисусу Христу, назвав Его Учителем благим, то Христос не принял его поклонения, ибо юноша увидел во Христе не Бога, а только Учителя. Но назвав Учителя благим, он превысил меру поклонения перед человеком, в котором он не видел Бога. Христос обличил его, говоря: «что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог». Ты считаешь Меня человеком, а воздаешь славу, как Богу. Но там, где люди видели во Христе Богочеловека, каким Он и был в действительности, и поклонялись Ему, Он принимал это поклонение, ибо оно совершалось «в духе и истине». Есть единственный путь соединения Божественной и человеческой природы — во Христе Иисусе, и нет другого соединения Божественной природы с веществом, с деревом или камнем, золотом или серебром, с красками и мозаикой. Есть Богочеловеческая природа Христа, но нет богокаменной или богодеревянной, нет богозолотой или богосеребряной. Это хорошо понимают и православные богословы¹. Если же нет соединения Бога с веществом, то отдайте Богу — Божие, а веществу — не более, чем оно достойно. Тогда при чем здесь «почтительное поклонение» перед иконами, при чем здесь воскурение фимиама и возжигание свечей? Но и здесь находят выход. «По верованию православия икона есть место благодатного присутствия, как бы явления Христа (а далее и Богоматери, святых, вообще тех, кто изображается на иконах), для молитвы Ему. Это явление Христа в Своем изображении для

слышания молитвы Ему не делает саму доску и краски, которые необходимы для изображения... принадлежащими телу Христову»¹. Но где же в Священном Писании вы найдете хотя бы одно место, что какое-нибудь изображение или изделие является «местом присутствия» Божьего? Вот что говорит по этому поводу Священное Писание: «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, — Святый имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище, а также с сокрушенными и смиренными духом» (Ис. 57:15). Местом «особого присутствия» было Святое святых, где Господь открывался над крышкой ковчега. Когда же народ Божий отступил от Господа, Иисус Христос заявил: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23:38).

Итак, нет неотторгаемой святыни, навсегда привязанной ни к храму, ни к человеку, ни к тому месту, где являлась слава Божья. А освященная икона, по понятиям православных богословов, является носительницей благодатного присутствия, т. е. освященная икона является чудотворной, т. е. обладающей неотъемлемой святыней². Далее рассмотрим внешние признаки поклонения: возжигание свечей, воскурение фимиама, лобызание икон и поклонение ниц перед ними. Это легко было понимаемо и практикуемо в эпоху, когда утверждалось иконопочитание. В культуре Византии считалось общеобязательным поклонение перед изображениями императора и императрицы, выставление их портретов и скульптур в присутственных местах и даже в христианских храмах³.

Кроме того, в храмах были выставляемы и портреты епископов и патриархов. При появлении императора или патриарха народ кланялся им до земли. Это считалось нормальным явлением для той эпохи. По этому поводу историк В. В. Болотов пишет: «Ни с психологической, ни с исторической (в данную эпоху) точки зрения не могло быть возражения против чествования известных лиц, оказываемого их портретам. Изображения живых патриархов и епископов в знак уважения к ним и признания их власти, ставились в церквях. Не может быть возражений и против того, чтобы это чествование продолжилось и после того, как чествуемые лица почил со славою святости. От святителей — переход к мученикам (портрет, не имеющий высокой исторической точности), от изображений подвигов мучеников — к изображению событий евангельских — и к иконе Христа»⁴.

¹ Булгаков С. Православие. М.: Терра, 1991. С. 299.

² Там же. С. 301.

³ Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1913. Т. 1. С. 394.

⁴ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. IV. М., 1994. С. 528].

¹ Булгаков С. Православие. М.: Терра, 1991. С. 297.

На основании вышесказанного отцы Седьмого вселенского собора в подтверждение своей правоты говорили: «Ведь мы же поклоняемся перед скульптурами императоров и перед их портретами, так почему же нельзя поклоняться перед иконой Христа?» Этот аргумент, конечно, производил впечатление в ту эпоху, когда император и императрица наряду со святыми, а иной раз рядом со Христом изображались в церквах. Но уже Французский собор 825 года отверг этот аргумент, назвав его смешным примером «где недозволенное хотят доказать недозволенным». Такой аргумент, конечно, нравился властолюбивым императорам, и они со своими женами и детьми изображались на стенах храмов. Вокруг голов у них зачастую были нимбы, как у святых, так что даже такие императоры, как Юстиниан I и его супруга Феодора изображались как святые, хотя церковь никогда не причисляла их к лику святых. Простой же народ кланялся им, как святым, но это не особо волновало иерархов. Еще один аргумент в пользу иконопочитания. Часто говорили: «Иконы нужны для неграмотных людей, чтобы они хотя бы по иконам знали о Боге и Его делах». Очевидно, что на сегодняшний день нет необходимости опровергать этот аргумент. Хотя в свое время он был довольно веским. Одним из очевидных парадоксов истории является то, что эпоха, когда создавались самые изощренные и возвышенные теории иконопочитания, стала одновременно эпохой, когда в наибольшей степени совершалось глумление над человеческим образом. Трудно найти в истории другую цивилизацию, в которой бы так систематически изувечивали человеческие лица. Распространенным явлением в ту эпоху были выкалывание глаз у человека, отрезание ушей или носа, и этому подвергались не только простые преступники или политические противники, но и императоры, свергнутые с престола. Сколько их сошло в могилу с обезображенными лицами, изувеченными телами. Из 86 императоров, восседавших на византийском престоле, едва ли два десятка умерли своей смертью.

Эпоха торжества иконопочитания была одновременно эпохой наибольшего унижения человеческого достоинства именно православного народа. Вот несколько примеров. Юстиниан I руками своих полководцев Велизария и Нарзеса истребляет в Константинополе в 532 году на ипподроме около тридцати тысяч православных христиан «когда народ падал под мечами, как трава», по выражению современника-летописца. Кто производил эту массовую резню? Арианские наемники, солдаты личной охраны императора. А произошло это по причине восстания в Константинополе простого народа, доведенного до отчаянного

состояния поборами и вымогательствами императорского министра финансов Иоанна каппадокийца. Еще не успели, как говорят в народе, остыть тела убиенных, как в 536 году тот же император Юстиниан торжественно отпраздновал посвящение центрального собора святой Софии, где были собраны невиданные до тех пор украшения из золота и серебра, драгоценных камней и мрамора. Иконы и иконостасы были украшены золотыми окладами, и император подъехал к храму на великолепной колеснице в сопровождении блестящей свиты, вошел в храм и провозгласил: «О Соломон! Я превзошел тебя!»

Войска Юстиниана истребили целые народы, в том числе вандалов в Африке, ост-готов в Италии, самарян в Палестине. После «торжества православия» в 843 году в Малую Азию были посланы три сановника с огромным войском и с обширными полномочиями для расправы над еретиками павликианами. В результате этого крестового похода было казнено сто тысяч человек. Людей топили, распинали на крестах, обезглавливали. Все это во имя «чистоты веры»¹. Император Василий II Болгаробойца в 1014 году взял в плен пятнадцать тысяч православных болгар и сделал то, чего не делали до него ни языческие, ни мусульманские, ни католические цари. Царь велел выколоть глаза пятнадцати тысячам пленных, оставляя на каждом сто человек по одному поводырю, лишённому одного глаза. В таком виде они пошли на родину к своему царю Самуилу, падая на камни, спотыкаясь, голодные, искалеченные. Когда царь Самуил увидел их, он не смог выдержать этой картины и умер². А царь-победитель, въезжая в Константинополь через золотые ворота, был встречен блестящей процессией священников и колокольным звоном множества церквей.

Изображения Христа на картинах, на иконах, мозаике, даже самые удачные и искусные, всегда неподвижно застывшие, при мерцании лампад, темнеют от времени. Народ, входивший в храм, был приучен взирать на эти бесстрастные лики, как бы безучастно наблюдавшие и радость, и горе, и коронацию, и похороны, и бракосочетание, и отпевание. Поэтому Бог был представлен как отстраненная от жизни Личность, сурово наблюдающая за биением трепетной и суетной человеческой жизни. На многих фресках Христос представлен сидящим на престоле в императорских одеждах, неприступный Правитель мира, Пантократо (Вседержитель). А император на земле был космокра-

¹ История Византии. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 79.

² История Византии. Т. 2. С. 223.

тор (управитель вселенной). Таким образом, император, как бы представитель Бога на земле, был вершителем Его воли и правосудия. Такие ассоциации непременно порождали атмосферу отчужденности между простым человеком и Владыкой мироздания, Христом. Не таков живой Христос, открывающийся нашему духовному взору, когда в тиши читаем о Его деяниях на страницах Евангелия. Вчитываясь в Слово Божье, мы видим многообразие слов и дел Божьих, обращенных к душе человека. Это создает обилие духовных впечатлений и опытов. Кроме того, Его голос обращен к каждому человеку лично, и потому никакая икона и картина несравнимы с выразительностью и живым влиянием Слова Божьего. Икона неподвижна и одинакова в вашем детстве и старости. Она не может ни услышать, ни увидеть, ни почувствовать, ни сказать вам ничего в вашей нужде. Да, она может напомнить о Боге, молчаливом и строгом, бесстрастно смотрящем своими нарисованными глазами и в часы ваших радостей, и в часы печалей. Самое печальное, что живое Слово Божье было вытеснено из церковной проповеди, которая еще так ярко звучала за 400 лет до этого, во дни Иоанна Златоуста, и заменено непомерно разросшимся культом икон. Когда происходит смещение духовных ценностей от Бога живого и Его животворящего Слова к мертвым и рукотворным формам религии, когда огромные средства народные и церковные тратятся на создание дорогостоящей церковной утвари, расшитых драгоценностями одежд епископов, на создание монументальных соборов, тогда недостает средств на распространение в народе книг Священного Писания и нет особого рвения о просвещении народа, тогда наступают сумерки суеверий, торжество жестокости и всемерного унижения человеческой личности, тогда наступает то, что и произошло в истории после эпохи «торжества иконопочитания», то духовное оцепенение, которое справедливо названо «византийским коснением». Практика иконопочитания оказалась ущербной для народов, ибо, закрепив соборно такой тип поклонения перед Богом и канонизируя его, она лишала народ той свободы поклонения Богу «в духе и истине», которой Христос желает и ищет у Своих поклонников (Ин. 4:23). Этим в значительной степени можно объяснить тот духовный и интеллектуальный застой, который породил средневековье. Я не хочу этим сказать, что Господь не слышал молитвы многих поколений христиан, практиковавших иконопочитание. Он и слышал, и отвечал людям на их молитвы, ибо простой народ, лишенный всякой свободы, невиновен был в тех канонах, которые ему были «спущены сверху» епископами и императорами, присвоившими себе неограни-

ченную власть над совестью народа, над его человеческими и религиозными правами. Народ вопиял к Богу, как умел и как был научен, а Господь по великой Своей любви слышал их молитвы, и по их вере совершал чудеса ради Своего имени, чтобы не разочаровать в Себе миллионы простых сердец. Но, судя по Евангелию, Он всегда ожидал, что Его поклонники будут идти от меньшего к большему, как только им предоставится малейшая возможность.

Нам могут сказать: но ведь кроме простого народа были и подвижники, и высокообразованные люди. Они молились в кельях, где были иконы, как, например, Сергей Радонежский или Серафим Саровский, или мать Мария. Никто не сомневается в их нравственной чистоте и святости. Слава Богу за таких подвижников. Почему же они не стали реформаторами и не разъяснили людям вопрос об иконах, если он истолкован неверно? В Священном Писании также есть немало примеров, когда люди, не имея полноты религиозной истины, совершали дела, угодные Богу, и Господь даже ставил их в пример иудеям, которые имели большее знание Закона. Вдова из Сарепты Сидонской, Руфь Моавитянка, милосердный самарянин получили высокую оценку своей веры и добродетельной жизни, и Сам Спаситель ставил их в пример. Но, одобряя милосердного самарянина, Христос одновременно сказал о самарянах: «Вы не знаете, чему кланяетесь». И еще: «ибо истина от иудеев».

Во все времена и во всех народах были угодные Богу люди по чистоте жизни, но это не значит, что Бог считал образцовыми и истинными их религиозные верования. Не всякому человеку по плечу браться за религиозную реформу, не во всякое время и не везде можно и полезно было поднимать религиозные вопросы, даже если кто-то и понимал истину лучше окружающих. Бог оставил за Собой право спасать таковых, говоря: «Только то, что имеешь, держи, доколе приду». И еще: «Сказываю, что не наложу на вас большего бремени». Но, позволив языческим народам ходить своими путями, пока они не взыщут Его, Бог позволил и христианским народам «ходить своими путями», чтобы, найдя и наскитавшись в пустыне долгого средневековья и так называемого нового времени, убедиться, что эти «свои пути» не так хороши, какими они казались вначале. «Мои мысли — не ваши мысли; не ваши пути — пути Мои. Но как небо выше земли, так Мои пути выше путей ваших и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55:9). И еще Слово говорит: «Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему» (Иер. 6:16).

Да, иконопочитание — это тоже древний путь, ему уже более тысячи лет, но библейский путь — путь изначальный, освященный Словом Божиим, не только более древний, но и добрый. Это путь Завета и заповедей Господних, которые, хотя и забыты, но не ветшают по своей природе. Мы должны помнить, что вхождение Библии в русскую языковую культуру совершилось немногим более столетия тому назад, в эпоху, когда на Руси народ был почти сплошь неграмотным и не имел гражданской свободы. Из этих ста лет нужно вычесть семьдесят лет на эпоху принудительного и массового атеизма. Господь по Своей милости дал, наконец, два десятилетия свободы, дал возможность духовного образования, сделал доступным Евангелие. Он ожидает, что современное поколение, имея Библию в руках, сможет взыскательно отнестись к тому, во что верит и как должно поклоняться и служить Господу. Неверно переносить церковную теорию и практику Седьмого вселенского собора, который проходил в условиях упадка богословия и государственного террора на все последующие века из-за того, что они присвоили себе звание «вселенского» собора.

Последующее тысячелетие после 787 года было тысячелетием еще большего интеллектуального упадка и бесправия, так что за древностью лет ошибка не превращается в истину. Внимательно исследовав лучшие труды, написанные в защиту иконопочитания, вы убедитесь, что все они опирались не на Библию, а на авторитет того злополучного собора. Все они, как и собор, не имеют одного простого, но необходимого в делах веры определения: «Так говорит Господь». Когда христиане во Франции и Германии услышали о постановлении Седьмого вселенского собора об учреждении иконопочитания в Константинополе, они не согласились с решениями этого собора и собрали свои ответные соборы. В Германии Франкфуртский собор против иконопочитания был созван в 794 году. Парижский собор, также иконоборческий, был созван в 825 году¹. Не был признан этот собор и армянской церковью. Так что утверждать, что все вселенское христианство «единогласно» одобрило это решение — значит явно погрешать против истории. Неискушенные философским мудрствованием французы той эпохи просто высказали свое отношение к иконопочитанию. Они определили совершенно очевидную истину, что иконы — это те же картины, а раз это изображения, то они служат лишь для украшения церквей и для напоминания о событиях священной истории. Отсюда для них

¹ См. Карташев. С. 531.

очевидно, что перед картинами и скульптурами нет смысла поклоняться, воскурять перед ними фимиам. Поклонение немисливо перед нечувствующими и невидящими и ничего не знающими предметами. Знаки приветствия и почтения могут быть воздаваемы людям в соответствии с обычаями и культурой народа. В разных культурах в разные эпохи почтительное поклонение выражалось по-разному. В Египте в эпоху фараонов было принято падать ниц перед вельможами, этот обычай был и среди евреев. Братья поклонились Иосифу в Египте до земли. Подобные же случаи описаны в Библии неоднократно. Далее в истории народов цари и вельможи христианских государств также практиковали подобного рода поклонения. Еще недавно у нас на Руси, когда боярин в сопровождении многочисленной свиты направлялся к царю «бить челом», по дороге простой народ, увидев пышную процессию, падал ниц перед тем же боярином, как повествует об этом историк Ключевский¹.

Подобные явления можно было наблюдать и среди духовенства. «Теперь это выводится из обыкновения, но было все века обычаем, что духовенство белое не иначе встречало приезжающего в епархию (на управление) епископа, как стоя рядами на коленях; когда он подходил, благословляя их и говоря им трогательные слова из ап. Павла, они в рабском страхе клали седые головы свои на каменный помост церкви — как еврейские рабы перед фараонами на изображениях обелисков и пирамид. Так, еще в 1888 году я видел именно эту картину поразившей меня встречи епископа Орловского Михаила духовенством города Ельца. И этот добрый и простой епископ не искал унижения, но его предшественники, да и весь церковный строй православия, склонил старческие выи семейных людей перед входившим в храм сорокапятiletним «ангелом» (монахи в православии именуется «ангелами земными, небесными человеками»)².

Кто-то скажет: ну что ж, такова культура, таковы обычаи. Ведь и в Библии подобные обычаи не порицались Богом. По этому вопросу можно сказать следующее. Что касается Библии, то это можно рассматривать как одно из допущений практиковавшихся людьми неверно сложившихся на земле межчеловеческих отношений. Если Господь и не запрещал это, то это не значит, что это лучший пример для подражания, потому что в ту эпоху Господь не запрещал и рабства, и многоженства «по жестокосердию их». Но в свете Евангелия очень ясно раскрываются новые

¹ Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. С. 33.

² Розанов В. В. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С. 23.

принципы взаимоотношений между людьми, которые Христос предлагает Своим последователям. Сам Иисус служил Своим ученикам, а о порядках мира сего сказал: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними... Но между вами да не будет так» (Мат.20:25).

Почему бы не обратить внимание на то, что в небесном царстве даже перед высокими ангелами нельзя поклоняться, «падая на лицо свое». И не случайно ангел Господень дважды засвидетельствовал апостолу Иоанну, когда он в благоговении хотел поклониться ему до земли: «Смотри не делай этого... Богу поклонись» (Откр. 19:10; 22:9). Чем руководствовался небесный вестник, зная обычаи и культуру, в которой жил ап. Иоанн? Ответ может быть один: он руководствовался заповедью Божьей, которая говорит: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Одному служи» (Втор. 6:13). Если же ангел Господень, который находится в кругу первом у престола Божьего, не приемлет поклонения апостола, то, естественно, что и все небесные существа, окружающие престол Божий, подобно ему, не приемлют поклонения жителей земли. Это говорит о том, что заповедь Божья остается в силе на небе и на земле в любую эпоху, в любой религиозной среде, и только она может быть критерием в вопросах веры, несмотря на то, что обычаи и понятия могут и не согласовываться с ней. Так почему же нам, имеющим свет Евангелия и понимающим заповеди Божьи, делать вид, что мы их не понимаем и не слышим, и развивать необыкновенную активность, практикуя земные обычаи, неудобные Господу?

В этом уроке, который Господь преподавал апостолу Иоанну в конце I века христианской истории, звучит обращение ко всем христианам последующих поколений о том, что заповеди Божьи стоят неизменно и что ни традиции, ни обычаи, ни религиозные порывы, какими бы искренними они ни были, не могут быть критерием в вопросах богослужения и поклонения Богу.

В заключение рассуждений о поклонении Богу мы можем выстроить следующую последовательность:

1. Главной смыслообразующей истиной в вопросах поклонения Богу является Закон Божий (Исх.20:4—6).

2. Во все последующие века во исполнение этой заповеди верные дети Божьи поклонялись Богу без изображений.

3. Иисус Христос — истинный Бог — никогда не повелевал сделать Его изображение или описывать Его внешний вид.

4. Апостолы Иисуса Христа и евангелисты нигде ни разу не описывают внешность Иисуса Христа. В их посланиях также нет

намека на необходимость делать изображения и поклоняться перед ними.

5. С I по IV век, как свидетельствуют православные историки, иконопочитание не практиковалось ранней христианской церковью.

6. До VIII века этот вопрос не был догматизирован и оставался открытым в христианстве.

7. Столь поздняя канонизация икон говорит о том, что иконопочитание созрело в христианстве постепенно и утвердилось в эпоху раннего средневековья как обычай, рожденный культурой Византии и Египта.

8. Утверждение иконопочитания было навязано христианскому миру посредством императорских указов и посредством соборов, созванных по воле императриц-иконопочитательниц (Ирины в 787 г. и Феодоры в 843 г.).

9. Каким бы древним ни было это церковное постановление, оно противоречит библейскому учению, учению апостолов, а потому не имеет статуса заповеди Божьей.

10. Богословские и философские исследования, сделанные в последующие века в защиту иконопочитания, опираются не на авторитет Библии, а на авторитет средневековых соборов.

Приложение

I. Небиблейская проблематика иконоборческих споров

В чем сущность догматического спора об иконах, который так взволновал византийское общество? Первым обвинением в адрес иконопочитателей было то, что они поклоняются идолам. На это иконопочитатели отвечали, что они, почитая изображение Бога, поклоняются Самому Богу.

Далее иконоборцы в борьбе против культа икон перешли к доводам из христологических споров. Что изображают иконы? Если это само божество, то это противоречит Священному Писанию, ибо Бог — Дух, неопишущий и непознаваемый. Следовательно, икона вовсе не изображение божества, а только идол. Если же икона изображает Христа как Бога и Человека в едином образе, то это монофиситство, объединяющее два естества Христа в единое. Если же икона представляет воплотившегося Христа в Его человеческом естестве, то это ересь несторианская, полностью отделяющая Человека Христа от Божественного Логоса. Поэтому всякое изображение Божества есть ересь и святотатство. Иоанн Дамаскин отражал эти обвинения, используя положения платоновской философии. Все в мире является образами (по-гречески «eikon» — образ, изображение). Человек — образ и

подобие Бога, любая вещь — образ идеи. Между образом и прототипом, между материей и духом имеется связь. Коль скоро иконоборцы отвергают связь материи с духом, то они — манихеи, отвергающие какую бы то ни было причастность материи к божеству.

Иконоборцы считали, что икона и прототип должны иметь единую сущность. На это иконопочитатели отвечали, что в иконах имеется внутреннее единство с прототипом: так, приводили они пример, изображение царя есть в то же время выражение идеи царской власти. Можно сказать, что изображение царя и царь обладают внутренним единством. Икона есть поэтому материализация исконной реальности — божества, материальное отображение сверхчувственного мира. Ярко выражена эта мысль в двустишии Феодора Студита:

На иконы взирая, ты достигаешь
Несказанного вида небесных зрелищ.

При этом иконопочитатели утверждали, что связь изображения с прототипом осуществляется не естеством (фюзис), а благодаря Божественной энергии. Поднимая вопрос об энергии, иконопочитатели перешли от христологических споров к новому этапу богословских распрей — отношение божества к людям, к мистическим связям божества с человеком.

Икона, в представлении иконопочитателей, облегчает связь человека с божеством. Подобно тому, как Бог пришел к людям через вочеловечение Христа, человек через лицезрение иконы ощущает действие энергии божества и как бы приобщается к мистическому единению с божеством (деификации). Иконоборцы же утверждали, что этого можно достичь только через таинство причащения, где под видом хлеба и вина верующие получают благодать Божью, и что поэтому истинным образом Христа является не Его изображение, а евхаристия¹.

Комментарий автора: Из этого изложения видно, что спор между иконопочитателями и иконоборцами перешел в философскую плоскость умозрительных споров, в которых ни та, ни другая сторона ничего не могли доказать друг другу.

Поскольку вопрос заповеди Божьей, запрещающей поклонение Богу с использованием Его изображений, не является предметом философским, он не может быть разрешен в философской плоскости. Это пример, когда богословие использует не свойственный Библии метод и потому не достигает разрешения возникшей проблемы. Заповедь Божья не выводится из человеческой практики и не является резуль-

татом достижения человеческого опыта в сфере науки. Заповедь Божья дается как **Откровение** бесконечной Божественной премудрости свыше и должна быть принята верою, и только после этого человеческий разум освящается величием ведения и премудрости, которые в ней содержатся.

В богословии приемлем и философский метод, и логика как инструмент служебный, но они действуют ограниченно и правомерны только тогда, когда принимают заповедь Божью как безусловную предпосылку, но не наоборот.

Не учитывая этого, люди, пускающиеся в подобные дискуссии, могут логически безупречно доказать и ту, и другую позицию.

II. Историческая справка об основных церковных соборах против и за иконопочитание

Церковные соборы против иконопочитания	Церковные соборы за иконопочитание
Эльвирский собор. Испания, Гренада, ок. 300 г.	Трульский собор (82-е правило), 691—692 г.
VII Вселенский собор в Константинополе, 754 г. (Влахерна)	Поместный собор в Риме (п. Григорий II), 727 г.
Константинопольский собор (повторный), 815 г.	VII Вселенский собор, Никея, 787 г.
Франкфуртский собор, Германия, 794 г.	Повторный Константинопольский, 843 г.
Парижский собор, Франция, 825 г.	

Примечание. На VII Вселенском соборе во Влахерне присутствовали 338 епископов с правом голоса.	Примечание. На VII Вселенском соборе в Никее присутствовало 219 епископов с правом голоса и 131 монах без права голоса, которым, однако, разрешили подписать решение собора.
---	---

¹ История Византии. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 55, 56.

III. Таблица основных событий эпохи иконоборчества

Императоры, годы	Патриархи	Современники	Историческая обстановка	Примечания
Лев III Исавр 717—741 г., иконоборец	Герман Анастасий	Константин, Фома, митр. Феодосий ефесский	В 717 и 740 гг. победа над арабами, реформы	Первый император, выступивший против иконопочитания
Константин V 741—775 г., иконоборец	Константин Никита	Феодосий ефесский митр. Василий, митр. Сисиний Пастилла	Жестокие гонения на монахов-иконопочитателей	Собор 754 г.
Лев IV Хазар 775—780 гг., иконоборец	Патриарх Павел	Феодор Студит, игумен, иконопочитатель	Политика терпимости к обоим партиям	Жена императора Ирина — тайная иконопочитательница
Ирина-регентша при сыне Константине VI 780—790 г., иконопочитательница	Патриарх Тарасий	Евнух Ставрикий	Упадок империи. Собор 787 г. в защиту икон	Подавление восстания в Греции, массовое ослепление восставших
Ирина 797—802 г., иконопочитательница	Патриарх Тарасий	Феодор Студит, евнух Ставрикий	Привилегии монастырям. Неудачная внешняя политика	Восстановление иконопочитания. Ослепление Константина VI (сына Ирины).
Никифор 802—811 г., иконопочитатель	Никифор	Феодор Студит осужден на соборе в 809 г.	Обложение тяжелыми налогами крестьян	Продолжение иконопочитания. Войны против болгар. Гибель имп. Никифора.

Михаил I Рангаве 811—813 г., иконопочитатель	Никифор	Восстановлен Феодор Студит	Неудачная война против болгар	Суровые преследования еретиков (павликиан)
Лев V Армянин 813—820 г., иконоборец	Никифор, Феодот с 815 г.	Иоанн Грамматик, ученый-богослов, иконоборец	II Иконоборческий собор 815 г. в Константинополе	Дворцовый переворот. Лев V убит во время ботослужения 820 г.
Михаил II Травль 820—829 г., веротерпимый	Антоний иконоборец	Возвращен из ссылки Феодор Студит (иконопочитатель)	Запрещены споры об иконах. Дал свободу обоим партиям	
Феофил 829—842 г., репрессивный иконоборец	Иоанн Грамматик	Феофан, церковный поэт	Вел войны с арабами, преследовал павликиан	Второй брак с Феодорой, тайной иконопочитательницей
Феодора и ее сын Михаил III 843—иконопочитатели	Мефодий	Иоанн Грамматик заточен в тюрьму	Восстановление иконопочитания собор 843 г. Торжество православия	Жестокие преследования и казни павликиан (100 000 жертв)

Примечание. Из этой таблицы видно, какое огромное влияние на решения церковных соборов оказывали императоры и политическая борьба партий.

IV. Тематическая симфония основных терминов

А. Употребление слова «образ» в Писании.

Образ Божий — Чис. 8:12; Втор. 4:12; 4:15; Пс. 16:15.

Образ Божий в человеке — Быт. 1:26, 27; 5:3; 9:6; Рим. 8:29; 1 Кор. 11:7; 15:49; 2 Кор. 3:18.

Христос в «ином образе» — Мк. 16:12; Рим. 5:14.

Святилище — образ — Чис. 8:4; Иез. 43:11; 10:6.

Образ мыслей человека (образ действий, мыслей, учения) — 1 Цар. 27:11; Зах. 5:6; Лк. 1:17; 17:21; 1 Петр. 3:21; Рим. 6:17; 1 Кор. 7:31; Гал. 1:13; Еф. 4:22.

Языческий образ — Ис. 44:3; Деян. 14:21; 17:29; Рим. 1:23.

Образ зверя — Откр. 13:14, 15; 14:9, 11; 15:2; 16:2; 20:4.

В Ветхом Завете Бог открывался в сияющем облике, описание которого только приближенно дают писатели Библии (теофания).

Человек, сотворенный по образу и подобию Божьему, является единственным творением на земле, в котором должен был отразиться образ Божий.

Иисус Христос принял образ человека, был видим, однако нигде не описан Его внешний вид у евангелистов и апостолов.

Святилище в Ветхом Завете было построено по образу (образцу), показанному Богом Моисею. Ветхозаветное святилище также является образом небесного святилища, устроенного Самим Богом.

Св. Писание употребляет слово «образ» для обозначения образа мыслей или характера человека.

Слово «образ» несколько раз употреблено для обозначения изображений или статуй как произведений искусства. Но в основном это относится к идолам.

Образ зверя в Откровении. Зверь — символ угнетающей власти в Ветхом Завете и в средние века. Образ зверя — это повторение той же системы в конце времени.

Б. Употребление слов «поклонение—поклоняться» в Писании.

Поклонение перед Богом — Ис. 66:23; Иер. 7:2; Иез. 46:9; Зах. 14:16; Быт. 18:2; 22:5; 24:26, 48, 52; 47:31; Исх. 4:31; 12:22; 24:1; 33:10; 34:8; Втор. 26:10; Ис. Нав. 5:14; Суд. 7:15; 1 Цар. 3:19, 28; 15:25, 30, 31; 2 Цар. 15:32; 4 Цар. 17:36; 1 Пар. 16:29; 2 Пар. 7:3; 20:18; 29:29; Неем. 8:6; 9:3, 6; Пс. 21:28, 31; 28:2; 44:12; 65:4; 85:9; 94:6; 95:9; 96:7; Иез. 46:2, 3; Соф. 2:1.

Два выражения «поклоняйся и служи» в Священном Писании всегда идут вместе по отношению:

1) *к Богу*. В этом случае и поклонение, и служение являются богослужбным священнодействием и могут быть представлены также и другими словами, такими, как «богопочитание» и «богослужение».

2) *к идолам*. В этом случае поклонение и служение употребляются так же вместе, как запрещенное Богом священнодействие что есть нарушение Его заповеди.

3) *к людям*. В этом случае поклонение и служение перед царями, князьями, высокопоставленными людьми не воспрещается в Ветхом Завете ввиду того, что рабство и зависимость человека от человека сформировали такой стиль взаимоотношений, но это может быть рассматриваемо только как допущение «по жестокосердию их», подобно тому, как в Ветхом Завете допускалось рабство, многоженство и т. п.

4) *служение*, истекающее из любви и милосердия как забота о слабых и нуждающихся в помощи. Однако здесь ничего не говорится о поклонении.

Ниже мы приведем перечень всех текстов, где поклонение и служение идут вместе: Исх. 20:5; 23:24.

Выводы

1. Недопустимо смешивать служение и поклонение одного рода со служением и поклонением другого порядка. Если, например, пророк Даниил служил во дворце Навуходоносора, он, естественно, оказывал ему знаки почитания, как это было принято во дворце. Обычно перед царем кланялись, и невозможно себе представить, что Даниил нарушал этот церемониал. Также и все его друзья, вместе с которыми он был в плену, воздавали царю и поклонение, и служение. Но как только царь потребовал от них поклониться его истукану как Богу, то они решительно воспротивились этому.

2. Христиане служили языческим царям и вельможам и, воздавая им честь, склонялись, приветствуя их. Однако когда император Домициан потребовал поклоняться перед своим изображением как перед божеством, христиане категорически отказывались повиноваться такому повелению.

3. Когда римские императоры приняли христианскую веру, их считали помазанниками Божьими, но не боготворили, как это было с языческими императорами в том же Риме. В Византии выставляли портреты и статуи христианских императоров для «почтительного поклонения», как знак лояльности или признания государственной власти.

Эта компромиссная и рискованная форма поклонения всегда была чревата тем, что давала возможность перерасти дозволенному в недозволенное.

4. Изображения императоров и Иисуса Христа на одной и той же картине стало традиционной формой в византийской иконописи. Поклонение перед такого рода изображениями являло собой смешение богослужебного поклонения с почитательным. Так постепенно совмещали изображения Бога и грешного человека, и это вело к снижению представления о святости Божьей, ибо императоры делали Бога как бы поручителем своей недостойной жизни.

5. Порядок небесного богослужения, согласно Откровению, главы 4 и 5.

В Книге Откровение, главах 4-й и 5-й, представлен порядок небесного богослужения. В центре, на престоле Божьем, восседает Бог Отец, «посреди престола Агнец, как бы закланный» — Иисус Христос, а также Дух Святой в виде семи горящих светильников. В первом круге вокруг престола находятся херувимы (четыре живых существа), в следующем круге — 24 старца, «искупленных от земли», в третьем круге — все ангелы Божьи. Совершается небесная литургия. Все небесные сотворенные существа — херувимы, старцы, ангелы *служат и поклоняются* только перед Божественной Троицей. Здесь нет поклонения старцев перед херувимами, или ангелов перед старцами. Здесь мы не видим также Богородицы рядом с Иисусом Христом, как это обычно рисуют на иконах. Это видение было показано Иоанну в последнем десятилетии первого века христианской эры, когда все апостолы уже почил в Господе. Почила и Дева Мария (по преданию, после смерти была вознесена на небо). Если бы это предание было верно, то Иоанн непременно увидел бы Богородицу на престоле рядом с Иисусом Христом и написал бы об этом.

Почему на небе все воинства небесные поклоняются только Единому Богу в трех Лицах? Ответ может быть один: там действует и остается в силе заповедь Божья, повелевающая поклоняться только перед Единым Богом. Более того, в заключительных главах Книги Откровение, когда все спасенные предстанут пред престолом Божиим, мы видим вселенскую литургию, совершающуюся в том же порядке. Поклонение совершается только перед Единым Богом в трех Лицах.

6. «По плодам их узнаете их». После того, как иконопочитание было окончательно утверждено в Константинополе, оно так и осталось законом для всех христианских церквей, признающих решение VII Вселенского собора.

С тех пор прошло двенадцать столетий. Каковы последствия избрания пути «видения, а не веры» в истории христианской церкви? Произошло смещение главного акцента Священного Писания с проповеди Слова Божьего на практику иконопочитания. Постепенно исчезает учительная сторона проповеди Слова Божьего, и ее место занимает культ икон и реликвий. Исчезает живой поиск истины через исследование Писания, утверждается шаблонное литургическое богослужение. Огромные средства используются для тиражирования икон, в то время как распространению Священного Писания не придают должного значения. Важно отметить, что в XV столетии на Руси архиепископ Новгородский Геннадий с трудом собрал по частям в разных монастырях одну полную Библию¹.

В то же самое время повсеместно можно было встретить множество икон: в церквях, в домах, на дорогах, у колодцев, у переправ и т. д. Каковы же были нравы духовенства? Об этом пишет та же Богословская энциклопедия: «Епископам того времени все сходило с рук: невежество, доходящее до незнания того, сколько было евангелистов; позорная, иногда даже не прикрытая внешним приличием жизнь (архиереям нужно не что-нибудь, а «пиры и села и скакати и смеяться с воры» — Вассиан Косой); симония, тирания над духовенством; один грех им не прощался, — потеря благоволения в правящих сферах. Этого греха не искупали даже такие заслуги, каковы были заслуги Геннадия для церкви»². В Западной Европе, несмотря на Франкфуртский собор (794 г.) и Парижский собор (825 г.), которые выступили против иконопочитания, постепенно под давлением папства все же были легализованы иконы. В связи с этим историк Карташев сообщает следующее: «Хотя до конца девятого века во Франции еще раздавались богословские голоса против Седьмого вселенского собора, но народное благочестие заставило их заглухнуть»³. Итак, «народное благочестие» защитило иконы и реликвии. Как же развивалась дальше история Западной Европы? В XI веке началось движение крестоносцев за освобождение самой большой реликвии — Гроба Господня в Иерусалиме. В 1095 году во Франции в г. Клермоне был собран собор, на котором папа Урбан II призвал к вооруженному паломничеству во святую землю. «Возлюбленные братья! — так, по словам летописца, начал свое обращение папа. — Наш первейший долг — оказать братьям на

¹ Православная Богословская энциклопедия. IV том. СПб., 1903. Раздел «Геннадий». С. 199.

² Там же. С. 204.

³ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: «Республика», 1994. С. 535.

Востоке столь часто обещаемую и столь необходимую им помощь. Турки и арабы напали на христиан (...) и все глубже проникают в их страну, они семикратно победили их в сражениях, они убили и взяли в плен многих из них, они разрушали церкви и разоряли эту землю. Если вы и сейчас не воспротивитесь этому, верные слуги Божьи на Востоке не смогут более противостоять их натиску. А потому я прошу и увещаю вас — даже не я, а Сам Господь устами глашатая Христова просит и увещавает вас, будь то богатых или бедных, не мешкая изгнать это гнусное племя с земель, где проживают ваши братья (...)

Если те, кто выйдет в сей поход, положат свою жизнь на суше или на море либо в битве против язычников, им тотчас будут отпущены все грехи; властью, данною мне Богом, торжественно вам это обещаю»¹.

Таких крестовых походов было восемь. Во время четвертого крестового похода в 1202 году крестоносцы разграбили «христианнейший город» Константинополь. При разграблении одной из церквей, как свидетельствует об этом участник этого похода Робер де Клари, «которая была столь богатой и благородной, что не было там ни одной дверной петли, ни одной задвижки, словом, никакой части, которые обычно делаются из железа и которые бы не были целиком из серебра... а настил часовни был из белого мрамора, такого гладкого и прозрачного, что казалось, будто бы он из хрусталя; и была эта церковь столь богатой и столь благородной, что невозможно было бы вам поведать о великой красоте и великолепии этой церкви. Внутри этой церкви нашли много богатых святынь; там нашли два куска креста Господня толщиной с человеческую ногу, а длиной около полутуазы, и потом там нашли железный наконечник копья, которым прободен наш Господь в бок, и два гвоздя, которыми были пробиты Его руки и ноги; а потом в одном хрустальном сосуде нашли большую часть пролитой Им крови; и там нашли также тунику, в которой был Он одет и которую с Него сняли, когда вели Его на Голгофу; и потом там нашли благословенный венец, которым Он был коронован и который имел такие острые колючки из морского тростника, как кончик железного шила. А потом нашли там часть одеяния пресвятой Девы, и голову монсеньора святого Иоанна Крестителя и столько других богатых реликвий, что я не смог бы вам перечислить их и поведать вам все по истине»².

¹ Д-р Манфред Вазольд. Крестоносцы. Изд. «Слово». С. 8, 9.

² Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М.: «Наука», 1986. С. 49.

Вот как далеко зашли защитники и апологеты реликвий, начиная с Иоанна Дамаскина, который «философски и богословски» обосновал культ реликвий. Так всегда бывает: сначала создаются красивые теории, затем они проводятся в жизнь и становятся практикой народов, затем эти теории оправдывают политические действия, так как это было в средние века. Когда воплотилось в жизнь решение духовенства и рыцарства с оружием в руках освободить великие святыни. Результаты этих походов известны. Все они в конечном счете после огромных человеческих потерь привели к полным неудачам. Предводители крестовых походов зачастую умирали самой неожиданной смертью. Так, Фридрих Барбаросса утонул в одной из сирийских рек на глазах у всех своих воинов; Людовик Благочестивый, король французский, вместе со всем своим войском умер от чумы под стенами города Туниса во время восьмого крестового похода.

Оценку этим событиям можно дать, только руководствуясь Словом Божиим: «По плодам их узнаете их».

Некоторые тезисы, дающие направленность нашим рассуждениям.

1. Человек сотворен по образу и подобию Божьему, и его религиозные обязанности, богослужение, поклонение Богу определяются Самим Богом посредством Завета между Богом и человеком.

2. В системе Завета Бог выступает как Законодатель, а народ Божий как исполнитель. Поэтому церковь Божья как в Ветхом, так и в Новом Завете наделена только исполнительной властью в пределах Закона Божьего.

3. Всякая однажды данная заповедь в Декалоге непреходяща, и потому все последующие повеления и разъяснения Божьи, записанные в Библии, идут в направлении развития этого ранее заданного указания. Бог неизменен, и потому Его заповеди вечны, т. к. они совершенны и абсолютны.

4. Ни одна из десяти заповедей Господних не выводится из рассуждений, предположений или толкований людей. Заповеди Божьи не являются плодом церковного творчества или порождением церковной практики. Господь никогда не советуется с ангелами или людьми по поводу того, какие давать людям законы.

5. Всякая заповедь Божья как условие Завета дается как конкретное повеление Божье, она регулирует определенную сферу жизни и потому не может быть изменена людьми, не нанося ущерба жизни.

6. Есть ли свобода творчества в законодательной и богослужебной практике народа Божьего?

За человеком и за церковью оставлена свобода творчества и в законодательной сфере, и в богослужении, но это творчество должно совершаться в русле Завета Господня без уклонений за рамки, установленные Господом в Его Слове. Свобода исследования и развития богословской мысли также должна совершаться в направлении утверждения принципов Закона Божьего. И только таким образом богословская мысль достигнет самых великих достижений и открытий. Этот путь духовного роста и нравственного совершенства ведет к Богу, и у него нет тупиков и предела.

7. Церковное право и церковное предание должны быть в полном согласии с Божественным Заветом, изложенным в Библии.

Глава 8 ЛЕТАЮЩИЕ ДУШИ?!

В основе подавляющего числа лжеучений, вкравшихся в христианское богопоклонение, лежит вера в бессмертие души. Выше мы уже приводили библейские тексты, которые раскрывают это лжеучение и всю его несостоятельность с точки зрения Библии, которая называет: ● смерть сном (Ин. 11:14; Иов 14:12; Пс. 12:4); ● говорит о том, что душа смертна (Иез. 18:4; Числ. 15:30—31; Ис. 53:12); ● что после смерти нет жизни (Еккл. 9:5—10; Пс. 145:4; Ис. 38:18—19; Пс. 113:25—26); ● что воскресение людей произойдет только при II Пришествии Христа (Ин. 5:28—29). Да и сами определения, которые Библия дает о душе, не оставляют места для утверждения, что она бессмертна. Ибо по Библии душа это: ● кровь (Лев. 17:14); ● человек (Быт. 46:26; Деян. 2:41); ● жизнь (Быт. 2:7; 9:5—6); ● внутренние переживания (Мф. 26:38); ● сердце (Притч. 23:7). Вместе с тем, несмотря на эти явные свидетельства Св. Писания, противники библейского учения о состоянии души в подтверждение своих взглядов часто приводят некоторые места Священного Писания, которые, по их мнению, свидетельствуют якобы о бессмертии души, и многие искренние люди оказываются весьма смущенными их «доказательствами». Учитывая же то, что учение о бессмертии души будет особо и весьма широко использоваться дьяволом перед II Пришествием Христа, знание ответов на эти тексты, как и вообще понимание темы состояния души, приобретает особую актуальность. При чем разбор данных мест Писания мы будем проводить не с точки

зрения учения какой-либо церкви или философии, а только на основании самого Св. Писания. Ибо его отличительной особенностью является то, что если в нем и встречается порой какой-либо не совсем ясный текст, то его полностью раскрывают другие места Библии. Ибо Библия объясняет сама себя. Итак, вот эти тексты.

«Потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды. Так и нас ныне подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа» (1 Петра 3:18—21). Итак, исследуя данный стих, возникает сразу несколько вопросов: 1) что за дух которым воскрес Христос; 2) что за духи, которым Он проповедовал; 3) что представляет собой темница, куда сошел Христос для проповеди этим духам? Итак, отвечаем на первый вопрос: «Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас» (Римл. 8:11). Т. е. Христос воскрес Духом Святым. Отвечаем на второй вопрос: «Да поставит Господь, Бог духов всякой плоти, над обществом сим человека» (Числ. 27:16); «Они же пали на лица свои и сказали: Боже, Боже духов всякой плоти! один человек согрешил, и Ты гневаешься на все общество?» (Числ. 16:22). Т. е. духи — это живые люди. Третий вопрос: «Чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме — из темницы» (Ис. 42:7). Т. е. темница символизирует неверие, отсутствие истины. Теперь подведем общий итог. Итак, во дни Ноя Духом Святым Христос проповедовал через Ноя жителям допотопного мира, находящимся в темнице греха (Быт. 6:3, 7—8). Рассмотрим еще один трудный на первый взгляд стих Св. Писания:

«И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудики их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр. 6:9—11). Рассмотрим его составляющие: 1) что такое жертвенник? 2) что за вопиющие души, на-

ходящиеся под жертвенником? Отвечая на первый вопрос, прочитаем Евр. 13:10—12: «Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии. Так как тела животных, чья кровь для очищения греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, — то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат» (Евр. 13:10—12). Итак, жертвенник — это наша земля, Голгофа, где был распят Христос. Второе. Библия говорит, что душа — это кровь (Лев. 17:14). И действительно, в античное время и во дни средневековья кровь многих истинных последователей Христа была пролита на земле, впитавшись в нее (т. е. оказавшись под жертвенником, под землей). И подобно крови Авеля она символически взывает к Богу. «И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт. 4:10).

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят. Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисей и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 16:19—31). Во-первых, это жанр притчи, т. е. иносказания. Во-вторых, обращаясь к Лазарю, богач просит, чтобы он смочил свой палец водою и охладил его язык. Но разве у души есть палец или язык? Конечно, нет, и это не станут отрицать даже те, кто верит в бессмертную душу. В-третьих, согласно данной притчи, если понимать ее буквально, богатые — осуждены на мучения, а бедные — на блаженство, но это противоречит Библии, где есть многие упоми-

нания об очень богатых праведниках (Авраам, Исаак, Соломон, Давид, Езекия и т. д.), и в то же время есть масса примеров бедных людей, которые отвергли Бога и погибли. Цель же данной притчи, сказанной Христом, состояла в следующем. Эта притча является продолжением обращения Христа, начатого с притчи о неверном управителе, к фарисеям — духовным руководителям израильского народа. Богатый человек в ней олицетворял иудейскую нацию, считавшую себя духовно богатой и полагавшей залог своего спасения на причастности к потомкам Авраама. Бедный же Лазарь олицетворял язычников, которых иудеи считали людьми второго сорта. Но Бог говорит, что спасение определяется личным выбором человека, и нация или наследственность здесь не играют никакой роли. Этой притчей Христос дает урок фарисеям, говоря, что судьба человека решается в этой жизни путем использования возможностей и что столь презируемые ими язычники, приняв Христа, могут стать духовными детьми Авраама и гражданами Царства Божия. Этой притчей Христос показывает каждому человеку, что в этой жизни люди решают свою вечную участь и что после смерти изменить участь человека уже нельзя. К сожалению, вопреки ясному учению Христа, некоторые христианские конфессии учат, что после смерти можно изменить участь человека. «Состояние душ людей, умерших до всеобщего воскресения, не одинаково. Так, души праведных находятся в предначатии вечного блаженства, а души грешников — в предначатии вечных мук. Такое состояние душ умерших определяется на частном суде, который совершается после смерти каждого человека... Смерть имеет важное значение в жизни каждого человека, она есть предел, которым оканчивается время подвигов и начинается время воздаяния. Но так как частный суд не окончательный, то и души грешных людей, которые умерли с верою во Христа и раскаянием, могут получить облегчение в страданиях загробных и даже совершенно избавиться от них по молитвам Церкви, и также через благодеяния, совершаемые за них живыми»¹. Так фактически провозглашался принцип, что за деньги можно изменить участь ваших умерших близких. Папство пошло еще дальше, создав учение о чистилище.

«И отправились из Вефиля. И когда еще оставалось некоторое расстояние земли до Ефрафы, Рахиль родила, и роды ее были трудны. Когда же она страдала в родах, повивальная бабка сказала ей: не бойся, ибо и это тебе сын. И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя: Бенони. Но отец его

¹ Закон Божий. Указ. соч. С. 560.

назвал его Вениамином. И умерла Рахиль, и погребена на дороге в Ефрафу, то есть Вифлеем» (Быт. 35:16—19). Это место также приводится некоторыми людьми, как, якобы, одно из доказательств независимого существования души от тела. Но, как и в других случаях, Библия сама раскрывает смысл данного отрывка. Из Лев. 17:14 мы помним, что душа — это и символ крови. И когда у Рахили были роды, они были осложнены кровотечением (душа, т. е. кровь, выходила из нее), которые привели ее к смерти.

«И скажи: так говорит Господь Бог: горе шивающим чародейные мешочки под мышки и делающим покрывала для головы всякого роста, чтобы уловлять души! Неужели, уловляя души народа Моего, вы спасете ваши души? И бесславите Меня пред народом Моим за горсти ячменя и за куски хлеба, умерщвляя души, которые не должны умереть, и оставляя жизнь душам, которые не должны жить, обманывая народ, который слушает ложь. Посему так говорит Господь Бог: вот, Я — на ваши чародейные мешочки, которыми вы там уловляете души, чтобы они прилетали, и вырву их из-под мышц ваших, и пушу на свободу души, которые вы уловляете, чтобы прилетали к вам. И раздеру покрывала ваши, и избавлю народ Мой от рук ваших, и не будут уже в ваших руках добычею, и узнаете, что Я Господь» (Иез. 13:18—21). Как и в наши дни, во дни Иезекииля было весьма широко распространено колдовство и магия. В древности многие колдуны носили особые повязки (мешочки), которые привязывали подмышками или на локтях. Считалось, что они давали власть над темными силами и позволяли манипулировать ими. Вместе с этими мешочками использовались и покрывала различной длины, в зависимости от роста человека, которыми колдуны покрывали своих посетителей, создавая тем самым особую атмосферу таинственности и трепета. Проводя свои магические обряды, колдуны ввергали иудеев в контакт с силами зла, также немало наживаясь и сами на проведении этих ритуалов. Мы помним, что в книге Бытие 2:7 отмечено, что душа — это живой человек. И очень многие из людей приходили, буквально слетались к таким колдунам, желая узнать будущее или разрешить свои проблемы. Через эти общения с миром бесов погибали многие люди, которые могли бы не умереть, не погибнуть для вечности. В то же время колдуны обещали процветающую жизнь многим нечестивцам. Бог же говорит, что однажды придет суд на этих лжепророчиц, которые уловляли людей, как птиц, в свои страшные силки. Бог предсказывает, что их покрывала будут разодраны и что уже никто не попадет в эти оккультные силки, что люди и сами увидят всю ложность их предсказаний и бессилие

управлять происходящим посредством колдовских чар и ритуалов. Но, к сожалению, как в прошлые времена, так и в наши дни для многих это время освобождения не наступит. Ибо они сами избрали эти спиритические силки, найдя в них смерть. Сегодня, еще более, чем во дни Иезекииля силы зла посредством гороскопов, спиритических и экстрасенсорных сеансов, эзотерической литературы, гаданий расставляют свои силки для миллионов людей, которые в удивительном стремлении слетаются в них, находя свою духовную гибель, от которой их, безусловно, спасло бы библейское знание о том, что душа не бессмертна и, следовательно, все эти спиритические и колдовские действия, облеченные сегодня в псевдонаучные одежды, представляют собой либо шарлатанство, имеющее целью разбогатеть за их счет, либо, что намного чаще и страшнее — прямой контакт с бесами. Как видим, учение отступивших от библейской истины церковью породило и поддерживает один из самых главных столпов сил зла — учение о спиритизме, что, впрочем, является не случайным, ибо те же силы, которые внедрились в учение многих христианских церковей учение якобы о бессмертии души, стоят и за колдунами и спиритами.

Глава 9

СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭКУМЕНИЗМА

«Итак молитесь Богу, чтобы помиловал нас; а когда такое исходит из рук ваших, то может ли Он милостиво принимать вас? говорит Господь Саваоф. Лучше кто-нибудь из вас запер бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвеннике Моем. Нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф. А вы хулите его тем, что говорите: «трапеза Господня не стоит уважения, и доход от нее — пища ничтожная». Притом говорите: «вот сколько труда!» и пренебрегаете ею, говорит Господь Саваоф, и приносите украденное, хромое и больное, и такого же свойства приносите хлебный дар: могу ли с благоволением принимать это из рук ваших? говорит Господь. Проклят лживый, у которого в стаде есть неиспорченный самец, и он дал обет, а приносит в жертву Господу поврежденное: ибо Я Царь великий, и имя Мое страшно у народов» (Мал. 1:9—14). В этих словах

обличения Бог через Малахию затрагивает одну из актуальнейших проблем богопоклонения. Поклонение Богу, противоречащее Его воле и закону, вызывает не только не благоволение Господа, но и Его проклятие — проклят лживый. Бог напоминает народу — «Я Царь великий, и имя Мое страшно у народов» (Мал. 1:4). Сегодня в наше время, время все больше набирающего силу экуменического движения, направленного на объединение различных церквей в единую духовную систему под эгидой Ватикана, все чаще провозглашается о том, что доктрины только разделяют людей, что Богу нет разницы, в какую мы ходим церковь, как поклоняемся Ему, лишь бы у нас была любовь к Богу и людям. Внешне все выглядит очень красиво. Действительно, что мешает объединиться всем христианским да и не только, церквям воедино. Как бы это способствовало укреплению мира, борьбе с терроризмом, решению этнических и религиозных конфликтов, повышению нравственного уровня общества. Но вопрос состоит в том, на каких принципах предлагается осуществлять подобное объединение. И вот исследуя этот вопрос по материалам самих сторонников экуменизма, мы четко видим, что принципы эти отнюдь не библейские, а порой и просто безнравственные. Как, впрочем, и истинные мотивы такого объединения, имеющие главную цель: в конечном итоге вернуть папству его былую полную политическую и духовную власть над миром, как во дни мрачного средневековья. И чтобы не быть голословными в этом очень важном вопросе, мы обратимся к самой официальной позиции папства, выраженной, в частности, в фундаментальном труде католического богослова Томаса Рауша «Католичество в третьем тысячелетии», являющегося учебником для духовных учреждений, перевод которого на русский язык осуществлен при поддержке католического комитета по культурному сотрудничеству, а также к непосредственно самим папским посланиям и другим документам по экуменизму, широко издаваемым сегодня при поддержке того же католического комитета по сотрудничеству на русском языке и с предисловиями одного из ведущих современных иерархов римской церкви кардинала Вальтера Каспера. К этим хрестоматиям относятся, в частности, «Православие и католичество. От конфронтации к диалогу». Хрестоматия. Сост. А. Юдин. Предисловие кардинала В. Каспера. М.: Библейско-богословский институт Св. Апостола Андрея, 2005; Экуменическое движение. Антология ключевых текстов. Сост. М. Киннемон и Б. Коуп. М.: Библейско-богословский институт Св. Апостола Андрея, 2002, а также многие другие (полный их перечень см. в список использованной литературы в на-

стоящей книге). Итак, вот как современные сторонники экуменизма, и в первую очередь паписты, понимают сам экуменизм и его задачи.

- Экуменизм и его задачи. «Экуменическое движение стремится стать ответом на дар Божественной благодати, призывая всех христиан к вере в тайну Церкви, согласно Божественному Промыслу, ведущему человечество к спасению и единству во Христе посредством Святого Духа. Это движение зовет их к надежде на совершенное исполнение молитвы Иисуса — «Да будут все едино» (Ин. 17:21). Оно зовет их к той любви, которая есть новая заповедь Христа и дар, через который Дух Святой объединяет всех верующих. II Ватиканский собор потребовал от католиков, чтобы они объяли всех христиан своей любовью, которая стремится в истине преодолеть все, что их разделяет, и которая активно отдает себя этому деланию. Католики должны активно действовать с надеждой и в молитве ради христианского единства, и их вера в тайну Церкви побуждает и просвещает их так, чтобы их экуменическая деятельность была вдохновляема и направляема подлинным пониманием Церкви, которая есть «тайнство, или знамение и орудие, глубочайшего единения с Богом и единства всего человеческого рода»¹. Учение Церкви об экуменизме, а также призыв к надежде и любви, находит свое официальное выражение в документах II Ватиканского собора.

Разделения между христианами и восстановление единства.

Однако, неразумие и человеческий грех иногда противостояли объединяющей воле Святого Духа и ослабляли могущество любви, преодолевающее возникающую напряженность церковной жизни. Разделения возникли с начала Церкви, затем возникли более значительные разногласия, и некоторые Церкви Востока более не находились в полноте общения с Римским престолом и Западной Церковью². Позднее, на Западе в результате более глубоких разногласий возникли другие церковные общины. Эти разделения были связаны с вопросами вероучения, дисциплины и даже самой природы Церкви³. «Конечно, различные расхождения между ними [верующими во Христа] и Католической Церковью по вопросам вероучения, иногда и дисциплины, а также строения Церкви составляют, для полного церковного общения, ряд немалых, иногда очень важных, препятствий, к преодолению которых стремится экуменическое движение».

¹ Догматическое постановление о Церкви *Lumen Gentium* (LG), п.1.

² См. UR, пп. 3 и 13.

³ См. UR, п. 3:

Эти расхождения продолжают оказывать свое влияние и иногда приводят к новым разделениям. Декрет II Ватиканского собора об экуменизме признал, что эти разделения произошли «иногда не без вины людей с одной и с другой стороны»¹. Однако, какой бы тяжкий ущерб человеческая виновность не нанесла общению, оно не было никогда уничтожено. Тем не менее, полнота единства Церкви Христовой сохранилась в Католической Церкви, тогда как иные Церкви и церковные общины, даже не пребывая в полноте общения с Католической Церковью, в действительности сохраняют некоторое с ней общение. Собор утверждает: «Мы верим, [что единство] неотъемлемо пребывает в Католической Церкви, и надеемся, будет возрастать изо дня в день до скончания века»². В постановлениях Собора указываются элементы, общие для Католической и Восточных Церквей. Однако ни один христианин не может быть удовлетворен этими несовершенными формами общения. Они не соответствуют воле Христа и ослабляют Его Церковь в исполнении ее миссии. Благодать Божья побудила членов многих Церквей и церковных общин, особенно в наше столетие, трудиться ради преодоления разделений, унаследованных от прошлого, и строить вновь общение любви через молитву, покаяние и взаимное испрошение прощения за грехи разделения в прошлом и настоящем, через встречи ради взаимных действий и богословского диалога. Таковы задачи и действия того, что было названо экуменическим движением³. На II Ватиканском соборе Католическая Церковь торжественно приняла решение трудиться ради единства христианства. В Декрете об экуменизме указано, что желаемое Христом единство осуществляется «через верную проповедь Евангелия, преподавание таинств и управление, [совершаемое] в любви апостолами и преемниками их, а именно епископами с Преемником Петра во главе». Декрет определяет это единство как состоящее в «исповедании единой веры, общем совершении богослужения, а также братском согласии в Семье Божьей»⁴. Единство, которое по самой своей природе требует зримой полноты общения всех христиан, является высшей целью экуменического движения. Собор утверждает, что это единство ни в коей мере не требует, чтобы мы жертвовали богатым разнообразием всего того, что получило свое развитие среди христиан:⁵ духовностью, церковной дис-

¹ UR, п. 3.

² UR, п. 4.

³ См. там же, п. 4.

⁴ UR, п. 2; LG, п. 14; CIC, канон 205; CCEO, канон 8.

⁵ *Relatio finalis* чрезвычайного епископского Синода 1985 года, С. 7.

циплиной, литургическими обрядами и познанием истины, данной нам в Откровении в той мере, в какой это разнообразие остается верным апостольскому преданию. После II Ватиканского собора экуменическая деятельность во всей Католической Церкви вдохновлялась и направлялась различными документами и начинаниями Святого престола, а в поместных Церквях — документами и начинаниями епископов, Синодов Восточных Католических Церквей и Епископских Конференций. Надо также отметить прогресс, достигнутый в экуменическом диалоге и на различных уровнях экуменического сотрудничества. По выражению Синода епископов (1985 г.) экуменизм «глубоко и необратимо запечатлелся в сознании Церкви». Экуменическое движение — это благодать Божья, дарованная Отцом в ответ на молитву Иисуса¹ и моления Церкви, вдохновляемой Святым Духом². При том, что экуменическая деятельность протекает в рамках общей миссии Церкви, заключающейся в объединении всего человечества во Христе, ее особой задачей является восстановление единства между христианами³. Те, кто крещен во имя Христово, призваны тем самым к осуществлению поиска единства⁴. Общение в крещении предназначено к полноте церковного общения. Жить своим крещением — значит быть вовлеченным в миссию Христа, суть которой собрать всех в единстве. Католики призваны откликаться, следуя указаниям своих пастырей, с солидарностью и признательностью на предпринятые усилия, совершаемые ради восстановления единства христиан многими Церквями, церковными общинами и различными организациями, с которыми католики сотрудничают. Там, где не ведется никакой экуменической деятельности, по меньшей мере практически, католики должны стремиться к ее развитию. Каковой бы ни была местная ситуация для несения своей экуменической ответственности, католики должны действовать сообща и в согласии со своими епископами. Они прежде всего должны знать, что есть Католическая Церковь, и быть способны изложить ее учение, ее дисциплину и экуменические принципы. Чем лучше они будут все это знать, тем лучше они смогут это объяснить в беседах с другими христианами, излагая все наиболее подходящим образом. Им следует обладать надлежащим знанием о других Церквях и церковных общинах, с которыми они поддерживают отношения. Надо также тщательно учитывать различные пред-

¹ См. Ин. 17:21.

² См. Рим. 8:26—27.

³ См. UR, п. 5.

⁴ См. ниже, пп. 92—101.

варительные условия экуменической деятельности, которые изложены II Ватиканским собором в Декрете об экуменизме¹. Экуменизм с его человеческими и нравственными требованиями настолько укоренен в неисповедимом действии Провидения Отца через Сына в Духе Святом, что затрагивает самые глубины христианской духовности. Он требует «обращения сердца и святости жизни, соединенных с частными и общими молениями об единстве христиан», которое Декрет об экуменизме II Ватиканского собора называет «духовным экуменизмом», и которое Декрет рассматривает как «душу всего экуменизма»². Те, кто глубоко отождествляют себя со Христом, должны следовать Его молитве, особенно Его молитве о единстве. Живущие в Духе должны позволить преобразить себя той любовью, которая ради единства «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [1 Кор. 13:7]. Живущие в духе раскаяния будут особенно чувствительны к греху разделения и будут молиться о прощении и обращении. Те, кто стремятся к святости, смогут узнать ее плоды и вне своей Церкви³. Они будут приведены к действительному познанию Бога, Который может один всех их собрать в единстве, ибо Он есть Отец всех»⁴. Итак, как видим, экуменизм является одной из важнейших задач, решение которой стоит сегодня перед Ватиканом. Экуменизм — это одна из целей римского престола. Но многие, как мы уже говорили, утверждают, а что плохого, если все церкви объединятся и вместе будут служить Богу? Но перед тем, как ответить на этот важный вопрос, мы посмотрим, как сегодня ведущие церковные иерархи мира понимают причины разделения и их сохранение в христианском мире; как сегодня и на каких принципах конкретно происходит доктринальное объединение различных церквей и, наконец, к чему ведет, в конечном счете, само экуменическое движение.

• Причины разделения церквей. Эти причины, приведшие к тому, что в христианстве сегодня насчитывается более 300 различных деноминаций, современные сторонники экуменизма делят на две большие группы: богословские и небогословские. Под богословскими факторами понимаются различия в отправлении церковных служб и понимании догматов, а под небогослов-

¹ См. UR, пп. 9—12; 16—18.

² UR, п. 8.

³ См. UR, п. 3.

⁴ Папский совет по содействию христианскому единству. Правило по применению принципов и норм экуменизма. В кн. Православие и католичество. Указ. соч. С. 537, 541, 542, 543—545.

скими, которые фактически и обусловили, по их мнению, богословские, понимаются следующие:

1) обособление развития церквей вследствие географической и культурной изоляции;

2) принуждения и гонения представителей одной церкви во имя христианского единства заставляли некоторых людей образовывать свои независимые церкви;

3) дискриминация, вследствие которой некоторых людей ограничивали в церковных правах по социальным, экономическим, расовым причинам;

4) расколы и изгнания, когда некоторым «реформаторам» запрещали проповедовать в церковных стенах, что вело их к выходу из церкви и образованию своей собственной;

5) реакция на церковные союзы, которых некоторые не принимали и выходили из данной церкви;

6) амбиции и соперничества среди известных церковных руководителей¹.

В этом интересном перечне причин разделения обращает на себя внимание то, что все они выглядят весьма непривлекательно и более того, несерьезно. Уже прочитав их, складывается представление о действительно надуманности и противоестественности разделения. Однако, в данном перечне причин разделения отсутствует главная причина: отношение к Божьей истине, открытой в Библии. Все разделение сведено к чисто человеческим факторам, а между тем, за расколом в христианстве стоит великое противостояние добра и зла, Христа и сатаны. Главная причина разделения в церкви, основанной Христом, — это лжеучения, которые дьявол пытался внедрить в христианство и которые не желали принимать истинно верующие, понимая, что они приведут к извращению христианства как такового, что и случилось во дни средневековья с его кострами, инквизицией, крестовыми походами, отпущением грехов за деньги, грубым идолопоклонством и изуверским самоистязанием плоти. Но именно эта главная причина, первопричина всех последующих расколов, — отношение к Библейской истине — полностью замалчивается современными богословами-экуменистами и религиозными деятелями. Ибо признав ее, придется и признать, что фундаментом для объединения всех христиан — идеи действительно прекрасной — может быть только Библия, Слово Бога. Но этого-то, как раз, и нет в современном экуменизме, строя-

¹ Экуменическое движение. Антология ключевых текстов. Сост. М. Киннемон и Б. Коуп. М.: Библейско-богословский институт Св. Ап. Андрея, 2002. С. 246—247.

щимся на чисто человеческих представлениях и преследующем, несмотря на внешнюю красоту, чисто человеческие цели. Но силы зла, отколовшие в свое время от Божьей истинной церкви огромное количество людей, не дремлют, объединяя всех и провозглашая, что отнюдь не Библия, а человеческие факторы мешают объединению всех церквей под эгидой папства. К таким факторам они относят: 1) перечисленные выше причины, приведшие в свое время к разделению; 2) неспособность забыть вышеперечисленные факторы; 3) искажение образа других церквей в светской и религиозной литературе; 4) преподавание церковной истории в наших школах и университетах, где говорится о разделениях, противостоянии различных церквей; 5) психологические факторы, когда человек просто привык себя отождествлять с той или иной конфессией¹.

• Методы объединения церквей. Соответственно этим факторам сегодня разрабатываются методы для борьбы с ними, которые в себя, в частности, включают: 1) богословские диалоги, имеющие целью выработать общее, для всех приемлемое богословие; 2) отказ от упоминания в школах и университетах сообщений о церковных противостояниях; 3) проведение совместных межконфессиональных богослужений; 4) призывы к рядовым членам церкви чаще вместе проводить служения на домашнем уровне с представителями других конфессий; 5) признание крещения, причастия, рукоположения, совершенного в одной церкви другими; 6) в выступлениях, проповедях касаться только общехристианских тем, избегая тех тем, которые разделяют верующих. При этом о роли Библии в качестве критерия проверки истинности той или иной позиции или взгляда говорится следующее: «Библия уважает **различные традиции**, каждая из которых свидетельствует об одной и той же Благой вести, но ни одна отдельная традиция сама по себе не может представлять полноты богатства Библии — будет множество интерпретаций, а не единственная устраивающая всех истина»². «Хотя иногда утверждается, что Церковь должна позволять Библии говорить самой за себя, этому утверждению было противопоставлено следующее: «... необходимо читать Писание в преемственности поколений верующих, предшествовавших нам»³. Всемирно известные проповедники, супруги Коупленд, также рьяно поддерживающие идеи экуменизма, пишут следующее: «Если вы знаете, как

¹ Экуменическое движение. Указ. соч. С. 247—248.

² Экуменическое движение. Указ. соч. С. 502, 503.

³ Там же. С. 503—504.

слышать голос Божий, то вы можете услышать, как сегодня он обращается к Телу Христову. Он призывает к единству. Он призывает отказаться от наших разногласий и объединиться в подготовке к пришествию Иисуса...». ... **Библейское единство основано не на доктрине...** В прошлом мы не понимали этого и пытались всячески объединить друг друга в доктринах. «Если вы не согласны со мной в вопросе «языков», говорили мы, или по вопросу Восхищения или по поводу полного погружения во время водного крещения, то я не приму вас. Сейчас по всему миру Дух Божий призывает церковь объединиться... »¹. «Он (Иисус) ждал, чтобы мы отложили свои глупые споры по поводу расхождения в доктринах... »². «... Мы должны оставить свои глупые споры и объединиться в Духе Божьем»³. Таким образом, Священное Писание представляется как книга, которую все по-разному понимают, которая каждому открывает свое, которую понять нельзя, которую надо читать в контексте преемственности поколений, словом, как книгу, по которой проверять что-либо якобы просто невозможно. Параллельно с этим, благодаря множеству современных переводов Библии, большинство из которых является вообще не переводом, а редакцией библейского текста, у людей создается впечатление, что якобы и проверенного текста самой Библии не существует вообще, а различные ее переводы, часто вообще противоречащие один другому, говорят о том, что базироваться на ней для проверки тех или иных доктрин или взглядов нельзя (см. об этом Опарин А. А. Отвергнувшие ведение. Археологическое исследование книги пророка Осии. Харьков: Факт, 2007. Глава «Библия против Библии»). И потому, раз нет проверенного Божьего слова, остается единственный авторитет — церковь, с ее традицией понимания библейского текста. Убирая, таким образом, Библию «с дороги, папство и поддерживающие его религиозные круги различных церквей приступают к реальному осуществлению экуменических планов, основываясь на перечисленных выше направлениях. Главным из которых являются богословские диалоги, направленные на выработку единой догматики. Еще совсем недавно мало кто представлял, как католичество может объединяться с протестанством, учитывая столь многие доктринальные различия, которые между ними есть: это и молитвы святым, деве Марии, отвергаемые протестантами, но без которых нельзя представить римо-

¹ «От веры... » Статья за 13 марта.

² Там же. Статья за 14 января.

³ Там же. Статья за 4 января.

католическое служение. Это и исповедь перед священником, и поклонение святым иконам, статуям, возведенные в доктрину папством и названные ересью протестантами. Это и преклонение у католиков перед папской властью, объявленной непогрешимой и в то же время названной властью антихриста у протестантов. Ни Лютеру, ни Цвингли, ни Кальвину не могло бы, безусловно, прийти в голову, что их последователи будут доктринально объединяться с Ватиканом. Они сочли бы это какой-то нелепой фантазией. Ибо как несовместимое можно совместить? Но события последних лет показали, что это очень даже возможно. Вот те документы, которые уже приняты по этим вопросам. И вновь мы даем слово не противникам, а самим сторонникам экуменизма. И первое, что мы рассмотрим, — это то, как достигается решение проблемы молитвы святым и деве Марии в протестантско-католическом диалоге об объединении. «Святыми мы называем мужчин и женщин, в которых ясно и обильно выразились плоды Божьей благодати и Божьего присутствия — посредством их героического свидетельства веры через мученическую смерть (слово «мученик» по-гречески означает «свидетель»), или через любовь и сочувствие к ближним, или через труд на благо церкви, или через воплощение в жизнь своего призвания. Церковные историки насчитывают **около 10 тысяч святых**, чей культ развит среди христиан, и большинство из них не было официально канонизировано»¹. Святым считался некто, кого помнили, почитали и призывали в молитвах. Процесс канонизации как таковой появился только после 1000 г. и не был папской прерогативой до 1234 г., когда папа Григорий IX в «Декретах» провозгласил, что все вопросы, касающиеся святых, находятся под папской юрисдикцией². Молитвенные обращения к святым в большой мере сформировали католическое благочестие и литургическую традицию. Христиане-протестанты испытывают определенные трудности с молитвенным обращением к святым, а также с молитвами за усопших, **так как ни одна из этих практик буквально образом не подтверждается Библией**. Более того, протестанты подозревают, что тот, кто обращается к святым в молитве, может этим как бы оспаривать единое посредничество Христа. Однако обе описанные практики происходят из многовекового опыта веры христианского народа и давно утверждены церковью. Молитвы святым в нынешний день остаются, особенно в некоторых культурах,

¹ Kenneth L. Woodward, *Making Saints*, New York: Simon & Schuster, 1990, 17.

² *Ibid.*, 66—67.

важнейшей частью народного благочестия, которое церковь охотно принимает в целях инкультурации веры. Комиссия по лютеранско-католическому диалогу в США предлагает очередной способ преодоления взаимного непонимания католиков и протестантов по поводу католической практики почитания святых. В 1992 г. после семилетнего обсуждения вопроса «Единого посредника, святых и Марии» комиссия опубликовала отчетный документ. Церквям-собеседницам предлагались следующие варианты: лютеране признают, что «католическое учение о святых и Марии в том виде, в котором оно сформулировано в документах II Ватиканского собора, не способствует идолопоклонническим верованиям и практикам и не противоречит Евангелию», а Католическая церковь в ответ признает, что лютеране «не обязаны почитать святых или принимать два догмата о Марии»¹. По существу, это заявление определяет традиционное почитание святых как вопрос благочестия, а мариологические догматы — как законный пример доктринального развития Римско-католической церкви»². Как видим, паписты открыто признают, что молитвы святым и деве Марии не подтверждаются Библией. Но их, впрочем, как уже и многих протестантов, этот факт не смущает и не мешает уже выработать соответствующий взгляд на эту проблему, который полностью фактически уже сгладил все острые углы. Более того, сегодня мы с удивлением наблюдаем вообще пересмотр протестантами взгляда на роль и место девы Марии. «Сегодня как протестанты, так и католики приходят к новому пониманию образа Марии. Роберт Макэффи Браун заметил, что 20 лет назад католическое почитание Марии служило основным камнем преткновения для протестантов, которые **только сегодня открывают для себя Марию «Магнификата»**»³.⁴ Другим важным направлением в богословии экуменизма является совместное проведение причастия, крещения, елеопомазания или возможность проведения этих таинств священником одной религии прихожанину другой. Сегодня во многих странах Западной Европы проводятся причастия для всех желающих христиан, которые поочередно проводят служители разных конфессий. «Немногие католики сегодня склонны поднимать вопрос об «истинности» евхаристических богослужений других церквей, коль скоро эти богослужения отражают их

¹ H. George Anderson, J. Francis Stafford, and Joseph A. Burgess, eds., *The One Mediator, the Saints, and Mary*, Minneapolis: Augsburg, 1992, 62.

² Рауш. Указ. соч. С. 270—271.

³ Protestants and the Marian Year, в *Christian Century* 104, 3 июня 1987 г., 520—521.

⁴ Рауш. Указ. соч. С. 254—255.

собственную евхаристическую веру» (т. е. в реальное присутствие Христа в святых дарах, т. е. в хлебе и вине на причастии)¹. «Католик, по физическим или моральным причинам лишенный возможности обращения к католическому священнослужителю, может принимать таинства покаяния, Евхаристии и елеосвящения от священнослужителя какой-либо из Восточных Церквей»², всякий раз, когда это необходимо или когда это предполагает действительную духовную пользу, но при условии избежания опасности заблуждения и равнодушия. Поскольку у католиков и восточных христиан существуют различные нормы в отношении частоты причащения, исповеди перед причащением и поста перед причащением, необходимо, чтобы католики не вызвали смущения и недоверия среди восточных христиан несоблюдением их норм. Католик, желающий причаститься у восточных христиан законным образом, должен насколько возможно следовать восточной традиции и воздерживаться от причащения, если данная Церковь допускает к причастию только своих верующих, исключая всех остальных. Католические священнослужители могут законно преподавать таинства покаяния, Евхаристии и елеосвящения членам Восточных Церквей, которые обращаются к ним по собственной инициативе и имеют необходимую предрасположенность. В этих случаях следует также обращать внимание на нормы, существующие в Восточных Церквях для их верующих, и избегать всякого, даже кажущегося прозелитизма³. Во время совершения богослужений в Восточной Церкви католики могут читать предусмотренные чтения, если им это предложено. Христианин, принадлежащий к Восточной Церкви, также может быть приглашен для чтений, входящих в состав соответствующих богослужений в Католической Церкви. Католический священнослужитель может присутствовать и принимать участие в чинопоследовании бракосочетания как двух представителей Восточных Церквей, так и одного, принадлежащего к Католической Церкви, а другого — к Восточной Церкви, которое совершается, согласно принятым нормам, в храме, принадлежащем Восточной Церкви, если священнослужитель приглашен иерархией данной Восточной Церкви и если он соблюдает нормы для смешанных браков, указанные ниже, в тех случаях, где они применимы. Лицо, принадлежащее к Восточной Церкви, может быть свидетелем при совершении бракосочетания

¹ Рауш. Указ. соч. С. 132.

² См. СС, канон 844, § 3; ССЕСО, канон 671, § 3; выше, п. 106.м.

³ См. СС, канон 844, § 2; ССЕСО, канон 671, § 2.

в католическом храме; в свою очередь, лицо, принадлежащее к Католической Церкви, может быть свидетелем на бракосочетании, совершаемом согласно нормам, в храме, принадлежащем Восточной Церкви. В любом случае, эти действия должны соответствовать общим нормам двух Церквей, касающимся правил участия в совершении подобных браков»¹. Одновременно с этим отмечается существенное реформирование самого папства, начатое после II Ватиканского собора (1962—1967) и имеющее цель максимально приспособить католичество в современном мире, затушевать его средневековое мрачное обличье, способствуя его сближению с протестантизмом, но в то же время при сохранении всех основных доктрин и положений. Так сегодня вместо средневековых исповедей и индульгенций, предлагается нечто, вроде бы, новое. Сами папские идеологи сознают, что из-за средневекового учения сформировалось «представление многими католиками Бога суровым судьей, ведущим кропотливые подсчеты и ожидающим, когда человек снова допустит ошибку. Благодетельные католики ходили на исповедь несколько раз в месяц или даже еженедельно. В католических школах в первую пятницу каждого месяца детей отпускали с уроков, чтобы те имели возможность исповедаться, после чего, разумеется, участвовать в мессе. Сегодня практика частой исповеди называется «исповедью по благочестию» (в отличие от исповеди по обязанности), поскольку большинство верующих в этом случае приступает к исповеди, даже не имея на совести тяжких грехов. Как и многие другие проявления народного благочестия, практика частой исповеди недолго просуществовала после собора. Новый обряд покаяния, установленный в 1973 г. Конгрегацией богослужения и таинств, предлагает три возможные формы. Первая — это индивидуальная исповедь и принятие отпущения. Вторая — это общая покаянная служба с возможностью индивидуальной исповеди и покаяния. И наконец, третья форма допускает общее отпущение грехов, но только в определенных обстоятельствах: число получающих отпущение должно быть слишком велико для личной исповеди, а «каждый из получивших такое отпущение обязан в обусловленное время исповедать тяжкие грехи, причем каждый в отдельности», еще не исповеданные на момент получения отпущения (§ 33). В новом обряде большее значение придается исцелению и примирению с церковью и Богом, не-

¹ Печатается по изданию: Папский Совет по развитию христианского единства. Правило по применению принципов и норм по экуменизму. Град Ватикан, 1993. С. 19—30. В кн. Православие и католичество. С. 549—550.

жели формальному отпущению грехов, поэтому обычно он называется «таинством примирения». Несколько изменилась атмосфера индивидуального обряда примирения. Большинство нынешних церквей оборудовано для этого специальной комнатой со столом, на котором лежит Писание и нередко стоит свеча. (В России и многих восточноевропейских странах исповедь традиционно совершается в конфессионале (исповедальне), где кающийся стоит на коленях, либо в часовне. В конфессионале лицо священника и кающегося отделяет решетка, что в большей мере соответствует понятию анонимности и тайны исповеди. — *Прим. ред.*) Здесь отправляется таинство. Хотя у кающегося остается возможность анонимной исповеди, большинство сейчас предпочитает во время таинства садиться к исповеднику лицом. Священник приветствует кающегося ритуальными словами или кратким напутствием, чаще всего из Писания. Священник также может, если позволяет время, зачитать краткий отрывок из Писания после того, как кающийся исповедует свои грехи, начав исповедь, например, следующей фразой: «Благословите, отче, ибо я согрешил», — или: «Я обвиняю себя в следующих грехах: ... и прошу у Господа прощения и отпущения». Затем священник налагает епитимью, заключающуюся в чтении определенных молитв, совершении дел милосердия или символическом действии, совершаемом в знак сокрушения и искупления вины. Затем он приглашает кающегося к молитве о прощении и исцелении. Многие католики традиционно читают в это время «Акт покаяния», но подходит любая молитва, обращающаяся к Богу за помощью и прощением, как сказанная вслух, так и прочитанная про себя. И наконец, священник простирает руку и произносит разрешительную молитву, на которую кающийся отвечает: «Аминь». Новый обряд покаяния в сравнении с прежним расширяет возможности диалога между священником и кающимся. Немало людей, регулярно приступавших к таинству, открыло в нем новую возможность духовной беседы и наставления: пусть они прибегают к таинству реже, чем прежде, зато после более серьезной подготовки и размышления»¹. Как видим, по сути все осталось тем же. То же право священника отпускать грехи, та же тайна исповеди, но все это уже не облечено в мрачные одежды средневекового аскетизма и фанатизма и потому кажется большинству совершенно новым и очень привлекательным, хотя это так же грубо исключает Христа, как Единственного Посредника (1 Тим. 2:5). Но эта «новая» форма исповеди существен-

¹ Рауш. Указ. соч. С. 184, 186—187.

но сблизила католицизм с протестантизмом. Другим важным направлением в богословии экуменизма является осуществление «совместных рукоположений, результатом которых будет взаимно признаваемое духовенство»¹. При этом католики открыто пишут о насущной необходимости этого. «Документ «Крещение, евхаристия и служение» Всемирного Совета Церквей предполагает, что, возможно, восстановление общения с древней церковью посредством рукоположения духовенства в исторической преемственности епископов — это необходимый шаг. Более поздние документы — двусторонние соглашения, такие как католическо-лютеранский договор «Перед лицом единства» и англикано-лютеранский «Ниагарский договор», — призывают к объединенному осуществлению епископского служения, включая совместные рукоположения, результатом которых будет взаимно признаваемое духовенство»². Евангелические и пятидесятнические церкви сейчас призваны к возрождению литургической и таинственной традиции древней церкви, в особенности ее понимания евхаристии как центра христианской жизни. Также они пребывают в поисках способа выражения единства и кафоличности церкви. Католическая и православные церкви призваны к реформе способа выражения власти и авторитета, чтобы решения принимались более коллегиальным образом, не дискриминируя и мирян. Им следует признать истинность рукоположенного духовенства других церквей, даже если в них отсутствует признак преемственности древней церкви, передаваемый посредством рукоположения в непрерывной епископской традиции. Также им следует охотнее принимать новые течения в области богословия, духовности и церковной жизни, признавая, что доктринальное наследие одного сообщества не обязательно должно навязываться другим. Вдобавок им нужно каким-либо образом разрешить вопрос о рукоположении женщин, хотя этот вопрос должен решаться всей церковью в целом, а не только отдельными общинами»³. Идеологи экуменизма открыто пишут: «После долгих веков разделения мы убеждены,

¹ International Roman Catholic-Lutheran Joint Commission, *Facing Unity: Models, Forms and Phases of Catholic-Lutheran Fellowship*, Geneva: Lutheran World Federation, 1985; Anglican-Lutheran Consultation, *Niagara Report*, London: Church Publishing House, 1988.

² International Roman Catholic-Lutheran Joint Commission, *Facing Unity: Models, Forms and Phases of Catholic-Lutheran Fellowship*, Geneva: Lutheran World Federation, 1985; Anglican-Lutheran Consultation, *Niagara Report*, London: Church Publishing House, 1988.

³ Рауш. Указ. соч. С. 307.

что Бог посещает нас сегодня и изливает на нас Свои дары. Он призывает нас тверже, чем когда бы то ни было, пребывая в Его присутствии, благодарить Его за сегодняшний день и отныне не оглядываться назад, на историю наших разделений. Зачем нам, христианам, муссировать то, что нас разделяет?... Возьмите протестантство — разве оно само по себе, в своей истории и по происхождению, существует не как реакция на католичество — благодаря католичеству и относительно него, так что радикально отличить себя от него, не отрицая самого себя в своих коренных основах, не может. Хотим мы этого или не хотим, но мы в одной связке, и это само по себе вселяет в нас надежду»¹. И как мы видим, эта связка становится все крепче. Но богословские экуменические диалоги ведутся весьма успешно не только между папством и другими христианскими конфессиями, но и между папством и другими нехристианскими религиями. И здесь мы видим также весьма примечательные вещи. Сегодня многие папские богословы открыто пишут и «призывают христиан к новой «революции Коперника», которая заставит христианское богословие отказаться от притязаний на абсолютное первенство и выйти за пределы учения о том, что спасение возможно только через Христа... христианство должно перейти с позиции главенства и единственности к полному плюрализму»². Сегодня даже консервативные богословы не исключают возможности наличия иных спасительных слов в других религиозных традициях³, помимо Христа. Более того, сам папа «Иоанн Павел II видит в других религиях признаки действия Духа. Он неоднократно встречался с лидерами других религий и утверждает, что межрелигиозный диалог — это необходимая часть миссии церкви по евангелизации (§ 55). Ф. Салливан в своем детальном исследовании учений Иоанна Павла II о евангелизации отметил, что хотя папа и не признает другие религии спасительными для их последователей, он отчасти готов рассматривать их как «частные случаи посредничества к спасению», находящиеся в зависимости от посредничества Христова, однако он, похоже, считает этот вопрос подлежащим дальнейшему изучению и осмыслению магистериума, прежде чем возможно будет вынести о нем опреде-

¹ Экуменическое движение. Указ. соч. С. 585, 586.

² The Non-Absoluteness of Christianity, b The Myth of Christian Uniqueness: Towards Pluralistic Theology of Religion, eds. John Hick and Paul F. Kuitter, Maryknoll, N. Y. Orbis. 1987. P. 22—23.

³ Christian Salvation: Its Nature and Practice — An Interreligions Proposal, b New Theology Review. 7/4. 1994. P. 43.

ленное суждение»¹.² И сегодня ставшие почти постоянными в Ватикане встречи папы с представителями практически всех мировых религий, проведение совместных с ними богослужений очень ярко говорят о силе экуменизма в этом направлении, который еще совсем недавно казался вообще невысказанным: первосвященник христианской церкви в единой молитве с языческим жрецом, обращенной к Богу. Но невольно возникает вопрос: к какому Богу? Или богам? Экуменические тенденции и желание мирового духовного господства привели к тому, что папство уже готово смириться и с одним из самых вопиющих грехов — гомосексуализмом. Вот, что об этом официально пишут сами идеологи папства: «Один из труднейших вопросов, с которыми столкнулось современное христианское общество, заключается в невозможности официального признания церковью верных и исключительных отношений в качестве достойного выражения близости и любви между людьми с врожденной или приобретенной гомосексуальной ориентацией. Существует множество мест в Ветхом и Новом Завете, где открыто осуждаются гомосексуальные отношения. Однако многие современные комментаторы и библеисты не рассматривают их как осуждение гомосексуальных отношений как таковых, потому что концепция о врожденном гомосексуализме появилась только в наше время. По их мнению, эти библейские тексты говорят об участии в поклонении идолам, в ритуалы которого порой включалось сношение с храмовыми проститутками, как женщинами, так и мужчинами, что было обычной практикой древности на Ближнем Востоке (Лев. 18:22; 20:13, Втор. 23:18, ср. 3 Цар 14:24; 15:12), или о нарушении долга гостеприимства (Быт 19:4—8), или о педерастии (1 Кор 6:9—10, 1 Тим 1:10). Более сложен для подобного толкования текст Послания к Римлянам 1:24—31, где Павел явственно говорит о гомосексуальных отношениях как таковых, но факт, что он воспринимает осуждаемых им мужчин и женщин как людей, оставивших естественные отношения и обратившихся к гомосексуальным, свидетельствует, что апостол не верит в наличие врожденной гомосексуальной ориентации»³. Другие богословы, разумеется, не соглашались с такой интерпретацией или считают ее совершенно не относящейся к библейскому осуждению. Однако сегодня мы уже знаем, что человек **не выбирает гомо-**

¹ Sullivan, Salvation Outside the Church, 197—198.

² Пауш. Указ. соч. С. 314.

³ Обзор дискуссии на эту тему см. у Genovesi, *In Pursuit of Love*, 262—273. Также см. Jeffrey S. Siker, *Homosexuality in the Church: Both Sides of the Debate*, Louisville: Westminster / John Knox, 1994.

сексуальность, даже если мы еще не знаем точно, что именно провоцирует гомосексуальную ориентацию. *Катехизис Католической церкви* признает, что гомосексуальная ориентация — не вопрос выбора (2358). Таким образом, термин «сексуальные предпочтения» не совсем точен. Церковь проводит различие между гомосексуальной ориентацией и гомосексуальными действиями: только последние признаются греховным. Американские католические епископы заявили, что «гомосексуалисты, как и все прочие, не должны быть ущемляемы в неотъемлемых правах человека. Они имеют право на уважение других людей, на дружбу и справедливость. **Они должны играть активную роль в жизни христианской общины**»¹. Безответственные, беспорядочные или насильственные гомосексуальные отношения являются таким же моральным злом, как и аналогичные гетеросексуальные. Моральная дилемма, с которой церкви приходится сталкиваться в наши дни, заключается в том, что следует ответить геям и лесбиянкам, состоящим в стабильных, исключительных и верных союзах и желающих выразить свою любовь, в частности, и сексуально. Но многие специалисты по моральному богословию сегодня оспаривают эту позицию. Почему бы, спрашивают они, не рассматривать проблему в более широком контексте, включая не только сам акт, но и качество отношений? Реалистично ли утверждать, что единственная моральная возможность в качестве достойного выражения близости и любви гомосексуалистов — воздержание, учитывая, что благодатный дар целомудрия по сути своей есть призвание, которое одним даруется, другим нет? Не стоит ли **позволять настоящим гомосексуалистам вступать в стабильные и длительные отношения**, даже если таковые отношения порой могут включать в себя сексуальное выражение любви?»². Этот вопиющий компромисс не является случайным, по-человечески он очень мудр, если учесть, какой огромный процент в современном обществе занимают гомосексуалисты. Готовы папские идеологи одобрить порой и добрачные связи. «Другой случай — это зрелые люди, не состоящие в браке и не имеющие призвания к безбрачию, однако же состоящие в интимных отношениях, выражающихся, в частности, и сексуально. Лайза Кэхилл в числе прочих поднимает этот вопрос, она пишет, что наши традиционные рамки, в которых оцениваются половые связи, здесь не могут особенно

¹ *To Live in Christ Jesus: A Pastoral Reflection on the Moral Life*, Washington: USCC, 1976, 19.

² Рауш. Указ. соч. С. 206—208.

помочь. Кэхилл предполагает, что в подобных случаях христианское сообщество должно само становиться источником морального осмысления ситуации. Утверждения автора открыто противоречат традиции. Но трудно не согласиться с ее комментарием, что «ответственность в сфере половых отношений более не требует осмысления с позиций «да или нет», «черное или белое», как, скажем, ответственность в других сферах нравственного опыта человечества, таких как экономика, война и мир или уважение к жизни. Случаи сексуального опыта, полностью соответствующие норме или отступающие от нее, **не все равно хороши или же равно плохи**»¹. Таким своим либеральным и одобряющим отношением к половой распущенности папские идеологи весьма привлекают к себе современную молодежь, считающую Рим «продвинутой» церковью. Важнейшее значение в экуменизме папство отводит простым людям. «Все церкви призваны к тому, чтобы серьезнее и глубже заняться экуменизмом на поместном уровне. Официальный экуменизм церковного руководства ничего не значит, если он не сопровождается экуменизмом обычных людей»². Папство открыто сегодня говорит о том, что верующие разных конфессий должны как можно больше проводить время в совместных домашних богослужениях и произнесении, самое главное, совместных молитв. В своем официальном послании — энциклике о приверженности экуменизму папа Иоанн Павел II писал: «... Эта любовь находит свое наиболее полное выражение в совместной молитве. Когда братья и сестры, состоящие в совершенном общении, сходятся вместе для молитвы, эта молитва, по определению Второго Ватиканского собора, — душа всего экуменического движения. Эта молитва — очень действенный способ просить о благодати единства, «неложное выражение тех уз, которые уже сейчас связывают католиков и их разделенных с ними братьев»... На экуменическом пути к единству самое почетное место принадлежит, несомненно, совместной молитве, молитвенному союзу собирающихся вокруг Самого Христа. Чем теснее смогут христиане, несмотря на разделения, объединяться вокруг Христа в совместной молитве, тем отчетливее поймут, как мало то, что их разделяет по сравнению с тем, что объединяет. Если они станут чаще и регулярнее собираться вокруг Христа в молитве, они смогут набраться мужества встретить лицом к лицу всю полноту чисто человеческой реальности своих разделений и снова окажутся

¹ Cahill, *Humanity as Female and Male*,... 91]. [Рауш. Указ. соч. С. 206.

² Рауш. Указ. соч. С. 307.

объединены в то сообщество Церкви, которое Христос неустанно устраивает в Святом Духе, несмотря на всю человеческую слабость и ограниченность»¹. Этому должны способствовать уже упоминаемые нами регулярно устраиваемые в США и Западной Европе межконфессиональные богослужения, молитвенные завтраки и т. д. Безусловно, в современном обществе конфессии должны мирно сосуществовать, бороться за мир против войны и насилия. Но проведение совместных богослужений, основанных, как мы видели, не на библейских, а на человеческих учениях, является принесением Богу нечистого хлеба и влечет за собой те же слова проклятия, изреченные Господом через Малахию на тех, кто будет поклоняться Ему не по истине, а сообразно своих взглядов. Еще одним фактором, наравне с богословскими компромиссами, проведением совместных богослужений в деле экуменизма играет большую роль так называемое экуменическое воспитание, основные положения которого были приняты в 1993 году на совместном совещании Римо-католической церкви и Всемирного совета церквей. Главная его цель выражена уже в его определении: «Экуменическое воспитание — это непрерывный процесс обучения, совершающийся внутри поместных Церквей и мировых общин и направленный на то, чтобы наставлять и руководить людьми в том движении, которое, вдохновленное Святым Духом, стремится к **зримому единству всех христиан**»². С этой целью предлагается и уже широко внедряется исключение из программ по истории церкви и богословию всех моментов, которые высвечивают разделения между церквями, их противостояние в истории. Одновременно с этим производится обучение студентов и будущих пасторов духовными текстами, молитвами, песнопениями других конфессий, чтобы показать их близость и влияние в них Святого Духа, предлагается избегать в проповедях, статьях, книгах всех вопросов доктринальных различий и вообще проповедовать и останавливаться только на общехристианских, общечеловеческих ценностях. Зачем обижать кого-то, все люди хорошие. Мы должны быть едины в одной духовной семье. Да, действительно, люди хорошие есть везде и всех любит Бог, и всех Он хочет спасти. И для этого Он послал Своего Сына. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). Через Него и Библию Господь открыл

¹ Экуменическое движение. Антология ключевых текстов. // Составители: М. Кинненмон, Б. Коуп. М.: ББМ, 2002. С. 604.

² Экуменическое движение. Указ. соч. С. 522.

Свою волю и принципы, на которых спасается человек. И, в частности: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5:17—18); «Потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут» (Римл. 2:13); «Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса» (Откр. 14:12); «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами» (Откр. 22:14). У Бога есть принципы, есть Закон. Он не беспринципен, Он не будет одобрять гомосексуализм только от того, что многие его придерживаются. Он не будет одобрять идолопоклонство в христианском облики только потому, что оно давно существует. Он не будет одобрять права одного человека прощать вину другого только от того, что так повелел сам Римский папа. Он не примет совместного служения христианского пастора с языческим жрецом. И действительно, как можно представить себе пророка Илию проводящего совместное богослужение на горе Кармил со жрецами Ваала. Или пророка Малахию, проповедующего о том, что Бог принимает языческие жертвоприношения и что вообще в Религии Ваала есть много света!!! Но современный мир являет это противоестественное смешение, за которым, однако, стоит четкий план, о котором, кстати, открыто пишут паписты. «Под руководством Секретариата по христианскому единству, теперь переименованного в Папский совет по содействию христианскому единству, Католическая церковь вступила в официальный диалог с большинством мировых церквей. Созданы Англиканско-римско-католическая международная комиссия (Anglican-Roman Catholic International Commission, или ARCIC), Международная объединенная римско-католическо-лютеранская комиссия (International Roman Catholic-Lutheran Joint Commission), также ведется диалог с православными церквями, Всемирным советом методистов (World Methodist Council), Всемирным союзом реформатских церквей (World Alliance of Reformed Churches), Всемирным союзом баптистов (World Baptist Alliance), церквями пятидесятников, Учениками Христа (the Disciples of Christ), а диалог с евангелическими церквями пока пребывает в начальной стадии. Объединенная рабочая группа организована Римом и Всемирным Советом Церквей, чья штаб-квартира находится в Женеве. Католические богословы стали членами Комиссии «Вера и церковное устройство» Всемирного Совета Церквей. За три десятилетия, прошед-

шие после окончания собора, количество достигнутых соглашений невероятно увеличилось. Какой нам представляется церковь завтрашнего дня? Современная Католическая церковь вернулась к пониманию церкви как *κοινωνία*, или общение церквей, — характерному самоопределению церкви I тысячелетия. Как сообщество, церковь обладает зримой и незримой составляющими. В незримом мире церковное единство основывается на совместном участии в жизни Бога через Христа и в Духе Святом. Видимым образом единство жизни осуществляется посредством таинств и иерархических структур: в особенности через крещение, евхаристию и зримые связи общения поместных церквей. Таким образом церковь становится сообществом церквей. Каждая отдельная или поместная церковь должна войти в это общение, чтобы стать в полном смысле слова церковью. Истинный характер соответствующих церквей в первом тысячелетии проявлялся посредством зримых признаков общения, или *communio*, соединявшего их в *Ecclesia catholica*. В контексте этой экклезиологии общения папа играл и продолжает играть решающую роль. Именно через общение с епископом Рима конкретный епископ, а через него и поместная церковь зримым образом входят в общение с церковью Католической, то есть в общение церквей. **Сегодня все больше протестантов приходит к признанию важнейшей роли, которую епископ Рима должен сыграть в церкви будущего. Мы уже говорили, что англикане и лютеране готовы считаться с папским, или Петровым служением, обновленным в свете Евангелия.** Гордон Лэтроп, лютеранский богослов, высказывает предположение, что в избрании епископа Рима могут в будущем принимать участие представители Римской церкви (кардиналы) наряду с «представителями вальденсов, англикан, баптистов, лютеран и православных, чье служение проходит в Риме, — в любом случае, не церковными администраторами, чьи поместные общины находятся совершенно в других местах»¹. В своей весьма интересной статье лютеранский пастор Марк Чэпмен отмечает, что **«только Рим обладает традиционным, экклезиологическим и моральным авторитетом, чтобы работать над восстановлением единства церкви»**². Все это находится в неразрывной связи с библейскими пророчествами, которые предсказывали создание перед самым II Пришествием Христа отступившей от истины мировой религиозной системы во главе с папством, попытающейся с помо-

¹ Holy Things: A Liturgical Theology, Minneapolis: Fortress, 1993, 200—201.

² Раулш. Указ. соч. С. 302, 309—310.

щью силы и глобализации захватить власть над всем миром (см. Волкославский Р. Н. Тайны Апокалипсиса. Заокский: Источник жизни, 2008). Но этого не произойдет, ибо придет Христос, положив конец этой страшной системе духовного смешения христианства, оккультизма, язычества, гомосексуализма. Сегодня, как и во дни Малахии, многие священники и народы забыли о том, что Господь принимает только чистое истинное богослужение. Как и во дни Малахии, гордое духовенство терпение Божье приняло за вседозволенность, свысока говоря в своих сердцах «Трапеза Господня не стоит уважения». Как и во дни Малахии отступившее духовенство забыло, что имя Божье страшно у народов, и что Бог не беспринципен, а что Он Царь Великий (Мал. 1:14) и что будет проклят всякий, кто поклоняется Ему по своим взглядам и правилам. И что однажды суд постигнет этот гордый современный духовный экуменический Вавилон. «И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его» (Откр. 16:19). Какое же поклонение Богу сегодня выберем мы? То, что предлагает Великий Вавилон в своих экуменических энцикликах, или Бог на страницах Библии? Кого мы больше будем слушать: Божьего пророка Малахию, через которого говорил Сам Бог, или людей? Соответственно этому мы пожнем или Божье благословение или проклятие. Жизнь или смерть.

Глава 10

О СПОСОБАХ ОТПУЩЕНИЯ ГРЕХОВ НА 270 ДНЕЙ

«А вы худите его тем, что говорите: «трапеза Господня не стоит уважения, и доход от нее — пища ничтожная»» (Мал. 1:12). «Притом говорите: «вот сколько труда!» и пренебрегаете ею, говорит Господь Саваоф... » (Мал. 1:13). В этих словах пророк затрагивает еще одну важную проблему, связанную с Богопоклонением, а именно наше отношение к вверенному нам Богом служению. Для священников времен Малахии служение превратилось просто в работу, приносящую им доход. Причем даже к служению, как к работе, они относились, что называется, «спустя рукава». Они не дорожили как обычные люди своей работой, ибо священство в Израиле принадлежало потомкам Аарона и Левия, и, следовательно, они не могли его потерять, так как получили его по наследству. При этом страх потерять Божье благословение за такое отношение у них отсутствовал, ибо в сердце не

было Бога. Его заменила им религиозность и обрядность. К тому же, уже в силу своего рождения они почитали себя духовной элитой общества, к которому относились весьма свысока. И вместо служителей, уже сама основа слова которого указывала на то, что они должны служить Богу и людям, они превратились в гордый клир, устающий уже даже от выполнения своих непосредственных обязанностей служения в храме. «Вот сколько труда мы сделали», — любили они восклицать и говорить друг другу. Какая на нас лежит нагрузка, ответственность, сколько забот. Весьма любили они показать и свою занятость и святость одно временно перед людьми, которые вообще должны были почитать за честь, что они общаются с ними. Ханжество, лень, лицемерие, беспринципность были отличительной чертой большинства духовенства того времени, приносящего Богу нечистый хлеб и нечистые жертвы, сводящие не только по форме, но и по духу все Богопоклонение не только к нулю, но и к проклятию. Отклонение от Божьей Истины, замена ее человеческими преданиями и взглядами всегда рано или поздно ведет к духовной, а затем и физической деградации человека, а поклонение Богу становится порой просто святотатством. Исследуя историю церкви, мы видим тому многочисленные примеры, иллюстрирующие то, к каким страшным проявлениям приводило Богопоклонение у тех, кто сознательно отступал от Библейской истины и Божьего Закона. Отступившее от последних, средневековое папство являло эти страшные примеры святотатственного Богопоклонения. Мы вновь никого не хотим осудить, а лишь констатировать то, что до нас донесла история, причем привести самые «мягкие» описания, связанные с этим. «Для X в. имеем, между прочим, следующее свидетельство (Герберта): «Везде в церквах видим священных лиц, лишенных всякого достоинства и совершенно необразованных, купивших свои места за деньги. Если вы вежливо спросите их, кто поставил их пастырями, они охотно ответят вам и скажут: епископом меня весьма недавно сделал архиепископ и получил от меня за это сто сольди (золотых); а если бы я не дал ему денег, то я и теперь не получил бы епископского сана. Впрочем, я не в убытке (прибавлял отвечающий). Я поставляю, в свою очередь, священников и беру с них золото; я посвящаю в диаконы и получаю за это много серебра; я получаю деньги и от прочих должностей, а также с аббатств и церквей». В XI в. положение дела было не лучше. Папа Лев IX и его преемники на многих соборах выражали сильное негодование против симонии архиереев, но безуспешно. Замечательно, что в рассматриваемое время даже самое избрание в папы не всегда было делом безмезд-

ным. Народная толпа в Риме стала играть большую роль в папских выборах, и чтобы задобрить ее, приходилось кандидатам на папский престол тратить немало денег. Из многих примеров приведем немногие. Папа Бенедикт IX, по выражению современника, избран был больше ради его богатства, чем ради его святости. Папа (точнее, антипапа) Сильвестр III, прежде епископ Сабинский, далеко не с пустыми руками пробрался к папскому престолу. При почти насильственном восшествии на этот же престол Бенедикта X, по достоверным свидетельствам, важное значение имела раздача денег — кому следует.

Что касается архиерейской симонии, этого главнейшего вида зла, то она утвердилась в изучаемую эпоху почти повсеместно. Многие папы данного времени запятнали себя невероятной симонией. Это, впрочем, и понятно. Между папами в X и XI вв. встречаем самых жалких лиц. Встречаем пап, поставленных не только по воле дворянской партии, но и по воле знаменитых гетер того времени; видим пап, помышлявших только о мирском и суетном и нисколько о духовных предметах; пап, которые носили папскую тиару в продолжение нескольких месяцев и даже нескольких недель. Такие недостойные и, так сказать, временные папы, разумеется, больше всего заботились о том, чтобы нажить денег путем раздачи церковных должностей. 1 мая 1045 г. произошло даже нечто совершенно неслыханное: один папа продал свой апостольский престол другому папе — Бенедикт IX в этой необыкновенной сделке был продавцом, а Иоанн, латеранский архипресвитер (получивший в папстве имя Григория VI) явился покупателем. Папская симония не прекращается и позднее. Например, в Милане существовала такса, которой точно определялось, сколько нужно платить за поступление в ту или другую церковную должность. За должность иподиакона платилось 12 золотых монет, за должность диакона — 18, а за пресвитерскую — 24. Церкви в Милане иногда просто продавались. Так, церковь Марии Девы (Sancta Maria Secreta) раз была продана одному аббату за двенадцать фунтов серебра. Особый вид симонии представляла незаконная передача священными лицами своих мест и сопряженных с этими последними выгод своим близким или дальним родственникам. Это явление справедливо именуют «непотической симонией». Итальянское духовенство рассматриваемого времени больше всего помышляло об интересах мирских, и очень мало о духовных, а потому оно и на свои церковные должности и на самые церкви смотрело как на предмет, который можно передавать родне наравне с деньгами и прочим имуществом. Развитие симонии влекло за собой

многие печальные последствия. Кто приобретал свою должность путем купли, тот редко имел сознание святости Церкви, не заботился ни о полученной им должности, ни о церковных имуществвах; такое духовное лицо, нимало не стесняясь, пятнало свое звание разными пороками, а церковное имущество пускалось на все четыре стороны. Растрата церковного имущества в подобном случае происходила и оттого, что святокупец во что бы то ни стало старался вернуть себе те деньги, которые он потратил на покупку своей должности. Если святокупцем был епископ, то он возмещал свои издержки продажей различных духовных мест, находившихся в его распоряжении; другие святокупцы продавали или закладывали церковные имущества опять с целью вернуть израсходованные деньги. Папа Александр II рисует живую картину церковного разграбления святокупцами, когда этот папа обличает рассматриваемое зло. «В своей алчности они, — говорит папа, — не щадят и святых алтарей; о нет! они, как воры и святотатцы, налагают свои нечестивые руки и на них. Десятины и прочие благочестивые приношения, принадлежащие по правилу бедным и святым церквам, они разграбляют, подобно разбойникам». Таинства и священные обряды сделались предметом продажи. Если прихожанин не хотел платить священнику то, чего последний требовал от первого, в этом случае новорожденный оставался некрещеным, мертвец лежал непогребенным и т. д. В числе важных недостатков, характерных для духовенства X и XI вв., нужно указать на холодность, индифферентизм этих лиц к тем святыням, при которых проходило их служение. Это были не пастыри, а наемники. Поразительно встречать факты, что некоторые священники совершенно забывали о том, что такое храм, каково его назначение. Кардинал Гумберт (XI в.) не может без содрогания вспоминать о том, как много в его время было церквей и монастырей в развалинах; дело доходило до того, что многие церкви совсем запустели и в них нашли себе жилище опасные звери и нечистые птицы, пол в них зарос травой. При другом случае тот же писатель уверяет, что он сам видел, что некоторые церкви превращены в поля и засеивались хлебом, а иные из храмов были обращены в хлев. В самом деле, даже в Риме монастырь св. ап. Павла и знаменитая церковь св. Петра находились в таком небрежении, что сюда свободно заходил скот, а женщины занимались хозяйственными делами в рефектории (свидетельство папы Григория VII). В Фарфасском монастыре аббат Губерт жил с блудницами и собаками; монахи сами повреждали стены своих обителей, чтобы лишить настоятелей возможности наблюдать за соблюдением монашеских обетов

живущими в обители. В Верхней Италии стало общим правилом, которым дозволялось помещать плоды жатвы в церквах; это было позволено бедным людям в видах защиты их полевых произведений от грабежа со стороны разбойников. Но и этого мало. В некоторых местах церкви сделались базарным местом; на святом месте и ели, и спали; здесь можно было слышать всю болтовню, споры, остроумные словца. Лица духовные или их приспешники были первыми зачинщиками подобных безобразий. Вот, например, что происходило в Ареццо в церкви св. Доната: когда по праздничным дням каноники приходили в церковь для сбора приношений от молящихся, или когда те же каноники для той же цели посылали сюда своих слуг, то возникали между сборщиками «споры, пустая болтовня, при этом даже они старались что-либо утаить один от другого или же просто украсть»; при дележе приношений хлеб или свеча разрывались на четыре части. Мало того. История этого времени повествует нам о таких «Тартюфах из духовенства», которые под видом благочестия удалялись в храм и которые ночью оскверняли святилище, назначая здесь любовное свидание с женщинами. Богослужебные действия и священные сосуды для некоторых из духовных лиц перестали быть предметом великого уважения. Был такой случай: архиепископ Миланский Гвидон прибыл в храм для совершения литургии, но подведомые ему духовные лица, желая причинить обиду архипастырю, удалились из храма, оставив его здесь одного, побросав на землю Св. Дары, предназначавшиеся для Евхаристии; и когда они выходили из храма, то позволяли себе какие-то шутовские ужимки. Иногда сами епископы при чтении Евангелия за богослужением позволяли себе смех. Одно духовное лицо осмелилось так выразиться о Св. Евангелии: «У нас читается и то, что написано на овечьей шкуре». Папа Иоанн XII посвящал диаконов в стойле; если совершал литургию, то не всегда приобщался при этом. Духовные лица позволяли себе самое непристойное обращение со священными сосудами и одеждами. Священные сосуды они брали для своего стола и пользовались ими как обыкновенными кружками, священные одежды давали во временное пользование женщинам, золотые и серебряные церковные украшения они давали тем же женщинам для их убранства. Небрежность священнослужителей в отношении к священным сосудам достигала крайних пределов: можно было встречать евхаристические чаши, покрытые ржавчиной, запачканные воздухи и пелены, растерзанные ризы. Но и этим дело не ограничивалось. Духовенство без всякого страха уворовывало из церквей все, что имело какую-нибудь цен-

ность: ризы и кресты, чаши и венцы, печати и книги, не исключая и свечей. Папа Иоанн XII просто-напросто дарил золотые кресты и чаши, принадлежавшие храму св. ап. Петра, своей фаворитке, вдове рыцаря Райнера. Богослужение отправлялось кое-как, с достойным всякого порицания пренебрежением. Псалмы за богослужением не пелись и не читались, а просто кое-как бормотались; да и такое бормотание считалось делом обременительным. Месса или совсем не совершалась, или же совершалась чрезвычайно поспешно. Священнослужители главным образом заботились о том, чтобы как можно больше забрать в церкви на свою долю и хлеба, и вина; и они забирали этих припасов столько, что, по выражению одного документа, припасов хватило бы и для королевского стола. В храмах не стало слышно проповеди: епископы и пресвитеры почти не заботились о просвещении пасомых. К разряду суеверных действий, свидетельствующих о недостаточном просвещении духовных лиц изучаемого времени, следует причислять и следующие. В Средние века особенно сильно было развито почитание всевозможных реликвий; но это почитание не всегда утверждалось на здравых началах, так как было почти общее убеждение, что для приобретения почитаемой святыни все средства считались позволенными. Так, само воровство реликвий признавалось тогда не только «благочестивым» обманом, но и выставялось как дело славное. Епископ Авдакс Остийский (в X в.) украл мощи св. Далмация из монастыря, посвященного имени сего последнего, в Педоне. Патриарх Аквилейский Поппон, когда был завоеван и разграблен г. Градо, без малейшего колебания присвоил себе священные реликвии. Когда король Оттон III потребовал от беневентинцев выдачи мощей апостола Варфоломея, то не желая расстаться с такой великой святыней, а с другой стороны — избегая гнева Оттона, те послали ему (под видом мощей Варфоломея) останки епископа Павлина Ноланского. Иногда дело заходило и еще дальше. Собратья знаменитого Доминика Лориката поспешно зарыли его тело в самой келии, где он скончался, из боязни, чтобы соседние монахи не похитили тела. Сходно с этим поступили однажды и жители городка, где умер св. Анастасий: монахам, которые требовали выдачи мощей св. Анастасия, они грозили топорами. Жители Равенны похитили у немцев тело папы Виктора II, которое те поместили в епископском городе Эйхштедте. Ромуальда никак не хотели выпускать из Франции и охотнее соглашались убить святого человека, чем уступить его другим: в чувстве благоговения (по словам Дамиани), некоторые почитатели св. Ромуальда желали, по крайней мере, владеть его телом,

если уж нельзя было обладать живым подвижником. Во времена Каролингов было много людей, которые веровали, что у них есть письма, упавшие прямо с неба. Если невысока была жизнь итальянского духовенства X и XI вв. в умственном отношении, то еще ниже была жизнь этого же духовенства в нравственном отношении. Даже более проникательные современники, приглядываясь к нравственному облику духовенства, называли его не иначе, как испорченным и достойным всякого сожаления. Разумеется, встречались и счастливые исключения в среде пастырей, но это были именно исключения. Вообще в духовных лицах не было утверждено уважение к чужой собственности. Вместе с неуважением чужой собственности в пастырях не было развито и чувство почтения к личности другого человека. Оскорбление личности почти ни во что не ставилось. Писатели тех времен записали много случаев, когда один пресвитер оскорблял другого действием; священники осмеливались даже поднимать руку на собственного своего епископа; аббаты самым жестоким образом наказывали вверенных их управлению монахов; аббаты решались на смертоубийство своего собрата, тоже аббата, с целью лишить его возможности вредить их своекорыстным интересам. Грубость нравов, жестокость отношений составляли самое обычное явление среди даже самого высшего итальянского духовенства. Так, папа Иоанн XIII своего духовного отца ослепил, а кардинала, иподиакона Иоанна, убил посредством оскотления. Бонифаций, сын Ферруция, бросил в тюрьму папу Иоанна XIV, где тот оставался в продолжение четырех месяцев, испытывая голод, вследствие которого он и умер. Или же Иоанн Калабрийский, антипапа времен Григория V, выколол глаза и отрезал язык и нос этому папе и затем приказал сорвать с него папские одежды, посадить на осла задом наперед и в таком виде возить по Риму. О самом Гильдебранде римские летописи повествуют, что в правление папы Николая II он приказал привести в церковь Спасителя уже отставленного папу Бенедикта X, сорвать с него первосвященнические одежды и вложить в его ладони рукописание, в котором исчислялись все мнимые преступления этого папы. Бенедикта заставляли прочесть вслух эту грамоту, и хотя он сначала отказывался делать так, но потом вынужден был уступить силе и прочесть вышеуказанный позорный документ в присутствии народа и в особенности в присутствии своей матери, которая громко вопила и рвала на себе волосы. Дальнейший рассказ хотя, быть может, и не достоверен, но во всяком случае он хорошо характеризует дух времени, который посягал на оскорбление даже мертвых тел, принадлежавших тем или дру-

гим лицам. По вышеуказанному рассказу, папа Стефан VI следующим образом поступил с телом умершего папы Формоза. Он велел извлечь этот труп из могилы и поместить на патриаршем троне. Затем явился адвокат, который должен был спросить умершее тело: «Так как ты прежде был епископом Порты, то как ты осмелился, движимый исключительно честолюбием, занять апостольский престол?» Другой адвокат должен был от лица умершего дать определенный ответ. И когда ответ этот был дан, то папа Формоз объявляется лишенным кафедры, с трупа срываются папские одежды, ему отрубают пальцы и, наконец, изуродованный труп бросают в Тибр. Сожитие духовного лица с женщиной в форме брака или же в виде преступной связи было явлением вовсе не чрезвычайным. Многочисленные известия и факты, относящиеся к X и XI вв., удостоверяют, что так именно и было в эту эпоху. Епископы Аттон и Ратер в X в. ратовали против увлечения женщиной (*mulierositas*) со стороны духовенства и громко жаловались на широкое распространение этого явления. Ратер сознается при этом, что если бы женатых священников лишали сана, то в клире остались бы одни дети (т. е. малолетние церковные прислужники). По другому известию, иметь возлюбленную, отличающуюся красотой, было предметом гордости для духовных лиц того времени. Сами епископы не оставались позади прочего духовенства. В самом Риме сожитие священника с женщиной было общим явлением. Монахи Фарфасского монастыря в X в. сначала сожительствовали с лицами женского пола тайно, а потом — вполне открыто. Подобное поведение, по-видимому, стало принадлежностью всех классов духовенства. Не говоря уже о священниках, тоже самое встречаем среди монахов, лиц епископского сана; сами папы не составляли исключения. Папа Иоанн XII так прославился своими любовными похождениями, что честные женщины **опасались даже посещать церковь св. ап. Петра**. Можно указать и другие факты, свидетельствующие о распространенности того явления, о котором у нас идет теперь речь. Ратер говорит не только о священниках единобрачных, **но и двубрачных, тробрачных и четверобрачных**. Лица женского пола, жившие с клириками, в источниках именуется неопределенно и неодинаково: то они именуется здесь «женщинами», «бабами», то «супругами» и «женами». Читатель, конечно, обратил внимание на то, что говоря о сожитии итальянских священников с женщинами, мы не отделяли тех фактов, где говорится о брачном сожитии священников, от тех фактов, где говорится о незаконных и преступных связях духовных лиц с женщинами. Но это не простая случай-

ность. Источники часто не дают ясного понятия, о чем именно в них идет речь — о первом или втором виде сожительства. Интересно определить: если священники жили брачной жизнью, то был ли их брак совершаем с соблюдением всех форм, или же это был брак какой-либо особенный, отличный от обыкновенного? Можно утверждать, что браки духовных лиц совершались с соблюдением всех формальностей и представляли собой церковные браки в полном смысле этого слова. Это лучше всего можно уяснить примерами, заимствованными из истории Германии и Франции тех же веков и составляющими, конечно, аналогию с итальянскими явлениями в том же роде. Так, о епископе Лозаннском Бурхарде (XI в.) говорилось, что он имел законную жену. К супругам епископов прилагались такие титулы, которые ясно показывали, что они были совершенно законными женами. Так, Анзопейя, супруга Пасхалиса, епископа Шурского (*Chur*), именовалась **«госпожой епископом и архипастыршей Шурской»**. А жена Зигфрида, епископа Леманского (X в.), называлась «епискописсой». О Поппоне, епископе Тульском, сохранилось также известие, что он с соблюдением обычных церковных форм вступил в брак. По всей видимости, и в Италии происходило тоже самое, т. е. брак духовенства был действительным, законным браком. Вот несколько примеров, хотя и не таких ярких, как вышеприведенные. Бонитон рассказывает следующее о папе Бенедикте IX: когда этот папа пожелал будто бы взять себе в жены одну девицу, то отец девицы соглашался на это, но под условием, что Бенедикт откажется от папства. Римский летописец изучаемых нами времен о самих монахах рассказывает, что они женились, не переставая быть монахами. В одно очень тяжелое время в истории Фарфасского монастыря, по словам летописца, сюда возвратились некоторые монахи и «начали здесь открыто жить со своими — не скажу: конкубинами, — а с женами, ибо они вступили с ними в законный брак». Дамиани, обличая безнравственную жизнь известной части современного ему духовенства, говорил, что всем известны места любовных свиданий, имена конкубин, тещи и тестя и все родство такого рода священников. Слова Дамиани нам уже не будут казаться преувеличением, если мы узнаем, что священники и епископы, по современным сказаниям, вступали в прелюбодейную связь с женами пасомых и обещивали чужих невест, если, например, встречался даже такой случай: во времена папы Александра II падуанский священник Альбицо находился **в кровосмесительной связи со своей матерью**. Самые церкви становились убежищем, где священниками совершались постыдные грехи. Бонитон говорит о нечести-

вых объятиях, имевших место в самых капеллах. И все это еще не самая крайняя степень распущенности духовенства. Это сословие в X и XI вв. прославилось к тому же **противоестественными пороками**. Дамиани издал сочинение под заглавием «Книга Гоморрская», в котором автор с полной ясностью рассказал о тайных плотских грехах духовенства, удовлетворении их страстей противоестественным способом; обличитель требовал, чтобы все духовные лица, виновные в подобных грехах, были удалены от должностей, причем он замечал, что духовники, у которых исповедуются священники, охотно снимают с этих последних столь тяжкий грех, и таким образом преступники избегают канонических наказаний. Папа Лев IX читал сочинение Дамиани, и в знак согласия с этой книгой издал буллу, которой, с одной стороны, одобрял автора в его намерениях, с другой — подтверждал истинность показаний, здесь заключающихся. Но это не единственное свидетельство относительно распространенности гоморрских грехов среди духовенства. Лица духовные, подчиненные епископу Ратеру, были того мнения, что всякий из числа их собратий, если не сожительствовавший с женщиной, то предавался противоестественному греху; а сам Ратер глубоко скорбел о том, что сословие назореев дошло до такого развращения, что каждый из них повинен или в том, или в другом из тяжчайших пороков. Из отдельных лиц, как человек, погрязавший в гоморрском грехе, может быть, например, назван Ульрих, епископ Падуанский (XI в.), который всецело отдавался **любви к мальчикам**. О многих миланских священниках известно, что хотя по внешности они являлись последователями целомудрия, но зато втайне они предавались рассматриваемому греху. Есть основание думать, что в те времена на указанный порок духовенства смотрели снисходительнее, чем как следовало бы. Так, Ратер величину плотских грехов духовенства определяет степенью общественного соблазна, отсюда происходящего, и суд над тайными грехами духовенства предоставляет единственно Богу. Сам Дамиани говорит, что если священник тайными путями **удовлетворяет своим страстям, то это еще дело терпимое**. Из церковной истории известно, что и духовенство Греческой церкви X и XI вв. не сияло добродетелями и нравственными достоинствами. Если бы кто взялся описать нравственное и умственное состояние этого духовенства за указанный период, то картина получилась бы малопривлекательная.

Но все же греческое духовенство X и XI вв., как и других веков до XVI столетия, никогда не доходило до тех безобразий и крайностей, которые характеризуют латинское духовенство за эпоху,

нами излагаемую»¹. Как видим, это были не исключения из правил, а сами правила, которые, кстати, и создавала сама папская система власти, открыто изменившая Заповеди Христа на свои человеческие постановления. Подобно древним иудеям, установившим столы для продажи в храме, и которых в свое время выгнал оттуда Христос, папские священники установили столы, где продавали через индульгенции (специальные папские грамоты) за деньги отпущения не только совершенных, совершаемых, но и будущих грехов, а также вызволение своих близких из ада или чистилища. Эта святотатственная торговля сопровождалась тонко продуманными и сильно действующими на психику человека проповедями, как, например, ту, которую говорил в 1517 году папский посланник, доминиканец Тецель. «Слушайте! Бог и святой Петр зывают к вам. Поразмыслите о спасении своей души, а также своих усопших близких. Священник, дворянин, торговец, юная девица, почтенная женщина, юноша, старец, войдите ныне в свою церковь — церковь св. Петра. Взгляните на крест — самый святой из всех, когда-либо водружавшихся на земле и всегда взывающий к вам. Не кажется ли вам, что вы захвачены яростным вихрем искушений и опасностей мира и не ведаете, суждено ли вам достигнуть небес, — не своим смертным телом, но бессмертной своей душой? Поразмыслите о том, что все, кто покался, исповедался и внес пожертвование, получают полное отпущение всех своих грехов. Прислушайтесь к голосам своих дорогих усопших родственников и друзей, умоляющих вас: «Пожалей нас, пожалей нас! Мы изнываем в ужасных муках, от которых ты можешь избавить нас за жалкие гроши». Неужели вы этого не хотите? Прислушайтесь. Послушайте, что говорит отец своему сыну, мать — дочери: «Мы родили тебя, вскормили, воспитали, оставили тебе наследство, а ты столь жесток и черств, что не желаешь сделать сущий пустяк, чтобы освободить нас. Неужели ты позволишь, чтобы мы погибли здесь, в языках пламени? Неужели из-за тебя обещанная нам слава придет позднее?» Помните о том, что вы способны освободить их, ибо как только монетка попадет в сундук, душа оставляет чистилище. Неужели всего за несколько грошей вы не приобретете эти индульгенции, которые смогут привести вашу божественную и бессмертную душу в рай — ее отечество?»². Как красиво и трога-

¹ Лебедев А. П. История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох. СПб.: И-е О. Абышко, 2005. С. 83—87, 90—93, 108—115, 118—119, 127—128.

² Бейнгон Р. На сем стою... Жизнь Мартина Лютера. Заокский: Источник жизни, 1996. С. 69—70.

тельно звучат слова хитрого монаха, в ответ на которые тысячи простодушных людей жертвовали в папскую казну, будучи уверены, что избавляют своих близких от адских мук. В своем Богопоклонении средневековая церковь говорила, что получить прощение можно не только через индульгенции, но и через поклонение святым и их мощам. «Церковь настаивала на возможности обрести достоинства святых в результате поклонения их мощам и реликвиям. Папы часто конкретно указывали, сколько благодати можно получить, взирая на те или иные святые кости. Все мощи святых, находившиеся, например, в Галле, согласно повелению папы Льва X, обладали способностью сократить срок пребывания в чистилище на четыре тысячи лет. Величайшим хранилищем таких сокровищ был Рим. В одном лишь склепе св. Каллисты были захоронены останки 40 пап и 76 тысяч мучеников. В Риме можно было увидеть остатки тернового куста (неопалимой купины), из которого Бог говорил с Моисеем, а также останки 300 безгрешных святых. Хранился в Риме и плат св. Вероники, на котором запечатлелся лик Христа. В Риме берегли цепи св. Павла и ножницы, которыми император Доминиан обрезаю волосы св. Иоанна. На стенах Рима близ Аппиевых ворот можно было увидеть белые отметины от камней, которыми разъяренная толпа забрасывала св. Петра и которые превращались в снежки, ибо время его еще не пришло. В одной из римских церквей находилось распятие, которое однажды, склонившись, заговорило со св. Бригиттой. В другой церкви хранилась монета, уплаченная Иуде за предательство нашего Господа. Ценность ее весьма возросла, ибо теперь она способна была предоставить отпущение грехов на 1400 лет. Между Латераном и собором св. Петра можно было получить индульгенций больше, чем за все паломничество в Святую землю. Еще одна из римских церквей хранила шестиметровый столб, на котором повесился Иуда. Этот столб, однако, не считали, строго говоря, реликвией, и допускались сомнения в его подлинности. Перед Латераном находилась Scala Sancta, лестница из 28 ступеней. Как утверждалось, именно она вела к дворцу Пилата. Кто поднимался по ней на коленях, повторяя на каждой ступеньке «Отче наш», получал освобождение от чистилища для своей души. Но самое главное — в Риме находились сохранившиеся тела св. Петра и св. Павла. Они были расчленены, чтобы даруемыми преимуществами могло воспользоваться большее число церквей. Головы находились в Латеране, а по одной верхней части туловища хранились в названных именами апостолов соответствующих храмах. Ни один город мира не имел столь щедрого обилия святых реликвий, и ни один го-

род на земле не получал столь богатых доходов от продажи индульгенций, как святой Рим»¹. В каждом городе епископы и князья собирали подобные коллекции останков святых, которые в дни праздников выставлялись на всеобщее поклонение и через которое посредством покупки индульгенций можно было получить прощение любых грехов. К примеру, в немецком городе Виттенберг данная коллекция «включала в себя один зуб св. Иеронима; четыре части тела св. Иоанна Златоуста; шесть частей св. Бернарда; четыре — св. Августина; четыре волоса Богородицы; три части ее одежды; четыре части ее пояса; семь частей ее покрывала, забрызганного кровью Христа. Из святых реликвий, относящихся непосредственно ко Христу, можно было назвать одну часть Его погребального пеленания, тринадцать частей яслей, в которых Он лежал; одну соломинку из них; одну частицу золота и три частицы мирры из даров, принесенных мудрецами; один волос из бороды Иисуса; один из гвоздей, вбитых в Его руки; один кусочек от хлебов Тайной вечери; один кусочек от камня, на котором стоял Иисус перед Своим вознесением на небеса, и одну ветвь неопалимой купины — куста, из которого Бог говорил с Моисеем. К 1520 году коллекция уже насчитывала около 19013 святых мощей. Те, кому удалось обозреть эти реликвии в назначенный день и кто внес установленное пожертвование, имел право на получение от папы индульгенций, сокращавших срок пребывания в чистилище либо для них самих, либо для других людей, вплоть до 1902202 лет и 270 дней. Таковы были сокровища, выставляемые на обозрение в День всех святых»². Это был настоящий святотатственный бизнес под видом богопоклонения. Бизнес, который дискредитировал в глазах людей не только церковь, но и Самого Бога, что и было нужно темным силам, стоящим за всем этим псевдобогопоклонением. К сожалению, все это, только в несколько измененной форме, дошло и до наших дней, поддерживая в людях суеверия и веру в то, что спасение можно заработать, купить, составляя одну из ведущих черт богопоклонения в значительной части религиозных конфессий. Раскрывая те страшные примеры извращенного богопоклонения, имевшие место в западной церкви, профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев (1845—1908), один из ведущих православных историков, не обходит как честный исследователь и то, что имело место в восточных христианских православных церквях. Его свидетельства особенно ценны не только как круп-

¹ Бейнгон. Указ. соч. С. 40—41.

² Бейнгон. Указ. соч. С. 62.

нейшего историка, но и как члена данной церкви, которого нельзя обвинить в предвзятости. «Одним из важнейших неблагоприятных условий, содействовавших появлению нравственной порчи в среде членов высшей иерархии Греко-Восточной церкви, было до последней степени неразборчивое замещение архиерейских кафедр. Московскому митрополиту Филарету в 60-х гг. приходилось однажды читать следующее сообщение по указанному поводу. «Несколько геронтов (а геронтами в то время назывались члены Константинопольского синода, облеченные особенными полномочиями по делам церковным), большей частью, чтобы не сказать — всегда, раздавали архиерейства (т. е. вообще архиерейские кафедры) своим любимцам и своим *тварям* (курсив в документе), так что архиерейские кафедры не были более наградой за добродетели и способности, а покупались часто ценой личных услуг и доставались в удел лицам, не всегда обладающим требуемыми качествами»¹. Кто здесь именуется презрительным наименованием «твари», не указано; но нет сомнения, что им обозначаются в данном случае разные приспешники, льстецы, прихлебатели, вообще любимцы, которых возводили геронты в архиереи менее всего «за добродетели», а потому, нисколько не удивительно, если они оказывались потом «не обладавшими требуемыми качествами». Не за добродетели и не за способности ясно обнаруженные избирались те или другие лица в архиереи, а большей частью — взамен таковых качеств — **за деньги, по подражанию еретику Симону**, как говорится в греческой Кормчей. Один тонкий соглядатель восточных церковных дел писал (в 40-х гг. XIX в.): «Восточное духовенство пребывает во тьме невежества. Кто из духовных получил лучшее воспитание до греческого первого восстания (в 1821 г.), тот не имеет ходу в иерархии, потому что все епархиальные места, высшие и низшие, продаются тем, которые богаче других. А ученым нет возможности наживать богатства в школах». Тот же писатель, в частности об Иерусалимском патриархате, замечает: «Все денежные сборы таксилдаров (сборщиков) для Гроба Господня присылаются к патриарху Иерусалимскому. А кто больше соберет денег и из своей половины (очевидно, сборщик имел право на половину собранных им денег) даст значительную сумму патриарху, тот и в епископа возводится»². Из рассказа, который мы

¹ Собр. мнений и отзывов Филарета, митр. Московского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 142.

² Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. II. С. 331. Ср.: Канте-рев Н. Ф., проф. Сношения Иерусалимских патриархов с русск. правительством в текущем столетии // Палестинский сборник. СПб., 1898. Вып. 43. С. 705—706.

сейчас приведем и который находим все у того же вышеуказанного наблюдателя восточных дел, ясно открывается, что не школа науки отверзала двери к архиерейству, а гораздо вернее вела сюда школа раболепства и низкого ласкательства. «В Анатолии при одном архиерее жил молодой и бойкий диакон; нередко бивала его папуцами (туфлями) герондисса владыки [«Герондисса» значит «старица». Так называется экономка (домохозяйка, помощница по хозяйству) при доме греческого архиерея или игумена; она в действительности очень редко бывает старухой] за его шалости и непослушание ее капризам. Диакон терпел и выговоры, и капризы, и побои от герондиссы, потому что боялся быть выгнанным из дома и потерять право на архиерейство. У нас такой порядок, — разъяснил нашему писателю один греческий иеродиакон, — кто из нас безропотно выносит нечистоты из спальни герондиссы владычной ... [Так они] ни во что не ставили свой сан, переменяя его на турецкие должности, глумились над всем сонмом прочих архиереев, над синодом и патриархом; но некоторые из первопрестоятелей Греческой церкви отваживались на тайное и даже явное убийство своих собратий — архиереев. После этого никто не найдет ничего удивительного в том, что архиереи в распрях между собой нередко доходили до кулачной расправы с врагами из своих же собратий. Что подобная кулачная расправа встречалась в отдаленные века, в этом едва ли кто усомнится, когда мы укажем, что даже в 60-х гг. XIX в. греческие архиереи дрались, как нетрезвые люди, и ни где-нибудь в кофейной, а публично, в торжественном церковно-народном собрании в Царьграде. Летописец отмечает: «Митрополит Дринопольский набросился на митрополита Амасийского и схватил его за платье на груди. Епископы наносили удары епископам. Крики привлекли посторонних». Когда приснопамятному митрополиту Филарету донесли об этом редкостном событии, он говорил: «Что думать об этом? Чего ожидать? Закроем ли глаза? Заградим ли слух? Но это бесполезно. Они постарались сделать невозможным, чтобы это печальное зрелище закрыто было завесой молчания»¹. Греческие архиереи в Палестине — кстати сказать, люди совершенно невежественные — держали себя надменно и неприступно в отношении к местным священникам-арабам, своим ставленникам. Просьбу архиерею бедный священник мог передать только через драгомана. Лично архиереи не принимали этих священников, боясь, как бы не уронить таким образом своего архиерейского достоинства. Если священник же-

¹ Собр. мнений и отзывов Филарета, митр. Московского... С. 133.

дал войти к архиерею и стучался в двери архиерейского жилья с обычными словами: «Молитвами св. отец...», то получал в ответ от архипастыря: «Ступай вон», «Прочь, подлец» и т. п.¹ **Они смотрели на своих священников как на презренных рабов.** Случалось, что все отношения между архиереем и священниками исчерпывались тем, что эти последние платили, а тот получал. Архиерей брал деньги со священника, когда этот последний чем-нибудь разгневал своего владыку, хотя бы в действительности священник и не был виноват. Он же, архиерей, если находил удобным, кроме обычных обязанностей священника навязывал ему какие-либо посторонние заботы, например пропитывать каких-либо архиерейских родственников в деревне и т. д.² Деньги и только деньги так высоко ценились архиереями в Турции, что они не прочь были извинить и простить какое угодно преступление священника по службе — лишь бы священноначальник так или иначе был вознагражден. Представим факт очень поучительного свойства. «Было и не было» — так начинает свой рассказ наш повествователь, т. е. он хочет сказать, что факт превосходит всякое вероятие и кажется небылицей. «У одного властного и зажиточного турка на о. Крит издохла любимая собака. Тогда он позвал себе местного священника и приказал ему похоронить ее по христианскому обряду. Волей-неволей священник исполнил его приказание. Узнал это местный архиерей и запретил ему священнослужение. Бедный, злополучный поп, припав к ногам вышеуказанного турка, целовал полу его платья, умолял его сходить ко владыке и испросить у этого прощение ему. Турок положил некую сумму денег на тарелочку, пошел к архиерею и, входя в его комнату, согнулся в дугу, а тарелочку держал на своей голове. Архиерей увидел деньги и смекнул, что они предназначены ему. Когда же турок стал просить его о помиловании священника, он отвечал ему: «Я наказал попа не за то, что он отпел твою собаку, а за то, что он не пригласил меня на ее похороны». **Наказание было отменено**»³. Архиерейское мздоимство и архиерейский гнев в случае, если подчиненное ему духовное лицо не платило того, что требовал от него владыка, иногда приводили к печальным последствиям. Вот рассказ в таком роде. «Один игумен, он же и сельский священник (что нередко бывает на Востоке), имел в своем пастырском управлении

¹ Сырку П. А. Описание бумаг еп. Порфирия. С. 25.

² Архим. Антонин. Из Румелии. С. 84.

³ Сырку П. А. Описание бумаг еп. Порфирия. С. 90; *Превос. Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего. Т. I. С. 372.

монастырь и несколько селений. Недовольный этим священником-игуменом, местный архиерей потребовал от него без всякой основательной причины ежегодной платы по 2000 пиастров. Игумен отказался. Тогда архиерей решил отомстить ему. И случай к тому представился очень скоро. Около монастыря этого игумена раз нашли мертвое тело. Турецкая полиция возвела на него обвинение в укрывательстве убийц. Архиерей мог легко очистить своего клирика от всяких подозрений, дав за него ручательство перед властями. Но архиерей по неудовольствию на него не хотел сделать этого. Игумен попал в тюрьму и 8 лет сидел здесь. Наконец, выведенный из всякого терпения, игумен решил принять мусульманскую веру. И вот собирается экстренный меджлис, на который явились свидетелями и некоторые архиереи. В присутствии всех ренегат снял с себя камилавку и бросил ее в лицо своему бывшему архиерею. Архиерей и глазом не моргнул. Что же дальше? Экс-священник, освободившись из тюрьмы, принял обрезание, переименовался Ибрагимом-эффенди, женился на своей родственнице, стал получать 500 пиастров ежемесячного жалованья и служить в губернской полиции чиновником». Больше светлых сторон в быте архиереев, если рассмотреть их отношения к мирянам. По разным причинам архиерей не стоит так далеко от мирян, как, например, у нас. Архиерея знают его духовные дети, и он знает их. Как мы упоминали выше, едва ли это не лучшая черта из всего, что мы можем сказать хорошего о греческих архиереях. Но и эта лучшая сторона все же имеет свои затененные места, а пожалуй, и пятна. Архиереи очень немного заботятся о духовных нуждах своих пасомых. Они не особенно любят даже служить литургию, а иногда и совсем живут вдалеке от своей богохранимой паствы. Известно, что по установившемуся правилу Константинопольский патриарх совершает литургию не за деньги не больше трех раз в год: на Рождество, в Неделю Православия и на Пасху¹. Я же, со своей стороны, слышал, что патриарх Дионисий, умерший в 1891 г., **служил безвозмездно только раз в год — в день Пасхи.** Для того, чтобы оценить значение этой небрежности о пользе пасомых, нужно припомнить, что древнейшие архиереи служили каждый праздник в своей епископской церкви. — Еще оригинальнее поступали и теперь поступают такие греческие провинциальные архиереи, которым доходы с их епархий нравились, а сами епархии не нравились, так что они предпочитали жить в Царьграде. Вот как, например, поступил один из таких архи-

¹ Муравьев А. Н. Путешествие по св. местам в 1830 г. Т. I. С. 69.

ереев. В середине XIX в. один греческий архиерей в Болгарии очень скучал, живя в маленьком и глухом провинциальном городе, все стремился попасть на жительство в более приятную для него столицу. Наконец он обратил внимание на одного расторопного и неглупого болгарина-диакона и добился того, что этого последнего сделали викарным архиереем при его кафедре. Лишь только это случилось, епархиальный преосвященный уехал в Константинополь, а епархия начала интересоваться владыку лишь как поместье, дающее ему известные доходы. Управление епархиальным делом было возложено на викария-болгарина с тем, чтобы он ежегодно доставлял своему принципалу 2 000 турецких лир, т. е. более 16 000 рублей. Так продолжали идти дела около 10 лет.¹ В личных отношениях с пасомыми архиереи иногда не держались границ благоразумия, но заходили слишком далеко в выражении своего архиерейского гнева, что иногда сопровождалось некоторыми невыгодами и для архиерейского кошелька. Раз был такой случай. Один греческий владыка, вмешавшийся в тяжбу разведенных мужа и жены, отказал невинно пострадавшей жене в определенной ей по закону пенсии от мужа. Эта женщина с горя помешалась. За нее заступился один из местных чорбаджей (старшина; конечно, он был христианин). Архиерей, не стерпев такого вмешательства, отлучил его от Церкви. Чорбаджи, несмотря на это, в первый же праздничный день пришел в церковь к обедне. Архиерей, увидев отлученного в храме, кинулся на него с жезлом, ударил и сломал жезл. Чорбаджи не замедлил отправиться в Константинополь с жалобой кому следует. Владыка, со своей стороны, тоже не дремал. Он нашел возможным возвести обвинение на чорбаджи — серьезные обвинения в несоблюдении общественных интересов. Дело разгорелось. Тушить его пришлось уже не одному чорбаджи, но и архиерею. Бедняк старшина сильно издержался, ездив в столицу и хлопоча там; но и владыка издержался, — да еще как издержался, — давая взятки кому следует... Да и все они, т. е. архиереи, таковы, добавляет рассказчик, один хуже другого, все варились в том же караказане, т. е. черном котле янычар. Если так обращались архиереи с почетными членами общины, облеченными властью старшинами, то, без сомнения, еще меньше они церемонились с простыми мирянами, если наперед были уверены, что сами они останутся безнаказанны. Они не стеснялись ни местом, ни временем, допуская кулачную расправу в минуту гнева и раз-

¹ Стоянов-Вурмов. Греко-болгарская распря // Вестник Европы. 1888. Т. IV. С. 728—729.

дражения. Наш Арсений Суханов в Палестине был свидетелем такого факта. Ни какой-нибудь невежественный захолустный архиерей, а сам Иерусалимский патриарх однажды во время торжественной вечерни в церкви приказал диакону прибить христианина-араба — хлестать по щекам и бить по голове, потом плетью ударять в лицо, «а неведомо за какую вину», — прибавляет очевидец. Домашняя жизнь греческих архиереев протекала в довольстве и среди многих утех. Есть свидетельства, из которых, пожалуй, можно выводить заключение, что бедность и недостатки составляли в прежнее время печальный удел греческих архиереев; но эти свидетельства стоят одиноко и не имеют того значения, какое им можно приписывать с первого взгляда. Так, Арсений Суханов очень изумлен бедностью патриаршего подворья по сравнению с католическими монастырями в Константинополе. Он с заметным сокрушением пишет: «Патриаршие дворы (в Константинополе) с малыми воротами, якобы калитка». Но нужно сказать, что патриаршее подворье не блещет великолепием и в настоящее время. И вообще греческие архиереи придерживаются русской пословицы: «Не красна изба углами, а красна пирогами». Другой свидетель, знаменитый патриарх Иерусалимский Досифей, XVII и XVIII вв., в своих посланиях к русскому двору писал: «Архиереи греческие — нищие, как это и прежде было; платье дорогое духовным лицам непристойно». «Расходы наши (архиереев) равны с расходами какого-нибудь игумена маленького монастыря; и на всю одежду нашу не изойдет и пятисот асперов» (мелкая медная монета)¹. По поводу этих слов Досифея нужно сказать, что греческие преосвященные, если писали в Россию, то всегда старались рисовать свое положение самыми печальными чертами; разумеется, для того, чтобы разжалобить щедролубивую Россию; притом, нужно полагать, что слова эти говорятся в укоризну русских архиереев, которые всегда одевались очень роскошно по сравнению с греческими. Войдем в покои греческого архиерея не фантастического, а действительного. В приемной комнате мы найдем широкую турецкую софу, а на ней подушки из сирийского разноцветного шелка; необходимую принадлежность благоустроенного жилища на Востоке составляет бронзовая жаровня, ее вы тоже найдете в приемной архиерея, жаровня эта у него вся литая, на красивых львиных лапках и такая огромная, что три человека едва могут поднять ее. Если поинтересуемся, что находится в буфетном

¹ Каптерев Н. Ф., проф. Сношения патр. Досифея с русск. правительством. М., 1891. С. 181, 183.

шкафу архиерея, то мы узрим желе из айвы, щербет розовый, кофейный и розовый лист и орехи с гвоздикой, и, само собой разумеется, ароматное вино. Если же пожелаем познакомиться с поварской архиерея, то найдем там гусей, цыпленка и поросенка. Греческие архиереи, как известно, разрешают себе скоромную пищу по тому основанию, что они в настоящие монахи не посвящаются, а остаются навсегда рясофорными, хотя и возлагают на себя монашеские принадлежности. И этот обычай соблазнять нас не должен. В одежде архиереи любят разнообразие, и некоторые из них часто переменяют свои платья. Значит, гардероб их богат и дорог. В прежнее время архиереи иногда украшали свою голову чалмой, этой красивой принадлежностью турецкого костюма, причем они в свое оправдание ссылались на принуждение со стороны турок, но эта отговорка лишена всякого значения. В помещении греческого архиерея встретишь еще — чего совсем не ожидаешь — экономку, или сожительницу. Эти личности женского пола носят различные наименования: герондиссы, коконы, параманы, проще: наложницы, а деликатнее — «преосвященные монахини». Таких особ женского пола держат не одни архиереи, но и другие клирики, так как безбрачными в Греции остаются не только патриархи, епископы и архимандриты, но и некоторые приходские, городские священники и даже диаконы¹. Деятельность параман, преосвященных монахинь — или как хотите их назовите — заключается в следующем: они готовят для архиерею любимые его блюда, омывают его святительские ноги, стелют ложе, варят варенье, повязывают черный платочек поверх камилавки, когда архиерей выходит из дому и пр. Некоторым греческим архиерям иногда приходится выслушивать укоризну, что герондиссы их служат соблазном для христиан. В таком случае соблазняющийся может услышать следующие слова от архиерея: «И ап. Петр водил с собой сестру — жену, а мы преемники его. Самому Господу служили жены; почему же и нам не принимать их служения и послушания? Не мы первые ввели обычай принимать в свои келии герондисс; это уже издавна ведется. Зло меньшее все же лучше зла большего (?!). Но пусть мы, по-вашему, любодей, блудодей, мы отдадим в этом отчет Богу»². Нужно признаться, что подобная апология не только не успокаивала соблазняющихся, но иногда даже приводила их в ужас. Содержание кокон, или наложниц, иногда дорого обходилось архиерею: они любят

¹ Дмитриевский А. А., проф. Статья в Трудах Киевск. Духовн. акад. 1891. Т. III. С. 143.

² Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. II. С. 273—274.

деньги, любят зрелища, нуждаются иногда во врачебном искусстве. Часто они достигали большого значения в самой административной деятельности архиерея. Этого рода соблазном дело, впрочем, кажется, не ограничивалось в жизни греческих архиереев. Преосв. Порфирий, описывая свое посещение греческого архиерея Анфима, жившего на покое, обратил внимание на следующее обстоятельство: «Ему (Анфиму) прислуживают, — пишет преосвященный автор, — два редких красавчика: один лет семнадцати, а другой двенадцати, Я не спросил: кто они таковы, а потому не дерзаю назвать их постельничими. Осуждать ближнего легко и грешно. А ребята — кровь с молоком». Что хочет сказать преосв. Порфирий этими полунамеками ясно и без дальних разъяснений. Митрополиты и прочие архиереи, не исключая патриархов, всегда на Востоке не считают грехом курить табак, играть в карты и шахматы¹. Ф. А. Курганов, не мог обойти молчанием вопрос о коконах. У него встречаем такой рассказ. «Вот пример того, как епископы вербуют в свои наложницы молоденьких красивых девушек. Один фанариот в Доироне (в Македонии), приобщая однажды своих прихожан, увидел прелестную молодую девушку, которая показалась ему скромной и стыдливой. Фанариот этот до того любил женскую красоту, что иногда сходил от нее с ума (?). Естественно, вид стыдливой красавицы возбудил в нем похоть: он решил взять хорошенькую Марию к себе, под именем ψυχοθόρη, т. е. девушки, взятой с целью воспитывать ее для душевного спасения. Обещания фанариота, богатство, платья, которые он дарил ей, обманули невинную. Фанариот сначала выдал ее замуж за болгарина, потом прогнал его, а психофору (вот еще название для герондиссы) оставил у себя. Не получая душевного спасения сама, Мария доставляла удивительные исцеления епископу-фанариоту. Простудится он и заболевает, Мария натиранием разными мазями его тела мгновенно исцеляет его. «Погиб бы я, если бы не было этой девушки» — говорил обыкновенно фанариот. Дни и часы проходили у него незаметно: утром трубка, горячие напитки, во время обеда — кушанья разных видов, довольно вина, вечером музыка, танцы и прочие увеселения. Фанариот обыкновенно умильно рассказывал историю своего знакомства с Марией. Такова обыденная жизнь фанарских архиереев», — замечает повествователь. А затем он же прибавляет: «Бросая общий взгляд на... нравственность греческой иерархии, мы должны заметить, что

¹ Проскинитарий («Прения с греками»). С. 357; Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. III. С. 768.

нравственность (высшего) греческого духовенства весьма сходна была с нравственностью католического духовенства в Средние века, и особенно перед Реформацией»¹. В заключение несколько слов по вопросу, составляющему, так сказать, злобу дня в настоящее время у нас. Духовные и светские газеты и журналы постоянно указывают с печалью и укорами на то отчуждение, которое установилось у нас между высшим русским духовенством и народом. «**Окружающая жизнь ясно показывает, — говорят нам, — на глубокое нравственно-духовное разъединение епископов с народом и духовенством; они чувствуют епископов далекими от себя**»². Но оказывается, что явление это далеко не ново в православном мире. В Греческой церкви, находящейся в Турции, оно обнаружилось еще раньше. В журнале «*Νεολόγος*» говорится вот что: «Взгляните теперь на народ и рассмотрите его отношение к Церкви, т. е. к высшей иерархии. Не только не существует никакого сотрудничества, а напротив — существует взаимное недовольство и недоверие. И в то время, как лет за 30 тому назад для христианина-селянина архиерейский сан был безусловным авторитетом, теперь совсем напротив. Народ уже не отождествляет сана с личностью, и в последние годы были ужасные примеры и обнаружение враждебного отношения народа к архиереям: в некоторых местностях народ осмеливался кричать священнодействующему архиерею: *недостойн, долой*; в других не уважал даже священных облачений и силой выталкивал его вон из церкви; в некоторых народ перестал ходить в церковь, чтобы не иметь молитвенного общения с архиереем»³. Какое печальное явление!»⁴. «Так, в Константинопольском синоде XII в. постановлены были «определения против тех архиереев, которые, совершая богослужение во дни памяти усопших благородных и великих людей, позволяли себе говорить похвальные молитвы в стихах»⁵. Примечательно, что таких архиереев оказалось много. Подобного же свойства непорядки найдены были и среди чтецов. Некоторые «чтецы в те же дни памяти исполняли музыкальные и органные мелодии и обращали похоронную песнь в свадебную»⁶. Еще более непристойные действия позво-

¹ Исторический очерк греко-болгарской распри // Правосл. Собеседник. 1873. Т. I. С. 63. См.: Терновский С. Записка о состоянии Казан. Духовн. академии. Казань, 1892. С. 414.

² Церковн. Ведомости. 1906, № 47. Приложение. С. 80.

³ Церковн. Ведомости. 1894, № 37. С. 1302.

⁴ Лебедев. Указ. соч. С. 176—177, 180—191, 202—203.

⁵ Вальсамона. Толкован. на 115-е пр. собора Карфагенского // Правила с толкованиями. С. 1581.

⁶ Там же.

ляли себе некоторые клирики, превращая церковь во что-то вроде театра. По словам Вальсамона, в его время иные «из клириков в некоторые праздники надевали на себя разные личины (маски), а иногда, вооружившись мечами, в воинских одеждах выходили на середину церкви»¹. Некоторые священники позволяли себе неблагоговейное обращение со святой Евхаристией. Так, один священник по какой-то причине, небрежности или еще чему, оставлял Дары непотребленными, причем он допускал странные поступки: хлебы предложения валялись в алтаре, где случится, а к чаше с вином он или подзывал мальчика и поил его, или же оставлял ее безо всякого употребления². Другой священник в минуту сильного гнева в самом алтаре прибил служку, но так неосторожно, что при этом пролил Св. Дары на землю³. Случалось, священники относились к таинствам и храму с таким неблагоговением, что, по-видимому, для них не было ничего святого. Вот что знаем из одного документа о каком-то священнике XIV в. Однажды, когда этот священник начал службу (литургию), в церковь вошла собака; ее стали выгонять, но священник сказал: «Оставьте ее, она услышала «приидите» и вошла». В другой раз тому же священнику пришлось в храме освящать воду, для этой цели приготовлено было большое корыто (*σκάφη*); увидя, что корыто было велико, священник, окончив водосвятие, сказал: «Вот теперь посадите сюда и свинью». Еще в другой раз при встрече со священником, с которым он был в дурных отношениях, сказал: «Тебя хиротонисала не благодать Св. Духа, а благодать (!) дьявола». Недостаток уважения к святости храма проявляется иногда у византийского духовенства в фактах очень крупных. Бесчинством в храмах заявляли себя не отдельные клирики, но и многие духовные лица, не исключая архиереев. Вот один из очень видных случаев, записанных историками. В царствование Андроника Старшего так называемые арсениды, получив силу и влияние, заняли митрополичьи и другие высшие места, а для посрамления своих противников из архиереев и других клириков устроили следующее. Арсениды «собрали их, как овец, в великий Влахернский храм» в Константинополе. Что же последовало дальше? Нечто невероятное. «У кого найдется, — говорит Григора, — такое жестокое и такое каменное сердце, чтобы рассказать о той наглости, какую они (арсениды) обнаружили в отношении к несчастным епископам и другим священным лицам?

¹ Толков. на 62-е пр. Трулльск. собора // Правила с толков. С. 650.

² Miklosich... Acta patriarchatus Constantinop. T. I. P. 540.

³ Ibid. T. II. P. 115.

После ругательств председатели приказали прислужникам снимать с голов повинных лиц покрывала и бросать их на землю с троекратным провозглашением: ἀνάξιος — у других же снимать другие одежды и, заворачивая им подолы на голову, возглашать то же, а потом толчками, пинками и пощечинами, как каких-нибудь убийц, выгонять из храма». И все это безобразие совершалось в храме и самими же архиереями и их приспешниками! В религиозном состоянии византийского общества рассматриваемого времени можно находить много своеобразного, странного и суеверного. В византийцах мы видим людей, у которых чистые и светлые религиозные идеи были в смешении с представлениями, не согласными с этими идеями. Религиозное самосознание византийцев стояло на не высокой ступени развития. Прежде всего отметим неудержимое стремление их так или иначе дознаваться, что каждого из них ожидает в близком или отдаленном будущем. Суетное любопытство заменяло у них христианскую преданность воле Провидения. Византийцы любили гадать. Гадали они на всем. Первое место при этом гаданьи занимали у них предметы наиболее священные. Они любили гадать на Евангелии, и гаданье это было очень распространено. **Гадания на Евангелии не чуждались сами епископы.** Вот, например, как происходило гаданье епископов касательно судьбы, ожидающей новопоставляемого патриарха Константинопольского. Когда на голову посвящаемого возлагается раскрытое Евангелие, то смотрели, какими словами начинаются те страницы, на которых раскрыто Евангелие, и по этим словам заключали о будущем. Так, когда при посвящении в патриархи Афанасия (конец XIII в.) митрополит Никомидийский возложил на него Евангелие, то оказалось, что разверстые страницы начинались словами: «Дьяволу и ангелам его».

Один из посвящающих архиереев, митрополит Никейский, первый увидел эти слова, но нашел неловким, чтобы о них узнали и другие, поэтому он взял Евангелие в свои руки, ловко смешал страницы и открыл книгу в другом месте, где читалось: «И птицы небесные привитают в нем» (притча о семени горчичном). По суждению лиц, узнавших о тех словах, которые сначала открылись при посвящении Афанасия, его ожидали вечные муки. Во время посвящения другого патриарха, Арсения (в середине XIII в.), при подобном же случае открылись слова «скрежет зубов». Ясно, что по этим словам Арсения, как и Афанасия, в будущем ожидали адские мучения. Но такого толкования указанным словам дать не хотели, так как Арсений был очень благочестивый человек, поэтому относили их к тем несчастьям, которые

ожидали его в патриаршестве¹. Иногда гадание лишь происходило при помощи Евангелия, но совершалось по другой священной книге — Псалтыри. Раз это гаданье происходило так: какой-то священник привязал Евангелие к дереву, так что оно свободно вращалось, затем гадал на Псалтыри, давал ответ на те или другие вопросы, читая, вероятно, то, что открывалось случайно². Иногда гаданье совершалось через записочки, полагаемые на св. Престол. Так делал император Алексей I Комнин. Однажды, во время военной экспедиции, он был в большом затруднении: как ему поступить, так или иначе? Для решения вопроса он сделал следующее: взял два лоскутка бумаги, на одном написал, что следует поступить так, а на другом, что следует поступить иначе. Обе записочки вечером отнес в храм, положил на Престол. Ночь Алексей проводит в молитве. Наутро священник, по приказанию царя, отправляется в церковь, берет первую попавшуюся записочку. Таким образом и решается затруднительный вопрос³. Из других родов гаданий на предметах не священных особенно видное место занимало гаданье на зернах. Гаданье это было очень распространено. По словам Вальсамона, многие из монахов и даже членов синода (?) хаживали к женщинам, которые по ячменным зернам возвещали будущее другим. Такого рода гаданьем занимались лица, слывшие благочестивыми. Ворожеями на зернах были старухи-женщины, славившиеся добродетелью и святостью, сопровождавшие свои нашептывания пением псалмов; этим же делом занимались и монахи, благообразные, «с красивыми волосами и бородами», носившие власяницы и вретича, заявлявшие, что они предсказывают будущее по ангельскому откровению⁴. Существовал целый ряд женщин, называвшихся κρίτριά, которые имели своей профессией предсказание будущего. Они почитали свое дело делом благочестивым. Эти ворожеи «сидели у церквей и у св. икон и объявляли, что от них можно узнать будущее, как будто имели они дух Пифона»⁵. Иногда гаданье производилось в определенное время года и совершалось публично. Имеем в виду гаданье, совершавшееся в Византии в ночь «под Иван-Купалу». Ворожба на этот раз происхо-

¹ Pachymeris. De Michaële et Andronico Palaeolog. Lib. II. Cap. 15. T. II. P. 146—147. Edit. Bonnae.

² Толкование Вальсамона на 61-е пр. Трулльск. соб. // Прав. с толкованиями. С. 644.

³ Anna Comnena. Alexias. Lib. XV // PG. T. 131. Col. 1133.

⁴ Вальсамон. Толк. на 72-е пр. Василия Великого // Правила с толкованиями. С. 351.

⁵ Вальсамон. Толк. на 61-е пр. Трулл. собора // Правила с толкованиями. С. 644.

дила так: «Вечером 23 июня собирались на морских берегах и в некоторых домах мужчины и женщины и какую-нибудь перво-рожденную девицу выбирали своей царицей. Затем после пиршества и неистовых плясок, после пения и криков наливали в медный сосуд с узким горлом морскую воду и клали туда некоторые вещи, принадлежащие каждому из гадальщиков». Затем они спрашивали ее: с кем будет то-то или то-то, упоминая при этом какое-либо радостное или печальное событие. Затем девица, вынув из вложенных в сосуд вещей какую-нибудь наудачу попавшуюся, показывала. Тот, кому принадлежала вещь, оставался в уверенности, что с ним в самом деле случится что-либо счастливое или несчастное. В это же время происходило и другого рода гаданье. Оно состояло в следующем: «Всю ночь жгли груды сена, скакали через них и ворожили, гадая о счастье или несчастье»¹. Кроме перечисленных способов гадания, носивших в том или другом отношении религиозный оттенок, в Византии было бесчисленное множество гадателей, считавших себя волхвами и магами в строгом смысле этих слов. Для того, чтобы снискать себе доверие в обществе, они обставляли себя предметами, поражающими воображение. Так один из таких магов имел у себя изображение черепахи, вмещавшей в себе человеческую фигуру, у которой обе ноги были в кандалах, а грудь насквозь пронзена гвоздем². Суеверия, как какие-то тенета, со всех сторон окружали византийца того времени — будет ли это высокопоставленное лицо или простолюдин — и делали его жизнь тревожной и жалкой. В религии он не умел черпать бодрости и утешения, а знаний, которые бы делали его хоть сколько-нибудь уверенным в себе, у него не было. Все непонятные явления заставляли его трепетать, жизнь становилась какой-то тяготой. В Византийской империи почти относительно каждого значительного лица ходили темные, неясные предсказания; конечно, эти предсказания наполовину, а может быть и больше, были тревожного характера. Приходилось жить не только остерегаясь действительных опасностей, но и воображаемых³. После этих слов профессора Лебедева пройдет всего несколько лет, и во вре-

¹ Вальсамон. Толк. на 65-е пр. Трулльск. соб. // Правила с толкованиями. С. 660—661.

² Никита Хониат. Царств. Мануила... Кн. IV. Гл. 6. С. 187. См. подробности об этом рода гаданиях и соединенных с ними действиях у проф. Скабалановича. Хр. Чт., 1886. Т. I. С. 580—581.

³ Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб.: И-е О. Абышко, 2003. С. 70—71, 76—77, 82—87.

мя революции 1917 г. толпы русских мужиков будут грабить храмы и убивать духовенство. Русь, казавшаяся такой православной, в считанные дни стала атеистической, стала потому, что она ею и была, в чем, безусловно, немалая вина и духовенства, дискредитировавшего в ее глазах сам институт церкви, Самого Бога. Эти нарушения богопоклонения, основанные на человеческих преданиях, хорошо видны и во время так называемого снисхождения благодатного огня в день Пасхи. Мы вновь не хотим обидеть ни чьих религиозных чувств, но история нам четко раскрывает все это «чудо». «Известный исследователь христианского Востока православный епископ Порфирий (Успенский) так пересказывал современные ему события (середины XIX в.): «Когда знаменитый Ибрагим, паша египетский, находился в Иерусалиме, оказалось, что огонь, получаемый с Гроба Господня в Великую субботу, есть огонь не благодатный, а зажигаемый, как зажигается огонь всякий. Этому паше вздумалось удостовериться, действительно ли внезапно и чудесно является огонь... Он объявил заместникам патриарха, что ему угодно сидеть в самой Кувуклии во время получения огня и зорко смотреть, как он является, и присокупил, что в случае правды будут даны им 2 500 000 пиастров, а в случае лжи... он напечатает во всех газетах Европы о мерзком подлоге. Заместники сошлись посоветоваться, что делать. В минуты совещаний Мисаил [один из них] признался, что он в Кувуклии зажигает огонь от лампы, сокрытой за движущейся мраморной иконой Воскресения Христова... Решено было смиренно просить Ибрагима, чтобы он не вмешивался в религиозные дела... [ибо] русский император Николай будет весьма недоволен обнаружением сих тайн. Ибрагим-паша, выслушав это, махнул рукою и замолчал. Но с этой поры святогробское духовенство уже не верит в чудесное явление огня... От одного Бога ожидается прекращение (нашей) благочестивой лжи... А нам и начать нельзя сего переворота в умах, нас растерзают у самой часовни Св. Гроба», — завершает свой рассказ епископ Порфирий. Как бы то ни было, признавал профессор Успенский, «огонь, зажигаемый на Гробе Господнем от скрытой лампы, все-таки есть огонь священный, получаемый с места священного»¹. А вот, что пишет о Иерусалимских святынях и чудесах один из православных консерваторов, бывший начальник главного управления по печати в царской России М. П. Соловьев: «Внимательное наблюдение русских паломников раскрыло глубокие язвы духовенства в Палестине. Явная безнравственность, бессовестная экс-

¹ «День за днем» № 104 (292). С. 7—8]

плоатация паломников, доходящая до кощунства, внутренние распри, святокупство выступили наружу... С 1833 по 1890 гг. 2000 душ были отторгнуты от православия; почти все православные школы закрыты... Зато в то же время патриархия выстроила в Иерусалиме пассаж близ яффских ворот, огромную гостиницу у Авраамьевского монастыря и т. д.». «Алчная погоня за деньгами, бессовестная готовность обманывать и обирать наивно-верующих, — вот, что характеризует иерусалимское духовенство. Но разве это наблюдается только в «Святой Земле..?». По обычаю, имущество после смерти члена святогробского братства поступает в собственность патриархии, но при жизни святогробские монахи стараются всячески приобретать деньги, имеющие решающее значение при избрании на патриаршество. Каждый святогробец может выставить свою кандидатуру, утверждается тот, кто дороже заплатит... При деморализации иерусалимского духовенства, патриарший престол сделался шатким и низложение патриарха только вопрос «бакшиша» (чаевые, мзда)... Пользуясь стесненным положением патриарха, святогробцы повышаются в сане, делают карьеру своим родственникам, заставляют патриарха учреждать для них пышные титулы, располагающие к особенной щедрости богатых поклонников... Богатство растлило монашескую жизнь братства. Смазливые, молодые геронтиссы — «старицы» при греческом высшем духовенстве и монахах — явление обыденное: они даже открыто живут в монастырях. Многочисленное потомство «архиерейских племянников», ведомые всем сыновья греческих святогробских монахов, составляют главный контингент будущих заправил...». «Святогробские монахи, как верно говорит Соловьев, бессовестно обирают наивных русских паломников и паломниц, которых ежегодно в Иерусалиме перебивает 6—7 тыс. человек. Есть особые старушки-факторши, которые ходят по подворьям и заманивают молодых поклонниц в греческие мужские монастыри будто бы для выполнения «богоугодного послушания». Эти поклонницы называются «матушками» и будто бы заняты уборкой келий, мытьем белья и т. д. Поклонников монахи обирают дочиста. Им продают пузырьки с «египетскою тьмою», со «звуками иерихонских труб», нелепые книжонки в роде «Сна Богородицы», кусочки глины с каплями молока Пресвятой Девы и т. д., и т. д. Обобранные богомольцы возвращаются в Россию с пустыми карманами и с головами наполненными отвратительным суеверием». За деньги здесь все можно. За 10 руб. заочно крестят детей, умерших без крещения в России; за 25—30 руб. выдают индульгенции — прощение прошедших и будущих грехов; за 1—3—5 руб. обещают

«вечно» поминать целые списки имен, что, конечно, не исполняется и т. д., и т. д. «Святые места» содержатся монахами чрезвычайно грязно. В стенах храма устроены кельи, трапезные и кухни, из которых в церковь проникает неприятный запах. Католики, протестанты и армяне открыто пишат и говорят, что в ночь с пятницы на субботу на страстной неделе патриарх зажигает пук свечей от лампадки у «гроба Господня» и от этого пука зажженных свечей зажигают свечи и все молящиеся в храме. Так же говорят и наиболее добросовестные из русских священников. Но алчная стая поддерживает в местном наивном народе ту легенду, что будто свечи патриарха зажигаются от огня, сходящего с неба. Сам обряд окружен большой таинственностью. Патриарх входит в часовню и чрез некоторое время в боковое окно высовывает зажженные свечи... Неистовые крики наполняют храм, давка страшная, и только нагайки и приклады турецкой стражи восстанавливают некоторый порядок в рядах пылких, но невежественных арабов. Я говорил о «священном огне» с одним православным высокопоставленным духовным лицом в Иерусалиме: «Тот патриарх, который решился бы объявить во всеуслышание, сказал мой собеседник, — что огонь не сходит с неба и что свечи зажжены спичкой, был бы растерзан тут же в храме дикой арабской толпой... Все это — пустые отговорки... «В Иерусалиме много всякого духовенства, — и православного, и католического, и армянского, и коптского, и греческого. Греки здесь всего многочисленнее и именно они прибрали к своим цепким рукам наиболее доходные «святые места». Эксплоатация поклонников самая наглая»¹. Современные данные о происходящих возле святынь злоупотреблениях еще намного более вопиющи. Да и даже глядя на толпы людей, половина из которых, по их же собственным словам, не верит вообще, а просто пришла посмотреть на чудо, становится понятно многое. Видя фанатизм людей, видя, как люди в желании поближе приблизиться к чуду, насмерть дают друг друга, кричат, действительно понимаешь, что Бога там быть не может. Фанатизм, суеверие, чудо ради чуда, искажение библейской истины и Бог не совместимы между собой. И здесь проблема, подчеркнем еще раз, не просто в отдельных людях и их слабостях, ибо тогда она никогда бы не достигла такого тотального размаха, как по распространенности, так и по времени. Проблема заключается в нарушении принципов истинного богопоклонения, которое заменяется поклонением святым, деве

¹ Демидов А. М. Вера отцов и Вечное Евангелие. «Голос истины», 1928. № 3. С. 90—91.

Марии, доктрине спасения делами с ее постами, паломничествами, святыми местами, правом человеку отпустить грех другому человеку, вообще понятием клир и мир. Ибо, согласно Новому Завету, все последователи Христа являются царственным священством: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петра 2:9). Причем это не могут не признавать и сами католики. «Хотя Новый Завет называет всю христианскую общину «царственным священством» (1 Петра 2:9), только в III веке культовые термины «первосвященник» и «священник» стали употреблять по отношению к христианскому духовенству»¹. И здесь же он открыто противопоставляет Библии человеческий взгляд. «Концепция кафоличности церкви, в центре которой — епископ Рима, то есть, папа, — основная черта католического восприятия церкви. Папство — наиболее очевидный символ католичества»². Здесь же он открыто пишет и следующее: «Один из общественных папских титулов, *Pontifex maximus*, или «верховный понтифик», имеет интересную историю происхождения. Изначально это был языческий титул, которым называли главу древнеримской коллегии жрецов, а к папе он стал относиться только после XV века. На нынешний день титул «верховный понтифик» имеет для нас преимущественно священническое, иерархическое значение. Но широко известная этимология — это «главный строитель мостов»: воистину подходящее звание для папы»³. Действительно, «удачное»: языческое происхождение и антибиблейская суть — обеспечение людям прохождения по мосту от земли до неба. Все громоздкое здание христианской иерархии было построено спустя столетия после Христа и апостолов и имеет чисто языческое происхождение. Ссылка же некоторых на то, что современное священство в христианстве является правопреемником ветхозаветного, в корне неверна. Во-первых, как уже указывалось в Новом Завете, после смерти и воскресения Христа ветхозаветный институт священства, занимающийся служением в храме и жертвоприношениями, потерял смысл, ибо жертва — Христос — на которую они указывали, уже была принесена. И смысл в храмовом служении уже отпал. А, во-вторых, в Ветхом Завете священство было по двум чинам: Мелхиседека и Аарона. «Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, — ибо с ним сопряжен закон народа, — то

¹ Рауш. Указ. соч. С. 71—72.

² Там же. С. 72.

³ Рауш. Указ. соч. С. 73.

какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться?» (Евр. 7:11). По чину Ааронову сегодня священства нет, так как нет уже самого этого колена. Более того, даже Христос не мог именоваться священником по чину Ааронову, так как Он происходил не из колена Левия, а из колена Иудина. «Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства» (Евр.7:14). По чину же Мелхиседека священником в Священном Писании назван только Христос (см. Евр. 7:1—17). Более того, если кто-то именует себя священником, то он должен задать себе вопрос: а по какому чину? Чина Ааронова уже сегодня нет, а если по чину Мелхиседека, то он должен помнить предостережение, данное Иисусом Христом, записанное в Евангелии от Матфея 24:4—5: «Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: Я Христос, и многих прельстят». Христос предупреждает об опасности называться Его именем. Интересным представляется и тот факт, что в Новозаветных Посланиях апостолы нигде не называли себя священниками. В I Послании к Тимофею апостол Павел называет себя проповедником, апостолом, учителем (см. 1 Тим. 2:7), а во II Послании к Тимофею (2 Тим. 4:5) апостол Павел призывает своего ученика Тимофея совершать служение благовестника. Итак, после Голгофы священство по чину Аарона было упразднено, центр богослужения на земле был также упразднен. «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матф. 23:38). И сегодня центр богослужения находится в Небесном Иерусалиме, в Небесном святилище. «Главное же в том, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах и есть священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек. Всякий первосвященник поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести» (Евр. 8:1—3); «И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его; и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град» (Откр. 11:19). В этом святилище Христос совершает служение Первосвященника. Другого центра Богослужения, кроме небесного, сегодня не существует, как не существует и другого Первосвященника, кроме Христа. «Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего» (Евр. 4:14); «... то лучшего завета поручителем соделался Иисус. Притом тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство

непреходящее, посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них. Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес, Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого» (Евр. 7:22—27). Поэтому любому священнику можно задать вопрос, а по какому чину он служит Богу? И на каком основании папы посмели именовать себя первосвященниками? Но тот же стих из Послания апостола Петра одновременно налагает ответственность в богопоклонении на каждого из тех, кто считает себя верующим во Христа. И потому те слова обличения, которые пророк Малахия обращал только на священников своего времени, сегодня духовно относятся к каждому из нас. С каким чувством мы идем в церковь? Есть ли у нас благоговение? Как мы относимся к молитве, чтению Библии, дьяконскому служению, подготовке к уроку по изучению Библии и проповеди? Не бывает ли так, что все это мы делаем небрежно, впопыхах, «скачивая» из Интернета или «набрасывая» во время езды в транспорте? Осознаем ли мы свою личную ответственность по делу проповеди Евангелия? Осознаем ли, что по нам неверующие люди судят о нашей церкви, о Боге. Не стеснаем ли мы лицемерно порой, как священники во дни Малахии: «Как много мы работаем! Как мы устаем! Какая на нас лежит нагрузка!» Не изображаем ли мы, порой, псевдозанятость, и не заменяем ли мы работу «говорильней» и составлением бесчисленных планов, в которые, нередко, уже никто, включая и нас, не верит. Господь проклял духовенство времен Малахии, а что от Господа надеемся получить мы?...

Глава 11

ИНДЕКСЫ ЗАПРЕТОВ

«Итак для вас, священники, эта заповедь: если вы не послушаетесь и если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему, говорит Господь Саваоф, то Я пошлю на вас проклятие и проклянью ваши благословения, и уже проклинаю, потому что вы не хотите приложить к тому сердца. Вот, Я отниму у вас плечо, и помет раскидаю на лица ваши, помет праздничных жертв ваших, и выбросят вас вместе с ним. И вы узнаете, что Я дал эту заповедь для сохранения завета Моего с Левиим, говорит Господь Саваоф. Завет Мой с ним был завет жизни и мира,

и Я дал его ему для страха, и он боялся Меня и благоговел пред именем Моим. Закон истины был в устах его, и неправды не обреталось на языке его; в мире и правде он ходил со Мною и многих отвратил от греха. Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе, разрушили завет Левия, говорит Господь Саваоф. За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепрятствуете в делах закона» (Мал. 2:1—9). Обращаясь к духовенству через Малахию, Господь обвиняет их в том, что они уклонились от пути закона и вместо того, чтобы хранить Божий Закон, проповедовать его людям, они послужили им соблазном. Бог предупреждает священников, что если они не исправятся, то они будут прокляты. Или их ждет позор и унижение, которые станут прелюдными. «Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа» (Мал. 2:7). Ведение, знание о Боге, Его воле, Законе, истинном богопоклонении являются жизненно важными для человека. Недаром через пророка Осию Господь говорил: «Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною; и как ты забыл закон Бога твоего то и Я забуду детей твоих» (Осия 4:6). Мы уже говорили, что Бог принимает только поклонение, основанное на истине. «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4:24). Но что есть истина? На этот извечный вопрос Священное Писание дает предельно ясный ответ, говоря о пяти истинах: Бог-Отец — истина (Иер. 10:10), Бог-Сын — истина (Еф. 4:21), Бог Дух Святой — истина (1 Ин. 5:6), Слово Божие — истина (Ин. 17:17), Закон Божий — истина (Пс. 118:86). Следовательно, только поклонение, базирующееся на этих пяти библейских истинах, принимает Бог, и именно такое поклонение должны хранить и провозглашать священники. Но мы видели уже, как во дни Малахии большинство духовенства грубо попрало истинное богопоклонение. Папство же во дни Средневековья пошло еще более страшным путем: оно, как мы уже рассматривали, не только попирало истинное богопоклонение, но и решило уничтожить сам источник ведения о Боге — Слово Бога, — Библию. Вся история Средневековья и Нового Времени наполнена беспрецедентной борьбой, которую вело руководство самой многочисленной христианской церкви с самой главной христианской книгой — Библией. На первый взгляд, это удивительно и непостижимо. Вести борьбу со своей главной идеологической книгой. Такого феномена исто-

рия никогда еще не знала. Мусульмане никогда не уничтожали Коран, даже переписывая его своей кровью, распространяли по всему миру. Буддисты и конфуциане испытывали благоговение перед книгами своих основателей. Коммунисты миллионными тиражами издавали и распространяли труды Ленина, Маркса, Энгельса, фашисты — книгу Гитлера «Майн кампф». Поклонники эзотерики не жалеют средств для изданий трудов Е. Блаватской, Н. Рериха, К. Кастанеды. А здесь ведущая христианская церковь борется не на жизнь, а на смерть со своей главной Книгой — Библией, но именуя ее при этом, Святым Писанием?! Святая церковь истребляет Святое Писание! Но это было не случайным, ибо Святое Писание обличало несвятость, неистинность папской церкви, грозя тем самым самому ее существованию. Чтобы увидеть, что представляла собой эта страшная борьба, обратимся к истории. В раннее Средневековье Библия была на латинском и греческом языках, будучи, тем самым, недоступной не только простолюдным, но и подавляющему числу духовенства, которое, как мы уже видели, отличалось крайним невежеством. Переводы Библии на национальные языки Европы практически отсутствовали, а те из них, которые были, вследствие отсутствия книгопечатания, не имели широкого распространения. Таким образом, только немногочисленный научный мир и высшее духовенство имели доступ к Библии. Но научных мужей, исповедующих схоластическую философию, Писание не интересовало, а высшие иерархи, также редко имевшие даже самые элементарные добродетели, были вообще не заинтересованы не только в распространении, изучении, но и вообще в существовании Библии. Однако, несмотря на все это, библейское учение продолжало жить. Вопреки всем существовавшим тогда реалиям, библейская истина о Боге, Его законе, субботе, Пришествии Христа жила и имела своих, пусть и немногочисленных, последователей практически во всем мире. Но уже к XII веку ситуация с распространением Библии начинает меняться и связано это с именем вальденцев — особым движением миссионеров в средневековой Италии. Их основателем считается купец Петр Вальдус, тративший свои средства на издание и распространение Библии среди людей, погрязших в пороках и религиозных суевериях. Начав читать Библию, простой народ с радостью открывал для себя любящий характер Бога, Его истину и одновременно те страшные нарушения Божьего Закона, которые ввело папство. Народ стал видеть, как духовенство бессовестно наживается на нем, используя при этом святые слова и понятия. Петр Вальдус боролся «за чистоту истины против римских заблуждений. Его праведная жизнь, целомудрие, ревность и мужество вдвойне

достойно признания, потому что он жил в то время, когда папство начало беспощадно преследовать всех, кто ставил под вопрос его авторитет и непогрешимость... он перевел на два языка своих соотечественников несколько книг Священного Писания... Писания в те времена были только на латинском языке, так что для большинства христиан это была закрытая книга. Последователи и сторонники Вальдуса были теперь в состоянии, снабженные Священным Писанием на их родном языке, доказать народу, что они несут не придуманные ими учения, а возвещают чистые, неповрежденные истины Слова Божьего. По образу «семидесяти» Вальдус разослал своих учеников по двое в близлежащие города и села, чтобы возвестить всем Евангелие на их родном языке. Это вызвало громы и молнии Ватикана... как только они вооружились грозным оружием — Священным Писанием на родном языке народа, тотчас посыпались на их головы анафемы и проклятия церкви»¹. И это немудрено, ибо Библия раскрывала пред людьми все извращения истины, сделанные папством. Вальденцы были осуждены и большинство из них кровью заплатило за следование Божьей истине. Но подобно крови христианских мучеников эпохи Смирны она дала обильные всходы, и ко времени Иннокентия против папства открыто восстало могущественное Тулузское графство, находя поддержку и сочувствие во всех концах Европы. Папа понял, что если упустить момент, власть его рухнет. 10 марта 1208 года Иннокентий призывает Европу к крестовому походу против Тулузского графства и его правителя Раймонда: «Объявляем по сему свободными от своих обязательств всех кто связан с графом Тулузским феодальной присягой... Восстаньте, воины Христовы! Истребляйте нечестие всеми средствами, которые откроет вам Бог... поступайте с ними хуже, чем с сарацинами, потому что они сами хуже их»². На этот папский призыв откликнулись многие, впрочем, не из-за каких-либо духовных помышлений, а из-за желания поживиться богатствами Лангедока. Ибо «По образованию, по благосостоянию, по гражданской и религиозной свободе жители Южной Франции далеко превосходили остальных своих соотечественников... прекрасная страна достигла весьма высокой ступени развития и образования и далеко превзошла все остальные части Европы, однако это развитие... было абсолютно независимо от влияния духовенства, более того, они находились друг с другом во враждебных отношениях. Папство, как мы уже имели неоднократные

¹ Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. ФРГ, Biefild GBV, 1994. Т. 1. С. 639—640.

² Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция. М., 1897. Вып. 2. С. 670.

возможности убедиться в этом, не только влияло пагубно на души людей, но и ставило непреодолимые препятствия на пути развития культуры и образования. Сама католическая земля страдала от своего искушающего влияния. Для расцвета папства необходимо было удерживать человеческий дух в невежестве, суеверии и раболепстве. Жители Лангедока долгое время оставались свободными и необремененными римской иерархией, и таким образом они наполнили свои города мирными, трудолюбивыми и зажиточными людьми»¹ Да, Слово Божие это не просто теория, это сила, которая преобразует человеческую жизнь во всех ее отношениях. Точно так и отвержение Слова Живого Бога изменяет жизнь человека. Живущий по Библии и без папства Лангедок процветал, а Европа, следующая языческим учениям папства, задыхалась и беднела. И поэтому можно понять интерес многих, желающих обогатиться в богатом Лангедоке, используя для этого благодный повод — уничтожение ереси. Во главе похода против еретиков папой назначаются три человека: Арнольд, легат папы, граф Симон де Монфор, возглавивший войско, и монах Доминик. Это был поистине зловещий союз. Когда папские войска подошли к городу Бецирсу и его жители ответили отказом сдаться и отречься от Библии, то Арнольд сказал обращаясь к войску: «Тогда пусть не останется в городе камня на камне! Огнем и мечом будут уничтожены мужчины, **женщины и дети!** После непродолжительной осады город попал в руки крестоносцев. Угрозы Арнольда были приведены в исполнение в самой чудовищной форме... рыцари, входя в город, спросили священников, как отличить католиков от еретиков. «Убивайте всех подряд! — был его ответ». — Господь различит Своих»². И в этом ответе весь легат Арнольд. Ему подстать был граф Симон де Монфор, который «не щадил даже тех, кто выражал желание вернуться в католицизм. Приказав казнить одного такого отступника, Монфор заявил: «Если он лжет, это ему послужит наказанием за обман, а если говорит правду, то он искупит этой казнью свой прежний грех»³. Но еще страшнее был третий глава этой карательной экспедиции, испанский монах Доминик де Гусман, родившийся в знатной кастильской семье, который однажды после поездки во Францию, увидев пренебрежение с которым там относятся к папе, решил бороться с любыми врагами римского престола. Это был необычный человек. С одной стороны «это был тип бездушного фанатика, готовый на любое пре-

¹ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 643.

² Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 649—650.

³ Григулевич И. Р. Инквизиция. М.: Политиздат, 1985. С. 83.

ступление во имя торжества «святого дела»¹. Так «молясь, он нередко бичевал себя железной цепью, которую носил на ногах. Он не расставался с грубой власяницей, пестрящей заплатами. С другой стороны он был лицемерен в своем аскетизме и не удерживался от того, чтобы подкрепить его, прибегая к некоторым слишком человеческим, мало подобающим святому, хитростям и уловкам. Например, подходя к харчевне или постоялому двору, где он намеревался провести ночь, он сперва делал остановку у ближайшего источника или родника и вдоволь утолял жажду, в то время когда никто не видел. Оказавшись в заведении, он укреплял в глазах постояльцев свою репутацию человека, ведущего строгий и аскетичный образ жизни, почти не прикасаясь к воде»². В отличие от многих современных ему поборников папства Доминик понимал, что укрепить святой престол только с помощью грубой силы не удастся. Нужна особая организация, особый монашеский орден, который будет своего рода тайной полицией, члены которого будут обладать высоким образованием, эрудицией, славя при этом аскетами, интересующимися только якобы спасением людей. Эти планы Доминика деятельно поддержал Иннокентий III, также чувствовавший нужду в организации, которая будет бороться с ересью не тогда, когда она принимает открытый характер, как в Лангедоке, а души ее, когда она еще даже не оформилась в четкое учение. Но пока нужно уничтожить еретиков южной Франции, и в этом деле помощь преданного и готового на все Доминика крайне необходима. Зверства, устроенные в Лангедоке этими «защитниками истины» не поддаются описанию. Вот, что сделали они, захватив Бецирс. «Началась ужасная бойня, мужчины, женщины, дети, духовенство и священство убивались под зловещий звон колоколов, исполняющих мелодию зауспокойной песни до тех пор, пока не был закончен труд истребления. Толпы испуганных женщин и детей бежали в помещение церкви в тщетной надежде найти спасение в святом месте. Убийцы настигали их и там, ни одна душа не осталась в живых. Через несколько часов из многочисленного населения города не уцелело ни одной единственной души. Груды тел громоздились на улицах и площадях, загромаждая движение. Сведения о числе убитых колебались между двадцатью и ста тысячами»³. Вскоре был взят город Лафур, в котором также «началось всеобщее истребление. Мужчины, женщины и дети буквально были изрублены на куски. Лишь

¹ Григулевич. Указ. соч. С. 88.

² Бейджент М. Ли Р. Инквизиция. М.: ЭКСМО, 2003. С. 31.

³ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 650.

небольшая часть гарнизона и некоторые выдающиеся личности избежали истребления мечом этими осатаневшими убийцами, чтобы быть подвергнутыми более изощренным пыткам. Четыреста жителей города под ликование солдат были сожжены на огромном костре. На фоне этой кровавой сцены стояли монахи и легаты и пели: «Приди, дух святой!»¹ Какое страшное и циничное богохульство, ставшее символом будущего ордена доминиканцев — монахов инквизиторов. Но в чем же был грех этих несчастных людей, которых пытали и сжигали монахи и рыцари. «Ничего плохого о них невозможно было сказать. Их единственный грех состоял в том, что они во всех делах веры и богослужения основывались на Священном Писании и только единственно на нем. Они отвергали всю систему религий, основывающихся на преданиях, как это практиковалось в римской церкви. В жизни и учении они являлись истинными свидетелями Христа и простоты Евангелия, но были противниками богатства, власти и идолопоклонства господствующей церкви»². Эти добрые христиане не желали принимать языческих учений папства и склоняться перед папой, терзавшего их близких и порочащего имя Бога. Среди этих стойких борцов за истину были и жители города Ла Минерва. «Несчастные жители города Ла Минерва решили лучше умереть, нежели подчиниться требованиям папы. Пока их враги советовались о них и решали их участь, они собрались на молитву. Аббат застал в одном из домов множество женщин-христианок, которые спокойно стояли на коленях в ожидании своих убийц. В тихом самоотречении они приготовились умереть, так как знали, что от монахов нельзя ожидать ни малейшей снисходительности. Тот же самый монах в другом доме застал внушительное число мужчин, собравшихся также на молитву. Когда монах потребовал, чтобы они возвратились в объятия спасительной церкви, то все собрание единодушно отвергло его предложение, даже не дав ему продолжать далее: «Мы ничего не хотим знать о вашей вере! — воскликнули они. — Мы отреклись от римской церкви и ни страдания, ни мучения, ни сама смерть не в состоянии нас заставить отречься от однажды преданной нам истинной веры! Не утруждай себя более!» Был приглашен Монфор, чтобы сломить их твердую настойчивость. «Обратитесь в католическую веру, — призывал он, — или я превращу вас в пепел!» Альбигойцы прекрасно знали, что за этими словами графа стоит ужасная действительность, однако ни один из них ни на одно мгновение не поколебался. Твердо и опреде-

¹ Там же. С. 660.

² Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 641.

ленно они ответили: «Мы отвергаем владычество папы и авторитет священства, мы не признаем никого главой, кроме Христа, и никакого авторитета, кроме Его Слова!» Монфор повелел развести крупнейший костер. Монахи и солдаты притащили огромные связки сухого хвороста и вскоре был выложен штабель огромного костра, способного поглотить в море пламени за один раз всех истинных исповедателей христианства числом сто сорок человек»¹. Палачи признавали не только стойкость их веры, но и чистоту. «Все страницы мы смогли бы заполнить выдержками из записей их заклятейших врагов, которые, сами того не желая, свидетельствуют о чистоте их веры, их нравственности, о простоте их жизненного уклада. Приведем две-три выдержки из сочинений самых известных историков того времени. «Они отвергали, — повествует нам Бароний, — не только крещение детей, но даже и то, что при торжественном заклинании священника хлеб и вино превращаются в Тело и Кровь Господа, далее, что неверные священники имеют какое-либо право облакаться в церковное служение или же получать первые плоды и собирать десятины, и, наконец, тайную исповедь объявляли ненужной. Эти жалкие люди утверждали, что все это они нашли в Евангелии и посланиях, что они решительно не желают принимать ничего того, что не исходило бы из этих источников. Таким образом, они решительно отвергли все истолкования докторов, хотя сами они абсолютно безграмотны». Рене, инквизитор и гонитель альбигойцев, сообщает: «Они — злейшие враги римской церкви, ибо являют собой блистательный вид благочестия и ведут перед людьми праведный образ жизни, имеют во всех делах здравую веру в Бога и твердо исполняют все пункты веры. Между тем они ненавидят и поносят римскую церковь и ее духовенство, народ же охотно верит их утверждениям». Святой Бернар, который жил среди них и досконально знал их, должен был признать, хотя он считал своим долгом бороться против всех врагов Рима и папства: «Если ты спросишь об их вере, то ничего, кроме христианского, не найдешь, если будешь исследовать их хождение, то ничего предосудительного не увидишь, ибо свое учение они утверждают своим хождением. Можно видеть, как эти люди в доказательство своей веры идут в церковь, чтят старейшин, приносят свои дары, исповедуются и принимают вечерю. Что может быть более похожим на христианство? В своей жизни и хождении они никого не обманывают, никого не осуждают, никому не причиняют зла и насилия. Они много постятся, не едят хлеба праздности, но своими руками трудятся, добывая себе

¹ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 659.

пропитание»¹. Папские подручные «истребили в ходе 20-летней кровопролитной войны в Лангедоке свыше **миллиона (!) мирных жителей**»². И вот, наконец, когда вся Южная Франция лежала в крови, папа решает закрепить победу и одновременно предупредить дальнейшее распространение ересей, созвав церковный собор в Тулузе (1229 год). Согласно решениям данного собора еретиком объявлялся всякий, кто не принимал власть римского престола. За выдачу еретика церковь обещала платить доносчику по 4 серебряных марки. Дом еретика должен был быть сожжен, а сам он уничтожен. Однако самое вопиющее в решениях собора было ни в этом. Оно состояло в том, что отныне «запрещалось светским лицам чтение Священного Писания на народном языке»³. Запрещалось не только чтение Библии на национальном (французском, итальянском) языках, но и на латинском, и даже просто иметь в доме Библию. Чтение и обладание Библии «становилось прерогативой исключительно духовенства. Этот запрет церковь не замедлила распространить на верующих и других стран»⁴. Папство и инквизиция продемонстрировали, что главным их врагом является Слово Божье, которое разоблачает их нехристианские догматы, в результате чего люди отходят от них. «Чтобы отнять у народа Слово Божие, собрание в Тулузе издало следующий канон: «Мы запрещаем мирянам читать книги Старого и Нового Заветов, за исключением псалтыря, если они, возможно, захотели бы приобрести их, они смогут читать требник и часовник (сборники молитв — прим. А. О.) благословенной чистой Девы Марии, но читать мирянам другие части Библии на их родном языке мы запрещаем». Папское изложение этого канона и оправдание его строгости показывают нам, каким способом пользовалось духовенство тех дней Священным Писанием и как применяло его на деле. «Если скот, — говорил папа, — прикоснется к горе, то он должен был быть побит камнями». В его глазах народ был **подобен скоту**, а Слово Божие — горе Синай, которой ни один зверь не должен был касаться, чтобы остаться живым... Целью вышеупомянутого канона было удержать народ в полном незнании помыслов Божиих относительно духовных вопросов, чтобы таким образом превратить власть духовенства, вернее сказать, власть сатаны, князя тьмы, в неограниченную и неоспоримую»⁵. Этому примеру запрета на

¹ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 671—672.

² Григулевич. Указ. соч. С. 94.

³ Льюренте Х. А. История испанской инквизиции. В 2 т. М.: Ладомир, АСТ, 1999. Т. 1. С. 89.

⁴ Григулевич. Указ. соч. С. 94.

⁵ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 674—675.

чтение, не говоря уже о распространении Библии, под нажимом папства последовали и другие страны Европы. Так «в Испании к концу XIII века королевскими указами повсеместно было запрещено употребление Библии, переведенной на отечественный язык. Иаков I Арагонский около 1276 г. издал такое постановление: никто не должен иметь книг Нового и Ветхого Заветов в испанском переводе; кто таковые имеет, тот должен представить их епископу; в случае же сопротивления — будет ли он лицо духовное или мирянин — навлекает на себя подозрение в еретичестве. Фердинанд и Изабелла (1474—1516) под угрозой тяжких наказаний воспретили переводить Библию на народный язык или иметь такие переводы»¹. Но ни зверские пытки, ни костры, ни лицемерные проповеди уже не могли держать народ в суеверии и полужычье. Страшный удар по зданию папской церкви был нанесен с изобретением книгопечатания, которое удивительным образом появилось как раз перед Великой Реформацией. Изобретение книгопечатания позволило в считанное время распространить Библию. «В то время Богу было угодно в высшей степени творить так, как написано: «Все содействует ко благу». Было изобретено два безгласных орудия неотразимого влияния и безграничной силы: печатный станок и бумага. Оба этих изобретения уже во второй половине пятнадцатого столетия достигли относительно большого совершенства. Ранее в распоряжении переписчиков и печатников находились лишь пергамент, древесная кора, папирус или ситец. Эти вещи отчасти были дороги, отчасти их имелось мало, чтобы они смогли полностью осуществить планы и намерения Божьи; потому Он научил людей изготовлять белую бумагу из холстяных тряпок и печатать книги, как оно и поныне совершается почти таким же способом. Изготовление деревянных дощечек для тиснения картин, встречающихся то тут, то там, выделение заглавных букв или целых слов было известно уже рано. Мало-помалу пришли к тому, что начали вырезать целые деревянные страницы, которые служили затем для тиснения на бумаге. Один искусный умелый кузнец уже в одиннадцатом столетии изобрел подвижную полиграфическую деревянную литеру. Однако прославленный Иоганн Генсфлайш, прозванный Гутенберг (добрый холм), родившийся в 1397 году в деревушке недалеко от г. Майнца, вместо деревянной литеры начал применять металлическую. Гутенберг целых десять лет трудился над усовершенствованием своего изобретения и, наконец, настолько обнищал, что был вынужден искать работодателя, который обеспечил бы его необходимыми деньга-

¹ Лебедев. Указ. соч. С. 11.

ми. Он нашел его в лице богатого ювелира из Майнца *Иоганна Фуста*. Как только он раскрыл свою тайну Иоганну Фусту, тот тут же объявил готовность снабдить его всем необходимым для воплощения в жизнь его идеи. Оба вначале имели единственное намерение обрести как можно больше пользы в этом прекрасном изобретении. Теперь работа начала спориться с новой силой, одно усовершенствование наступало на пяту другому, особенно после того, как зять Фуста, известный *Петер Шеффер* стал компаньоном. Форма литеры все более и более совершенствовалась и изощрялась, а тиснение и краска исследовались с большой тщательностью. Наконец, объединенными усилиями трех человек удалось достичь такого прогресса в орфографии и копировальной системе, что они отважились продавать свою печатную продукцию как рукописные копии и получать за них обычную высокую плату. Все занятые в этом труде были обязаны хранить упорное молчание. Весьма примечателен тот факт, что первая полная книга, которую Гутенберг напечатал к 1450 году, была латинской Библией. Первое издание этого труда было продано по цене рукописи; по-видимому, все еще с сохранением тайны. В 1462 году появилось второе издание. Говорят, что Иоганн Фуст отправился в Париж, захватив с собой несколько экземпляров этого издания, и там продал королю один экземпляр за семьсот крон, а второй экземпляр за четыреста крон архиепископу. Прелат, в восторге от такой прекрасной копии, которую он купил за довольно умеренную цену, показал ее королю. Тот принес на рассмотрение свою копию, за которую он уплатил почти вдвое дороже. Но кто опишет их изумление, когда они установили, что одна копия с абсолютной точностью сходилась с другой! Тут не было расхождения ни в единой буковке, ни в единой черточке. Оба впали в беспокойство и пришли к заключению, что копии изготовлены колдовским способом. Их беспокойство сменилось удивлением, когда они заметили, что большие заглавные буквы имели красный цвет, что являлось ничем иным, как кровью. Теперь уже не было никакого сомнения: Иоганн Фуст находился в связи с дьяволом и перенял от него свое колдовское искусство. Его жилище было перерыто, найденные Библии конфискованы, а также и копии, которые он успел распродать ранее, были собраны и сравнены одни с другими. Естественно, они были похожи одна на другую, как две капли воды. Вина несчастного Фуста была доказана яснее ясного и, вне сомнения, над ним учинили бы быструю расправу, если бы он не сознался в обмане и не выдал бы тайну нового изобретения в подробнейшем изложении. Таким образом была раскрыта долгое время скрываемая тайна. Вскоре предприимчивые люди начали

создавать подобные литеры, как у Гутенберга, и теперь уже за кратчайший срок книгопечатание нашло доступ почти во все европейские страны. Так вышеописанные события по промыслу Божьему должны были послужить в благословение многим и сделать новое изобретение достоянием для всех. До этого времени книги, как редкие и весьма дорогие издания, могли быть достоянием только высших школ, церковных общин, королей и князей. Естественно, литературу в стране знало относительно ограниченное число людей. Переписывание Библии стоило от восьмисот до тысячи марок, и для ее изготовления один самый искусный переписчик должен был трудиться «в поте лица своего» целых десять месяцев. Сейчас же цена Библии быстро снижалась, и хотя из-под прессы уже выходили и другие книги, все же латинская Библия занимала первое место в книгопечатании, так как спрос на Библию был огромен и можно было выручить от ее продажи хорошую сумму. Таким образом, число латинских Библий росло весьма быстро. Вскоре в дело включились и переводчики; за несколько лет Библия была переведена на многие языки, и драгоценное Слово Божие нашло дорогу к сердцам многих людей. В 1474 году была издана Библия на итальянском языке, в 1475 году — на богемском, в 1477 году — на голландском и французском языках, а в 1478 — на испанском. Мы закончим этот отрывок высказыванием Галлама из его «Истории европейской литературы»: «Заслуживает огромного внимания то обстоятельство, что высокоодареннейшие изобретатели великого искусства с самого начала своего предприятия отважились на смелый взлет издать полную Библию и достигли в этом блестящего успеха... И мы видим, как эта славная почтенная книга завоевала себе миллиарды поклонников, и в то же время новое изобретение обрело себе благословение в том, что оно первый плод, первый свой початок посвятило служению небесной истины». Как обычно, великие враги истины, света и свободы вскоре подняли большую тревогу. Архиепископ из Майнца заключил печатников в своем приходе под строгий контроль. Папа Александр VI издал буллу, в которой запретил какое бы то ни было книгопечатание без тщательного просмотра и особого разрешения со стороны епископов Майнца, Кельна, Трира и Магдебурга. Когда священники постигли, как быстро распространяется чтение Библии, то начали с церковных кафедр выступать против этого. В своей ожесточенности, невежестве и вражде они доходили до смешных и вздорных утверждений. Так, к примеру, один французский монах мог сказать: «Изобрели новый язык; называется греческим, против которого мы должны бороться всеми силами. Этот язык должен стать матерью всякого рода ересей.

В руках многих людей я вижу книгу, написанную на этом языке под заглавием «Новый Завет»; эта книга полна терновников, в которых обитают ядовитые змеи. Что касается древнеиудейского, то всякий, кто изучает его, станет тотчас иудеем». Библии и Заветы, как только их находили, тотчас конфисковывались и сжигались, но как бы по волшебству из пепла костров число святых книг удваивалось и утраивалось. Сами печатники в некоторых местностях стали жертвой ярости священников. «Мы должны истребить искусство книгопечатания, — кричал викарий из Кройдона, — иначе книгопечатание истребит нас!» Так же и Парижский университет, обеспокоенный волнением, которое, несомненно, овладело нравами, объявил, что «с богослужением будет покончено, если дать свободу изучения на греческом и еврейском языках». Добрый прием, который повсеместно находил новые переводы, доставлял римской церкви двойную причину для беспокойства: она начала беспокоиться за неоспоримую до сих пор привилегию так называемой Вульгаты, их собственного перевода Библии на латинский язык. В то же время, священники и монахи с ужасом увидели, что чем больше народ читает Библию на его родном языке, тем больше уменьшается посещение мессы и почтение к священническому всемогуществу и власти. Вместо того, чтобы посылать к Богу свои молитвы через уста пресвитеров на латинском языке, народ начал на своем родном языке воссылать к Богу свои молитвы непосредственно сам. Духовенство, чей доход ощутимо уменьшился в связи с этим, обратилось за помощью к Сорбонне. [Сорбонной изначально называлась коллегия в Париже, учрежденная Робертом Сорбоном в помощь и защиту бедных студентов теологии и утвержденная папством в 1268 году. Мало-помалу она превращалась в огромную ученую организацию, перспектива которой отчасти от всевозрастающего богатства, отчасти от знаменитости ее членов становилась весьма огромной. Мнение «докторов из Сорбонны» в течение всего средневековья было решающим в разрешении бесчисленных споров. Примечание переводчика]. Та же требовала от французского парламента налагать сильной рукой наказания на всякие чрезвычайные бесчинства. Теперь началась ожесточенная война против книг и против тех, кто распространял их в мире. Книгопечатники, к которым можно было бы предъявить доказательство в печатании Библии, заживо сжигались. Так, в 1534 году в Париже были сожжены на костре двадцать мужчин и одна женщина. В следующем году Сорбонна добилась королевского постановления для подавления книгопечатания, однако было уже поздно; истребить книгопечатание было настолько же невозможно, как истребить свет, воздух и жизнь. Книги пре-

вратились в явную действительную потребность, и число их из года в год увеличивалось. Пока Рим, таким образом, бесконечной яростью проклятий и угроз потрясал воздух и простирали свои руки во все стороны, чтобы везде в самом зародыше истреблять типографии, где печатались Библии, и предавать смерти занятым этим делом, Бог через Свое Слово и книгопечатание подготовлял тот величайший переворот, который полностью изменил положение в обществе, церкви и государстве. Если бы история развивалась по намерению Рима, то и поныне мы еще блуждали бы в густом мраке средневековья. Рим всегда был врагом всякого здорового нововведения и изобретения и прежде всего, когда дело касалось цивилизации и подъема общественных знаний и наук. И все же ни одно изобретение не нанесло единовластному господству Рима такого поражения, как изобретение книгопечатания, явившегося злейшим врагом Рима. Однако Бог возвышается над всем. «Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им» (Пс. 2:4). Он приводит в исполнение Свои намерения, невзирая на буйство и неистовство людского моря. Мрак начинает исчезать, восходящее солнце Реформации победными лучами сияющего света прорезает тяжелые тучи тысячелетнего господства Иезавели, уже трещит фундамент величественного здания, основанного на человеческом высокомерии и гордости, на самонадеянности и притязаниях духовенства, от ударов, направленных против цитадели невежества, суеверия и идолопоклонства. Вскоре она сдвинется со своего основания»¹. Препятствуя до этого всеми силами появлению книгопечатания, папство теперь, с его несомненным внедрением в жизнь общества, решило взять под контроль печатание всей литературы. «Впредь на вечные времена никто пусть не дерзает печатать книги или сочинения в нашем городе или каком-либо другом городе, если она наперед не одобрена в Риме нашим викарием или магистром, а в других городах епископом или опытным лицом, по поручению епископа. Кто вздумает воспротивиться данному приказанию, у того книга будет отобрана и торжественно сожжена, с него будет взято штрафа 100 дукатов, он лишается права что-либо печатать в течение года, подвергается отлучению; и если таковой пребудет упорен, то от своего епископа или нашего викария будет так строго наказан, чтобы другие, видя этот пример, не отваживались на что-либо подобное»². Вскоре после этого, начиная с 1559 года, Ватикан начинает с папы Павла IV публи-

¹ Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. ФРГ. Biefeld. GBV. 1994. Т. 2. С. 94—99.

² Лебедев. Указ. соч. С. 11.

ковать специальные книги-индексы, в которых содержатся названия книг и авторов, читать которые католикам запрещается. И на первом месте в них стояла Библия, и именно ей отводилось главное место в этих папских индексах. «В индексе папы Павла IV, между прочим, запрещены: **все Библии**, т. е. издания Нового Завета, на народном языке — немецком, французском, итальянском, английском, фландрском и т. д.; их не должно печатать, читать и иметь без письменного разрешения римской инквизиции»¹. Но еще до появления этого первого официального Индекса, а также на протяжении 400 лет после него, история полна подобных предписаний по уничтожению и запрещению Библии. «Относительно книжного дела в законодательстве встречаем следующие общие определения: после публикации Вормского эдикта 1521 г. в Нидерландах еще не раз повторялось требование о сожжении или выдаче еретических книг в определенный срок под угрозой «наказаний телесных, имущественных и по обстоятельствам» (?), а также под угрозой изгнания и смертной казни. В 1549 г. было потребовано, чтобы книгопродавцы в течение восьми дней выдали еретические книги, а частные лица сами должны сжечь их. Известия, дошедшие от тогдашнего времени, говорят о весьма частых и громадных сожжениях книг, об их конфискации и т. д. В том же законодательстве находим такие определения: если книга трактует о церковных предметах, она должна быть наперед исследована и одобрена епископом или его уполномоченным; все прочее книги нуждаются в королевском разрешении; кто этого определения не соблюдает, тому на эшафоте **раскаленным железом делается знак в форме креста или же таковому выкалывали глаз или отрубали руку, смотря по тому, что назначит судья**. Если в первой книге, изданной без надлежащего разрешения, не было найдено никакого заблуждения, то виновный наказывался вечным изгнанием и с него брали штраф в 300 каролусгульденов. В том же законодательстве были еще и такие определения: книжные склады следовало ревизовать по крайней мере два раза в год; книжные тюки, присланные из-за границы, могли быть вскрываемы лишь в присутствии чиновников. Никто не мог завести типографию или начать продажу книг без дозволения. Типографы должны были клятвенно обещать, что они ничего не будут печатать без разрешения. Кроме книгопродавцов, получивших разрешение, никто не имел права продавать книг, хотя бы это были молитвенники, собрание церковных песен и календари, ни при дверях церкви, ни в других местах. В том же законодательстве Карла V

¹ Лебедев. Указ. соч. С. 37.

встречаем, наконец, и вот какого рода определения: религиозные собрания (не богослужебные) были запрещены под угрозой строжайших наказаний; мирянам **запрещено было диспутировать относительно книг Св. Писания**. Кто будет найден виновным в ереси, а таковым считался и тот, кто владел или читал запрещенную книгу, на первый раз мог спасти себя от тяжелых наказаний отречением от заблуждения; но если кто не хотел сделать этого, то мужчин обезглавливали и головы их выставляли на позорном столбе, а женщин заживо зарывали в могилу; если кто раз был уличен в еретичестве и отказался от заблуждения, а потом вторично был найден повинным в ереси, такого заживо сжигали. Первый каталог книг, приближающийся по своему характеру, объему и распорядку к индексам в собственном смысле, был издан Лувенским теологическим факультетом в 1546 г. Этот каталог был напечатан по повелению императора Карла V. Он заключал в себе перечисление латинских, нидерландских и французских **Библий и Нового Заветов**; алфавитный список латинских книг, перечисление нидерландских и французских книг. **Разумеется, все эти книги были запрещены**. В школьном плане, который утвержден Кельнским собором (1549 г.), встречается такое требование: в праздничные дни должны быть изысканы Евангелия и Послания «лишь в грамматическом отношении», в праздничные и воскресные дни позволено петь лишь «чистые» гимны, т. е. исключительно латинские. В феврале 1543 г. парламент [Франции], по настоянию инквизитора и на основании мнения Сорбонны, приказал довольно большое число книг, между ними труды Меланхтона, **женевскую Библию и одно сочинение Кальвина — эти-то книги и были главным мотивом к нижеследующему — «сжечь на площади Парижской Богоматери под звуки большого колокола, а пепел рассеять, ко вразумлению народа и ко умножению христианской и католической веры»**. В 1542 г. Сорбонна выхлопотала себе у парламента право составлять список книг, которые она находит полезным запретить. Сорбонна действительно составила такого рода каталоги, которые королевскими эдиктами были обнародованы в 1547 и 1551 гг. в качестве обязательных. В каком строгом направлении действовала Сорбонна, видно из следующих фактов. Сорбонна при тогдашних обстоятельствах нашла **опасным издавать переводы Библии** и отдельных библейских книг: уже появившиеся переводы она находила лучше стеснить, чем терпеть. Сообразно настояниям Сорбонны парламент определил: **все должны выдать имеющиеся у них Псалмы, Евангелия, Послания Павла и другие книги Ветхого и Нового Заветов во французском переводе, а также «французскую книгу, содер-**

жащую праздничные и воскресные Евангелия, Послания, читаемые в течение года, с присоединением некоторых молитв»; сроком для выдачи книг назначено 8 дней. Эти книги нельзя было снова печатать и продавать под опасением конфискации имущества и изгнания. Со стороны пап строгости относительно чтения запрещенных книг увеличиваются особенно с 1550 г. Вот что говорится в булле Юлия III, появившейся в апреле 1550 г. «Некоторым позволено иметь и читать еретические и подозрительные книги с целью опровержения заключающихся в них заблуждений. Но так как вместо ожидаемой отсюда пользы появились худые последствия, то мы берем назад всякое позволение, кому-либо предоставленное, читать и иметь лютеранские и другие еретические и подозрительные книги, было ли это позволение дано нашими предшественниками, или нами, или легатами апостольского престола, также легатами de latere, или кем-либо другим; все лишены права читать и иметь вышеуказанные книги, все какого бы то состояния или ранга ни был, хотя бы это был епископ или архиепископ или иной высший церковный сановник»; исключение было сделано лишь для инквизиторов и комиссаров инквизиции во время отправления ими своих должностей. Поэтому, заключает булла, «все, кто владеет запрещенными книгами, хотя бы то было с особенного дозволения апостольского престола, должны в течение 60-ти дней представить книги инквизиции». Кто по истечении указанного срока осмелится иметь экземпляры, не подвергнувшиеся экспуркации, те навлекают на себя excommunicatio major latae sententiae и с ними будет поступлено как с людьми, подозреваемыми в ереси; экземпляры у виновного будут конфискованы, с него будет взят штраф в 30 дукатов, из коих 10 пойдет в пользу доносчика, 10 в пользу судьи и 10 в кассу инквизиции. Тому же взысканию будут подвергнуты книгопродавцы, которые будут ввозить из-за границы книги, подлежащие экспуркации. Декрет должен быть опубликован инквизиторами везде. Они угрожают надлежащими наказаниями и тем, кто не доносит на владельцев Библий, не подвергнувшихся экспуркации». Не довольствуясь деятельностью специальных органов, блюдущих за содержанием и направлением книг, католическая Церковь иногда приглашала благочестивую публику принять участие в отыскании книг, признающихся вредными, и лиц, читающих такие книги. В 1851 г. генерал-инквизитор опубликовал в Риме такой указ: мы повелеваем, под опасением отлучения, чтобы каждый в течение месяца формально донес нам, или нашему викарию, или местному епископу о тех, о ком он знает, что они сочиняют сатиры или распространяют сочинения против папы, свящ. коллегии, церков-

ных властей или орденов, или что они сочиняют и распространяют сочинения, в которых злоупотребляется словами Св. Писания, или что они без надлежащего разрешения удерживают у себя книги, содержащие ереси или сочинения еретиков, ex professo нападающих на религию, или что они читают, печатают, позволяют печатать или каким-либо образом распространяют такого рода книги». Этот указ был прибит во всех сакристиях, кроме того, экземпляры его были розданы всем типографам, книгопродавцам, сборщикам податей, привратникам, держателям гостиниц с тем, чтобы они в известных местах прибили указ в таком роде, чтобы всякий мог видеть и читать его. По-прежнему, т. е. так же, как и в Средние века, папы неодобрительно смотрят на перевод Св. Писания на народные языки. И в некоторых странах, например в Италии, Испании, Португалии, запрещение читать Св. Писание в переводе на народный язык строго соблюдается. Общее правило относительно этого предмета заключается в следующем: ни один перевод на народный язык не может появиться в свет без специального папского разрешения; к переводу обязательно должны быть присоединены примечания, взятые из отеческих писаний или сочинений известных католических богословов. Даже перевод, вышедший с папского позволения, добрый католик должен читать не иначе, как с разрешения епископа или духовника. Интересны мысли католических богословов, отвергающих дозволенность перевода книг Св. Писания; они рассуждают так: «Очень вероятно, что большая часть книг Ветхого Завета написана не на народном (?) языке; и совершенно несомненно не на этом языке написаны почти все из новозаветных писаний. Матфей написал свое Евангелие по-еврейски, следовательно, на таком языке, на котором иудеи уже не говорили более со времени плена Вавилонского, когда у них образовался другой язык, близкий к сирийскому и халдейскому. Марк, Иаков, Павел, последний даже в Послании к Римлянам, пользовались греческим языком, хотя этот язык большей части римлян был не знаком и был презираем иудеями. Из всего этого можно заключать, что намерение священных писателей состояло в том, чтобы народ научался религии больше из устных наставлений учителей, нежели из собственного чтения священных писаний. По этой-то причине переводы на народный язык не были известны св. отцам, которые справедливо боялись злоупотребления, к какому могло приводить пользование переводом». Папа Пий IX в энциклике 1846 г. высказывается против Библейских обществ, а в силлабусе 1864 г. **Библейские общества ставит наравне с социализмом, коммунизмом и тайными обществами.** Католические епископы и соборы до

сих пор считают делом полезным удерживать христиан от чтения Библии в переводе. Так, архиепископ Мехельнский в 1845 г. издает окружное послание, где говорилось: «Мы возобновляем запрещение читать Библию на народном языке без позволения епископа или духовника». Утрехтский собор 1865 г. издает постановление того же рода»¹. В этот же индекс запрещенных книг вносились все произведения реформаторов, а также историков, к стати, в том числе и глубоко верующих католиков, но которые в своих работах просто приводили документальные исторические факты, показывающие, в частности, что все притязания Римского престола на власть над всем христианством, имеющие якобы место со времен апостолов, несостоятельны и абсурдны. Так была запрещена в 1852 г. прекрасная работа французского аббата Геттэ «История французской церкви» в 10-ти томах, «Церковные летописи» Барония, «История церкви» Тильмона и т. д. и т. д. В списке запрещенных книг были произведения классиков Александра Дюма, Жорж Санд, Э. Сю, О. Бальзака, Г. Флобера, Г. Гейне. Папство взяло на себя насильно определять для людей, что можно, а что нельзя им читать. И первые костры, куда бросали книги, были сооружены не фашистами, которые, к стати, бросали туда книги практически тех же авторов, что и папские инквизиторы, которые вместе с Библиями бросали в них и самих их владельцев. Страшные страницы борьбы папства с Библией — это не только страницы, содержащие указы и индексы, это и страницы, пропитанные кровью тысяч людей, их нельзя читать без содрогания, ибо за буквами, вещающими историю тех страшных лет, отчетливо проступают кровавые пятна. Страшным систематическим гонениям за приверженность библейским истинам подвергались верующие Франции, Англии, Германии, Чехии, Испании, Нидерландов. В последних, в период господства там в XVI веке испанцев, папством был учинен самый настоящий геноцид против Библии. Посланный испанским королем Филиппом II герцог Альба огнем и мечом решил привести Нидерланды к верности папской религии и испанскому престолу. «Я восстанавливаю там мир и покой, будь этот покой — хоть гробовое молчание на кладбище!», — говорил Альба. «Как только Альба вступил на землю Нидерландов, так тотчас учинил кровавую бойню с чудовищной кровожадностью по всей стране. Убиваемых было так много, что не хватало даже такого множества виселиц и колес, какие находились повсюду, так что осужденных вешали на всех деревьях вдоль улиц. «Так, в кратчайший срок цветущая страна превратилась в огромное

¹ Лебедев. Указ. соч. С. 20, 21, 23, 24—27, 34, 49—50, 69—70.

поле казни, и зловещие звуки колоколов смерти постоянно наполняли воздух». Отдельные личности и даже целые города, которые невозможно было победить открыто, захватывались обманом и вероломно уничтожались, потому что держать свое слово перед еретиками, как это было и во дни Гуса, Рим не собирался. Многие города, как, например, Мехелен, Цютфен, Харлем и Наарден были чудовищно истреблены. Город Наарден открыл свои ворота испанскому главнокомандующему и его войску, поскольку те дали клятвенные обещания, что никто не будет лишен ни имущества, ни жизни. К обеду всех жителей после того, как солдаты были гостеприимно расквартированы, пригласили в главную соборную церковь, и когда она переполнилась мужчинами, женщинами и детьми, выступил католический священник, который потребовал от собравшихся немедленно покаяться, так как они должны были сейчас умереть. Тотчас за священником появились солдаты, которые устремились на множество людей, убивая всех подряд: кровь, предсмертные стоны... этот ужас невозможно описать! Затем церковь была подожжена, так что сгорели и живые и мертвые. Альба мог хвалиться, оглядываясь на покидаемую им землю после шестилетнего господства над ней, где было за это время уничтожено 18 000 человек, однако подлинное число жертв было гораздо больше, если мы присовокупим также число тех, кто умер от войны и лишений. Сама земля была обеднена и опустошена»¹. История тех лет нам оставила не только общие картины этой страшной бойни, совершаемой против Святого Писания «святой» церковью, но и многочисленные примеры мужества и стойкости отдельных людей. Так отступившее от Закона духовенство истребляло у народа источник Ведения о Боге — Библию, истребляло вместе с самим народом. К сожалению, запрещение Библии имело место и на Востоке, о чем пишут сами ведущие православные историки. Так выдающийся православный историк церкви, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии И. И. Соколов (1865—1939) пишет: «В толковании Св. Писания эпоха IX—XV в.в. не отличалась в Византии богатством творчества и обилием литературных произведений... Еще Трулльский собор 19-м своим правилом постановил, чтобы предстоятели церквей, научая клир и народ «словесами благочестия», избирали из Божественного Писания разумение и рассуждение истины и **не преступали положенных уже пределов** и предания богоносных отцов, а «еще буде исповедуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и сими более да удо-

¹ Миллер. Указ. соч. Т. 2. С. 527—528.

влетворяются, нежели составлением собственных слов...» Значит, основа толкования Св. Писания должна была заключаться в святоотеческой литературе, откуда византийские богословы и объявлялись заимствовать свои экзегетические приемы и данные для правильного изъяснения Слова Божия»¹. Причем, роль святых отцов была так велика, что «с целью сохранить в Церкви авторитет их в полной силе и значении, византийские писатели занимались их экзегетикой **наравне** со Священным Писанием»². К сожалению, весьма противились высшие иерархи церкви и переводу Библии на русский язык. Так петербургский митрополит Серафим в середине XIX века о переводе Библии писал: «... дознатъ с полною достоверностью, кто именно тот или те, которые возбудили студентов приступить к такому делу... и затем виновным пресечь всякую возможность посягать на подобные действия, испытав совесть и тех, которые почему-либо знали о существовании зла и оказывали греховное равнодушие... усилить меры, которые уже приняты г. обер-прокурором и на которые он, пресвященный митрополит, всегда взирая с истинною признательностью, призывал на них благословение Божие, чтобы на будущее время все воспитание духовного юношества направлено было к сохранению во всей неприкосновенности прямого православного учения веры... чтобы **никто ни под каким видом** и предлогом не отважился посягать на переложение священного Писания, долженствующего оставаться в том виде, в каком оно принято нами от наших благочестивых предков и до ныне служит залогом нашего благоденствия»³. В 1856 году московский митрополит Филарет писал схожее: «Последствия **восстановления перевода — будут прискорбнейшими для матери нашей, православной церкви. Боже, сохрани, ежели Библии начнут переводить со славянского на русский язык — книги богослужбные: тогда весь (!) православный народ перестанет посещать храмы Божии!**»⁴. Да, старый умный митрополит понимал, что прочитав Библию, народ перестанет ходить в православные храмы. Как страшно и опасно, когда духовенство понимает, что проповедует то, что противоречит Библии, но не только не кается в этом, но пытается всеми силами скрыть от людей истинное ведение о Боге, Его Законе, Его воле. «Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут

¹ Соколов И. И. Лекции по истории греко-восточной церкви. В 2 т. СПб.: И-е О. Абышко, 2005. Т. 2. С. 101.

² Соколов. Указ. соч. Т. 2. С. 113.

³ Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 146.

⁴ Чистович. Указ. соч. С. 285.

от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе, разрушили завет Левия, говорит Господь Саваоф» (Мал. 2:7—8). И именно к такому духовенству обращены грозные слова Божьего предупреждения. «За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепрियствуете в делах закона» (Мал. 2:9). И события падения Иерусалима, и Великой Французской революции, и Октябрьской революции 1917 года стали исполнением этих пророческих слов. В следующих главах мы пройдемся по улицам осажденного Иерусалима 70 г. х. э., ликующего Парижа 1793 года и бурлящего Петрограда 1917 года.

Глава 12 В ИЕРУСАЛИМЕ 70 ГОДА Х. Э.

«За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепрियствуете в делах закона» (Мал. 2:9). Духовное падение и вырождение духовенства, начавшееся при Малахии, достигло своего апогея ко времени земного служения Христа. Как мягко звучат слова Малахии, обращенные к духовенству, по сравнению с тем, что говорят им Христос и Иоанн Креститель: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас. Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото? Также: если кто поклянется жертвенником, то ничего, если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен. Безумные и слепые! что больше: дар, или жертвенник, освящающий дар? Итак клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем; и клянущийся храмом клянется им и Живущим в нем; и клянущийся небом клянется Престолом Божиим и Сидящим на нем. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оеживающие комара, а верблюда поглощающие! Горе

вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» (Мф. 23:13—33). Во время Своего земного служения ни к одной категории людей Господь не обращал таких слов. Он простил блудницу Марию Магдалину, разбойника на кресте, Он плакал над гробом бедного Лазаря и обедал с мытарями. Он говорил народу слова любви и милосердия, но для духовенства у Него не нашлось других слов, кроме как грозных прилюдных обличений и обвинений. Почему же Он так относился к духовенству, неужели оно было грешнее блудниц и мытарей? Дело в том, что духовенству была открыта полнота библейской истины, которую они, в отличие от простого народа, не говоря уж о язычниках, прекрасно знали. А Бог говорит: «Кому много дано, с того много и спросится!» Во-вторых, Христос видел все их лицемерие и ханжество, прикрытое религией формы и обрядов. В-третьих, своим поведением, своим лукавством, псевдосвятостью и алчностью они дискредитировали веру и Бога в глазах простых людей. Духовенство прекрасно понимало всю правоту слов Христа, не осмеливаясь даже открыто Его тронуть, затаивая лишь злобу и надежду на то, что Тот, Кто осмелился обличить их, учителей закона, однажды поплатится за это. Вершиной отступления иудейского духовенства стало распятие Христа, детально подготовленное и организованное ими. Они всю жизнь проповедовали о Нем, и Его же распяли под возгласы толпы: «Распни! Распни Его!» Жестокий и хладнокровный язычник Понтий Пилат и развратный царь Ирод отходят далеко в тень перед коварством и лицемерием духовенства, сознательно распинавшим своего Мессию. И даже когда в момент распятия завеса, отделявшая Святое от Святого Святых в Иерусалимском храме, разодралась надвое, символизирую тем самым конец служения там, то духовенство по-прежнему продолжило приносить еще почти 40 лет

жертвы, указывающие на Того, Кого они в жертву принесли сами своей недрогнувшей рукой. Они приносили жертвы еще почти 40 лет, до тех пор, пока вспыхнувшая в 66 году х. э. Иудейская война между иудеями и римлянами не привела к тому, что римские легионы оказались под стенами Иерусалима, начав штурм города, а затем и самой Храмовой горы, где располагался Иерусалимский храм — символ религии иудеев. Исследуя летописи тех лет, написанные современниками и участниками той войны, содрогаясь, что удивительно, не перед жестокостью язычников-римлян, а перед теми зверствами и братоубийственной войной, которая шла в самом Иерусалиме между осажденными иудеями. Даже общая беда не смогла сплотить их, а вера, оставшаяся без Живого, распятого ими Бога, окончательно приобрела черты удивительного сочетания законничества и святотатства, формы и фанатизма. Причем, даже язычники римляне поразились тому неуважению, которое проявляли иудеи к своему храму. «В святилище и в Святая Святых они сновали с оружием взад и вперед, с руками, дымившимися еще от крови братоубийства, и так далеко заходили в своем святотатстве, что то негодование, которое было бы естественно для иудеев, если бы римляне столь оскорбительным образом действовали против них, испытывали, наоборот, римляне против иудеев, так жестоко грешивших против собственных святынь. Ни один даже простой солдат не мог взирать на храм без страха, чувства благоговения и без желания, чтобы разбойники остановились прежде, чем несчастье делается неисправимым. В пылу негодования Тит еще раз обратился с упреками к Иоанну (один из вождей иудеев) и его приверженцам: «Не вы ли, безбожники, устроили эту ограду вокруг святилища? Не вы ли на ней воздвигли те столбы, на которых на эллинском и нашем языках вырезан запрет, что никто не должен переступить через нее? Не предоставляли ли мы вам права карать смертью нарушителя этого запрещения, если бы даже он был римлянином? И что же, теперь вы, нечестивцы, в тех же местах топчете ногами тела убитых, пятнаете храм кровью иноплеменников и своих! Я призываю в свидетели богов моего отечества и того, который некогда — но не теперь — милостиво взирал на это место, ссылаюсь также на мое войско, на иудеев в моем лагере и на вас самих, что я вас не принуждал осквернять эти места; и если вы изберете себе другое место сражения, то никто из римлян не ступит ногой в святилище и не прикоснется к нему. Храм я сохраню для вас даже против вашей воли»¹. Да, Тит очень хотел

¹ Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск: Современный литератор, 2003. Кн. 6. Гл. 4, 3—4. С. 569.

сохранить это необыкновенное здание, но Бог предсказал, что этот храм будет разрушен и не останется от него камня на камне. «Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Матф. 24:2). Римский историк, иудей по национальности Иосиф Флавий, участник той войны и непосредственный свидетель разрушения храма, оставил подробное описание этого события. «Тогда Тит отправился на Антонию, приняв решение на следующий день утром двинуться всей армией и оцепить храм. Но храм давно уже был обречен Богом огню. И вот наступил уже predeterminedный роковой день — десятый день месяца лооса, тот самый день, в который и предыдущий храм был сожжен царем вавилонян. Сами иудеи были виновниками вторжения в него пламени. Дело происходило так. Когда Тит отступил, мятежники после краткого отдыха снова напали на римлян; таким образом завязался бой между гарнизоном храма и отрядом, поставленным для тушения огня в зданиях наружного притвора. Последний отбил иудеев и отгеснил их до самого храмового здания. В это время один из солдат, не ожидая приказа или не подумав о тяжелых последствиях своего поступка, точно по внушению свыше, схватил пылающую головню и, приподнятый товарищем вверх, бросил ее через золотое окно, которое с севера вело в окружающие храм помещения. Когда пламя вспыхнуло, иудеи подняли вопль, достойный такого рокового момента, и ринулись на помощь храму, не щадя сил и не обращая больше внимания на жизненную опасность, ибо гибель угрожала тому, что они до сих пор прежде всего оберегали. Гонец доложил о случившемся Титу. Он вскочил с ложа в своем шатре, где он только что расположился отдохнуть после боя, и в том виде, в каком находился, бросился к храму, чтобы прекратить пожар. За ним последовали все полководцы и переполошенные происшедшим легионы. Можно себе представить, какой крик и шум произошел при беспорядочном движении такой массы людей. Цезарь старался возгласом и движением руки дать понять сражающимся, чтобы они тушили огонь, но они не слышали его голоса, заглушенного громким гулом всего войска, а на поданные им знаки рукой они не обращали внимания, ибо одни были всецело увлечены сражением, другие жаждой мщения. Ни слова уговоров, ни угрозы не могли остановить бурный натиск легионов, одно только общее ожесточение правило сражением. У входов образовалась такая давка, что многие были растоптаны своими товарищами, а многие попадали на раскаленные, еще дымившиеся развалины галерей и таким образом делили участь побежденных. Подойдя ближе к храму, они делали вид, что не слышат приказаний Тита,

и кричали передним воинам, чтобы те бросили огонь в самый храм. Мятежники потеряли уже надежду на прекращение пожара; их повсюду избивали или обращали в бегство. Громадные толпы граждан, все бессильные и безоружные, были перебиты везде, где их настигали враги. Вокруг жертвенника громоздились кучи убитых, а по ступеням его лились потоки крови и катились тела убитых наверху. Когда Тит увидел, что он не в силах укротить ярость расвирепевших солдат, а огонь между тем все сильнее распространялся, он в сопровождении начальников вступил в Святая Святых и обозрел ее содержимое. И он нашел все гораздо более возвышенным, чем та слава, которой оно пользовалось у чужестранцев, и нисколько не уступающим восхвалениям и высоким отзывам туземцев. Так как пламя еще ни с какой стороны не проникло во внутреннее помещение храма, а пока только опустошало окружающие его пристройки, то он предполагал и вполне основательно, что, собственно, храмовое здание может быть еще спасено. Выскочив наружу, он старался поэтому побуждать солдат тушить огонь как личными приказаниями, так и через одного из своих телохранителей, центуриона Либералия, которому он велел подгонять ослушников палками. Но гнев и ненависть к иудеям и пыл сражения превозмогли даже уважение к Цезарю и страх перед его карательной властью. Большинство, кроме того, прельщалось надеждой на добычу, так как они полагали, что если снаружи все сделано из золота, то внутренность храма наполнена сокровищами. И вот в то время, когда Цезарь выскочил, чтобы усмирить солдат, один из них уже проник вовнутрь и в темноте подложил огонь под дверными крюками, а когда огонь вдруг показался изнутри, военачальники вместе с Титом удалились и никто уже не препятствовал стоявшим снаружи солдатам поджигать. Так храм, против воли Цезаря, был предан огню. В то время, как храм горел, солдаты грабили все попадавшееся им в руки и убивали иудеев на пути несметными массами. Не было ни пощады к возрасту, ни уважения к званию: дети и старцы, миряне и священники были одинаково умерщвлены. Ярость никого не различала: сдавшихся на милость постигала та же участь, что и сопротивлявшихся. Треск пылавшего повсюду огня сливался со стоном падавших. Высота холма и величина горевшего здания заставляли думать, что весь город объят пламенем. И ужаснее и оглушительнее того крика нельзя себе представить. Все смешалось в один общий гул: и победные клики дружно подвигавшихся вперед римских легионов, и крики окруженных огнем и мечом мятежников, и смятение покинутой наверху толпы, которая в страхе, вопя о своем несчастье, бежала навстречу врагу; со стенаниями на холме соединялся еще

плач из города, где многие, беспомощно лежавшие, изнуренные голодом и с закрытыми ртами, при виде пожара собрали остатки своих сил и громко взвыли. Наконец, эхо, приносившееся с Переи и окрест лежащих гор, делало нападение еще более страшным. Но ужаснее самого гула была действительная участь побежденных. Храмовая гора словно пылала от самого основания, так как она со всех сторон была залита огнем, но шире огненных потоков казались лившиеся потоки крови, а число убитых — больше убийц. Из-за трупов нигде не видно было земли: солдаты, преследовавшие неприятеля, бегали по целым грудам мертвых тел. Войско не имело уже кого убивать и что грабить. Ожесточение не находило уже предмета мести, так как все было истреблено беспощадно. Тогда Тит приказал весь город и храм сравнять с землей; только башни, возвышавшиеся над всеми другими, Фазаель, Гиппик, Мариамма и западная часть обводной стены должны были остаться: последняя — для образования лагеря оставленному гарнизону, а первые три — чтобы служить свидетельством для потомства, как величествен и сильно укреплен был город, который пал перед мужеством римлян. Остальные стены города разрушители так сравнивали с поверхностью земли, что посетитель едва ли мог признать, что эти места некогда были обитаемы. Таков был конец этого великолепного, всемирно известного города, постигший его вследствие безумия мятежников»¹. При этом, когда несколько пленных священников были приведены к Титу и умоляли о пощаде, он с убийственной иронией ответил: «„Священникам приличествует погибать вместе со своим храмом“, — и велел их казнить»². Так духовенство, распявшее своего Бога и взявшее на себя вместе с народом Его кровь, пало под ударами внешних завоевателей. За свое богоотступничество они пожали смерть, рабство и бесчестие своим детям, уничтожение и осквернение своим святыням. «За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепрятствуете в делах закона» (Мал. 2:9). Идя по улицам Иерусалима 70-го года х. э., нашему взору представились бы только жалкие руины и три одиноко высившиеся башни, напоминающие среди всего этого, печальные могильные обелиски — обелиски религии дел.

¹ Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск: Современный литератор, 2003. Кн. 7. Гл. 1, 1. С. 587—589, 590—591, 615.

² Дубнов С. М. История еврейского народа на Востоке. В 3 т. Иерусалим. Гешарим. М.: Мосты культуры, 2006. Т. 2. С. 360.

ПЕРЧАТКИ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОЖИ

На протяжении многих веков Ватикан называл Францию старшей дочерью католической церкви. И действительно, именно эта страна сыграла ключевую роль в формировании, а затем в поддержании папского могущества. Именно король франков Хлодвиг (481—511) своим принятием католичества и победами над папскими противниками арианами дал политическую власть папству. Другой французский король Пипин Короткий (751—768) занятые им у племени лангобардов земли в Италии торжественно передал во власть римского папы. В этой связи весьма интересно письмо, которое папа отправил незадолго до этого королю Пипину: «Я, Петр, апостол, свидетельствую, увещаю и умоляю вас, всехристианнейшие короли Пипин, Карл и Карломан, со всей иерархией, епископами и аббатами, священниками и всеми монахами, а также, все судьи, герцоги, графы и весь народ франков. Подобным же образом вас также увещаю и повелеваю вам Матерь Божья, престолы и господства и все воинство небесное спасти возлюбленный Рим от гнусных лангобардов. Если вы послушаетесь, то обещаю вам я, Петр, апостол, мое покровительство в этой и в будущей жизни. Я приготовлю вам славные жилища на небесах и подарю вам вечную радость в раю. Делайте общее дело с моим народом в Риме, и я вам поручусь, что вы получите все, о чем бы вы не попросили. Я заклинаю вас не допустить этот город до растерзания и страдания, чтобы не терзались и не страдали ваши души в аду с Дьяволом и его замученными ангелами. Из всех народов под небесами франки в глазах Петра в высшей степени ценны; вы все обязаны мне вашей победой. Повинуйтесь и повинуйтесь скорей! И Господь наш Иисус Христос даст вам по моим молитвам в этой жизни долготу дней, безопасность и победу, а в будущей жизни умножит над вами свои благословения среди святых Своих и ангелов»¹. Другой французский король, сын Пипина — Карл «Великий» (768—814) не только преумножил владения пап в Италии, но и благодаря своим многочисленным войнам, в результате которых им была создана первая средневековая империя, отдал все завоеванные земли в духовную власть папе. «Время правления Карла Великого имело для истории церкви и, в узком смысле, для папства выдающееся значение. Римский католицизм был обязан этому сильному государю очень многим, как

¹ Бокмелдер И. Я. Всеобщая история Христианской церкви. Черкассы: Маджуга, 2004. С. 372—373.

и магометанство великому пророку Аравии. Папа стал теперь светским государем. Долгожданный и страстно желанный день настал, любимая мечта столетий осуществилась. Преемниками апостола Петра были провозглашены самодержавные папы, владетели города и области Рим»¹. В борьбе папства с протестантами Франция также всегда играла одну из ведущих ролей. Вспомнить хотя бы зловещую Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 года, когда находящиеся в Париже протестанты-гугеноты были вырезаны самым бесчеловечным образом. О том влиянии, которое имело католичество во Франции, говорит весьма ярко и тот факт, что на протяжении почти ста лет фактическими правителями этого государства были кардиналы Ришелье, Мазарини, Флери. И вот именно в этой стране, многовековом оплоте папства, вспыхивает первая в мире за всю его историю революция, одним из главных «знамен» которой становится беспощадная борьба с религией. «С особой яростью набросились якобинцы на римско-католическую церковь и на христианскую религию... «Я громко проповедую, что нет другого Бога, кроме природы, другого владыки, кроме человеческого рода. Граждане, пришло время уничтожить религию — род человеческий отбросил свои помочи»² — было провозглашено в те дни. 13 ноября 1793 г. Конвент (правительство Франции того времени) предъявил духовенству требование отречься от христианства, что бывший епископ Парижа Гобель уже торжественно исполнил перед собранием³. «За этими разительными примерами последовало очень много отречений от сана со стороны священников и викариев по всей Франции»⁴. 24 ноября 1794 года Парижская Коммуна принимает следующее постановление: «Принимая во внимание, что парижский народ отказался признавать какой-либо другой культ, кроме культа Истины и Разума, Генеральный Совет Коммуны постановляет: 1) что все церкви или храмы всевозможных вероисповеданий, существующих в Париже, будут немедленно же запгерты; 2) что все священнослужители, к какому бы культу они не принадлежали, будут лично и индивидуально ответственны за те смуты, источником которых окажутся религиозные мнения; 3) что всякий, кто потребует открытия храма или церкви, будет арестован, как подозрительный; 4) что революционные комитеты будут приглашены зорко наблюдать за всеми священниками; 5) что будет составлена петиция Конвенту,

¹ Бокмелдер. Указ. соч. С. 408.

² Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. СПб.: И-е А. Ф. Маркса, 1904. Т. 4. С. 93.

³ Там же. Т. 4. С. 93].

⁴ Олар А. Политическая история Французской Революции. Петроград: И-е Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918. С. 320].

приглашающая его издать декрет, который отстранял бы священников от всякого рода общественных должностей, а равно и от всех мест в национальных мануфактурах»¹. Христианство было фактически запрещено. На духовенство обрушились небывалые доселе гонения. Воспользовавшись тем, что некоторые из священников были замешаны в антиреспубликанских заговорах, Конвент принимает весьма жесткие законы. «18 марта 1793 г. он декретировал смертную казнь против священников, замешанных в беспорядках, которые возникали или возникли бы в департаментах. В тот же самый день Конвент повелед, чтобы священники, подлежащие ссылке, задерживались на территории республики, затем «отвозились немедленно же в окружные тюрьмы, судились военными судьями и **наказывались смертью в двадцать четыре часа**». 23 апреля Конвент декретировал, чтобы духовные лица, не присягнувшие поддерживать свободу и равенство, были немедленно же ссылаемы в Гвиану. 29 и 30 вандемьера II года был вотирован террористический закон. Священники, подлежащие ссылке и уличенные в том, что они помогали внешним и внутренним врагам, подняв оружие против республики, должны были предаваться смерти через двадцать четыре часа после того, как факт был бы объявлен и констатирован военным судом, а «факт будет признан доказанным, если он подтвердится письменным заявлением за двумя подписями или одною подписью, удостоверенною свидетелем, или же если он подтвердится устным и сходным показанием двух свидетелей». Что касается священников, подлежащих ссылке и вернувшихся во Францию, то для того, чтобы они подверглись наказанию, определенному законом 18 марта, достаточно было, чтобы два свидетеля заявили согласно, что эти священники действительно подлежали ссылке. Наконец, тот же закон наказывал ссылкой не только священников, состоявших на службе и не пожелавших принести присягу, требуемую декретом 27 декабря 1790 г., или священников, не состоявших на службе и не присягнувших, что они будут поддерживать свободу и равенство, но также и всех тех священников (за исключением стариков и расслабленных), которые, после принесения ими присяги, были бы обвинены в недостаточном гражданском рвении шестью гражданами кантона, после того, как это обвинение было бы «рассмотрено директорией департамента по донесению окружных властей»². Понятно, что при подобной формулировке и минутном разборе подобных дел судом, под их действия легко попадало почти все духовенство, чем широко и пользовалось республиканское прави-

¹ Олар. Указ. соч. С. 320—321.

² Олар. Указ. соч. С. 318.

тельство, взявшее цель на уничтожение культа как такового¹. В стране начинается террор, не сопоставимый по своему размаху и планомерности ни с чем еще в предшествующей ему истории земли, и затмившийся только в XX веке сталинскими ГУЛАгами и фашистскими концлагерями. Но чем же была вызвана такая тотальная ненависть к религии? Как могла вчерашняя «дочь католической церкви» превратиться в ее страшную гонительницу? Как народ в течение считанных месяцев мог так изменить свои взгляды? И как в сугубо, вроде бы, религиозной стране могло вырасти столько философов-атеистов и беспощадных революционеров? Чтобы разобраться в этом очень важном и интересном вопросе, прочитаем выдержки из речей представителей республиканского правительства Франции о религии. «Пока во Франции была господствующая религия, поддерживаемая соглашением между попами и деспотами, заинтересованными в продлении злоупотреблений, из которых они извлекали пользу, возможно было принудительными мерами заставлять всех граждан исповедовать одинаковые религиозные истины, какими бы ошибочными они ни казались. Но после торжественного провозглашения Конституции — этого нового Евангелия французов, народным магистратам не надлежит более забывать священных начал свободы... » «Заботу о распространении просвещения мы должны предоставить здоровой философии и правильно поставленному образованию; царство разума должно расти и подготовить **полное уничтожение предрассудков, под игом которых слишком долго гнулось человечество**». Царство попов прошло безвозвратно. С каждым новым днем постепенно все более и более разрушаются суеверие и фанатизм, а они были самым страшным оружием попов. Вся тайна их влияния заключалась в том, что, не обладая никакой тайной, они заставляли думать, что таковая у них существует. «Припомните-ка, как для того, чтобы пустить пыль в глаза, они устраивали множество пышных крестных ходов, выставляя напоказ самую дерзкую роскошь. Других способов продержаться а, главное, сохранить незаконно захваченные богатства у них не было, это они твердо знали». «Но нашелся, наконец, третий калач, по имени Вольтер, который немало поспособствовал тому, чтобы низвергнуть трон, воздвигнутый себе этими лицемерами, сумевшими использовать невежество и доверчивость наших добрых предков. Этот великий человек, пуская в ход то шутку, то доводы разума, первый подточил основы чудовищного здания; выдвинутые им положения незаметно прививались и подготовили наступление царства всемирной

¹ Олар. Указ. соч. С. 319.

свободы, к которому мы уже близки». «У нас своя совесть, свой разум, своя религия; мы не хотим руководствоваться **ни совестью, ни разумом, ни религией духовенства**». «Возможно ли, вообще говоря, терпеть религию, которая по самому существу своему нетерпима? Мы убеждены, что та Конституция, которую вы предложите французам, даст на этот вопрос отрицательный ответ». Корни веры заложены глубже; они еще крепки. Сокровища церкви создались из пожертвований верующих, правда, чтобы добиться их, **прибегали иногда к преступным способам**. Общество вообще сможет искоренить христианскую традицию лишь медленно и постепенно, заменяя ее в сознании масс иными, более жизненными и широкими идеалами. «Священник создает жалкое и ничтожное представление о Вечном; по его учению, небо ведет мелочное выполнение обрядов; социальные добродетели им отрицаются; он унижает душу, развращает ум и оскверняет человека. Мы, а вместе с нами в ближайшем будущем, вероятно, и все граждане Франции, представляем себе Предвечного не в виде восточного деспота; мы мыслим его иначе и полагаем, что он скорее окружен Миносом, Аристидом и Ликургом, чем св. Крепином, св. Франциском или св. Антонием. Добросовестный хлебопашец, хороший солдат и благонамеренный гражданин — таковы святые, память которых мы будем чтить». В отношении религиозных предрассудков наша страна, с моей точки зрения, находится в благоприятном положении; общественное мнение весьма прогрессивно. Царство суеверия почти разрушено; священник уже в меньшей степени является теперь объектом поклонения, чем самая идея религии и предмет веры. «Свет философии, проникая в самые отдаленные от нее области, **разогнал жуткие и нелепые призраки, созданные честолюбием священников и политикой королей** и ставшие под их давлением предметом слепого обожания. Теперь в сознании остаются только те достойные почитания догматы, которые служат опорой нравственности и тому высокому и трогательному учению о равенстве, которое сын Марии преподавал некогда своим согражданам. Близится, несомненно, время, когда евангелие разума и свободы станет евангелием всего мира»¹. «Оказывается подходящим лишь один закон, а именно — изгнать из королевства священника-возмутителя. (Аплодисменты на трибунах). Это средство было применено против иезуитов, и иезуитов забыли; только изгнанием вы можете прекратить заразительное влияние виновного, его нужно удалить от его прозелитов; ибо, если, на-

¹ Жорес Ж. История Великой Французской Революции. В 3 т. М—Петроград: Гос. из-во, 1923. Т. 3. Конвент (I). С. 169, 170, 181, 182, 187.

казывая его каким-либо иным образом, вы оставите ему возможность проповедовать, служить обедню (смех) и исповедовать (а вы не можете лишать его этой возможности, если он останется в королевстве, то он, будучи наказан, причинит вам больше вреда, чем, если он будет оправдан). Я смотрю на священников-возмутителей как на зачумленных, которых следует отправлять в испанские и итальянские лазареты... (Аплодисменты, ропот и одобрение). Следует наказать виновного священника. Всякие средства, клонящиеся к примирению, отныне бесполезны, и я спрашиваю, к чему же привело в действительности такое количество неоднократных помилований? Наша снисходительность усилила дерзость наших врагов; итак, следует изменить систему и применять, наконец, строгие меры. Эх! Пусть не говорят мне, что, желая одолеть фанатизм, удвоим его силу, это чудовище уже не является тем, чем оно было; оно не может долго жить в атмосфере свободы; уже раненое философией, оно окажет лишь слабое сопротивление; сократим же его опасную и судорожную агонию, умертвим его мечом закона. Вселенная будет рукоплескать при этой великой казни, потому что во все времена и у всех народов фанатические священники являлись бичами общества, убийцами человеческого рода; все страницы истории запятнаны их преступлениями; они повсюду ослепляют легковерный народ, они мучат невинность страхом и слишком часто продают преступникам то небо, которое бог дарует лишь добродетельным». (Неоднократные аплодисменты). Таким образом борьба между революцией и церковью становилась определенной, ясною и ожесточенною»¹. Итак, вожди революции обвиняли религию и папское духовенство в том, что оно: 1) поддерживало в народе грубые религиозные предрассудки и суеверия; 2) наживалось на простодушии и доверчивости людей; 3) затмевало сознание людей через показную роскошь храмовых служб; 4) являлось крайне нетерпимым ко всякому инакомыслию; 5) создавало у людей ложное представление о Боге, как о восточном деспоте, якобы постоянно ведущем учет обрядам, которые выполнял человек; 6) священники требовали себе поклонения больше, чем самой религии. И ведь каждое из этих утверждений было всецело обоснованным. Своей дикой жестокостью, ханжеством, алчностью, нетерпимостью церковь, вместо того, чтобы вести людей к себе, к Богу, отталкивала их, внушая им ужас, смешанный с ненавистью. И когда страх людей, замешанный на средневековых суевериях перед церковью, ушел, то народ с радостью обрушился на тех, кто запугивал, эксплуатировал и на-

¹ Жорес Ж. История Великой Французской Революции. М.: Гос. издательство, 1923. Т. 2. С. 72.

живался на нем веками. Но даже в этот разгул борьбы с религией мы видим, что даже вожди революции делали разницу между папской церковью, духовенством и Христом, Который первый, по их словам, дал людям равенство и свободу. Понимая, что без религии человек жить не может, республиканское правительство вместо отмененного христианства дает народу новую религию — Культ Разума, представлявший собой странное смешение революционной философии о Свободе и Равенстве всех людей, служении Республике с использованием атрибутики упраздненного католичества в виде храмов и видимого изображения «богини Разума», которую в отнятых и переоборудованных храмах представляли женщины, восседающие в креслах на возвышении¹. По сути, Культ Разума представлял собой культ Отечества. Но само отправление этого культа являло порой просто свято-татственную оргию. «Человеческого языка недостаточно, чтобы выразить то, что происходит в природе людей, подпавшей одуряющему влиянию пошлости. Можно понять лесных чернокожих мумбо-юмбо, еще больше можно понять индейцев вау-вау; но кто поймет этого прокурора Анаксагора, некогда Жана Пьера Шометта? Мы можем только сказать: человек рожден идолопоклонником, поклонником видимого, так он чувственно-впечатлителен и так много общего имеет с природой обезьян. Дело в том, что в тот же самый день, едва окончился веселый танец «Карманьола», как явился прокурор Шометт с муниципалами и представителями департаментов и с ними странный багаж: новая религия! В зал Конвента вносят на плечах, в паланкине, г-жу Кандейль из Оперы, красивую, когда она хорошо подкрашена, в красном вязаном колпаке и голубом платье; увитая гирляндами из дубовых листьев, она держит в руке пику Юпитера-Народа; впереди нее идут молодые женщины в белых платьях с трехцветными поясами. Пусть мир посмотрит на это! О Национальный Конвент, чудо Вселенной, это наше новое божество — богиня Разума, достойная, единственно достойная поклонения! Отныне мы будем поклоняться ей. Ведь не будет слишком смелым просить верховное национальное представительство, чтобы и оно также отправилось с нами в *si-devant* собор Богоматери и исполнило несколько строф в честь богини Разума? Председатель и секретари посылают по очереди богине Кандейль, обносимой вокруг их эстрады, братский поцелуй, после чего ее, по положению, подносят к председателю и сажают по правую руку его. Потом, после надлежащего отдыха и цветов красноречия, Конвент, собрав своих членов, пускается в путь в требуемой процессии по направлению к собору Богоматери. Богиня Разума

¹ Олар. Указ. соч. С. 321.

опять сидит в своем паланкине, несомая впереди, конечно, людьми в римских тогах и сопровождаемая духовой музыкой, красными колпаками и безумием человечества. Богиню Разума сажют на высокий алтарь собора, и требуемое поклонение, или квазипоклонение, говорят газеты, совершается; Национальный Конвент поет «гимн Свободе, слова Шенье, музыка Госсекка». Это первый праздник Разума, первое общественное богослужение новой религии Шометта. «Соответствующий фестиваль в церкви Св. Евстахия, — говорит Мерсье, — имел вид празднества в большой таверне. Внутренность клироса представляла пейзаж, украшенный хижинами и группами деревьев. Вокруг клироса стояли столы, уставленные бутылками, колбасами, свиными сосисками, пирогами и другими кушаньями; гости входят и выходят во все двери; кто бы ни являлся, всякий отведывал вкусного угощения. Восемилетние дети, мальчики и девочки, отведывали яства в честь Свободы и пили вино из бутылок; их быстрое опьянение вызывало смех. Богиня восседала на возвышении в лазоревой мантии с невозмутимо спокойным видом; канониры с трубкой во рту прислуживали ей в качестве церковных служителей, а на улице безумные толпы танцевали вокруг костров, сложенных из балюстрад приделов, скамеек священников и каноников; и танцующие — я ничего не преувеличиваю, — танцующие были почти без брюк, с обнаженными грудью и шеей, со спущенными чулками. Все это несло и кружилось вихрем, подобно облакам пыли, предшествующим буре и разрушению». В церкви Св. Жерве «ужасно пахло селедкой». Секция или муниципалитет не позаботились о пище, предоставив это воле случая. Другие мистерии, по-видимому кабирического или даже пифийского характера, мы оставляем под завесой, которая была благоразумно протянута «вдоль колонн боковых приделов», и не будем отодвигать ее рукой Истории»¹. Вскоре в храмах начинают ставить бюсты философов, а зетем погибших революционеров — Марата, Шалье, Лепелетье². Эта ситуация весьма напоминала ту, которая спустя больше века сложится у нас в стране, где произойдет полубожественное возведение Ленина, где вместо крестных ходов будут демонстрации, а вместо религиозных ритуалов — светские обряды. Однако, вскоре вожди Революции увидели, что безликий и сугубо атеистический Культ Разума не совсем удовлетворяет народ. И потому Республика дает стране новый культ Верховного Существа. «Вот тот декрет, которым учреждался и организовался (18 флореаля II года) культ Верховного Существа: «I. Французский народ признает существование Верховного Существа

¹ Карлейль Т. Французская революция. История. М.: Мысль, 1991. С. 494.

² Олар. Указ. соч. С. 321.

и бессмертие души. — II. Он признает, что культ, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей. — III. Из этих обязанностей он считает первейшими: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать другим все возможное добро и не быть ни к кому несправедливым. — IV. С целью напоминать людям о Божестве и о их собственном достоинстве, будут учреждены празднества. — V. Их названия будут заимствованы у славных событий нашей революции, у наиболее дорогих и полезных человеку добродетелей, у величайших благодеяний природы. — VI. Французская республика будет праздновать ежегодно события 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г., 21 января 1793 г., 31 мая 1793 г. — VII. Она будет праздновать каждый десятый день, и эти праздники будут носить следующие наименования: в честь Верховного Существа и Природы. — В честь человеческого рода. — В честь французского народа. — В честь благодетелей человечества. — В честь мучеников свободы. — В честь Свободы и Равенства. — В честь Республики. — В честь Свободы и мира. — В честь Любви к Отечеству. — В честь ненависти к тиранам и изменникам. — В честь Истины. — В честь Справедливости. — В честь Целомудрия. — В честь Славы и Бессмертия. — В честь Дружбы. — В честь Воздержания. — В честь Мужества. — В честь Добросовестности. — В честь Героизма. — В честь Бескорыстия. — В честь Стоицизма. — В честь Любви. — В честь Супружеской Любви. — В честь Родительской Любви. — В честь Материнской Нежности. — В честь Сыновей Почтительности. — В честь Детства. — В честь Юности. — В честь зрелого Возраста. — В честь Старости. — В честь несчастья. — В честь Земледелия. — В честь Промышленности. — В честь наших Предков. — В честь Потомства. — В честь Счастья. — VIII. Комитеты Общественного Спасения и Народного Просвещения должны будут представить проект организации этих празднеств. — IX. Национальный Конвент призывает все таланты, достойные служить человечеству, к содействию установления этих праздников путем гимнов, цивических песен и всеми средствами, могущими содействовать их украшению и их полезности. — X. Комитет Общественного Спасения выберет те художественные произведения, которые покажутся ему наиболее способными выполнить такое назначение, и вознаградить их авторов. — XI. Свобода культа сохраняется, согласно декрету 18 фримера. — XII. Всяческие аристократические сборища, противные общественному порядку, будут разгоняться. — XIII. В случае смут, поводом или мотивом которых явится культ, лица, которые будут возбуждать их фанатическими проповедями или антиреволюционными инсинуациями, а также

лица, которые будут вызывать их несправедливыми и ненужными насилиями, будут равно наказываться по всей строгости законов. — XIV. Должен быть представлен особый доклад относительно более подробных постановлений, относящихся к этому декрету. — XV. 20 прериаля этого года будет устроено празднество в честь Верховного Существа. — Давиду поручается представить проект этого празднества Национальному Конвенту». 23 флореаля, Комитет Общественного Спасения принял следующую резолюцию, в которой речь Робеспьера была представлена в виде священного текста, в виде евангелия новой религии: «Комитет Общественного Спасения постановляет, чтобы на фронтонах зданий, служивших прежде отправлению культа, надпись Храм Разума была заменена следующими словами статьи 1-й декрета Национального Конвента от 18 флореаля: Французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертия души. — Комитет постановляет также, чтобы доклад и декрет 18 флореаля были прочитываемы публично, в десятые дни декад, в течение месяца, в тех же зданиях. На национальных агентов при коммунах республики возлагается выполнение этого постановления; они должны будут немедленно представить отчет об этом Комитету». Исполнители нового культа немедленно же завладели церквями, на дверях которых они начертали золотыми буквами слова своего повелителя. Они возбудили петицию в пользу того, чтобы этот культ был оплачиваем государством»¹. «Во всех коммунах должен быть храм Верховного Существа, а если где-либо его еще не существует, то муниципальные власти обязаны немедленно же открыть его в одной из бывших церквей...» «Надпись на храме Разума должна быть заменена следующей: Храм, посвященный Верховному Существованию...». Все «добрые граждане» обязаны присутствовать на празднестве 20 прериаля. На тех, кто не будет присутствовать на нем, «обращается внимание наблюдательных комитетов и муниципальных властей». «Согласно постановлению представителя народа от 25 жерминаля, лица, которые празднуют старый воскресный день, выражая это празднование бездельем, прогулками, парадной одеждой или какими-либо другими внешними признаками, будут лишены в этот день своей порции хлеба, не заработанной ими их праздностью. Там, где это наказание не может быть применено, наблюдательные комитеты или муниципальные власти будут налагать на вышеуказанных лиц штраф, пропорционально их средствам, но не менее, чем во сто су каждый раз, и не освобождая от него бедняков. Кроме того, имена этих лиц, как фанатиков и неповинующихся закону, будут выве-

¹ Олар. Указ. соч. С. 331—333.

шены у входных дверей мэрии или храма Верховного Существа». «Все монументы, мебель и другие служащие фанатизму предметы, которые еще могли оставаться в бывших церквях», приказывалось немедленно же перевезти в округа. То, что могло быть продано из них, должно было продаться, а все остальное сожжено. Все расходы по устройству храмов должны были происходить на счет «богатых, аристократов, фанатиков, эгоистов, равнодушных и умеренных в революции, а также интриганов». Эти налоги должны были устанавливаться генеральными советами коммун или наблюдательными комитетам»¹. Итак, если бы мы могли оказаться на улицах Парижа 1793 года, то нашему взору предстали бы нарядно одетые горожане, смеющиеся и веселящиеся перед лицом страшной гильотины, отсекающей головы папского духовенства, вчерашних властителей их душ, тех, кто казнил и сжигал на протяжении веков, а теперь на себе испытывающих свои же методы. Причем, эта разодетая публика носит особые парики и изделия из кожи. «Отметим еще одну или, вернее, две вещи, не более: белокурые парики и коженное производство в Медоне. Много было толков об этих белокурых париках (*peruques blondes*). О читатель, они сделаны из волос гильотинированных женщин! Локонам герцогини, таким образом, может быть, случится покрывать череп коженника; ее белокурому германскому франкизму — его черный галльский затылок, если он плешив. Или, быть может, эти локоны носят с любовью, как реликвии, делая носящего подозрительным? Граждане употребляют их не без насмешки весьма каннибальского толка. Еще глубже поражает сердце человека коженная мастерская в Медоне, не упомянутая среди других чудес коженного дела! «В Медоне, — спокойно говорит Монгайяр, — существовала коженная мастерская для выделки человеческих кож; из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выделялась изумительно хорошая кожа наподобие замши», служившая для брюк и для другого употребления. Кожа мужчины, добавляет он, превосходила прочностью и иными качествами кожу серны; женская же кожа почти ни на что не годилась — ткань ее была слишком мягкой! История, оглядываясь назад, на каннибализм от пилигримов (*Purchas's Pilgrims*) и всех ранних и позднейших упоминаний о нем, едва ли найдет в целом мире более отвратительный каннибализм. Ведь это утонченный, изощренный вид, так сказать *perfidie*, коварный! Увы! Цивилизация все еще только внешняя оболочка, сквозь которую проглядывает дикая, дьявольская природа человека. Он все еще остается созданием природы, в которой есть как небес-

¹ Олар. Указ. соч. С. 326—327.

ное, так и адское»¹. Подобная картина повторится и в России после Революции 1917 года, когда в течение считанных месяцев внешне столь православный русский народ будет крушить соборы и убивать священников, обвиняя их в лицемерии, насаждении суеверий, обогащении за счет людей. В период как Французской, так и Октябрьской Революций открылись страшные многовековые тайны монастырских тюрем, где духовенство гноило и зверски пытало людей². Открылись потайные ходы между мужскими и женскими монастырями и останки новорожденных в их нишах. Открылись возле монастырей целые кладбища с захоронениями новорожденных детей — этого плода незаконной любви «степенных» монахов и монахинь. Открылись целые сокровищницы богатства высшего духовенства, нажитого им на доверчивости прихожан. Открылись настоящие дворцы этого духовенства, столь много ранее говорившего о своей скромности и бессеребренности, открылась правда о наследовании целых церквей и епархий по наследству!!!³ Открылись страшные гомосексуальные связи, процветавшие во внешне столь тихих обителях. Открылась страшная политическая борьба, которую вели «отшельники» за власть и деньги. Открылись механизмы бессознательных обманов, через которые духовенство привлекало народ в церковь, как то: мирротечение святых икон, нетленные мощи, неугасаемые лампы, святая вода. Словом, все, что на протяжении веков было строжайшей тайной, открылось перед взором всего мира во мгновение ока. Открылись и развратная жизнь, и нечистые обогащения, и духовные обманы «святых» отцов. Недаром Бог говорит: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Лука 8:17). И страшный, совсем недавний скандал, вызванный тем, что открылся массовый гомосексуализм среди папского духовенства в США, потрясший всю Америку, подтвердил еще раз этот библейский закон, как и слова пророка Малахии: «За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепритствуете в делах закона» (Мал. 2:9). Эти слова предостережения обращены сегодня к каждому верующему, как неотъемлемой части царственного священства и особенно к тем, кто выполняет духовную работу. «Очень редко уровень духовности группы христиан может превзойти уровень духовности ее руководителей. Этот вывод, сделанный на основании жизненных наблюде-

¹ Карлейль. Указ. соч. С. 504—505.

² Колчин М. Ссылные и заточенные в Соловецком остроге в XVI—XIX в. М., 1908; Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы. М., 1905.

³ Карташев А. В. История русской церкви. В 2 т. М.: ЭКСМО. Т. 2. С. 728—736, 704.

ний, должен привести в трепет и заставить задуматься тех, кто стремится к руководству. Духовность священников была в глубоком упадке, и их воздействие на народ было разрушительным. Поэтому Бог произнес это слово упрека и предупреждения через Своего пророка Малахию: «**Итак, для вас, священники, эта заповедь**». Руководители должны быть людьми, зрелыми в вере. Один из важнейших признаков зрелости — способность принимать увещание и упрек. Способность откровенно признать свою вину и искать пути, чтобы загладить ее, является признаком зрелости в обычной жизни. Священники, которые должны были оказывать благотворное влияние на людей, вводили их в заблуждение своими действиями и отношением. Бог прогневался на них. Теперь Бог угрожал судом. Если они не послушают Его предупреждение, тогда Он прольет на них Свой гнев. «**Если вы не слушаетесь, и если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему, говорит Господь Саваоф, то Я пошлю на вас проклятие**». Заметьте, что, прежде всего, Бог привлекает священников к ответственности за недостаток благоговения перед Ним и истинного поклонения: «... **Если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему...**». Мы должны быть честными и искренними пред Богом, без чего поклонение лишено смысла. Нет никакого извинения неискренности, и именно в ней заключалась проблема израильских священников. Их служение было позором, а они совершенно этого не понимали и даже пренебрегали им. Их следовало порицать. Как Бог мог судить священников, если они даже не слушали? Двумя способами:

1. Он покажет им, кем они являются на самом деле (2, 2)

Он превратит их благословения в проклятия. Кроме жертвоприношений, большой привилегией священников было благословлять людей благословением Аарона. Через призывание Его имени Бог обещал благословить людей (Числа 6:27). Но теперь Бог намеревался сделать все наоборот, чтобы показать этим священникам, что они собой представляют. Вместо благословений, которые люди должны были бы получить через их слова, они будут прокляты. Каждый раз, когда священник будет открывать рот, чтобы благословить людей, Бог наглядно покажет, что они не будут иметь благословения. Бог просто укажет людям, что у этих священников нет связи с Ним. Человек, считающий себя духовным руководителем, в то время как Бог оставил его, находится в самом жалком состоянии. «**Вот, Я отниму у вас плечо и помет раскидаю на лица ваши**» (2, 3). Этот стих в парафразе может звучать так: «Отходы, обычно сжигаемые вне святилища, Я размажу на лицах ваших». Что Бог имеет в виду? Он хочет сказать, что Он отразит на лицах священников стыд за их преступления перед Ним. Какой сокрушительный суд! **Они посты-**

жали Бога своими пренебрежительными действиями — теперь Бог постыдит их! Здесь содержится назидание для духовных руководителей и служителей, проповеди которых стали пустой болтовней, осуждаемой Богом. «Я обращаю ваши благословения в проклятия». «Я превращу ваши проповеди в снотворное». Эти слова касаются служителей, которые не указывают путь стаду своим личным примером, но совершенно бездействуют. Собрание относится к ним с пренебрежением. Эти слова касаются учителей воскресных школ и родителей-«христиан», так как даже молодежь может заметить, что их вера — сплошное притворство и лицемерие. По лицам верующих, свидетельствующих о любви Христа, видно, что им недостает радости, и понятно, что у них нет живых взаимоотношений с Богом. Есть христиане, которые вообще не свидетельствуют, потому что они только носят это имя. «Я покажу, кем вы являетесь, — говорит Господь. — Вы не сможете продолжать совершать служение предо Мною равнодушно и неблагоговейно, надеясь, что все будет в порядке. Я сделаю вас бессильными. Я сделаю вас посмешищем». Что еще включает в себя суд Божий над этими священниками?

2. Бог уберет их

Начало 3-го стиха в оригинале звучит неоднозначно. Эти слова могут значить, что Бог сделает жен священников бесплодными, и, таким образом, колено Левия постепенно исчезнет. Это может значить, что Бог погубит урожай, и тогда десятины и приношения, которые являлись главным источником дохода священников, сократятся, и они окажутся в крайней нужде. Если они не станут приносить достойных жертв Богу, которые брались из приношений людей и были средством существования священников, то Бог сделает все, чтобы это колено страдало, и страдало жестоко. «Я сделаю вас... униженными пред всем народом». Более того, как обычно выносились отходы от жертвоприношений на место отбросов, так священники будут выброшены туда Богом. «Помет раскидаю на лица ваши, помет праздничных жертв ваших, и выбросят вас вместе с ним». Безумно полагать, что Бог закроет глаза на духовных руководителей, находящихся в не должном состоянии, и позволит им продолжать служить по-прежнему. Бог избавится от них тем или иным путем. Бог будет судить их. Из всего этого можно извлечь три коротких урока.

Первое, рассмотрев, что Бог сказал священникам, мы должны осознать, что Бог будет судить нас за то влияние, которое мы оказываем на других людей. За притворство верующих или притворство руководителей, которые только укрепили предубеждение людей против Божьего народа, согласно которому «церковь полна лицемеров», Бог будет жестоко судить их. Некоторые

люди стали на христианский путь, но потом отвратились, потому что нашлись в церкви люди, которые сбили их с пути. Иисус сказал: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море» (Марка 9:42). Такие люди будут отвечать перед Богом. Нам не следует думать, что Божье предзнание относительно того, кто будет спасен, а кто не будет, сделает человека, послужившего причиной отступления других от Христа, менее виновным. Такого не случится. Эти люди дадут ответ. И спасенный должен всегда помнить, что «всем нам должно явиться пред судилище Христово» (2 Коринфянам 5:10).

Второе, Бог есть Бог милосердный, и Его предупреждения всегда преследуют благую цель. «Если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему... то Я пошлю на вас проклятие...» Условная частица «если» показывает нам, что для этих священников есть возможность изменить свои пути, и в этом заключается смысл Божьего предупреждения. Господь желает, чтобы они вернулись. Бог говорит, что Он дал «эту заповедь для сохранения завета Моего с Левием» (2, 4). Нет никаких записей в Ветхом Завете, свидетельствующих о том, что Бог заключил завет с Левием официально. Но Малахия имеет в виду именно это Божье призвание колена Левия на священство (Иеремии 33:21). Их жертвоприношения и соблюдение ими закона принесли жизнь и мир всему народу (2, 5). Библия говорит нам, что Бог не находит удовольствия в суде. Господь любит миловать. Он свят, Он не воинственный Бог. Господь мог открыто сказать, что Он хочет, чтобы эти священники покались, и тогда Бог мог бы благословить их снова, и их священство сохранилось бы. Он действительно желал, чтобы священники стали духовными руководителями народа. Его предупреждение наполнено любовью и благодатью.

Третье, если люди не будут слушать Божьи предупреждения, тогда Бог, в конце концов, вмешается и совершит суд. Если Бог обращался к тебе и тревожил твою совесть, а ты отказался слушать и не обратил на это внимания, то, в конечном счете, Бог будет судить тебя»¹. Так всех священников, отступающих от Бога, соблазняющих своей нечестивой жизнью других людей, лицепрятием при разборе судебных дел, которые им было дано вершить (Втор. 19:17), Бог не только лишит благословений, но и сделает презренными в глазах людей, лишит их всяческого авторитета и уважения и раскиданный на их лицах «помет» от их нечестивых приношений станет финалом их жизни. Да, это

¹ Бентон Д. Потеря связи с Живым Богом. Книга пророка Малахии. Харьков: И-во Ткаченко Д. Ф., 2001. С. 43, 45—49.

были весьма неприятные слова, вызвавшие озлобление у современников Малахии, восклицавших: «Да как он смеет так говорить?» Вместо того, чтобы возмутиться самим себе и спросить себя: «А как смеем мы так поступать!?»

Глава 14 СЛОМАННАЯ ВЕРА

«Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас? Почему же мы вероломно поступаем друг против друга, нарушая тем завет отцов наших? Вероломно поступает Иуда, и мерзость совершается в Израиле и в Иерусалиме; ибо унижил Иуда святыню Господню, которую любил, и женился на дочери чужого бога. У того, кто делает это, истребит Господь из шатров Иаковлевых бдящего на страже и отвечающего, и приносящего жертву Господу Саваофу» (Мал. 2:10—12). В первом вопросе Малахия напоминает, что они имеют одного Отца, т. е. Бога. И с этим спорить из народа никто не собирался. Вторым вопросом Малахия подчеркивает, что всех людей сотворил Бог, и это тоже не вызвало ни у кого сомнения. Народ, как бы начинал уже недоумевать: зачем пророк задает столь простые вопросы, ответ на которые напрашивается сам собой. Но на третий вопрос пророка народ ответил уже молчанием. «Почему же мы вероломно поступаем друг против друга, нарушая тем завет отцов наших?» (Мал. 2:10). И действительно, если люди сознают себя детьми одного Бога, Который их сотворил и Который является их Господином, если они являются Божьим народом, то почему поступают вероломно один по отношению к другому? Ведь согрешая друг против друга, люди согрешают против Бога, нарушая тем самым завет с Ним. Понимание этого — один из важнейших законов нашего богопоклонения, ибо Бог не примет поклонения Себе, если люди осознанно продолжают грешить друг против друга. Более того, израильский народ времен Малахии был Божьим народом, который был призван выполнить особую миссию по возвещению Евангелия окружающим народам. Но согрешая друг против друга, они разрушали единство народа, единство церкви, вносили расколы и разделения. Согрешая, они навлекли проклятие на всех. Мы можем вспомнить здесь случай из древней истории, когда грех одного человека Ахана навел бедствие на весь народ (Ис. Нав., 7 глава). В Новом же Завете Христос сравнивает церковь с человеческим телом. Осознанный и неисповеданный искренне грех и богопоклонение являются взаимоисключающими вещами. «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-

нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5:23—24); «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим. И не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф. 4:29—31); «Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь» (1 Петра 2:1—3). Не бывает ли, порой, и у нас гнева, крика, злоречия, лицемерия, осуждения? Не подходим ли мы в молитве к Богу, неся в своем сердце все это по отношению к какому-либо человеку? И если да, и мы не каемся в этом, Бог не примет нашего поклонения. Но для искоренения греха требуется борьба. Да, Бог поможет нам в этом, но и мы со своей стороны должны приложить немало усилий. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Но часто вместо этого люди, мы, потворствуют грехам, делеют свои грехи. В молитвах же произносим общие фразы, типа: «Прости нас». Но грех, чтобы он был прощен, должен быть назван в молитве по имени. Заметим, что слово «вероломно», которое использует Малахия, обвиняя народ во грехах друг против друга, состоит из двух слов: «вера» и «ломать». Он обличает их в «сломанной вере». Да, вера вроде бы есть, но как растение со сломанным стеблем или дерево со сломанным стволом нежизнеспособно, так и нежизнеспособен человек со сломанной верой. Да, первоначально и сломанное дерево сохраняет зеленые листья, и сломанное растение сохраняет плоды, но затем начинается процесс отмирания, гниения, распада и вместо благоухающего растения со спелыми плодами мы видим со временем бесформенную массу, источающую зловоние. Так и человек со сломанной верой вначале производит такое же впечатление, как и раньше. Он ходит в церковь, читает Библию, молится, но со временем, вследствие духовного распада, он начинает источать яд греха, убивающий и его и окружающих. Иудеи времен Малахии разрушили завет с Богом, греша против своих ближних, а также женись «на дочери чужого бога» (Мал. 2:11), т. е. вступив в контакт, приняв лжерелигии. Мы уже рассматривали, что, к сожалению, и христианство со дней императора Константина вступило в эту порочную связь с язычеством, приняв его многие обычаи, понятия и догматы. Бог подчеркивает, что у тех, кто делает это, Он истребит «бдящего на страже и отвечающего, и приносящего жертву» (Мал. 2:12), т. е. тех, кто

были призваны быть духовными стражами, извещающими о приближении опасности. Сознательно избрав богоотступничество, они избрали духовную слепоту. О таких людях Христос говорит: «Слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Матф. 13:14—15). Отступающий от Бога человек, человек со сломанной верой, теряет духовное зрение, становится духовно слепым и глухим. Страшный пример этой духовной слепоты мы видим в истории иудейского народа, вначале при Малахии, отступившего от истинного богопоклонения, затем распявшего Христа и затем отвергнувшего в своей подавляющей части весть Евангелия, заменив ее человеческими преданиями и сводами постановлений в виде Талмуда и Мишны. «В этот долгий период еврейский народ создал Талмуд. Древние еврейские ученые преподавали Закон без всякой логической системы, толкуя представлявшиеся казусы. Затем они стали следовать в преподавании порядку Пятикнижия. Начиная с Рабби Акивы, вводится новое распределение, своего рода классификация по материям, придерживающаяся делений и подразделений, подобных тем, которые встречаются в *Corpus juris*. Таким образом рядом с Торой возникает новый кодекс — Мишна. С этого момента перестают смотреть на св. Писание, как на основу, и, по правде говоря, новое направление, выразившееся в стремлении к самопроизвольным толкованиям, сделало св. Писание почти лишним. Дело шло уже не о том, чтобы уразуметь, как следует, волю законодателя; требовалось найти в Библии во что бы то ни стало аргументы для традиционных постановлений, — стихи, с которыми можно было бы связать уже принятые предписания. Такова судьба религий, что их священные книги всегда оттесняются на задний план комментариями. Не одни только священные книги создают религии; обстоятельства, сила вещей вызывают тысячу потребностей, о которых первоначальный творец не имел представления. Никогда не существует полного совпадения между священными книгами и состоянием религии в известную эпоху. Платье не совсем по росту; являем юрист комментатор и приверженец традиции и приступают к поправке. Таким образом, вместо того, чтобы изучать священные книги по ним самим, находят лучшим, начиная с известной эпохи, изучать их по кодексам, которые составляют извлечения из них или даже просто прилажены к ним. Попытка кодифицировать устный еврейский Закон была сделана сразу во многих местах. У нас нет Мишны Рабби Акивы, нет многих других, раньше существовавших. Мишна Иуды Святого, исправленная на

шестьдесят лет позже, вытеснила все, ей предшествовавшее. Но не все отделы и главы принадлежат ему. Многие трактаты его компиляции были целиком сочинены до него. Впрочем, после Акивы исчезают самостоятельные школы. Начиная с этого момента, ученые, проникнутые уважением к своим предшественникам, которые им представляются окруженными ореолом мученичества, не пытаются искать новых путей: это простые компиляторы. Таким образом евреи одновременно с христианами сочинили себе новую Библию, которая оттеснила на задний план старую. Мишна сделалась их Евангелием, их Новым Заветом. Расстояние между еврейской и христианской книгой огромно. Одновременное появление у одной и той же расы таких двух книг, как Талмуд и Евангелие, можно считать одним из самых редких исторических явлений: одна из них — шедевр изящества, легкости, морального проникновения; другая — тяжелый памятник педантизма, жалкой казуистики и религиозного формализма. Эти два близнеца принадлежат, безусловно, к числу самых несходных созданий, которые когда-либо появлялись из лона одной и той же матери. Что-то варварское, бессмысленное, прискорбное презрение к языку и форме, абсолютное отсутствие способности к анализу, таланта, — все это делает Талмуд одной из наиболее отталкивающих книг. Конечно, среди талмудического пустословия встречается немало замечательных правил, драгоценных перлов. С точки зрения сохранения индивидуальности еврейского народа, талмудизм был героическим предприятием, подобное которому едва ли можно было бы найти в истории другой расы. Еврейский народ, рассеянный по всем концам мира, не имел другой национальности, кроме Торы; чтобы связать эту разбросанную национальность, без духовенства, без епископов, без папы, без святого города, без центральной теологической школы, понадобилась железная цепь, а ничто так крепко не связывает, как общие обязанности. Еврей, несущий свою религию с собой, не имея нужды для своего культа ни в храмах, ни в духовенстве, пользовался несравненной свободой в своих переселениях с одного конца мира в другой. Его абсолютный идеализм делал его индифферентным к материальным благам; верность воспоминаниям своей расы, исповедание веры и использование Закона вполне его удовлетворяли. Когда присутствуешь при какой-нибудь церемонии в синагоге, то с первого взгляда все кажется современным, заимствованным, банальным. При постройке своих мест для молитвы евреи никогда не заботились об изобретении своего архитектурного стиля. Священники с их брыжами, треуголкой и эпитрахилью похожи на обыкновенных кюре; в проповедях они рабски подражают католицизму; лампы, кресла, вся обстановка куплена в том же магазине, который

снабжает соседний приход. В пении и в музыке нет ничего такого, что относилось бы к эпохе, предшествовавшей XV веку. Даже некоторые части культуры возникли, как подражание католическому культу. Нечто оригинальное, древнее прорывается в тот момент, когда произносится исповедание веры: «Слушай, Израиль! Адонай, наш Бог, един; да святится имя Его». В этом упорном заявлении, в этом непрерывном крике, результатом которого явилось обращение всего мира, выражается весь иудаизм. Этот народ обосновал Бога, и тем не менее никто менее его не занимался рассуждениями относительно Бога. Глубокий смысл заключается в том, что он выбрал основой своего религиозного единения **обряд, а не догму**. Христиане связаны **одной и той же верой, евреи — соблюдением одинаковых обрядов**. Тяжелые невзгоды парализовали выгоды этой строгой дисциплины, которой подчинился Израиль, чтобы сохранить единство своей расы. Ритуализм соединяет между собой единоверцев, но он отделяет их от всего остального мира и осуждает на жизнь тюрьмы. Цепи Талмуда создали цепи гетто. Еврейский народ, до того времени так мало суеверный, сделался явным представителем суеверия; шутливые слова Иисуса о фарисеях оправдались. Литература в продолжение целых веков занята главным образом вопросами о синагогальной утвари и убое скота. Вторая Библия сделалась темницей, в которой новый иудаизм продолжал свою печальную жизнь узника вплоть до наших дней. Замкнувшись в нездоровой атмосфере этой энциклопедии, еврейский ум изощрился до потери здравого понимания вещей. Еврейский ум одарен чрезвычайным могуществом. Его довели до состояния бреда, замкнув его на целые века в узкий и бесплодный круг идей. Между тем, количество энергии, которое он при этом потратил, было столь же велико, как если бы он обрабатывал широкую и обильную почву. Результатом же упорного труда, приложенного к неблагодарной и сухой материи, являются хитросплетения. Хотеть все найти в одном тексте — значит заниматься ребяческими фокусами. Когда естественный смысл этих текстов стал совершенно ясен, стали доискиваться мистического смысла, затем начали считать буквы, делать с ними выкладки, как с цифрами, и пр. Бредни Каббалы и Нотарикона были последним следствием этого стремления к точности, доведенной до крайности, этой рабской пунктуальности. В подобном нагромождении споров о лучшем способе исполнения Закона можно видеть доказательство очень пылкой религиозной веры. Но, если нам позволено будет прибавить, в этом заключалась также своего рода игра, умственная забава. Люди остроумные и деятельные, осужденные на неподвижный образ жизни, изгнанные из общественных мест, из жизни своего общества вообще, искали в диа-

лектических комбинациях, приноровленных к текстам Закона, средство обмануть свою скуку. Даже и в наше время в тех странах, где евреи живут исключительно замкнутой жизнью, Талмуд, если можно так выразиться, является их главным развлечением. Собрания, которые они образуют для разъяснения каких-либо трудностей, для обсуждения неясных или мнимых казусов, служат для них приятным времяпрепровождением. Эти хитросплетения, на наш взгляд очень скучные, казались и кажутся тысячам людей самой интересной работой человеческого ума. Начиная с этого момента, Израиль усваивает все недостатки людей, ведущих замкнутый образ жизни; он угрюм, недоброжелателен. До недавнего времени дух Гилеля еще не исчез окончательно; двери некоторых синагог были открыты для обращенных. Теперь уже относятся недоброжелательно к прозелитам. Израиль заявляет притязание, что его Закон — Закон истинный, единственный, и в то же время он желает, чтобы этот Закон был только для него одного. Тот, кто хочет присоединиться к избранному Богом народу, встречает оскорбительный отпор. Конечно, следовало бы быть откровенным в этом и предупреждать неофита об опасностях и неприятностях, которые его ожидали. Но на этом не останавливались: на них стали смотреть, как на изменников, как на перебежчиков, для которых иудаизм был переходной ступенью к христианству. Было заявлено, что прозелиты — язва для Израиля и что эти несносные люди заслуживают недоверия до двадцать четвертого поколения. Благоразумное толкование церемоний со стороны евреев I века и агадистов, вдохновлявшихся Исаией и Иеремией, та громадная уступка, что предписание обрезания, например, относится только к потомкам Авраама, — все это было забыто. Начиная с этого момента пропаганда была запрещена и «только» закона Антонина оказалось излишним, ибо было очевидно, что греческий и римский мир не согласятся на древний африканский обряд, гигиеничный по существу, но излишний в нашем климате, стеснительный и потерявший смысл для самих евреев. Маленькая секта, огороженная многочисленными предписаниями, мешавшими ей жить общей жизнью, становится в силу самих вещей неуживчивой. Она по необходимости делается предметом ненависти и сама начинает всех ненавидеть. Образ жизни гетто всегда отличался своей мрачностью; фарисейство же и талмудизм, повторяя, сделали этот тюремный режим естественным состоянием еврейского народа. **Гетто было более следствием талмудического духа, чем внешнего принуждения**. Нет такой возвышенной души, которая не прониклась бы глубокой симпатией к расе, роль которой в этом мире была так необычайна, что трудно себе представить, чем была бы история человеческого рода, если бы жизнь этого

маленького племени была бы случайно остановлена. В суждении об ужасном кризисе, который пережил еврейский народ около начала нашей эры, — кризисе, который, с одной стороны, привел к основанию христианства, с другой — к разрушению Иерусалима и созданию Талмуда, — есть много несправедливого, нуждающегося в пересмотре. Во всяком случае, трудно не примкнуть к Гилелю, Иисусу, св. Павлу против Шамаи, к агадистам против галахистов. Агада (народная проповедь), а не галала (изучение Закона) покорили мир. Конечно, иудаизм замкнутый, необщительный, заключенный за двойной оградой Закона и Талмуда, иудаизм, переживший разрушение храма, еще велик и внушает уважение. Он оказал человеческому духу необычайную услугу: он спас от уничтожения еврейскую Библию. Рассеянный повсюду, иудаизм дал миру выдающихся людей, характеры необычайной моральной и философской мощи; неоднократно он был незаменимым помощником для цивилизации. Однако, это уже не плодотворный иудаизм, носящий в своем чреве спасение всего мира, каким мы его видим в эпоху Иисуса и апостолов. Это почтенная старость человека, некогда державшего в своих руках судьбы человечества, а затем влачившего долгие годы незаметного существования, всегда достойного уважения, но уже потерявшего свою провиденциальную роль¹. То, что произошло в жизни почти целой нации, происходит и в жизни отдельного человека, человека со сломанной верой.

Глава 15

В ОБЩИНЕ ТЕРАПЕВТОВ

«И вот еще что вы делаете: вы заставляете обливаться слезами жертвенник Господа с рыданием и воплем, так что Он уже не призывает более на приношение и не принимает умиловительной жертвы из рук ваших» (Мал. 2:13). Утратив связь с Живым Богом, утратив понятие о своей миссии, утратив понимание истинного богопочтения, иудейское духовенство теперь пыталось компенсировать этот духовный вакуум чисто внешней атрибутикой, причем, беря ее у окрестных языческих народов. А одной из наиболее ярких ее черт было богопочтение, сопровождающееся воплями, слезами и завываниями молящихся, которые, входя в состояние экстаза, наносили себе, к тому же, какие-либо увечья. С помощью всех этих слез, криков, увечий язычники «выбивали» у богов то, что просили и не получали в молитвах. При этом считалось, что чем больше рыдать, биться головой в поклонах и наносить себе телесных повреждений, то

¹ Ренан Э. Собрание сочинений. В 12 т. К.: И-е Б. К. Фукса, 1902. Т. 11. Исторические статьи. Талмуд. С. 133—139.

бог скорее ответит. Ярким примером этой философии богопочтения было служение жрецов Ваала на горе Кармил, когда языческие жрецы на протяжении всего дня кричали, плакали и кололи себя до крови разными предметами, требуя у бога ответа на свою молитву. И вот эта идея о том, что с помощью выполнения определенных ритуалов, направленных на умерщвление плоти, у Бога можно добиться ответа на свои молитвы, стала проникать в сознание иудеев. Бог стал рисоваться не как любящий Отец, а как жестокий тиран, Которого только и могут тронуть слезы, стоны и боль людей. И чем больше слез будет пролито на алтаре, чем больше скорби и горя будет проявлено, тем большая вероятность того, что Бог ответит на молитву. Эта идея, с одной стороны, как мы уже говорили, имея чисто языческое основание, искажала у людей образ Самого Бога, а с другой стороны, способствовала формированию лицемерного богопочтения, обязательной частью которого должны быть слезы, а с третьей — превращала богопочтение радости и надежды в богопочтение скорби и безысходности. Спустя, примерно, 200 лет после Малахии, эта идея приведет к формированию в среде иудаизма весьма своеобразного религиозного течения — ессеев. Последние наряду с фарисеями и саддукеями будут господствовать в иудейском сознании, приведя, в конечном итоге, к отвержению Христа и религиозному краху этого народа. Итак, сам термин ессеи происходит, по мнению одних ученых, от арамейского слова «ассиа», т. е. целитель, а по мнению других — от арамейского «хассайо» или еврейского «хасидеи», т. е. «набожные». Главную опасность ессеи видели во всем мирском, начиная от несовершенной формы государства и заканчивая институтами семьи. Поэтому главной их целью был уход от мира. Для этого ессеи селились отдельными братствами или коммунами либо в деревнях, либо в ненаселенных, далеко расположенных от цивилизации местах. В свое общество ессеи принимали желающих только после того, как те проходили определенный (обычно в течение 1—2 лет) испытательный срок. «Хозяйственное устройство ессейских общин было основано на коммунистических началах. Среди членов не было ни богатых, ни бедных. Каждый член вносил свои доходы в кассу данной общины, а заведующие кассой расходовали из нее на содержание общих братских жилищ, общие трапезы и одежду. Одежда была одинаковая для всех членов братства и состояла из грубого плаща для зимы и легкой накидки для лета; она изготовлялась преимущественно из белой материи. Каждый должен был зарабатывать свой хлеб личным физическим трудом; слуг и рабов не было в общине. Занимались ессеи земледелием и ремеслами; торговля запрещалась как занятие, ведущее к корыстолюбию; запрещалось также изготовле-

ние оружия и всего, что назначено для причинения вреда ближнему. Большинство ессеев воздерживалось от брачной жизни, как от чего-то греховного; те же, которые брали себе жен, испытывали их сначала и затем вступали в брак только для того, чтобы иметь детей. Порядок дня был у ессеев точно установлен. Рано утром они произносили молитву, обращаясь лицом к солнцу; затем отправлялись на работу. По окончании работы они купались в холодной воде. Купание составляло для ессеев важный религиозный акт; они совершали омовение перед каждой трапезой, а также после удовлетворения естественных потребностей и прикосновения к «нечистому». Члены общины сходились в часы своих общих трапез, имевших характер священнодействия. Отвергая обряд жертвоприношения в иерусалимском храме, ессеи превращали свои обеды в жертвенные пиры»¹. Иудейский историк I века Иосиф Флавий, лично знакомый со многими ессеями, оставил интересное описание этого религиозного отшельнического братства. Ессеи «чувственных наслаждений избегают как греха и почитают величайшей добродетелью умеренность и поборение страстей. Супружество они презирают, зато они принимают к себе чужих детей в том возрасте, когда они еще восприимчивы к учению, обходятся с ними, как со своими собственными, и внушают им свои нравы. Этим, впрочем, они отнюдь не хотят положить конец браку и продолжению рода человеческого, а желают только оградить себя от распутства женщин, полагая, что ни одна из них не сохраняет верность одному только мужу своему. Они презирают богатство, и достойна удивления у них общность имущества, ибо среди них нет ни одного, который был бы богаче другого. По существующему у них правилу, всякий, присоединяющийся к секте, должен уступить свое состояние общине; а потому у них нигде нельзя видеть ни крайней нужды, ни блестящего богатства — все как братья владеют одним общим состоянием, образуясь от соединения в одно целое отдельных имуществ каждого из них. Употребление масла они считают недостойным, и если кто из них, помимо своей воли, бывает помазан, то он утирает свое тело, потому что в жесткой коже они усматривают честь, точно так же и в постоянном ношении белой одежды. Они выбирают лиц для заведования делами общины, и каждый без различия обязан посвятить себя служению всех. Они не имеют своего отдельного города, а живут везде большими общинами. Приезжающие из других мест члены ордена могут располагать всем, что находится у их собратьев, как своей собственностью, и к сочленам, которых они раньше никогда не видели в глаза, они входят, как к старым знакомым. Они

¹ Дубнов. Указ. соч. Т. 2. С. 158—159.

поэтому ничего решительно не берут с собой в дорогу, кроме оружия для защиты от разбойников. В каждом городе поставлен общественный служитель специально для того, чтобы снабжать иногородних одеждой и всеми необходимыми припасами. Костюмом и всем своим внешним видом они производят впечатление мальчиков, находящихся еще под строгой дисциплиной школьных учителей. Платье и обувь они меняют лишь тогда, когда прежнее или совершенно разорвалось, или от долгого ношения сделалось негодным к употреблению. Друг другу они ничего не продают и друг у друга ничего не покупают, а каждый из своего дает другому то, что тому нужно, равно как получает у товарища все, в чем сам нуждается; даже без всякой взаимной услуги каждый может требовать необходимого от кого ему угодно. Своеобразен также у них обряд богослужения. До восхода солнца они воздерживаются от всякой обыкновенной речи; они обращаются тогда к солнцу с известными древними по происхождению молитвами, как будто испрашивают его восхождения. После этого они отпускаются своими старейшинами, каждый к своим занятиям. Проработав напряженно до пятого часа, они опять собираются в определенном месте, опоясываются холщовым платком и умывают себе тело холодной водой. По окончании очищения они отправляются в свое собственное жилище, куда лица, не принадлежащие к секте, не допускаются, и, очищенные, словно в святилище, вступают в столовую. Здесь они в строжайшей тишине усаживаются вокруг стола, после чего пекарь раздает всем по порядку хлеб, а повар ставит каждому посуду с одним-единственным блюдом. Священник открывает трапезу молитвой, до которой никто не должен дотронуться к пище; после трапезы он опять читает молитву. Как до, так и после еды они славят Бога как дарителя пищи. Сложив с себя затем свои одеяния, как священные, они снова отправляются на работу, где остаются до сумерек. Тогда они опять возвращаются и едят тем же порядком. Если случайно являются чужие, то они участвуют в трапезе. Крик и шум никогда не оскверняют места собрания: каждый предоставляет другому говорить по очереди. Тишина, царящая внутри дома, производит на наблюдающего извне впечатление страшной тайны; но причина этой тишины кроется, собственно, в их всегдашней воздержанности, так как они едят и пьют только до утоления голода или жажды. Все действия совершаются ими не иначе как по указаниям лиц, стоящих во главе их; только в двух случаях они пользуются полной свободой: в оказании помощи и в делах милосердия. Каждому предоставляется помогать людям, заслуживающим помощи, во всех их нуждах и раздавать хлеб неимущим. Но родственникам ничто не может быть подарено без разрешения предстоятелей. Гнев они прояв-

ляют только там, где справедливость этого требует, сдерживая, однако, всякие порывы его. Они сохраняют верность и стараются распространять мир. Всякое произнесенное ими слово имеет больше веса, чем клятва, которая ими вовсе не употребляется, так как само произнесение ее они порицают больше, чем ее нарушение. Они считают потерянным человеком того, которому верят только тогда, когда он призывает имя Бога. Преимущественно они посвящают себя изучению древней письменности, изучая главным образом то, что целебно для тела и души; по тем же источникам они знакомятся с кореньями, годными для исцеления недугов, и изучают свойства минералов. Желаясь присоединиться к этой секте не так скоро получает доступ туда: он должен, прежде чем быть принятым, подвергать себя в течение года тому же образу жизни, как и члены ее, и получает предварительно маленький топорик, упомянутый выше передник и белое облачение. Если он в этот год выдерживает испытание воздержанности, то он допускается ближе к общине: он уже участвует в очищающем водоосвящении, но еще не допускается к общим трапезам. После того как он выказал также и силу самообладания, испытывается еще два дальнейших года его характер. И лишь тогда, когда он и в этом отношении оказывается достойным, его принимают в братство. Однако, прежде чем он начинает участвовать в общих трапезах, он дает своим братьям страшную клятву в том, что он будет почитать Бога, исполнять свои обязанности по отношению к людям, никому ни по собственному побуждению, ни по приказанию не причинит зла, будет ненавидеть всегда несправедливых и защищать правых; затем, что он должен хранить верность к каждому человеку, и в особенности к правительству, так как всякая власть исходит от Бога. Дальше он должен клясться, что если сам будет пользоваться властью, то никогда не будет превышать ее, не будет стремиться затмевать своих подчиненных ни одеждой, ни блеском украшений. Дальше он вменяет себе в обязанность говорить всегда правду, разоблачать лжецов, содержать в чистоте руки от воровства и совесть от нечестной наживы, ничего не скрывать перед сочленами; другим же, напротив, ничего не открывать, даже если пришлось бы умереть за это под пыткой. Наконец, догматы братства никому не представлять в другом виде, чем он их сам изучил, удерживаться от разбоя и одинаково хранить и чтить книги секты и имена ангелов. Такими клятвами они обеспечивают себя со стороны новопоступающего в члены. Кто уличается в тяжких грехах, того исключают из ордена; но исключенный часто погибает самым несчастным образом. Связанный присягой и привычкой, такой человек не может принять пищу от несобрата — он принужден поэтому питаться одной зеленью, истощается та-

ким образом и умирает от голода. Вследствие этого они часто принимали обратно таких, которые лежали уже при последнем издыхании, считая мучения, доводившие провинившегося близко к смерти, достаточной карой за его прегрешения. Очень добросовестно и справедливо они совершают правосудие. Для судебного заседания требуется по меньшей мере сто членов. Приговор их неотменим. После Бога они больше всего благоволеют перед именем законодателя: кто хулит его, тот наказывается смертью. Повиноваться старшинству и большинству они считают за долг и обязанность, так что если десять сидят вместе, то никто не позволит себе возражать против мнения девяти. Они остерегаются плевать перед лицом другого или в правую сторону. Строже, нежели все другие иудеи, они избегают дотронуться до какой-либо работы в субботу. Они не только заготавливают пищу с кануна для того, чтобы не разжигать огни в субботу, но не осмеливаются даже трогать посуду с места и даже не отправляют естественных нужд. В другие же дни они киркообразным топором, который выдается каждому новопоступающему, выкапывают яму глубиной в фут, окружают ее своим плащом, чтобы не оскорбить лучей божьих, испражняются туда и вырытой землей засыпают опять отверстие; к тому же еще они отыскивают для этого процесса отдаленнейшие места. И хотя выделение телесных нечистот составляет нечто весьма естественное, тем не менее они имеют обыкновение купаться после этого, как будто они осквернились. По времени вступления в братство они делятся на четыре класса; причем младшие члены так далеко отстоят от старших, что последние, при прикосновении к ним первых, умывают свое тело, точно их осквернил чужеземец. Они живут очень долго. Многие переживают столетний возраст. Причина, как мне кажется, заключается в простоте их образа жизни и в порядке, который они во всем соблюдают. Удары судьбы не производят на них никакого действия, так как они всякие мучения побеждают силой духа, а смерть, если только она сопровождается славой, они предпочитают бессмертию. Война с римлянами представила их образ мыслей в надлежащем свете. Их завинчивали и растягивали, члены у них были спалены и раздроблены; над ними пробовали все орудия пытки, чтобы заставить их хулить законодателя или отведать запретную пищу, но их ничем нельзя было склонить ни к тому, ни к другому. Они стойко выдерживали мучения, не издавая ни одного звука и не роняя ни единой слезы. Улыбаясь под пытками, посмеиваясь над теми, которые их пытали, они весело отдавали свои души в полной уверенности, что снова их получают в будущем. Они именно твердо веруют, что, хотя тело тленно и материя невечна, душа же всегда остается бессмертной; что, происходя из тончайшего эфира и во-

влеченная какой-то природной пленительной силой в тело, душа находится в нем как бы в заключении, но как только телесные узы спадают, она, как освобожденная от долгого рабства, весело уносится в вышину. Подобно элинам, они учат, что добродетельным назначена жизнь по ту сторону океана — в местности, где нет ни дождя, ни снега, ни зноя, а вечный, тихо приносящийся с океана нежный и приятный зефир. Злым же, напротив, они отводят мрачную и холодную пещеру, полную беспрестанных мук. Эта самая мысль, как мне кажется, высказывается также элинами, которые своим богатырям, называемым ими героями и полубогами, предоставляют острова блаженных, а душам злых людей — место в преисподней, жилище людей безбожных, где предание знает даже по имени некоторых таких наказанных, как Сизиф и Тантал, Иксион и Титий. Бессмертные души, прежде всего, само по себе составляет у ессеев весьма важное учение, а затем они считают его средством для поощрения к добродетели и предостережения от порока. Они думают, что добрые, в надежде на славную посмертную жизнь, сделаются еще лучшими; злые же будут стараться обуздать себя из страха перед тем, что если даже их грехи останутся скрытыми при жизни, то, по уходе в другой мир, они должны будут терпеть вечные муки. Этим своим учением о душе ессеи неотразимым образом привлекают к себе всех, которые только раз вкусили их мудрость. Встречаются между ними и такие, которые после долгого упражнения в священных книгах, разных обрядах очищения и изречениях пророков утверждают, что умеют предвещать будущее. И, действительно, редко до сих пор случалось, чтобы они ошибались в своих предсказаниях¹. Эта религиозная секта вызывала большое удивление, особенно у иностранцев. В частности, римский ученый I века Плиний Старший в своей «Естественной истории» написал о ессеях следующее: «Ессеи живут на западном берегу Асфальтового озера (Мертвого моря), удаляясь от озера, чтобы избегнуть его вредного действия. Это — единственный в мире, удивительный народ, без женщин, отрешившись от Венеры, не употребляющий денег, живущий только в обществе пальм»². Братство ессеев представляло собой первые монастыри на Ближнем Востоке³. «Действительно, **то были настоящие монастыри**, образовавшиеся среди Израиля. Ессеи — монах, имеющий свой устав, свою иерархию, все, кроме папы. Трудно себе представить внешний вид этих монашеских обитателей; возможно, однако, что лав-

¹ Флавий Иосиф. Иудейская война. Минск: Современный литератор, 2003. Книга II. Глава 8, 2—12. С. 202—209.

² Цит. по Дубнов. Указ. соч. Т. 2. С. 374.

³ Амусин И. Д. Кумранская община. М.: Наука, 1983. С. 149.

ра Афонской горы или человеческие улы наподобие монастыря святого Саввы близ Иерусалима дают приблизительное представление о них с этой стороны. Что касается внутренней организации, **то сходство между ессеизмом и христианским монастырем большое**. Подчиненные находились в полном послушании у своих старших (эпимелетов). Существовал новициат, первый период испытания, длившийся один год, затем следовало еще два года искуса. При окончательном вступлении в общину давалась клятва не раскрывать тайн ордена и, наоборот, ничего не скрывать от своих братьев. Все члены монашеской общины назывались братьями. В нее допускались только взрослые люди; но принимали и детей для воспитания их в правилах монастырского устава. Единственным наказанием было исключение из общины по приговору трибунала из ста членов. Но исключение почти неизбежно влекло за собою смерть, как это обыкновенно бывает и религиозных обществах Востока. Одежду носили обычную, но совершенно белую. Все имущество считалось общим. Вступающие в общину передавали ей все свое достояние; братья ничего друг у друга не покупали, ничего друг другу не продавали; все делалось путем обмена или безвозмездно. Общие интересы были вверены испытанным экономам. Даже одежда считалась общей собственностью всей общины. В случае болезни одного из братьев его лечили за общий счет; старцы, окруженные молодыми, казались отцами прекрасных сыновей. Милостыня подавалась из общей кассы. В каждом городе на одного из братьев возлагалась обязанность гостеприимства по отношению к остальным своим братьям. Распорядок каждого дня был строго определенный: при восходе солнца — молитва; затем начальствующие лица посылали братьев на работу; по окончании утренней работы собирались для омовения; в полдень происходила трапеза; потом опять работа и, наконец, вечерняя трапеза. Главным занятием секты было земледелие; занимались и некоторыми ремеслами; торговля была абсолютно воспрещена, как занятие, связанное с любостыжанием и с желанием повредить своему ближнему. В общине не было рабов. Никогда не произносили никаких клятв. Заботы о чистоте и скромности доводились до мелочей, крайне забавных. Омовения совершались по всякому поводу. Чтобы не «оскорбить света Господня», они ходили до мер предосторожности прямо нелепых. Они принимали ванны не иначе, как опоясывая свои чресла куском полотна; и женщины покрывались индужиумом. Существовали даже правила для отхаркивания. Брак был безусловно воспрещен и, как общее правило, в орден не принимали женщин. Но в этом отношении, кажется, было допущено уклонение или, вернее, смягчение первоначальной строгости. Возникло направление, разрешившее брак

с единственной целью размножения рода человеческого. Брак происходил лишь после того, как женщина была подвергнута испытанию в течение трех лет, и когда получалась уверенность в ее способности к деторождению. При этом супруги ограничивались лишь безусловно необходимым для достижения этой цели брака. Ессеи стремились к поддержанию своей связи с храмом в Иерусалиме; но, отвергая кровавые жертвы и веря в большую святость своего ритуала, они посылали туда дары не жертвенные. Поэтому иудеи исключили их из храма. Где же они служили своему культу, который считали более чистым, нежели культ храма? Без сомнения, в своих монастырях. Особенно священный характер носили их общие трапезы. Здесь именно больше всего и проявлялось поразительное сходство с христианством. Трапезы готовились священниками с соблюдением самых строгих правил ритуальной чистоты; братья не могли вкушать иной пищи, кроме той, которая для них была таким образом приготовлена. После омовения они собирались в комнате, за порог которой не мог перешагнуть ни один мирянин. Вероятно, прежде, чем войти, они облачались в кафтаны из белого полотна. Они вступали туда, как в святилище, бесшумно, с сосредоточенным видом располагаясь за столом. Перед каждым из них — хлебец и чаша, наполненная ежедневной пищей. Перед едой — молитва священника, и до молитвы никто ни к чему не мог прикоснуться. После трапезы снова молитва священника. В начале и в конце трапезы они таким образом благодарили Бога, дарующего хлеб людям. По окончании евхаристического акта они снимали с себя свои кафтаны и возвращались к работе, продолжавшейся до наступления вечера. Этот ритуал в секте ессеев более всего вызывал удивление наблюдателей. Иностранцы, допущенные присутствовать при этом, преисполнялись чувством невольного благоговения. Столовая казалась настоящим храмом. Ни крика, ни шума не слышно было в ней; братья обменивались лишь несколькими словами, сказанными тихим сдержанным голосом. Нельзя с достоверностью утверждать, были ли их священники выборные, или же они соблюдали иерархию Ааронова священства. **Сверх Библии у них, конечно, были и свои особые книги**, в которых ангелы играли большую роль. Они занимались толкованием снов; делали предсказания; это в некотором роде было их специальностью; когда желали узнать будущее, призывали ессеев. До нас дошли имена троих из них — Иуды при Аристокле, Менахема при Ироде, Симеона при Архелаве. Они занимались колдовством, пользуясь именами ангелов; медициной — посредством очищений и заклинаний, не пренебрегая, впрочем, чудодейственными свойствами растений и камней»¹.

¹ Ренан. Указ. соч. С. 680—683.

Классический принцип монастырского уклада жизни мы видим в одной из есеевских школ, называвшейся школой терапевтов, в Александрии Египетской. Терапевты (в пер. — врачи души) жили недалеко от Александрии замкнутым братством в кельях, предаваясь все свободное время созерцанию, чтению Библии, собираясь вместе лишь на общую трапезу, отличавшуюся крайней скудостью. Исследуя есеевство, мы видим ряд принципиальных его моментов, противоречащих Священному Писанию. Первое — это уход от мира, тогда как Бог желал видеть иудейский народ, как народ миссионеров, несущий весть о Боге этому миру, а не удаляющийся от него. Второе — это учение о бессмертии души, которое, кстати, во многом оформилось в есеевстве под влиянием греческой философии Пифагора, от которой вообще ессеи взяли очень многое¹. В-третьих, это излишняя увлеченность учением о демонах и ангелах, выделившая со временем демонов обжорства, лени, похоти с соответствующей человеческой разработкой их изгнания через умерщвление плоти. В-четвертых, это учение о божественном предопределении, сводящее на нет роль выбора человека. Ибо вне зависимости от нашего выбора и жизни одни люди предопределены ко спасению, а другие — к вечной гибели — так учили ессеи. В-пятых, это увлечение ессеев мистикой, колдовством с упоминанием имен ангелов, толкованием снов, заклинаниями². В-шестых, брак, который был установлен Самим Богом и назван благословением, в представлении ессеев был чуть ли не проклятием, а интимные отношения даже в браке ими считались низкой похотью. В лучшем случае они рассматривали брак просто как средство продолжения рода. В-седьмых, красивую и яркую жизнь, созданную Богом, они заменили серыми и черными красками и однообразием во всем, начиная от одноликой одежды и еды и заканчивая ненужностью восхищения красотой природы. В-восьмых, принципы богопоклонения, установленные Самим Богом, и основанные на системе служения в Иерусалимском Храме, они заменили своими. Да, служение в храме часто неверно представлялось духовенством, искажавшем его духовное значение, но это не давало повода отменять само это служение, указывающее на грядущего Мессию. Так, возникнув на хананейском языческом фундаменте представлений о богопоклонении как поклонении в скорби и печали, вобрав в себя греческие представления о бессмертии души и пытаясь человеческими методами исправить нарушения иерусалимского духовенства, есеевство повело народ в другую крайность — фанатичного аскетизма, фатализма и мистики, не исчезнув пока, наконец, в огне иудейской войны.

¹ Дубнов. Указ. соч. Т. 2. С. 160; Иосиф Флавий. Иудейские Древности. Указ. соч. Книга XV, 10, 4.

² Ренан. Указ. соч. С. 883.

Глава 16

СВЯТЫЕ СТОЛПНИКИ

«И вот еще что вы делаете: вы заставляете обливаться слезами жертвенник Господа с рыданием и воплем, так что Он уже не призывает более на приношение и не принимает умиловительной жертвы из рук ваших» (Мал. 2:13). Но эта идея — слезами, воплями, самоистязанием, ограничениями добиться у Бога ответа на молитву и духовно усовершенствоваться — не исчезла ни с лицемерными священниками времен Малахии, ни с сектой ессеев, она продолжала жить, войдя, наконец, к сожалению, и в учение многих христианских церквей, заняв при этом там одно из видных мест в виде системы монастырей. В самой истории создания монастырей мы можем выделить четыре этапа. Первый — это когда некоторые верующие люди стали вести жизнь затворников, удаляясь от всех радостей этой жизни, но продолжали при этом ходить в церковь. Вторым этапом стал полный уход от этой жизни в уединенные места для ведения там аскетической жизни. Третьим этапом было объединение разрозненных затворников в совместное общежительное монашество с созданием непосредственно уже самих монастырей. И наконец, четвертым этапом было появление монашеских орденов. При этом причин появления затворничества было несколько. Первая — это страшные гонения, которые осуществляли римские императоры на христиан, вынуждая тех бежать из городов и скрываться в уединенных местах. Среди них в 251 году х. э. был и александрийский юноша Павел, бежавший в одну из пустынь Верхнего Египта, став невольным первым христианским отшельником¹. Вторая причина, приведшая к появлению монашества, состояла в радикальном изменении, которое произошло с христианской церковью, когда при императоре Константине она превратилась из гонимой общины в государственную церковь империи. «Пока сама церковь была подобна вопиющему в пустыне и находилась в непримиримой вражде с преследовавшим ее миром, аскеты обоих полов обычно жили рядом с общиной или среди нее, часто даже в собственных семьях, пытаясь там достичь идеала христианского совершенства. Но когда при Константине все население империи номинально стало христианами, они почувствовали себя чужими в этой обмирщенной церкви, особенно в таких городах, как Александрия, Антиохия и Константинополь, и добровольно удалились в пустынные и безлюдные места, в горные ущелья, чтобы там спокойно трудиться над спасением своей души. Таким образом, монашество явилось реакцией на обмир-

¹ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 327—328.

щение слившейся с государством церкви и упадок дисциплины. Это была искренняя, задуманная во благо, хотя и не свободная от заблуждений попытка спасти девственную чистоту христианской церкви, перенеся ее в пустыню. Развращенность нравов Римской империи (принявшей облик христианства, но оставшейся по сути языческой, как и все общество), тяжесть налогов, крайности деспотизма и рабовладения, экстравагантной роскоши и безнадежной нищеты, пресыщение всех слоев общества, упадок творческой энергии в науке и искусстве, жестокие нападения варваров на окраинах — все это способствовало тому, что самые искренние христиане склонялись к уединению. Однако в то же время монашество заняло место мученичества, которое перестало существовать с христианизацией государства и сменилось мученичеством добровольным, постепенным самоумерщвлением, чем-то вроде религиозного самоубийства. В жарких пустынях и ужасных пещерах Египта и Сирии, среди мук умерщвления плоти и подавления естественных желаний, неустанно ведя борьбу с адскими чудовищами, аскеты старались получить венец небесной славы, который их предшественники во времена гонений получали более быстро и легко, находя мученическую смерть. Родиной монашества стал Египет, земля, где сливались воедино и сталкивались друг с другом восточная и греческая литература, философия и религия, христианская ортодоксия и гностическая ересь. Здесь возникновению и развитию монашества способствовали климат и географические особенности, замкнутость страны, подобной оазису, резкий контраст между бесплодными пустынями и плодородной долиной Нила, суеверия, склонность жителей к созерцанию и пассивному терпению, пример терапевтов и моральные принципы александрийских отцов церкви, особенно теория Оригена о высшей и низшей морали и заслуге добровольной нищеты и безбрачия. Элиан говорит о египтянах, что они безропотно вынесут самые изощренные пытки и скорее согласятся быть замученными до смерти, чем пойдут против истины. Подобные натуры, охваченные религиозным энтузиазмом, легко превращались в святых пустынников¹. И, наконец, третьей причиной формирования монашества стало, несомненно, языческое влияние и философия, которые широко вошли в христианство после реформы Константина. Дело в том, что сама философия монашества возникает задолго до Первого Пришествия Христа. Так, аскетическая система индусов сформировалась еще во времена Моисея. «Веды, отдельные фрагменты которых были созданы в XV веке до Р. Х., законы Мену, составление которых было завершено до возникновения

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. СПб.: Библия для всех, 2007. Т. 3. С. 107.

буддизма, то есть за шесть или семь веков до нашей эры, и множество других священных книг индийской религии предписывают полную отвлеченность мысли, отстраненность от мира и разнообразие действия, направленные на умерщвление плоти из покаяния и стремления обрести заслугу, посредством которой верующий получает почетное превосходство над простыми смертными и погружается в божественный источник бытия. Аскетические системы брахманизма и буддизма — двух противоположных, но в чем-то родственных ответвлений индийской религии, связанных друг с другом как иудаизм с христианством или католичество с протестантизмом, — по сути одинаковы. Буддизм — это более позднее, видоизмененное направление брахманизма. Вероятно, он возник в VI веке до Р. Х. (по некоторым свидетельствам, гораздо раньше), и хотя позже брахманы изгнали его с Индийского полуострова, у него больше последователей, чем у любой другой языческой религии, так как он преобладает в Индокитае, почти на всех Индийских островах, в Японии, Тибете, большей части Китая и Центральной Азии до границ Сибири. Но две эти религии отталкиваются от противоположных принципов. Брахманский аскетизм происходит из пантеистического представления о мире, буддистский — из атеистического и нигилистического, но очень искреннего; первый руководствуется идеей абсолютного, но абстрактного единства и чувством презрения к миру, второй — идеей абсолютного, но нереального многообразия и чувством глубокой печали, связанным с пустотой и ничтожеством всякого существования; первый по сути объективен, позитивен и идеалистичен, второй — более субъективен, негативен и реалистичен; первый нацелен на поглощение универсальным духом Брахмана, второй — на слияние с небытием (если буддизм действительно основан на атеистическом, а не на пантеистическом или дуалистическом принципе). «Брахманизм смотрит назад, на начало, буддизм — на конец; первый любит космогонию, последний эсхатологию. Оба отрицают существование мира; брахманист презирает его, потому что противопоставляет его высшему бытию Брахмана, буддист оплакивает его из-за его нереальности; первый видит во всем Бога, второй — пустоту». Но все противоположности сходятся, и в конечном итоге абстрактное всеобъемлющее бытие брахманизма и не менее абстрактное небытие или пустота буддизма приводят к одному результату и к одинаковым аскетическим практикам. Аскетизм брахманизма принимает направление отшельничества, аскетизм буддизма обычно существует в общественной форме, в монастырях. Индуистские монахи или гимнософисты (нагие философы), как называли их греки, живут в лесах, пещерах, в горах, в нищете, безбрачии, воздержании,

молчании. Они спят на соломе или на голой земле, передвигаются ползком, стоят весь день на цыпочках, сидят под проливным дождем или палящим солнцем, окруженные четырьмя кострами. Вид их дик и пугающ, но толпа относится к ним с большим уважением, особенно женщины. Они совершают чудеса и нередко оканчивают свою суровую жизнь самоубийством на костре или в водах Ганга. Так их описывают и древние, и современные путешественники. Буддистские монахи менее фанатичны и необычны, чем индуистские йоги и факиры. Они в основном постятся, молятся, поют гимны, занимаются созерцанием и пользуются кнутом, чтобы усмирять свою непокорную плоть. У них есть полностью разработанная система жизни в монастырях, со священниками, и монастырей этих много; есть в том числе и женские обители. **Буддистские монахи, особенно на Тибете, с их обетами безбрачия, бедности и повиновения, с их общей пищей, чтением священных текстов и другими благочестивыми упражнениями настолько похожи на монахов римской католической церкви, что римские миссионеры поначалу могли объяснить это только дьявольским подражанием.** [Поразительное сходство между буддистским и католическим устройством, кстати, касается не только монашества и жизни монастырей, но и иерархической организации, с ламой на месте папы, а также поклонением со всеми церемониями, праздниками, процессиями, паломничествами, исповедями, богослужениями, молитвой о мертвых, елеопомазанием и т. д. Буддизм в Южном Китае, Тонкине и Японии, где миссионеров никогда не было, так же поразительно похож на католичество, как и ламаизм Тибета, Сибири и Северного Китая]. Но оригинал всегда предшествует карикатуре, а аскетическая система сложилась в Индии задолго до проникновения христианства. В иудаизме, помимо древних назореев, были ессеи в Палестине и терапевты в Египте, хотя последние связаны с привнесением чуждого элемента в религию Моисея и не упоминаются в Новом Завете. Наконец, в мусульманстве, хотя и просто в подражание христианскому и языческому примеру, есть, как известно, дервиши и их монастыри. Были ли эти более ранние явления источником или просто аналогией христианского монашества? Невозможно отрицать, что в церковь в эпоху Константина проникло множество иноземных обычаев и обрядов. Поэтому многие утверждали, что монашество также пришло из язычества и было отступлением от апостольского христианства, которое Павел ясно предсказывал в пастырских посланиях¹. «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 104—106.

обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением» (1 Тим. 4:1—3). Говоря об особенностях тибетской религии, нельзя не упомянуть об одном примечательном сходстве, которое сразу же бросилось в глаза, причем как ученых, так религиозных деятелей. «Редких католических миссионеров, которым удавалось проникнуть в Тибет и уйти оттуда живыми, поражало необыкновенное сходство всей совокупности местных религиозных обрядов с обрядами католической церкви. Конечно, убранство храмов и монастырей отличалось. Однако сходство касалось всего остального. Буддийские ламы постригаются как и католические, они носят такие же длинные одежды, покрытые золотыми вышивками, соблюдают посты, практикуют духовное уединение, налагают на себя эпитимии и умерщвление плоти, исповедуют верующих, молят о заступничестве святых, совершают дальние паломничества на поклонение мощам и святым. Как у католических священников, безбрачие стало правилом для лам (раньше оно было лишь похвальным делом) и рядом с храмами образовались мужские и женские обители. Подобно католическим храмам, тибетские имеют алтарь, паникадила, колокола, раки или ковчежцы с мощами, сосуды со святой водой. Ламы совершают богослужение с митрой на голове и с посохом в руке, облаченные в ризы, похожие на стихарь, подрамник, и мантию, преклоняют колени перед святыми, запевают церковные песнопения, читают литании, произносят слова на языке, чуждом пастве, совершают службы за упокой душ умерших, шествуют во главе религиозных процессий, произносят благословения и заклинания злого духа, вокруг них клирошане машут кадилами, подвешенными на пяти цепочках и верующие перебирают четки, как добронравные католики»¹. «Итак, монашество претендует на звание высочайшей и чистой формы христианского благочестия и добродетели и самого верного пути на небеса. В таком случае, вынуждены подумать мы, монашеский образ жизни должен рекомендоваться в Библии, а Христос и апостолы должны подавать нам подобный пример. Но как раз в этом у нас нет библейского подтверждения. Защитники монашества обычно упоминают примеры Илии, Елисея и Иоанна Крестителя, но они жили по закону Ветхого Завета, и мы должны относиться к ним как к необычным людям, жившим в необычное время. Их можно считать примерами частичного отшельничества (не монастырской

¹ Пазилова В. П. Современна ли «Жрица Изиды»? // Культура и религия. 1991, №10. С. 12—13.

жизни), но нигде нам не советуют подражать их образу жизни, а в пример приводится, скорее, их влияние на мир. В апологетике монашества упоминаются также отдельные отрывки Нового Завета, которые, если понимать их буквально, на самом деле не требуют отказа от собственности и брака, а рекомендуют такой вариант как частную, исключительную форму благочестия тем христианам, которые жаждут достичь более высокого совершенства. Наконец, в том, что касается духа монашеской жизни, иногда упоминается бедность Христа и Его апостолов, молчание и созерцание Марии в отличие от занятости практичной Марфы и добровольная общность имущества у членов первой христианской церкви в Иерусалиме. Но такое монашеское истолкование первохристианства принимает несколько случайных моментов сходства за единство сути, оно судит о духе христианства по нескольким отдельным фрагментам вместо того, чтобы объяснять последние на основании первого, и превращается в жалкую подделку, карикатуру. **Евангелие предъясвляет ко всем людям одни и те же моральные требования и не делает различий между религией для масс и религией для избранных.** Иисус, пример для всех верующих, не был ни затворником, ни пустынноиком, ни аскетом, Он был совершенным человеком и образцом для всех. В Его жизни и заповедях нет ни следа монашеской суровости и аскетической строгости, но во всех Его поступках и словах мы наблюдаем чудесную гармонию свободы и чистоты, самое всеобъемлющее милосердие и безупречную святость. Он удалялся в горы, в уединение, но лишь временно, чтобы набраться сил для активного служения. Он хранил Себя неоскверненным среди мира и преображал мир в царство Божье в обществе Своих учеников и учениц, родственников и друзей в Кане и Вифании, садился за стол с блудницами и грешниками, беседовал с самыми разными людьми. Его бедность и безбрачие не имели ничего общего с аскетизмом. Его бедность проистекала из Его всепроникающей и всеискупающей любви, а Его безбрачие — из совершеннейшей неповторимости и необыкновенных отношений с Церковью в целом, которая единственная достойна и пригодна быть Его Невестой. Ни одна дочь Евы сама по себе не могла бы стать равноправной спутницей Спасителя человечества, Главы и Представителя нового творения. Пример сестер Лазаря доказывает только то, что созерцательность вполне может уживаться в одном доме с практичностью и с представителями другого пола, но не оправдывает отказ от общественных отношений. Жизнь апостолов и первых христиан вообще была совсем не отшельнической, в противном случае Евангелие не распространилось бы так быстро по всем городам Римского мира. Петр был женат и путешествовал со своей женой, как миссионер. Павел

пишет, что священник должен иметь одну жену, дополняет это утверждение собственным мнением о том, что лично для него более предпочтительным представляется безбрачие, и здесь, как и во всем остальном, даже в период, когда церковь была в угнетенном положении, он выступает самым ревностным защитником евангельской свободы в противоположность любым узам закона и аскетической озабоченности. Итак, монашество в любом случае не было нормальным проявлением христианского благочестия. Это неестественное явление, способ служить Богу, изобретенный людьми, и нередко он вел к печальным крайностям и отвратительным искажениям библейского христианства»¹. «Прежде всего, нужно указать на опасность самого различия между обыденной и более возвышенной христианской жизнью. Эту мысль сильно и часто опровергал св. Иоанн Златоуст. «Все люди, говорит он, должны восходить до одной и той же высоты, и то, что губит весь мир, заключается в том, что мы воображаем, будто большая строгость в жизни необходима для монахов, так что другие могут вести беспечную жизнь. В действительности, это не так, от всех нас требуется совершать ту же самую дисциплину, и я настойчиво утверждаю это, или скорее не я, но тот, кто будет нашим Судьей. Наставление Спасителя, чтобы мы брали Его иго на себя, чтобы мы входили узкими вратами, чтобы мы ненавидели жизнь мира сего и все подобное, — обращено не к монахам только, а и ко всем». Но различие это однако же скоро установилось вообще, не только к ослаблению религии и нравственности среди простого народа, который стал считать **высшие обязанности лежащими лишь на монахах** и приходил к общему неуважению божественных законов, находя себя изъятым от действия известных правил, имевших божественный авторитет, как например, монашеское правило по вопросу о браке; но и к опасности для тех, которые принимали жизнь, столь превознесенную над жизнью, требовавшейся вообще от обыденной массы человечества»². Безусловно, как среди первых монахов, так и монахов последующих веков, мы видим многих прекрасных подвижников. К ним принадлежал и основатель первого христианского монастыря в Египте Антоний (251—356). «Антоний, вне сомнения, был честным и искренним, хотя он из-за лукавства сатаны полностью заблудился. Вместо того, чтобы выполнять повеление Господа, данное Его ученикам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Марк. 16:15), и вместо того, чтобы последовать Его примеру и

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 111—112.

² Робертсон Д. История христианской церкви. В 2 т. СПб.: И-е И. Л. Тузова, 1890. Т. 1. С. 313.

пойти по стране, делая добро, он ушел от людей, роковым образом ошибаясь и предполагая достичь высшей степени духовности через строгий образ жизни, через истязание тела добиться ненарушаемого единства с небом. Он был христианином и тем не менее чрезвычайно несведущим в сущности и природе христианства. Все его стремление было направлено на освящение плоти. Из этого и вытекают все его поражения, тщетность всех его усилий, как это обычно бывает, когда мы думаем, что в человеческой природе может быть нечто хорошее, или же мы сами своими усилиями можем исправить себя. Антоний должен был бы испытать, что постами и бездейственной жизнью он не смог освятить свою природу, наоборот, злые страсти и склонности посредством этого усиливались. «Он в своем одиночестве, — как говорит Неандр, — постоянно боролся с чувственностью, от чего он мог бы уклониться, если бы не воображал, что его призванием является претендующая на всю его силу борьба со злыми духами. Испытания, с которыми он боролся, становились тем бесчисленнее и жесточе, чем больше он занимался самосозерцанием, чем больше он состязался с нечистыми видениями, которые возникали из глубины геенны и проникали в его внутренность, вместо того, чтобы презреть их и пренебречь ими и заняться высшими делами или же забыть в созерцании неиссякаемого источника чистоты и святости. Позднее Антоний сам признался в этом, оглядываясь на многолетний опыт борьбы, и он сказал своим монахам: «Да не станем мы считать себя погибшими. Наоборот, да будем мы всегда бодрыми и радостными, как спасенные, и да будем помнить всегда, что если Господь с нами, то враг ничем не может повредить нам, ибо Господь уже победил и низложил их. Злые духи нападают на нас, ища воспользоваться нашим унылым настроением... Когда же они находят нас в Господе, созерцающих с радостью грядущие блага и занятых делами Господними, помышляющих о том, что все находится в руках Господних и что никакой злой дух не имеет власти над Христовыми рабами, то они, посрамленные и раздосадованные, вынуждены отступить от нас, от душ, которые находятся под защитой таких помышлений»¹. «Героизм отшельников, проявлявшийся в добровольном отказе от законных удовольствий и умении терпеливо сносить боль, которую отшельник причинял сам себе, достоин восхищения, и нередко он обретал почти невероятные формы. Но этот моральный героизм выходил за рамки **не только требований христианства, но и здравого смысла**, и здесь была его слабая сторона. Он не подкрепляется ни теоретическим учением Христа, ни практикой апостольской церкви. Он гораздо

¹ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 328—329.

больше похож на языческие, чем на библейские примеры. Многие выдающиеся святые пустынножители отличались от буддистских факиров и мусульманских дервишей только тем, что объявляли себя христианами и знали несколько фраз из Библии. Их высшая добродетель заключалась в выполнении телесных упражнений собственного изобретения, которые, без любви, в лучшем случае были бесполезны, а очень часто только служили удовлетворению духовного тщеславия и полностью затмевали собой евангельский путь спасения. В пример мы можем привести любого из самых знаменитых отшельников IV—V веков, о жизни которых рассказывают наиболее достоверные современные им источники. Священное Писание велит нам молиться и трудиться, и молиться не просто механически, произнося слова, как поступают и язычники, но от всего сердца. А Павел Препростой ежедневно произносил триста молитв, отсчитывая их количество с помощью камушков, которые он носил на груди (нечто вроде четок). Услышав о деве, которая молилась семьсот раз в день, он обеспокоился и рассказал о своем огорчении Макарию, который дал ему разумный ответ: «Если совесть твоя упрекает тебя, значит, либо ты молишься не от всего сердца, либо ты мог бы молиться чаще. Я в течение шести лет молился только сто раз в день, но не обвинял себя в пренебрежении молитвой». Но знаменитый отшельник и пресвитер Исидор Александрийский (рукоположенный Афанасием) не прикасался к мясу, всегда недоедал и, как сообщает Палладий, за столом часто плакал от стыда, что ему приходится есть нечто **материальное, подобно неразумным зверям**. Макарий Старший или Великий в течение долгого времени ел только раз в неделю, спал стоя и опираясь на посох. Не менее известный Макарий Младший в течение трех лет съедал по 100—150 грамм хлеба в день, а еще семь лет ел только сырую траву и бобы. Птолемей три года провел в одиночестве в безводной пустыне, утоляя жажду росой, которую он собирал в декабре и январе и хранил в глиняных сосудах, но потом он впал в неверие, безумие и разврат. Созомен рассказывает о некоем Батфее, у которого по причине чрезмерного воздержания из зубов выползали черви, об Але, который до восьмидесяти лет никогда не ел хлеба, об Илиодоре, который много ночей провел без сна и постился семь дней без перерыва. Отшельничество почти всегда сопряжено с некоторой цинической грубостью и резкостью, к которой в тот век могли относиться терпимо, но которая, конечно же, никак не соответствует библейской морали и оскорбляет не только хороший вкус, но и здоровое моральное чувство. Аскетическая святость, по крайней мере в египетском представлении, была несовместима с чистотой и достоинством, и получала удовольствие от грязи. Здесь мы наблюдаем мнение,

противоположное здоровой евангельской морали и представлению современной христианской цивилизации о том, что чистота близка к благочестию. Святые Антоний и Иларион, а также их поклонники Афанасий Великий и ученый Иероним, как нам сообщают, отказывались причесываться и стричься (они делали это только раз в год, на Пасху), мыть руки и ноги. Другие отшельники ходили по пустыне почти совершенно обнаженными, подобно индийским гимнасофистам. Макарий Младший, по словам его ученика Палладия, однажды шесть месяцев пролежал нагим в болоте в Скетской пустыне, подвергаясь постоянному нападению африканского гнуса, «жало которого способно пронзить даже шкуру дикого кабана». Он хотел наказать себя за то, что однажды прихлопнул комара, и был так искусан гнусом и осами, что его принимали за прокаженного и узнавали только по голосу. Святой Симеон Столпник, по свидетельству Феодорита, в течение долгого времени терпел мучения, которые причиняли ему двадцать громадных жуков, и скрывал нарыв, полный червей, упражняясь в терпении и кротости. В Месопотамии был особый класс отшельников, которые питались травой, большую часть дня проводили в молитве и пении и жили как звери, в горах. Феодорит рассказывает о прославленном Акеписмасе с Кипра, что он провел шестьдесят лет в одной и той же келье, никого не видя и ни с кем не разговаривая, и выглядел таким диким и оборванным, что однажды пастух принял его за волка и стал бросать в него камнями, но потом обнаружил свою ошибку и поклонился отшельнику, как святому. **От такого морального превосходства был один шаг до полной деградации.** Многие из таких святых были просто бездельниками или мрачными мизантропами, которые предпочитали компанию диких зверей, львов, волков и гиен компании бессмертных людей и бежали от женщин с большим ужасом, чем от дьявола. Сульпиций Север видел в Фиваиде анахорета, который ежедневно делился своим ужином с волчицей. После того как она несколько дней не приходила к нему, он умолял ее прийти снова и поделился с ней двойной порцией хлеба. Тот же самый автор повествует об отшельнике, который пятьдесят лет жил вдаль от человеческого общества, в ущельях у горы Синай; он был совершенно раздет, укрывался своими длинными волосами и избегал посетителей, потому что, как он говорил, присутствие людей мешает посещениям ангелов; отсюда возникла молва, что он беседует с ангелами. Не в пользу всех этих аскетических крайностей говорит то, что они, не оправданные ничем в Писании, полностью воспроизводят (и даже в чем-то превосходят) странные способы самоистязания древних и современных индуистов, совершаемого ими якобы на благо души и удовлетворяющего их тщеславие в присутствии

восхищенных зрителей. Некоторые из них хоронят себя — сообщают нам древние и современные путешественники — в ямах, куда воздух поступает только через небольшие отверстия сверху; другие, не желая касаться презренной земли, живут в железных клетках, подвешенных на деревьях. Некоторые носят тяжелые железные ошейники или цепи или тащат за собой тяжелую цепь, одним концом прикрепленную к их половым органам в доказательство своего целомудрия. Другие держат кулаки сжатыми, пока ногти не вырастают в ладонь. Некоторые постоянно стоят на одной ноге, другие держат голову повернутой так долго, что потом уже не могут повернуть ее обратно. Некоторые лежат на деревянных помостах, утыканных железными иглами, другие на всю жизнь приковывают себя к дереву. Некоторые на полчаса подвешивают себя вниз головой или на крюке, воткнутом в их обнаженную спину, над костром. Александр фон Гумбольдт, в Астракане, где поселилось несколько индусов, видел в вестибюле храма обнаженного йога, съжившегося, покрытого волосами, подобно дикому зверю, который в таком положении в течение двадцати лет выносил суровые зимы этого климата. Один иезуитский миссионер описывает представителя так называемых тапасониев: тело его было заключено в железную клетку, а голова и ноги торчали наружу, чтобы он мог ходить, но не мог сидеть или лежать; ночью его благочестивые помощники зажигали сотню прикрепленных вокруг клетки светильников, чтобы было видно, как ходит этот учитель, вот только его свет, источник для мира, явно поддельный. В целом отшельники путали уход от внешнего мира с умерщвлением внутреннего греха. Они пренебрегали долгом любви. Нередко под маской кротости и предельного самоотречения скрывались духовная гордость и зависть. Они подвергали себя всем опасностям, сопряженным с одиночеством, вплоть до одичания, зверской грубости, отчаяния и самоубийства. Большинство монахов либо не умели читать, либо обладали недостаточной интеллектуальной культурой, чтобы посвятить себя созерцанию и изысканиям с какой-либо пользой. Они поддавались унынию или погружались, несмотря на аскетическую тенденцию подавления чувств, в самый грубый антропоморфизм и поклонение образам. Когда религиозный энтузиазм ослабевал или прекращался, жизнь в монастыре, как и жизнь отшельника, превращалась в самую бездуховную и тяжкую рутину или же способствовала процветанию тайных пороков, — ибо монахи несли с собой в уединение самого опасного врага, живущего в глубине их сердец, и часто им приходилось бороться с плотью и кровью напряженнее, чем они делали бы в человеческом обществе. Испытания чувственности, гордости и честолюбия принимали в воображении отшельни-

ков и монахов адские очертания, воплощались в видениях и снах, то приятных и обольстительных, то угрожающих и ужасных, в зависимости от состояния ума. Воображение монахов населило пустыни и уединенные места самым неприятным обществом, полчищами крылатых бесов и различных адских чудовищ. Таким образом, на смену языческим богам, которые обычно считались злыми духами, пришла новая форма политеизма. Монашеская демонология и демономания представляет собой странное смешение грубых суеверий и сильных духовных переживаний. Она образует романтическую теневую сторону монастырской жизни, которая в противном случае была бы монотонной и скучной, и содержит богатый материал для истории этики, психологии и патологии. Больше всего монахов беспокоили чувственные искушения, которые невозможно было преодолеть без предельной сосредоточенности и постоянного бодрствования. Святых, для которых подлинное целомудрие было неотделимо от безбрачия, по их собственным признаниям, беспокоили нечистые мечты, осквернявшие их воображение. Чрезмерный аскетизм часто приводил к неестественным порокам, иногда к безумию, отчаянию и самоубийству. Пахомий сообщает нам, что уже в его время многие монахи бросались с обрыва в пропасть, другие вспарывали себе животы, третьи совершали самоубийство другими способами. Характерной особенностью монашества во всех его проявлениях было нездоровое отвращение к женскому обществу и грубое презрение к супружеской жизни. Неудивительно, что в Египте и по всему Востоку, на родной территории монашества, женщина и семейная жизнь так и не стали восприниматься с должным уважением и культура семейной жизни по сей день остается на низком уровне. Правила Василия запрещают разговаривать с женщинами, прикасаться к ним и даже смотреть на них, кроме случаев, когда это неизбежно. Нередко уход в монастырь требовал разрыва священных уз между мужем и женой; обычно это происходило с взаимного согласия, как в случаях Антония и Нила, но иногда и без него. Один из законов Юстиниана позволяет любому из супругов покинуть другого без всяких условий, в то время как в **Слове Божьем супружеские узы объявлены нерасторжимыми**. Собор в Гангре счел необходимым выступить против представления о том, что брак несомненным со спасением, и призвал жен не покидать своих мужей. Подобным образом монашество вступило в конфликт с любовью к родственникам, с отношениями родителей и детей. Это происходило из неверного понимания заповеди Господа оставить все ради Него. Нил требовал от монахов полностью подавить в себе родственные чувства. Святой Антоний бросил свою младшую сестру и только раз виделся с ней после разлуки. Его ученик При-

ор, став монахом, поклялся никогда больше не видеть своих родственников и даже говорил с сестрой с закрытыми глазами. Что-то подобное рассказывают и о Пахомии. Амвросий и Иероним совершенно искренне призывали дев уходить в монастырь, даже против воли родителей. Говорят, что, когда Иларию из Пуатье услышал, что его дочь хочет выйти замуж, он молился о том, чтобы она умерла и Бог забрал ее к Себе. Некий Муций без какой бы то ни было причины подверг своего сына жестокому насилию и потом, по повелению самого настоятеля, бросил его в воду, откуда его вытащил другой монах того же монастыря. Даже в самом лучшем случае монашеству недоставало гармоничного морального развития, той соразмерной добродетели, которая в совершенстве присутствовала во Христе, а позже — в Его апостолах. Ему недостает более тонких и кротких особенностей характера, которые обычно формируются только в школе повседневной семейной жизни и исполнения общественных заповедей Бога. Его мораль скорее негативна, чем позитивна. В умеренном и благодарном наслаждении дарами Бога больше добродетели, чем в полном воздержании; в милосердной и обдуманной речи — больше, чем в полном молчании; в супружеской верности — больше, чем в безбрачии; в самозабвенном полезном труде на благо церкви — больше, чем в одиноком аскетизме, который удовлетворяет только самого аскета и не приносит пользы»¹. По благословению папы во дни Средневековья создаются целые инструкции по самобичеванию. «Петр Дамиани, [живший в XI веке], был наиболее ревностным приверженцем воззрений своего века. От него обычай добровольного самобичевания, хотя он и не был совершенно новым, приобрел необычайную популярность. Он одобрял его как своего рода «чистилище» и защищал против всех нападений. Если, доказывая он, сам Господь со Своими апостолами и мучениками подвергался бичеванию, то хорошо и нам подражать их страданиям, подвергая самих себя бичеванию; если Моисей в законе предписывал бичевание для виновных, то хорошо и нам наказывать самих себя за наши прегрешения; если людям позволительно искупать свои грехи деньгами, то те, кто не имеет денег, должны, конечно, иметь у себя какие-либо другие средства искупления; псалмопевец внушает людям «хвалить Господа на кимвалах», а так как кимвал есть инструмент, сделанный из высушенной кожи, то заповедь эта по истине исполняется тем, кто в виде подвига бьет свою собственную кожу, иссушенную постом. «Петр Дамиани... создал целую систему покаяния, рассчитанную строго арифметически. Каждому греху по этой системе, соответствовал извест-

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 113—118.

ный период покаяния; но так как количество грехов у всякого человека так велико, что для их очищения потребовались бы целые столетия, то набожным людям предоставлялось усиливать количество благочестивых действий. Так, нормальный год покаяния равнялся для богатых 36, а для бедных 4 галерам или 3000 ударов розгами в сопровождении пения 30 псалмов. Благочестивые люди, жертвую громадными суммами или нанося себе колоссальное число ударов, усиливали норму. Сам Дамиани в течение года проделывал столетие покаяния, т. е. наносил себе 300 000 ударов и пел 3 000 псалмов»¹. Кроме других сочинений, Петр написал в пользу бичевания «жизнь» некоего Доминика, великого подвижника в деле борьбы с плотью. Доминик был рукоположен во священника; но узнав, что его родители принесли часть козлиной шкуры в дар епископу, который рукополагал его, он был поражен таким ужасом от этой симонии, что отказался от всех священнических обязанностей и удалился к суровой жизни отшельника. Впоследствии он поселился под ведением Дамиана в Фонте-Авеллано, где его покаянные подвиги были предметом удивления аббата и его братьев. На своем голом теле он носил тесные железные вериги, которых никогда не снимал, кроме как для самобичевания. Его тело и руки были стиснуты железными кольцами, шея обременена тяжелыми цепями, жалкая одежда была изношена до лохмотьев, пища состояла из хлеба и укропа, и его кожа была черна как у негра — от последствий страшного самобичевания. Обычным упражнением Доминика было прочитывание Псалтыря дважды в день, причем он бичевал себя обеими руками по тысяче ударов на каждые десять псалмов. По тогдашнему верованию, три тысячи ударов, которыми сопровождалось чтение тридцати псалмов, равнялось году покаяния; весь Псалтырь поэтому, при аккуратном числе ударов, равнялся таким образом пяти годам покаяния. Великим постом, или по случаю особого покаяния, ежедневное упражнение достигало до трех Псалтырей; он «легко» совершал двадцать (равные ста годам покаяния) в шесть дней. Однажды в начале великого поста он просил, чтобы на него наложена была эпитимия в тысячу лет, и всю ее очистил до Пасхи. Он часто совершал восемь или девять Псалтырей в течение двадцати четырех часов, но только впоследствии он мог совершать десять, и наконец он был в состоянии при одном случае исполнить двенадцать, и дошел до XXXII-го псалма в тринадцатой. Эти бичевания, по тогдашнему верованию, имели значение удовлетворения за грехи других людей. В позднейшие годы своей жизни, ради большей

¹ Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории Средневекового папства. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 84.

суровости, Доминик заменил прутья, которыми он прежде пользовался в своих упражнениях, ремнями. Он увеличил также число колец, пивавшихся в его тело, и вес цепей, висевших на его шее. Смерть Доминика, сделавшегося настоятелем монастыря на горе Соавицино (или Сан-Вицино), в Анконском округе, по видимому, последовала в 1060 году. Брак духовенства был особенно ненавистен в глазах Петра Дамиани. Он писал, проповедовал и действовал против него. Его язык о таких предметах отличается грубостью и доходит до бесстыдного неприличия»¹. Сами основатели монашества учили своих учеников убивать в себе все родственные чувства. «Сам Антоний считал своим долгом подавлять в себе любовь к своей сестре, которую, после давнишней разлуки, он никогда не видел опять до тех пор, пока она не сделалась в старости настоятельницей монастыря, и мы видели, как Пахомий отрекся от всяких уз родства. Пиор, ученик Антония, оставляя дом своего отца, принял обет, что он никогда опять не взглянет ни на кого из своих родственников. Когда он провел пятьдесят лет в пустыне, его сестра узнала, что он еще жив; она была слишком слаба, чтобы отыскать его, но своими настойчивыми просьбами она тронула старейших его, и Пиору было приказано посетить ее. Прибыв к ее жилищу, он послал ей известие о своем прибытии. Как только дверь отворилась, он закрыл свои глаза и держал их закрытыми во все время встречи с сестрой, и, дав возможность своей сестре увидеть себя таким образом, он отказался войти в ее дом и поспешил обратно в пустыню. Другой инок, получив большую пачку писем из своего дома, с которым он не имел никаких сношений в течение пятнадцати лет, не раскрывая сжег их, чтобы содержание писем не развлекло его души, пробуждая воспоминание о домашних. Еще более необычайный пример того, как монахи старались умерщвлять свои естественные чувства, представлен некий Муций. При своем желании поступить в монастырь, он, вместе со своим сыном, восьмилетним мальчиком, принужден был, в виде испытания, долго оставаться вне монастырских врат. Постоянство, с которым он сносил испытание, побудило монахов допустить их, хотя дети вообще не допускались в монастырь, но испытание их еще не кончилось. Они были разлучены друг с другом, ребенок подвергался всяческому худому обращению, был одеваем в лохмотья, содержим в грязном состоянии и часто подвергаем побоям без всякой причины. Муций, однако же, не обнаруживал никакого противодействия; и наконец, когда ему сказано было, чтобы он бросил своего сына в реку, он исполнил и это приказание. Мальчик был конечно спасен, и настоятелю монастыря было открыто, что его новый

¹ Робертсон. Указ. соч. Т. 1. С. 935—936.

сочлен есть второй Авраам. Идея беспрекословного послушания проходит через всю историю раннего монашества. От желавших поступить в монашеское общество требовалось, чтобы они доказали свою решимость подчинением оскорблениям, презрению, грубому обхождению и унижительным занятиям; вера и терпение монахов испытываемы были наложением тяжелых и унижительных трудов. Так, рассказывают, что Иоанну, тому самому, ответы которого впоследствии оказывали влияние на политику великого Феодосия, было приказано его настоятелем удалить огромную скалу, и он трудился над этим, очевидно, безнадёжным делом до тех пор, пока не был истомлен чрезмерною тяжестью своих усилий. В другое время ему приказано было два раза в день поливать сухую палку, и в течение года он ревностно исполнял это дело, в болезни или в здравии, при всех неблагоприятных условиях погоды, нося воду два раза в день из источника, находившегося на расстоянии трех верст. Будучи наконец спрошен своим настоятелем, пустило ли растение корень, инок завершил свое послушание скромным ответом, что он не знает; тогда настоятель, вырывая палку, освободил его от этого труда. Выше уже было упомянуто о той ревности, с которою св. Амвросий учил, что девство должно быть принимаемо даже вопреки воли родителей. Бл. Иероним шел еще дальше. «Хотя бы, пишет он, увещевая Илиодора сделаться пустынною, твой маленький племянник повесился тебе на шею, хотя бы твоя мать, с распущенными волосами и разодранными одеждами, обнажала пред тобою грудь, которою она кормила тебя, хотя бы отец твой лег на порог, — наступи на твоего отца и выходи! Беги с сухими глазами к знамени креста! Единственный род благочестия состоит в том, чтобы быть жестоким в этом деле»¹. История знает различные виды и формы монашества, одним из которых было столпничество. «Святой Симеон Столпник, пастух, живший на границе Сирии и Киликии, в возрасте тринадцати лет ушел в монастырь под впечатлением от заповедей блаженства, услышанных в церкви. Несколько дней он лежал на пороге, не ел и не пил и умолял принять его в качестве последнего из слуг. Он приучил себя есть только раз в неделю, по воскресеньям. В время поста он обходился без пищи все сорок дней, что кажется невероятным даже для тропического климата. Первая попытка подобного рода чуть не привела его к смерти, но потом организм приспособился и, когда его навестил Феодорит, он прожил без пищи уже двадцать шесть сорокадневных постов, чем превзошел Моисея, Илию и даже Христа, Который постился только раз. Еще одной из особенностей его предельного самоотречения

¹ Робертсон. Указ. соч. Т. 1. С. 314—315.

было то, что он связывал себя так тесно, что веревка впивалась в кости, и когда ее разрезали, то причиняли ему ужасную боль. Потом он ушел из монастыря и жил отшельником в горах, с железной цепью на ногах, где его навещали толпы поклонников и любопытных. В конце концов даже это перестало удовлетворять его, и в 423 г. он изобрел новую форму святости: до своей смерти, в течение тридцати шести лет, он жил на расстоянии двухдневного пути (65 км) к востоку от Антиохии на столбе высотой не менее сорока локтей (18 м); высота столба росла по мере того, как он приближался к небесам и совершенству. Он не мог ни лежать, ни сидеть, только стоять или опираться о перила или преклонять колени; в последнем положении он почти касался ногами головы — такой гибкой стала его спина от поста. Однажды один наблюдатель сосчитал, что за день святой не менее двухсот сорока четырех раз преклонял колени перед Всемогущим, — а потом перестал считать. Он одевался в шкуры животных и носил цепь на шее. Даже святое причастие он принимал на столбе. Так святой Симеон простоял много долгих дней, недель, месяцев и лет под палящим солнцем, проливным дождем, на лютom морозе, в свирепую бурю, ежедневно переживая муки смерти и мученичества, стеноя под бременем греха, искренне желая достичь сверхчеловеческой святости, ожидая славной награды на небесах и бессмертной славы на земле и не достигая того истинного утешения и мира души, которые проистекают из детской веры в безграничные заслуги Христа. Но Симеон не только заботился о собственном спасении. Люди стекались к нему издалека, чтобы стать свидетелями этого чуда века. К представителям разных слоев общества он обращался с одинаковым дружелюбием, кротостью и любовью, только женщин никогда не впускали за стену, окружавшую столб. С этой оригинальной кафедры, между небом и землей, он дважды в день проповедовал пораженным зрителям покаяние, улаживал споры, отстаивал ортодоксальную веру, требовал исполнения закона даже от императора, исцелял больных, совершал чудеса и обращал тысячи язычников измалыян, иберийцев, армян и персов в христианство, по крайней мере номинально. Обо всем этом рассказывает знаменитый Феодорит, свидетель жизни святого. Он называет его великим чудом света и сравнивает со свечой на подсвечнике и с самим солнцем, лучи которого светят во все стороны. Возражающим против такого образа жизни он сообщает, что Бог часто использует поразительные средства, чтобы взволновать равнодушных, как показывает история пророков, и завершает свое повествование словами: «Если бы этот святой жил дольше, он совершил бы еще более великие чудеса, ибо он был украшение вселенной и честь религии». Симеон умер в 459 г., на шестьдесят девятом году жизни, от

давно скрываемой и отвратительной язвы на ноге; торжественная процессия перевезла его тело в главную церковь Антиохии»¹. По смерти своего основателя столпничество существовало до XII века. Конечно, история знает примеры того, как некоторые монастыри способствовали сохранению письменности, науки, способствовали утверждению веры, помогали людям обрести покой. Сыграли немалую роль монастыри особенно в истории средневековой Руси, помогая сохранить веру перед угрозой католической экспансии и монголо-татарского ига, особенно после того, как Золотая Орда приняла ислам. Между тем сами ведущие православные историки пишут следующее о монастырской жизни на Руси. «Чем руководились [на Руси] при выборе кандидатов на епископство: только ли их личными духовными достоинствами или еще посторонними, так сказать, житейскими соображениями, относительно их фамильного происхождения, потому что избираемые во всяком случае становились людьми высокого ранга, сановниками, вхожими к боярам и князьям, и должны были обладать образованностью, которая также была преимущественно распространена среди высших классов общества? Как показывает практика русской церкви последующего периода, у нас, по примеру греков, установился с самого начала вполне естественный обычай возводить **на епископские кафедры монахов из боярского сословия**. Вот одно обстоятельство, которое говорит за то, что для возведения в епископы необходимо было обладать если не знатностью рода, то, по крайней мере, богатством. В Греции было очень старое установление, чтобы поставляемый в сан епископа платил большие пошлины поставляющему. Для ограничения крайностей в подобных случаях имп. Юстинианом была издана особая новелла, где узаконялись нормы ставленных пошлин. Однако и умеренные законом цифры эти оказываются весьма высокими. За епархии самого высшего разряда узаконялось взимать 400 золотых монет, а самого низшего — 28 таких монет. Определяя каждую из этих *vobis* вслед за специалистами в 20,5 золотых франков, получаем пошлину за епархии высшего разряда 8 200 французских золотых. Исключительно громадные русские епархии, вероятно, ценились никак не ниже этого высшего разряда. Указания как на существование этих пошлин у нас на Руси, так и на их высоту, есть в Киево-Печерском Патерике. Княгиня Верхуслава говорит, что она для поставления монаха Поликарпа в епископы не пожалела бы и тысячи гривен серебра. Если мы поймем это в буквальном смысле, то должны будем перевести эту цифру на 17 тысяч старых золотых рублей, а если в смысле гиперболическом, то и тогда при-

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 136—137.

дется предполагать, что для **получения епископского сана нужны были серьезные суммы денег, которые едва ли могли найтись у монаха из простонародья.** Хотя и достойные простолюдины у нас, несомненно, достигали епископских мест, а в таком случае за них платили ставленые пошлыны их патроны-князья. Но вообще в нашем древнем епископстве возобладала аристократическая тенденция, ныне совершенно исчезнувшая. Со второй половины XII столетия мы встречаем, однако, целый ряд летописных свидетельств, говорящих о решительном преобладании и исключительном значении **воли князей при выборе епископов.** Такая специально русская практика несомненно сложилась под влиянием удельной системы в политической жизни древней Руси, когда каждый местный князь менее всего был склонен в своих внутренних делах быть послушником центральной киевской власти, не только гражданской, но и церковной. Замечательно при этом то обстоятельство, что только одна из летописных заметок о поставлении епископа князем относится к южной Руси (Лавр. 1126 г. о поставлении епис. Переяславльского); все же остальные — к Руси северной; видимо, сказался в данном случае властительный дух севернорусских князей, создавших впоследствии московское государство. Раз избранные на известную кафедру епископы в древней Руси, согласно с обычаем греческой церкви и с каноническими постановлениями, почти исключаящими возможность архиерейских перемещений (I Вс. пр. 15; Сард. пр. 1, по ап. пр. 14), **уже обрекались на пожизненное служение этой кафедре.** Две трети всех монастырей были построены князьями и боярами. Из остальных известно только о 10, как построенных самими монахами, и притом почти во всех случаях монахами богатыми, на деньги, принесенные из мира. Таким образом, один только Киево-Печерский монастырь был в подлинном смысле монастырем монашеского строения, воздвигнутым без всяких предварительных денежных средств одним трудом и подвигами братии. Князья строили монастыри, собственно, не для монахов, **т. е. главным образом не для них, а для себя,** чтобы иметь собственных молитвенников за свою душу при жизни и смерти. Это была дань подражания грекам, у которых по давнему обычаю все коронованные, знатные и богатые люди строили свои фамильные монастыри и владели ими на основании ктиторовского права, что с течением времени повело в Византии к эксплуатации монастырских доходов со стороны обедневших ктиторов. У нас, кроме Новгорода, ктиторами монастырей везде явились только князья, и потому у них не было корыстных отношений к своим монастырям. По тем же ктиторовским побуждениям строили монастыри и богатые из монахов. Так, например, один из ранних киевских монастырей Спа-

со-Берестовский (упом. под 1072 г.), называвшийся Германечь по имени своего строителя Германа, который был в нем игуменом, поставлен был всего в сотне метров от монастыря Печерского и, следовательно, не для удовлетворения нужды в том монашестующих, а из желания строителя иметь свой собственный монастырь. Стефан, преемник преп. Феодосия по игуменству в Печерском монастыре, после того как был выжит оттуда недовольной братией, также устроил при помощи сочувствовавших ему бояр свой монастырь в Киеве, так наз. Кловский Влахернский или Стефанечь. Антоний Римлянин, богатый новгородец, в завещательной грамоте созданному им монастырю великодушно отказывается от передачи кому-либо другому своих ктиторовских прав, которые подразумевались сами собой: «се поручаю, пишет он, (свой монастырь) святой Богородице и крестьянам и даю в свободу». **Обыкновенные монахи не усердствовали в строении монастыря,** вероятно, потому, что не имели перед собой соответствующего примера Византии, где множество монастырей, настроенных в древнее время, не вызывало нужды в новом строительстве, а во-вторых, вероятно, потому, что удовлетворялись возможностью монашествовать при церквях, тем более что в таком способе монашества даны были все удобства к послаблениям аскетической дисциплины. **К сожалению, как мы видели, самое начало русского монашества было неблагоприятно для его готовности следовать высокому образцу общежития.** Оно сразу же ознакомилось с льготными условиями келлиотства. **Энергическая попытка ввести на Руси строгий общежительный устав не увенчалась желанным успехом»¹.** Анализируя все аспекты того, что дала система монастырей, крупнейший мировой историк христианской церкви XIX века, авторитет которого признается всеми христианскими конфессиями, Филипп Шафф, отмечает следующее: «Монашество лишило общество многих полезных сил. • Оно распространяло равнодушие к семейной жизни, гражданскому и военному служению государству, практическим общественным деяниям. Проходившие повсеместно религиозные каналы, орошавшие мир живой водой, обращались в пустыню, и это ускорило падение Египта, Сирии, Палестины и всей Римской империи. Монашество подпитывало религиозный фанатизм, часто поднимало народные волнения, страстно предавалось богословским спорам. Обычно оно выступало на стороне ортодоксии, но нередко, как в случае с ефесским «разбойничьим собором», и на стороне ереси — особенно защищая грубейшие суеверия. Ибо простой, Божий путь спасения через Евангелие заменялся в нем произвольной, экс-

¹ Карташев. Указ. соч. Т. 1. С. 228—230, 276—277, 279.

центричной, показной и нарочитой святостью. • Оно затеняло вседостаточные заслуги Христа блеском сверхдолжных дел человека. • Оно измеряло добродетель на основании количества внешних упражнений, а не качества внутреннего настроения, распространяло веру в личную праведность человека, насаждало беспокойную, формальную и механическую религию. • Оно поощряло идолопоклонническое почитание Марии и святых, поклонение образам и реликвиям, всяческие суеверия и благочестивые вымыслы. • Оно верило во множество видений и чудес, противоречивших законам природы и разуму, превосходивших чудеса Христа и апостолов. Никейская эпоха полна нелепейших монашеских басен, и в этом отношении не уступает мрачнейшим периодам Средневековья. [Монашеские чудеса, которыми изобилуют *Vitae Patrum* иезуита Росвейда и *Acta Sanctorum*, часто противоречат законам природы и выходят за грани разумного. Вряд ли они заслуживали бы упоминания, если бы не исходили от таких отцов церкви, как Иероним, Руфин, Север, Палладий и Феодорит, и не отражали бы дух никейской эпохи. Мы далеки от того, чтобы отвергать все чудеса как ложь и обман и соглашаться с суждением Исаака Тейлора (*Ancient Christianity*, ii, 106): «Никейские чудеса таковы, что шокируют любого, чьи чувства серьезны, достойны и благочестивы; они явно наивны, ужасны, богохульственны и безумны». Многие истории слишком невероятны даже для легковверных римлян, и историки, относящиеся к предмету критически, либо полностью игнорируют их, либо существенно сокращают и видоизменяют. Мы читаем не только о бесчисленных видениях, пророчествах, исцелениях больных и одержимых, но и о воскрешении мертвых (как в случае Мартина Турского), о превращении сухой палки в плодоносящее дерево, о монахе, который невредимым прошел через пылающую печь, как через освежающую ванну, подчиняясь своему аббату (см. Сульпиций Север, *Dial.*, i, с. 12, 13.). Даже дикие звери играют значительную роль в этих историях, превращаясь в разумных слуг египетских святых пустынных. На похоронах Павла Фивейского, по словам Иеронима, функции могильщиков добровольно выполняли два льва. Пахомий невредимым ходил по змеям и скорпионам и пересекал Нил на спине крокодила, которые сами подставляли ее. Макарий Младший или (согласно *Historia Lausiaca*; см. также исследование Тиллемона, том, viii, p. 811 sqq.) монах Марк был в таких хороших отношениях со зверями, что гиена (согласно Руфину, *V. P.*, ii, 4, это была львица) принесла ему в келью своего детеныша, чтобы он мог открыть ему глаза. Он сделал это с помощью молитвы и плевка. На следующий день она из благодарности принесла ему большую шкуру овцы. Сначала святой отказался от дара и упрекнул животное

в двойном преступлении — убийстве и краже, посредством которых оно добыло шкуру. Но когда гиена раскаялась и выразила свое согласие кивком, Макарий взял шкуру, а потом завещал ее великому епископу Афанасию. Север (*Dial.*, i, с. 9) рассказывает нечто подобное о некоем неизвестном отшельнике, но, как и Руфин, заменяет гиену Палладия на львицу с пятью детенышами, а святой у него принимает в дар шкуру без упреков или увещаний. Однако незадолго до этого (с. 8) он рассказывает о волчице, которая однажды ограбила дружественно относившегося к ней отшельника, делившегося с ней своим ужином. Потом волчица раскаялась в содеянном и со склоненной головой пришла просить у святого прощения. Возможно, Палладий или тот, кто переводил его книгу на латинский язык, соединил вместе две эти истории]. Под влиянием монашества понизились требования общественной морали, так как монашество поставило себя выше нее и претендовало на соответствующую высшую заслугу. В целом оно оказывало деморализующее влияние на народ, который начал считать себя *profanum vulgus mundi* и жить соответственно. Отсюда частые жалобы, не только Сальвиана, но также Златоуста и Августина, на равнодушие и леность христиан того времени. Поэтому по сей день в странах юга Европы и Америки, где монашество преобладает, положение вещей прискорбно и аскетическая святость противопоставляется вседозволенности мирян, а среднего здорового класса не существует, нет ни добродетельной семейной жизни, ни моральной силы в массах. В XVI веке монахи были самыми ожесточенными врагами Реформации и истинного прогресса¹. В Западной Европе монастыри привели к появлению зловещих рыцарских орденов: Тевтонского, Ливонского, Мальтийского, печально прославившихся своими страшными Крестовыми походами, в том числе и против русских, украинских и белорусских земель. Убийства, насилия и пожарища оставляли после себя монахи-крестоносцы. Еще более страшный след в истории оставил монашеский орден доминиканцев, в ведении которого в течение 800 лет была Инквизиция. Люди, принявшие монашеский постриг, носящие знаки креста, зверски пытали и мучили людей, составляли целые инструкции по тому, как надо пытать. Миллионы замученных на совести этих монахов, которые, кстати, истязая свою жертву, всегда плакали над ней, сожалея якобы о ее вечной участи. И даже сожжение они объясняли заботой о людях, ибо умерщвление при помощи топора привело бы к кровопотере, а, значит, как учили доминиканцы, у человека «вылилась» бы душа. А так, сжигая людей, они обеспечивали им «полную» сохранность души. Страшный след

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 127—128.

в истории оставил и орден иезуитов, само название которого стало сегодня нарицательным, став синонимом коварства, предательства, изощренной жестокости. Подробный разбор истории каждого из этих монашеских орденов представляет собой отдельную и весьма поучительную тему, но он не входит в задачу настоящей работы. Однако и общий взгляд показывает нам весьма ярко, к чему привело отступление от Слова Божьего. «Римское католичество или греческое православие испытывают потребность в монашестве. Они соединяют в себе моральные крайности, а не здоровые средства. Кроме того, папство нуждается в монашеских орденах, как абсолютная монархия — в больших постоянных армиях для завоеваний и защиты. Но евангельский протестантизм, отвергающий всякое деление морали на высшую и низшую, считающий всех людей одинаково обязанными исполнять Божий закон, видящий суть религии не во внешних крайностях, не в уходе от мира и от общества, но в очищении и освящении мира свободным духом Евангелия, знаменует смерть великого института монашества»¹. Сегодня, как и много столетий назад, Господь через пророка Малахию призывает людей не обливать Свой Алтарь слезами, Он предлагает путь спасения не через совершение дел, не через самоистязания, посты, ограничения, скорбь, уныние. Он предлагает спасение через Христа, Его Голгофскую жертву.

Глава 17

ФОРМИРОВАНИЕ И ПЛОДЫ ПАТОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

«Вы скажете: за что? За то, что Господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, против которой ты поступил вероломно, между тем как она подруга твоя и законная жена твоя. Но не сделал ли того же один, и в нем пребывал превосходный дух? что же сделал этот один? он желал получить от Бога потомство. Итак, берегите дух ваш, и никто не поступай вероломно против жены юности своей. Если ты ненавидишь ее, отпусти, говорит Господь Бог Израилев; обидя покроет одежду его, говорит Господь Саваоф; посему наблюдайте за духом вашим и не поступайте вероломно» (Мал. 2:14—16). Обличая священников в нарушении ими принципов истинного богопочтения, Малахия, наряду с обвинениями в отходе от Закона Божьего, проведении лицемерного служения, отсутствии провозглашения Божьих истин, извращении системы жертвоприношений,

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 119.

духовного прелюбодеяния, выражающегося в следовании языческих философий, затрагивает еще один важнейший атрибут богопочтения: чистоту личной жизни. Время Малахии, как мы уже затрагивали выше, характеризовалось не только духовным, но и моральным упадком. Духовенство, а затем, глядя на него, и простой народ, стали грубо попирали древнейший институт, основанный Самим Богом, на самой заре человеческой истории — институт брака. Дело в том, что «многие язычники из окрестных племен, заселявших Иудею во время ее запустения, так тесно примыкали к иудейским общинам, что совместное общение между соседями стало неизбежным. Участились браки между инородцами и иудеями; особенно часто иудеи принимали в свои семьи жен из племен аммонитов и филистимлян, аш-додцев. Иные так увлекались модою, что разводились со своими иудейскими женами для женитьбы на иноплеменницах»¹. Разводы со старыми женами и женитьбы на молодых язычницах или иудейках приобрели массовый характер. Причем у окружающих Израиль народов разводы были совершенно обычным делом, а то, что мы сегодня называем «связи на стороне», вообще было нормой. Сами культы языческих богов сопровождалась частыми массовыми оргиями и были насквозь пропитаны чувственной символикой и атрибутикой. Поэтому и иудеи, вступив в тесное соприкосновение с этими нравственно разложившимися народами, стали принимать их обычаи. А с другой стороны, со спокойным сердцем продолжали ходить в храм, молясь Богу и принося жертвы. Но Господь через Малахию напоминает иудеям, что брак — это то, что установил Он Сам, и что при каждом заключенном браке Он является незримым Свидетелем. Он напоминает иудеям, что когда они грешат против ближнего, бросая своих жен, то они разрушают завет и с Ним, ибо он основан на принципах следования Божьим заповедям. А любой развод, совершенный не по причине нарушения брачного обета одной из сторон, является прелюбодеянием. Сам Христос говорит об этом так: «А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мф. 5:32). Эти слова, безусловно, не потеряли свое значение и в наши дни, хотя сегодня большинство, включая часто и многих богословов, предпочитают как бы не замечать их. Но обращаясь к иудеям, Малахия не ограничивается обличением открытого греха прелюбодеяния, он затрагивает глубинные причины, порождающие его. «Итак, берите дух ваш... посему наблюдайте за духом вашим» (Мал. 2:15, 16). Т. е. берегите свой разум, мыш-

¹ Дубнов. Указ. соч. Т. 1. С. 313.

ление, мысли. Ибо для Бога грех, совершенный нами в мыслях, является таким же тяжким, как и физический. Спустя 400 лет Христос еще раз обратит внимание на этот важнейший вопрос. «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5:27—29). Объясняя суд над допотопным миром, Господь сказал: «И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их» (Быт. 6:5, 7). Заметим, Господь здесь подчеркивает не столько явные грехи допотопного мира, которые были весьма отвратительны, сколько состояние их мыслей, их помышлений. Ибо для человека, который согрешает, но переживает и раскаивается в своем грехе, надежда на спасение есть. Но если все мысли, все помыслы человека пропитаны грехом, то дверь спасения для него закрыта. Через апостола Павла Бог подчеркивает, что каждая мысль человека будет приведена на суд. «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокроенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет» (Евр. 4:12—13). И это не случайно, ибо: «Потому что, каковы мысли в душе его, таков и он; ешь и пей, говорит он тебе, а сердце его не с тобою» (Притчи 23:7). Каждый человек выбирает себе темы для размышления, которые, в конечном счете, будут формировать его, наш с вами характер. «„Никто, кроме вас самих, не может контролировать ваши мысли“. В борьбе за достижение высочайшего стандарта успех или поражение во многом будет зависеть от того, каким образом человек дисциплинирует свои мысли»¹. Мысли, как и все остальное в нашей жизни, следует воспитывать. Недаром Библия говорит: «Посему, [возлюбленные,] препоясав чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа» (1 Петр. 1:13). «Каждого из нас ожидает серьезный труд. Правильные мысли, чистые и святые стремления не возникают сами по себе. Нам следует за них бороться»². Дьяволу не дано читать наших мыслей, но внима-

¹ Уайт Е. Разум, характер, личность. Заокский: Источник жизни, 2007. С. 762.

² Уайт. Указ. соч. С. 763—764.

тельно наблюдая за нами, за тем, что мы смотрим, что делаем, о чем говорим, он четко составляет себе представление о наших помыслах, желаниях и, находя в них греховные лазейки, он умело и тонко действует через них, распалая наши помыслы и воображение в нужном ему русле. Сегодня силы зла фокусируют внимание людей на пустых мыслях, на негативных мыслях, на мыслях сомнения, на мыслях о земных ценностях. Сами, вроде бы, эти мысли греховными не являются. Ибо, в самом деле, что плохого желать более оплачиваемую работу, более дорогой дом, немного помечтать или погрезить. Или что странного, когда после сложной ситуации у нас появляется налет уныния и печали. Но именно все это является невидимыми мостиками, которые силы зла прокладывают к сердцу каждого из нас. «Если ваши мысли, ваши планы, стремления — все направлено на накопление земного, то ваши заботы, ваши занятия, ваши интересы будут сосредоточены на мире. Небо перестанет вас привлекать. Ваше сердце будет вместе с вашим сокровищем»¹. «Мы не свои, но куплены дорогою ценою, поэтому долг каждого, называющего себя христианином, — держать свои мысли под контролем разума и заставлять себя быть бодрым и радостным. Какой бы тяжелой причиной ни была вызвана его печаль, он должен развивать в себе дух умиротворенности и покоя в Боге... Унынием не приобретается ничего, а теряется многое»². «Мечтания, грезы, возведение воздушных замков — плохие и чрезвычайно опасные привычки. Когда они завладевают сознанием, от них почти невозможно избавиться и заставить себя размышлять на чистые, святые и возвышенные темы»³. «Нельзя говорить вслух о сомнениях, которые возникают в мыслях. Мы отгоняем от себя свет словами, воздающими славу силам тьмы... Великая беда быть постоянно сомневающимся человеком, сосредоточившим взгляд и мысли на себе. Пока вы смотрите на себя, пока ваше «я» является средоточием ваших мыслей и разговоров, вам не удастся соответствовать образу Христа»⁴. «Можно ли оправдать разговоры о разочаровании, неверии и сомнениях, окутывающих нас тьмой, словно мантией? Отбросим же мрачную тьму сомнения, навеянную сатаной, зачинщика всякого сомнения и разочарования... Каждое сомнение, выраженное вами — это посеянное семя, а это семя пустит корень в каком-то сердце»⁵. Сегодня даже наукой показано, как мышление сказывается на состоянии здоровья че-

¹ Уайт. Указ. соч. С. 771.

² Уайт. Указ. соч. С. 770.

³ Там же. С. 769.

⁴ Там же. С. 782.

⁵ Там же. С. 784—785.

ловека, причем, не только духовном, но и физическом. Сегодня бурно развивается целая отрасль медицинской науки, как психосоматическая медицина, показавшая неразрывную связь между характером человека, его мышлением, типом личности и состоянием внутренних органов. Сегодня такие распространенные заболевания, как язвенная болезнь, гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, синдром раздраженного кишечника и т. д., и т. д. относятся к группе психосоматических заболеваний, т. е. болезней, в основе которых лежат нарушения высшей нервной деятельности, эмоциональной сферы человека. И эмоциональный стресс, запущенный в том числе и мышлением, активизирует нервную систему, которая в свою очередь запускает и координирует работу эндокринной, сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной систем, вызывая изменения в работе данных систем и создавая тем самым условия для формирования того или иного заболевания. Страшные маниакальные расстройства, депрессии, самоубийства, гомосексуализм — все это плоды, в конечном счете, расстройства мышления, запущенные и поддерживаемые первоначально самим человеком (более подробно вопросы взаимосвязи духовного и физического здоровья, механизмы формирования депрессии и патологии внутренних органов будут рассмотрены нами в отдельной книге, посвященной вопросам здоровья и его сохранения, работа над которой сейчас ведется). И потому недаром пророк Малахия советует наблюдать и беречь свой дух, ибо распады семей начинаются также вначале с мыслей, которые, в свою очередь, питают то, что мы смотрим, что читаем, на что обращаем и на чем позволяем фокусировать свое внимание. А силы зла, в свою очередь, с радостью раскладывают перед нами и мыльные оперы, и эротические фильмы, и книги, и чувственные рекламные щиты, и вызывающе распуценно одетых или, точнее, раздетых людей на улице. Все это подбрасывается, как поленья, в топку воображения, мышления, распаяя их. Причем, позволяя сатане делать это, каждый должен отчетливо понимать, что это не просто игра похотливых мыслей, но что это начало пути, который у огромного процента людей заканчивается суицидом, депрессией или маниакально-депрессивным психозом. Ибо, покоряя себе мышление человека, дьявол становится его полным хозяином, делая теперь с ним то, что ему угодно. Сегодня борьба сил добра и зла идет именно за мышление человека, его разум. Без чистых мыслей невозможно чистое и истинное богопоклонение. И пусть даже внешне совершается и говорится все верно, но если мысли человека, его дух нечисты, Господь не примет такого богопоклонения, как Он это и передал иудеям через Малахию, через которого с этой же вестью предостережения беречь свой дух Он

обращается и к нам сегодня. К сожалению, в истории христианской церкви силам зла удалось настолько извратить Божье представление о браке, что весть Малахии оказалась отринутой миллионами людей, большинство из которых и сегодня следуют в вопросе брака не библейскому учению, а людским измышлениям, принесшим и несущим многочисленные бедствия и проклятия в повседневную жизнь людей. И потому, чтобы избежать этих проклятий и бедствий, нам необходимо познакомиться с теми измышлениями, которые внесли силы зла в учение многих христианских конфессий относительно брака.

Глава 18

ЦЕЛИБАТ ИЛИ ВОЙНА С ПРИРОДОЙ ЧЕЛОВЕКА

Отойдя от поклонения Живому Богу, утратив понятие о спасающей вере, отступившее христианство приступило к созданию образа «своего» Бога, своего понимания богопоклонения, в которое вместо живой действительной веры пришла мертвая буква обряда и человеческих представлений о святости. И главным из них стала максимальная отрешенность от всего мирского. Причем слова Христа: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин.17:15) были забыты. Идеалом святости и богопоклонения стало монашество. В свою очередь, монашество привело постепенно и к переосмыслению понятия духовенства. Как мы уже говорили, в ранний период истории христианства деление верующих на мирян и священство отсутствовало. И в этом раннехристианская церковь следовала библейскому предписанию. «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петра 2:9). Однако затем с отступлением от Библии начался постепенный процесс формирования духовенства как особого института, найдя свое окончательное решение при Константине «Великом» и увенчавшись, наконец, понятием папской власти. Этот долгий процесс растянулся на несколько веков, превратив, в конце концов, скромных служителей Евангелия и людей в живых полубогов. История нам детально сохранила основные вехи этого пути. Однако шедший параллельно этому пути формирования института духовенства, путь развития монашества внес существенные коррективы в само понятие священства. Во-первых, как мы уже отмечали, монашество было объявлено вершиной добродетели и, следовательно, священники, пусть и не ушедшие в обители, должны были в основных чертах соответствовать своим монастырским братьям, и, в первую очередь, безусловно, в их главной черте — без-

брачии. Во-вторых, священник, по средневековым понятиям, стоял выше обычного мирянина и уже своим видом, согласно папской философии, должен был показывать свою полную отрешенность от этого греховного мира. А, следовательно, быть безбрачным. В-третьих, в средневековье папская церковь формируется в отдельный независимый от государства институт власти. Но при этом семьи, родственные отношения ставили духовенство в существенную зависимость от мирской власти. И потому ввод безбрачия для духовенства значительно усиливал позиции церкви, как независимого института власти. В-четвертых, папство провозгласило принцип спасения делами, и кто-кто, как не духовенство, должно было его воплощать в жизнь. Все эти факторы привели путем довольно долгого исторического процесса к целибату — безбрачию духовенства. Это был долгий и мучительный процесс. Ибо в ходе него папство вступило в противоестественную борьбу с самой природой человека, заложенной в него Богом. Вступило в борьбу с самым древним из установленных Богом институтов — институтом брака. Но силы зла, действовавшие за всем этим, не жалели сил, ибо знали к каким страшным последствиям приведет целибат как для духовенства, так для мирян, так и для самого отношения людей к церкви и, наконец, их отношения к Богу. «То решение, которое апостол Павел [«Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль» (1 Кор. 7:25—28)], явно разделяя Божью заповедь и человеческий совет, оставлял личному выбору каждого и рекомендовал, ввиду угнетенного положения христиан в апостольскую эпоху, как более безопасное и менее тревожное состояние лишь для тех, кто чувствует себя призванным к этому посредством особого дара благодати, теперь, когда обстоятельства стали более легкими, превратилось в нерушимый закон в Латинской церкви. То, что было делом добровольным и по этой причине рассматривалось почетным исключением, теперь стало правилом, а бывшее правило превратилось в исключение. Супружеские отношения стали считаться несовместимыми с достоинством и чистотой священнического служения и с его функциями, особенно служением у алтаря»¹. «В том, что касается безбрачия священников, Греческая и Латинская церковь в IV веке разделились и не согласны друг с другом до сих пор. Греческая церковь остановилась

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 168.

на полпути и ограничила требование безбрачия только высшим священством, которое, соответственно, избиралось среди монахов или пресвитеров-вдовцов; Латинская же церковь распространила этот закон и на низших клириков, в то же время доведя иерархический принцип до абсолютного папства. Греческая церковь отличается от Латинской в этом вопросе не более возвышенным представлением о браке, но только большей приверженностью древним обычаям и менее последовательным применением аскетического принципа. В теории она так же далека от протестантской церкви, как и Латинская, и приближается к первой только на практике. В теории она ставит девственность намного выше брака и рассматривает последний только с точки зрения **его негативной пользы**. Брак священника для нее — это в некотором роде неизбежное зло или, в лучшем случае, относительное благо, здравая уступка требованиям плоти для предотвращения греха, от высших же служителей она требует полного воздержания от супружеских связей. Следовательно, она колеблется между частичным позволением и частичным осуждением брака священников. На Востоке священникам всегда разрешалось вступать в брак, сначала даже епископам, и безбрачие было добровольным. Но некоторые ограничения были введены уже давно: запрет на вступление в брак *после* рукоположения (кроме диаконов и иподиаконов), а также запрет на *повторный* брак *после* крещения; апостольское наставление о том, что епископ должен быть мужем *одной* жены, было воспринято как запрет на последовательную полигамию и в то же время как разрешение на один брак. Помимо повторного брака, священникам запрещалось также вступать в брак с наложницей, вдовой, блудницей, рабыней и актрисой»¹. Ситуация ужесточилась при византийском императоре Юстиниане I, который «был категорически против вступления священников в брак, объявлял детей от подобных браков незаконными и запрещал избирать женатых мужчин епископами. Но вплоть до конца VII века многие епископы в Африке, Ливии и других местах продолжали жить в браке, о чем явно говорится в двенадцатом каноне Трулльского собора, но это считалось оскорбительным и было запрещено. С того времени женатые епископы постепенно исчезли, тогда как среди клириков низших рангов семейные отношения оставались правилом. Этот Трулльский собор придает законченный вид законам Восточной церкви о браке священников. На нем епископам было запрещено сохранять отношения в браке, заключенном до рукоположения, под страхом смещения с должности, но, в соответствии с «Апостольскими постановлениями» и «Канонами», это было позволено пресвитерам и диаконам (вопреки римской

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 169.

практике), с ветхозаветным ограничением: они должны были воздерживаться от половых отношений в период официального служения, так как служитель святыни должен быть чист. Те же самые отношения, которые в одном случае объявлялись безнравственными, в другом случае одобрялись и поощрялись как высоконравственные!? Епископ смещался, если оставлял при себе законную жену, а не отправлял ее в далекий монастырь сразу же после рукоположения. Западная церковь исходя из извращенного и почти манихейского аскетического принципа, гласившего, что семейная жизнь несовместима с достоинством и святостью священника, предприняла в конце IV века решительную попытку сделать безбрачие, до тех пор остававшееся личным выбором служителя, всеобщим законом для священства; тем самым она **явно противоречила левитским установлениям**, которым в других отношениях так усердно пыталась соответствовать. Закон этот вводился неоднократно, но в течение долгого времени не мог выполняться последовательно. Первый запрет на брак священников, претендовавший на всецерковную силу, по крайней мере, на Западе, прозвучал в 385 г. Он исходил от Римской церкви в форме декретального послания епископа Сириция к Гимерию, епископу Таррагоны в Испании, который задал римскому епископу несколько вопросов по поводу дисциплины. Его послание указывает на связь между безбрачием священства и интересами иерархии, так что этот практически первый папский декрет, написанный в тоне высшего авторитета, навязывает служителям явно противоречащее Писанию противоестественное и морально опасное ограничение. Сириций [объявлял, что] продолжение семейных отношений после рукоположения должно наказываться смещением с должности. Он угрожал этим наказанием не только епископам, но и пресвитерам с диаконами. Лев Великий позже распространил требование безбрачия даже на иподиаконов. Самые выдающиеся латинские отцы церкви Амвросий, Иероним и даже Августин — выступали за безбрачие священников. Августин, как до него Евсевий из Верцеллы, объединил своих клириков в монастырь и предписал им монашеский образ жизни; Мартин Турский, который сам сначала был монахом, продолжал оставаться таковым, и став епископом. Соборы Италии, Африки, Испании и Галлии последовали примеру Рима. Например, синод Клермона объявил в своем двенадцатом каноне: «Ни один рукоположенный диакон или священник не может продолжать супружеские отношения. Он становится братом той, которая была его женой. Но раз некоторые, воспламеняемые похотью, отвергают узы войны [Христовой] и возвращаются к брачным узам, то постановляется, чтобы такие были навсегда смещены с должности». Другие соборы, такие как Турский в 461 г., довольствовались тем, что запре-

щали священникам, у которых рождались дети после рукоположения, проводить таинство мессы и предьявляли требование безбрачия только *ad altiore gradum*. Однако сам факт частого повторения таких законов и необходимость смягчения наказаний за их нарушение показывают, как трудно было превратить это неестественное ограничение в обязательное для всех. В британских и ирландских церквях, далеких от римской, женатые священники продолжали преобладать вплоть до англо-саксонского периода. Когда священникам стало запрещено поддерживать отношения в законном браке, уже существовавший порок сожительства неженатых священников с благочестивыми вдовами и «тайно приводимыми» девами начал становиться все более и более распространенным. И духовный брак, возникший как смелый аскетический подвиг, слишком часто заканчивался плотским финалом, позорящим церковь. Никейский собор 325 г. посвящает этой проблеме третий канон: «Великий собор категорически запрещает, и не разрешает ни епископу, ни священнику, ни диакону, ни какому другому клирику, иметь при себе *συνείσακτος*, если это не его мать, или сестра, или тетка, или другая подобная личность, находящаяся вне всяких подозрений». Этот канон составляет основу всего последующего законодательства церкви *de cohabitatione clericorum et mulierum*. Его приходилось неоднократно возобновлять и подкреплять, а отсюда ясно видно, что он часто не соблюдался. Собор в Толедо, в Испании, 527 или 531 г. объявляет в третьем каноне: «Ни один священник начиная с иподиакона не должен жить с женщиной, свободной, вольноотпущенной или рабыней. Только мать, или сестра, или другая близкая родственница может вести у него хозяйство. Если у него нет близких родственников, его домоправительница должна жить в отдельном доме и ни под каким предлогом не входить в его жилье. У кого происходит иначе, тот не только должен быть смещен с духовной должности и не допускаться в церковь, но и вообще исключен из общения католиков». Concilium Agathense в Южной Галлии, 506 г., в котором принимало участие тридцать пять епископов, постановил в десятом и одиннадцатом канонах: «Священник не должен посещать и принимать у себя в доме женщин, которые не являются его родственницами; он может жить только с матерью, сестрой, дочерью или племянницей. Женщины-рабыни и вольноотпущенные также не допускаются в дом священника». Похожие законы, предполагающие более или менее строгие наказания, были приняты на соборах в Гиппоне, 393, Анжере, 453, Туре, 461, Лериде, Испания, 524, Клермоне, 535, Браге, 563, Орлеане, 538, Туре, 567. Император Юстиниан в двадцать третьем из своих новых законов вообще запретил женщинам жить в доме епископов, но Трульский собор 692 г. вернулся к никейскому закону. Западные соборы

также попытались отменить исключения, позволявшие никейским канонам, и запретить священнику любое общение с женщинами, кроме как в присутствии сослужителей. В 1059 году папа Николай II запретил мирянам посещать мессы у женатых священников. В 1123 году объявил celibat обязательным для представителей высшего духовенства, а в 1139 году II Латеранский собор объявил браки священников недействительными. Однако такая строгость, неблагоприятным образом свидетельствующая о положении вещей, которое сделало ее необходимой, не улучшила ситуации, а, скорее, привела к моральному равнодушию, так что в Средние века Латинская церковь **повсеместно терпела** открытое сожителство священников с женщинами»¹. Финалом этого противоестественного аскетизма стало страшное нравственное падение духовенства, отмечаемое как на Западе, так и на Востоке, причем, самими католическими или православными историками, как средних веков, так и современности. «Идеалы аскетического подвижничества только в исключительные эпохи глубоко захватывали общество. Когда наружный блеск и внешняя суতোлка отживающих культурных форм, уже утративших живую силу, создавали пресыщение неглубоко захватывающими наслаждениями, то появлялось стремление к отречению от мира с его утомительным, надоевшим шумом, обнаруживалось тяготение к спокойному, созерцательному уединению. Когда с таким настроением совпадает появление новой религии, оно вызывает глубокое воодушевление, настоящий религиозный энтузиазм. Такое же влияние имели общественные несчастья, которые происходили от внешних врагов или от внутренних беспорядков. Реальные бедствия, которые и в будущем обещали одни безысходные страдания, вызывали отвращение к миру, заставляли искать утешение в надеждах на загробное блаженство, которое, по общему верованию, легче всего достигалось аскетическими подвигами. Неуверенный в завтрашнем дне человек страстно хотел обеспечить себе прочное будущее в бесконечной жизни за гробовой доской. Спасительное «memento mori» тогда чрезвычайно ясно держалось в сознании, потому что на эту мысль наталкивала повседневная действительность. Для Рима и Италии IX и X столетий такое настроение было уже пережитым состоянием. По крайней мере, феодальная знать и тесно связанное с нею высшее духовенство чувствовали себя господами положения среди довольно хаотического состояния тогдашнего общества. Набеги арабов и мадьяр не представляли и сотой доли той опасности, какой грозило некогда нашествие варваров, а из анархии сильные бароны и епископы извлекали только выгоды. Религиозное одушевление ослабело,

¹ Шафф. Указ. соч. Т. 3. С. 171—173.

и аскетическое движение не могло извлекать более питательных соков из общественного настроения. Наступила реакция, которая в духовенстве получила крайне резкие формы, благодаря особенностям самого идеала. Монах и подражавший ему епископ должны были не только подчинять плоть духу, но подавлять в себе все потребности нашей природы. В моменты крайнего религиозного энтузиазма возможно такое напряжение, когда одна идея, одно стремление целиком поглощает человека, заставляет умолкнуть самые основные требования нашего существа. Но в обычное время подобная борьба непосильна и аскет по обязанности начинает уклоняться от своего формального идеала. Бессилие примирить жизнь с моральными требованиями, резкое противоречие между идеалом и действительностью толкали страстные натуры среди тогдашнего духовенства в противоположные аскетизму крайности, и те люди, которые в эпоху религиозного энтузиазма увлекали бы других к подвижничеству, теперь развращали монашество. Невозможность выполнить суровые требования аскетической морали делала ее пустым звуком, приучала игнорировать ее в жизни, и духовенство и монашество забывали свои обеты и пользовались своим положением для более удобного наслаждения теми удовольствиями, от которых формально отрекались. Вследствие этого, в образе жизни между епископами и баронами не было никакой разницы. Ратерий, веронский епископ X века, хорошо знавший своих сотоварищей, живо рисует их жизнь. Прелаты, — по его словам, — живут в княжеских дворцах, которые блестят золотом, шелком и пурпуром. Они наслаждаются изысканными кушаньями на золотых блюдах и ценными винами в дорогих кубках. Во время пиров их слух ласкают музыкальные «симфонии», их зрение услаждают очаровательные танцовщицы. Ночи проходят в разгуле, а поздно начинающиеся дни прелаты проводят на охоте. Со шпорами на ногах и с кинжалом за поясом служат они на скорую руку обедню, чтобы, не теряя времени, отправиться верхом на коне на соколиную или псовую охоту. Еще в худшем состоянии находились монастыри. Огромные богатства, составленные из благочестивых пожертвований государей и частных лиц, давали монахам полную возможность коротать праздное время необузданным разгулом, и некогда святые обители сделались вертепами невообразимых преступлений. Поражающим примером глубочайшего падения монашества может служить история монастыря Фарфа, находившегося в средней Италии. Это была старинная и богатая обитель, пользовавшаяся обширными привилегиями. В половине X века два монаха отравили своего аббата и захватили в свои руки монастырь. Но один из них вынужден был бежать, а другой, по имени Кампо, сделался аббатом Фарфы. Тогда началась своеобразная секуляризация иноческой обители.

Кампо женился; его примеру последовали и другие монахи. Монастырь опустел. Его прежние обитатели поселились с семьями в соседних деревнях и только по воскресеньям собирались в обитель, чтобы похитить что-нибудь из ее драгоценностей. Начался настоящий грабёж церковной собственности. Постаревший Кампо формально роздал монастырские поместья своему многочисленному потомству, а простые монахи расхищали дорогие облачения и священные сосуды, чтобы сделать из них дамские наряды и украшения... Так дело тянулось десятки лет, пока, наконец, явился с войском Альберих и разогнал хищников. Современники уверяют, что глубокое нравственное падение представителей западной церкви X века сопровождалось неверием и что даже на св. Престол восседали язычники, как, например, Иоанн XII, сын Альбериха. Действительно, поведение этого папы могло дать повод к таким подозрениям. Шестнадцатилетний преемник св. Петра был страстный охотник и азартный игрок. Для игры нужно было много денег, и у римского епископа было все продажно: например, за приличное вознаграждение Иоанн XII посвятил в епископы 10-летнего ребенка. К церковным делам он чувствовал глубокое равнодушие, почти презрение: посвятить дьякона в конюшне ему не казалось непозволительным; а во время игры в кости он любил звать о помощи к Юпитеру и Венере. Из этого не следует, чтобы Иоанн XII был убежденным язычником; но едва ли может подлежать сомнению, что папа относился к религии с полным индифферентизмом, а может быть, и с открытым неверием. Такое настроение возможно для тогдашней Италии и вытекало из современных нравов. Аскетический идеал тогда понимался как сущность христианского учения, и его практическое отрицание естественно влекло за собой религиозный индифферентизм и уничтожило живую веру. Но это не был скептицизм развитого ума, который путем философской работы пришел к религиозным сомнениям и отрицанию. Неверие X века было результатом торжествующей чувственности, неумения и бессилия заменить аскетизм идеалами иной морали, результатом полной неспособности к отвлеченной мысли. Это неверие было порождено **мраком глубочайшего невежества** и отлично уживалось с **самыми грубыми суевериями**¹. «Увлечение аскезой широких слоев общества, проводя в монастырь случайных и невольных монахов, ставило перед ним неосуществимую задачу ассимиляцию чуждых по существу монашеству, но подавляющих своею численностью элементов. С другой стороны, экономическое развитие монастырей, вызванное и естественными следствиями труда первых монахов,

¹ Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 70—73.

и популярностью монашеского идеала, и колонизационной политикой государей, изменило их облик, превратив их в земельных магнатов, а, следовательно, и в социально-политическую силу. Политические отношения эпохи увлекали монастыри, и не могли, как мы видели, их не увлекать. Все это лишало монастырь его ассимилирующей силы, ослабляя плодovitость аскетического идеала и давая перевес средней серой массе людей, не холодных и не горячих. И такой, становившийся частью мира, монастырь миру уподоблялся. Еще во времена Карла Великого мы узнаем об охоте монахов на диких зверей, о их веселых празднествах и пирушках. Позднее, когда франкское государство распалось, когда норманны, венгры и сарацины совершали свои набеги, можно найти еще более яркие примеры «обмирщения». В реймском диоцезе в X веке монахи носили шитые золотом шапочки. «Они стремятся к дорогим туникам. Их они стягивают на бедрах и, распустив рукава и волнующиеся складки, обтянув и выпятив задницы, сзади больше похожи на блудных девок, чем на монахов». У турецких монахов сапоги «блестят, как стекло». Нередко какой-нибудь граф-аббат селился около монастыря, иногда даже в нем самом, и вокруг развевалась пышная жизнь маленького двора. Кельи отводились семейным людям. Монахи женились, прокармливая монастырскими доходами своих детей и родственников. Пение псалмов, если не умолкало, то заглушалось шумом оружия или ткацкого станка, приводимого в движение женщинами¹. «В ряду важнейших причин, побуждавших многих испанцев становиться священниками или монахами, следует назвать то усердие, с которым проводилась католическая реформа, отразившаяся как на мировоззрении, так и на поступках испанцев. Учреждение новых орденов, среди которых был орден иезуитов, и реформирование старых орденов, таких, как орден кармелитов или орден августинцев, способствовали привлечению лучших людей к монастырской жизни. Но были и другие причины, по которым представители всех классов посвящали себя служению Богу: младшим детям из дворянских семей (*segudones*), которых система «майората» лишала отцовского наследства, Церковь предлагала быстрый взлет карьеры, обеспечивавшийся их знатным происхождением; для лиц простого звания вступление в один из духовных орденов было единственным средством подняться по социальной лестнице и даже получить высокие посты в Церкви и государстве. Надеясь на это, многие крестьяне шли на большие жертвы, чтобы если не они, то хотя бы их дети могли получить в университете образование, которое позволило бы им получить приход или бенефиций. Наконец, **презрение к физиче-**

¹ Карсавин Л. П. Монашество в средние века. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. С. 37.

скому труду также способствовало увеличению числа тех, кто отправлялся в монастыри не столько с намерением посвятить себя духовной жизни, сколько ради обеспечения себе материального благополучия. «Некоторые утверждают, что религия в наши дни превратилась в один из способов зарабатывать себе на жизнь, — писал в 1624 году епископ Бадахоса, — и многие обращаются к религии так же, как они могли бы заняться любым другим ремеслом». Согласно жалобам, переданным королю в 1625 году, Испания насчитывала девять тысяч мужских монастырей, а число женских монастырей было наверняка не меньше. Добавив к числу монахов и монахинь представителей белого духовенства, можно насчитать минимум двести тысяч лиц духовного звания (при том, что население страны составляло около восьми миллионов). Не только кортесы, представлявшие городскую буржуазию, протестовали против чрезмерного роста количества священнослужителей, в котором они видели причину снижения экономической активности; даже в самой среде духовенства раздавались голоса, призывавшие положить этому предел. В своем произведении «Сохранение монархии» (1626) отец Наваррет выражает мнение, что следует «попросить Папу ужесточить контроль за учреждением новых монастырей, чтобы они не возникали в таком количестве», ссылаясь на то, что «с увеличением числа орденов и монастырей неизбежно возрастает бремя, гнетущее тружеников». Какова же была величина дохода, который получало духовенство с этих владений и к которому следует еще добавить доходы с десятины? Есть основания полагать, что он составлял треть всех земельных доходов Испании. **Оборотной стороной богатства испанской Церкви было известное падение нравов**, которому способствовал и порядок рекрутирования высшего духовенства. На высшие церковные должности назначали монархи. На низших ступенях церковной иерархии хотя и попадались образцовые священники, однако приток в ряды священнослужителей людей, не имевших к этому призвания, объясняет весьма посредственный уровень нравственности многих из них. **Обычным делом было сожительство священника с конкубиной и рождение от нее детей**, и остается лишь удивляться той снисходительности, с какой инквизиция относилась к этим представителям духовенства. Но женские монастыри зачастую были — как и во Франции того времени — прибежищем для знатных дам, которые проводили в них старость или, оставшись без мужа, доживали свой век, или приютом для девиц благородного происхождения, которых, не спрашивая их желания, семья помещала в монастырь. Все это послужило причиной появления «Памятной записки», адресованной в 1574 году Филиппу II одним из монахов-доминиканцев, протестовавшим против проекта продажи цер-

ковного имущества с целью пополнения государственной казны, поскольку это «больно ударит по монахиням, составляющим весьма значительную часть дворянства Испании», ибо «знатные сеньоры и все известные люди, которые могут выдать замуж лишь одну дочь из четырех или шести, потому что требуется слишком большое приданое для каждой из них, не имеют другого выхода, кроме как поместить сестер в монастырь; основатели монастырей именно с этой целью старались обеспечить их, чтобы бедность не толкнула девушек на путь зла, вынудив жить в отчаянии и недовольстве. Для того чтобы они имели постоянную ренту и с нее получали налоги, они давали им земли и слуг». В подобных условиях монахини, вполне естественно, считали себя еще живущими в миру, из которого их вытолкнула лишь необходимость, и потому старались не отказывать себе в удовольствиях. Два частных женских монастыря, относившихся к духовно-рыцарским орденам Калатрава и Сант-Яго и получивших от них свои названия, принимали только женщин дворянского происхождения и были известны тем, что их обитательницы вели весьма обеспеченную, даже роскошную жизнь. Мадам д'Ольнуа писала в конце века о монашках из Сант-Яго: «Обитель этих дам прекрасна; все, кто приходит их навещать, входят туда без труда; обстановка у них не хуже, чем была бы в миру. Они получают очень большое содержание, и у каждой есть три-четыре служанки». Так что жизнь, которую вели в этих светских монастырях, была весьма далека от отрешенности и покаяния: их приемные часто посещались многочисленными визитерами обоих полов; там проводились праздники, устраивались театральные представления и поэтико-теологические состязания (по образцу литературных турниров, которые были тогда в большой моде во всей Испании), темы которых были порой весьма «смелыми»: «Что в любви более ценно — предвкушение или обладание?..» Подобное отклонение находит если не оправдание, то, во всяком случае, объяснение в языке мистической литературы, где, в подражание «Песни песней», божественная любовь объясняется в терминах, сравнениях и метафорах, заимствованных из форм самой что ни на есть земной любви. Этим же объясняется и еще более примечательное явление: «ухаживание за монашкой» (*galanteo de monjas*), феномен, который мог бы показаться невероятным, если бы не находил огромного количества свидетельств в литературных текстах. Быть «ухажером монашки» (*galan de monjas*) означало считать себя рыцарем, служившим Дульсинее, заключенной в стенах монастыря, дать ей понять, хотя бы жестом или взглядом, какую страсть она разожгла, стараться увидеть ее издали, за решеткой хора в монастырской церкви или за решеткой окна ее кельи, посвящать ей, если наделен поэтическим даром, стихи, которые какая-нибудь из сестер-привратниц, посвя-

щенная в тайну, передаст ей, и, наконец, по возможности найти предлог увидеться с ней в приемной и обменяться несколькими любовными фразами. Вовсе не будучи шокированными этой игрой, многие монашки с готовностью предавались ей, и иметь «кавалера» для монашки стало почти столь же естественным, как для девушки, остающейся в миру, иметь жениха. Остроумие сатириков находило обильную пищу в «монастырских ухаживаниях». Среди прочих «подвигов», совершенных одним из персонажей Кеведо, Паблосом из Сеговии, в своей богатой приключениями жизни, фигурируют и «ухаживания за монашками»: «Расставшись с ужасной жизнью комедианта, я выбрал, если можно так выразиться, приключения «ухажера за решеткой». Поводом для этого послужило то, что я встретил более прекрасную, чем Венера, монашенку, по просьбе которой я сложил несколько гимнов и которая полюбила меня после того, как увидела в роли святого Иоанна Крестителя в день праздника Тела Господня. Я решился написать ей записку следующего содержания: «Мадам, я оставил общество, в котором жил, ибо любое общество без Вас есть одиночество» и проч. и проч. Монахиня ответила ему в том же стиле и назначила ему «свидание» во время вечерни, чтобы он мог увидеть ее сквозь решетку: «Трудно даже представить себе, сколько вечерен я выстоял. Я так тянул шею, чтобы ее увидеть, что стал выше на два локтя, чем был до того, как затеял эту любовную интригу». «Наконец, после многих дней, проведенных в томительном ожидании у стен монастыря среди других влюбленных, Паблос, «обдумав, во что ему обходится дорога в ад, которого другие достигают столь легкими и приятными путями», решил оставить эту бесперспективную затею... Но многие не довольствовались этими визуальными удовольствиями, и святотатственный Дон Жуан, штурмовавший двери монастырей, был наказан разве что на театральной сцене, где давали представления по комедиям Тирсо де Молины. «Отдел хроники» газет той поры довольно часто сообщал о похищениях монахинь, инициаторами которых иногда были сами монахини. Жалобы, вызванные этими и тому подобными эксцессами, вынудили правительство Филиппа IV подготовить указ, запрещающий любые отношения между монахами разных полов; но этот указ так и не был опубликован, в частности, по причине того, что «нельзя создавать монахам условия, хуже, чем у других людей...». Подобная терпимость была тем более пагубна, что многие монастыри, по словам П. Хуана де Кабреры, были «населены людьми чувственными и ленивыми, неисправимыми бродягами и честолюбцами, всегда готовыми нарушить мир, религиозное согласие». Многие монахи, бежав из своих монастырей, жили как придется, смешавшись с миром «низов» и становясь порой обыкновенными преступниками. «В Куэлла-

ре, — писал в 1655 году священник Барьонуэво, — один монах-францисканец похитил из монастыря Святой Клары очень симпатичную монашенку, которой было около 20 лет; а в Севилье другой монах, кармелит и хороший проповедник, поссорился со своим прелатом, который посадил его под стражу; бежав, он укрылся в горах Сьерра-Морена, где теперь командует большой шайкой подобных себе: они собирают на больших дорогах «милостыню» с помощью своих мушкетеров». Таким образом, не приходится удивляться, что священник и монах занимают заметное место в сатирической литературе того времени, и тот факт, что инквизиция позволяла публиковать произведения, где они представлены в таком виде, доказывает, что обвинения против них не были лишены оснований¹. «Зло достигло такой степени, что в известном *epistola de miseria curatorum* от 1489 года высказывалась жалоба: «как редко бывает, чтобы священник, который не имеет жены, не осквернился. С того времени, как апостолическое седалище разлучило духовных лиц с своими женами, не осталось ни одного такого, которое бы, при своей святости и воздержании, оставалось свободно от подозрения». Нецеломудренность, которая в известных случаях соединялась даже против природы с так называемыми содомскими грехами, была отнюдь не единственным грехом, которым пятнало себя духовенство и подрывало уважение к себе у народа. У добросовестных лиц из духовенства явилась мысль, что грехи их сословия навлекают на него праведное возмездие, что народы восстают против духовенства. Мы уже видели, как в этом же смысле высказывался председатель базельского собора, кардинал Юлиан Цезарини. Базельский епископ Христофор Утенгейм открыл созванный им в 1503 году диоцезный собор речью, в которой он применял к духовенству слова пророка Малахии: «но вы сбились с пути, и многие погрешили в законе, и нарушили завет Левия, говорит Господь Саваоф. Поэтому, и сделано вам, что вы презренны и недостойны пред всем народом». К этому епископ прибавил: «главным образом поэтому-то почти все миряне враждебно настроены против духовенства, и никто не удивится, если они, ожесточаясь день ото дня все более, дойдут до того, что станут нас преследовать и уничтожать нас, от чего да избавит нас Бог»². Отмечено, что бесчинства носили в основном открытый характер. «Послушаем, что рассказывает Григора о возвращении патриарха Исаяи (XIV в.) из заточения в Манганском монастыре, куда он был заключен Андроником Старшим, на византийскую патриаршую кафедру, на что после-

¹ Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века. М.: Молодая Гвардия, Палимпсест, 2004. С. 140—147.

² Робертсон. Указ. соч. Т. 2. С. 354.

довала воля нового царя, Андроника Младшего. «Взяв Исайю отсюда, — говорит историк, — и посадив на одну из царских колесниц с пурпуровыми украшениями, царь возвратил его на патриаршую кафедру. В этой процессии никто ни из епископов, ни из пресвитеров не шел ни впереди, ни позади; шли же с веселыми песнями флейтисты и флейтистки (они же, заметим, играли в Византии и роль гетер), танцоры и танцовщицы. Одна из флейтисток, — живописует историк, — выдававшаяся среди всех красивой наружностью, сев на коня в мужской одежде, ехала то впереди воинов, то впереди патриарха, причем бесстыдными и пошлыми шутками легко возбуждала нескромный смех как в патриархе (sic!), так и в других». Патриарх едет по улицам Византии в обществе флейтисток-гетер, внемлет сальным шуткам одной из них — невозможная, но действительная картина! Каким нравственным бесчувствием нужно обладать, чтобы не понимать, как это было с патриархом Исайей, что подобное сообщество роняет достоинство пастыреначальника столицы? Если так мало думали о своем достоинстве патриарха, то нет ничего удивительного в том, что клирики еще менее думали об этом. И действительно, некоторые клирики, забывая о своей чести и служении, нередко брали на себя приятное занятие — развлекать публику скоморошеством. Вальсамон, на основании наблюдений над современным ему (XII в.) обществом, передает такие известия о клириках своего времени: «Некоторые из клириков в некоторые праздники (?) иногда ходят в виде монахов или даже в виде четвероногих животных. А иные из клириков, подражая всадникам, бьют по воздуху пальцами, красят себе щеки и притворно исполняют некоторые действия, свойственные женщинам, и другие неприличия, чтобы возбудить тем смех в зрителях». «Когда я спрашивал, — говорит канонист, — каким образом это дозволяется, то не услышал ничего другого, кроме того, что это делается по давнему обычаю». В течение столетия от конца XI до конца XII вв. (от 1080 до 1177 гг.) на Афоне появляется и распространяется, как называют его, «скоромное зло». Это скоромное зло описано современником. Заимствуем из этого описания некоторые характеристические черты. В начале VIII в. на монашеский Афон пришли и поселились там несколько валахов с женами и детьми, вместе с этим на Афоне появились скот — коровы, овцы, мулы. Временами византийские императоры — покровители афонитов — выгоняли мирских жителей с Афона; но сами афониты мало-помалу так привыкли к этим пришельцам, что не только не тяготились ими, а даже сами зазывали их к себе на св. Гору, получая большие выгоды от сожительства с мирянами. Число пришельцев постепенно увеличивалось, так что в начале царствования Алексея Комнина (конец XI в.) на Афоне находилось уже 300 валашских семейств. С этой поры и на-

чалась «скоромная драма» Афонская. Валахи доставляли в святогорские монастыри молоко, сыр и шерсть. Между ними и монахами завязывались меновая сделка и торговля. «Со временем, — по выражению древнего дееписателя, — явились пиршества и дьявольские попойки; дьявол вошел в сердца валахов, и они держали при себе жен своих, одетых в мужское платье, в виде пастухов. Эти женщины пасли овец и прислуживали в монастырях, принося туда сыр и молоко, мяся хлебы, и были они весьма любы монахам, — по замечанию того же дееписателя. — А что между ними делалось, **о том стыдно говорить и слушать**», — заявляет этот последний. Насколько изменилась жизнь афонитов в сравнении с прежним временем, об этом повествователь так говорит: «Некогда умирал один монах в ските, на Афоне, и попросил у окружающих его уксусу, чтобы понюхать его и быть в состоянии побеседовать с ними. Но во всем ските не нашли и стакана уксуса. А теперь у святогорцев большие погреба, наполненные эссенциями и старыми наливками, и от того они скачут, как жеребята диких ослов». На столе у них появилось мясо. Некоторые из монахов, пострадав от греха, потом раскаялись и донесли обо всем тогдашнему патриарху Николаю Грамматику (1084—1111). В записке говорилось о злочинстве валахов, о пагубе от жен их и дочерей, о грехе с животными и о многом другом, что изобрела злоба бесов. Узнал о скоромном зле и император Алексей Комнин. Он приказал переселить с Афона всех валахов и животных. Как же приняли монахи это распоряжение? Дееписатель говорит: «Монахи по изгнании валахов и животных со св. Горы начали плакать и горевать, и был на св. Горе великий плач египетский. Как евреи плакали о мясах египетских и котлах, так и святогорцы не могли забыть валахов». «Афонский безмолвник, — продолжает дееписатель, — шел к другим безмолвникам, и игумены переходили от одного игумена к другому и говорили: «отныне ни житья нам нет, ни покоя, потому что изгоняют валахов и животных». Появились сходки, разделения. И наконец множество монахов решилось уйти вслед за валахами. Только и слухов было: такой-то безмолвник, страшный бесам, уходит с Афона с таким-то валахом и такой-то игумен удаляется с таким-то игуменом. Из монастырей, — утверждает дееписатель, — все полным домом выходили со своими приятелями валахами. В иных монастырях оставались хромцы да слепцы». Изгнали с Афона валахов, их жен, коров, овец, а скоромное зло все продолжало царить на Афоне. Через некоторое время афониты доносили императору Алексею: «У святогорцев нет овец и коров, но зато находятся дети и безбородые. По причине детей и соблазнов от них мы не можем установить начальства в монастырях, потому что дети стали выше старцев и потеряли страх Божий». Патриарх Константинопольский осыпал афо-

нитов за это упреками, обзывал их орудиями бесов и седалищами дьявола и через послание заповедал им твердо помнить древнее монашеское правило: «Не приближай к себе отрока, не говори с ним после стола, и даже в церкви не целуй его» (лобзанием мира)¹. Все это, безусловно, страшным образом дискредитировало духовенство, а вместе с ним и церковь в глазах людей. Но кроме этого, дискредитировалось и само понятие брака. Ибо, как уже упоминалось, люди, которые решали служить Богу, оставляли своих жен, часто просто заточая их в монастырь или насильственно постригая, а вместо них беря себе молоденьких послушниц. Средневековая церковь в вопросе извращения и разрушения института брака пошла еще дальше, чем народ во дни Малахии. И потому грозные слова Ветхозаветного пророка, призывающие людей хранить узы брака нерушимыми, относятся к ним еще более, чем даже к современникам Малахии. А недавние события в США, когда открылся массовый гомосексуализм американских католических священников, еще раз продемонстрировали страшные плоды этого папского антибиблейского учения.

Глава 19

ЗАГАДКА КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ИВАНОВА

«Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф» (Мал. 3:1). Спустя почти 500 лет Сам Иисус Христос скажет, кто был этим ангелом Божьим. «Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: се, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его. От дней же Иоанна Крестителя доньше Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его, ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна. И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти. Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 11:7—15). В Третьяковской галерее в Москве среди картин великих русских мастеров одна приковывает всегда наибольшее

внимание посетителей. Более того, большинство людей, придя в этот музей, сразу спрашивают, а где висит эта картина — картина художника Иванова «Явление Христа народу», картина, на создание которой у мастера ушло 20 лет. И действительно, это полотно завораживает как своим размером, так, и это самое главное, выразительностью изображенных на ней фигур, нарисованных в полный человеческий рост. Смотря на эту картину, мы можем отметить несколько примечательных особенностей. Во-первых, вопреки художественному правилу, передняя часть картины пуста, т. е. ничем не заполнена. Во-вторых, фигура Христа крайне мала и даже практически незаметна, она как бы на заднем плане, хотя, судя по названию полотна, должна бы быть по центру. В-третьих, поставленная в центр фигура Иоанна Крестителя указывает людям на грядущего к ним Христа, но по направлению взора и руки Иоанна смотрят лишь единичные люди. Но все эти, на первый взгляд, странности имеют свое важное и глубокое значение. Передняя часть полотна остается свободной для того, чтобы подошедший к картине человек мог как бы шагнуть в прошлое, оказавшись рядом с героями евангельской истории. И действительно, это пустое пространство на переднем плане оставляет выбор каждому из нас: подойти или нет к Иоанну Крестителю, указывающему на Христа. Фигура Спасителя также не случайно изображена небольшой и на заднем плане. Ибо Бог в первый раз явился не как Царь царей и Господь господствующих, он пришел как агнец, обреченный на заклание. «Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему» (Ис. 53:2). И лишь немногие увидели в нем Мессию. И лишь немногие откликнулись на указующие слова Иоанна Крестителя. Сама личность Иоанна Крестителя является одной из самых ярких в Библии. Недаром он назван самым выдающимся из пророков. Да, до него тоже были великие пророки, но именно ему была уготована особая честь стать предтечей Мессии. Потому Бог не случайно именуется его через Малахию Ангелом Своим. Через того же Малахию Господь сравнивает его с Илией пророком, и Христос еще раз подчеркивает сходство их миссий. Сходство в том, что они оба жили в период духовного кризиса израильского народа. Кризиса, который во дни Илии выразился в господстве языческих представлений в среде иудеев, а во дни Иоанна Крестителя — в господстве мертвой буквы фарисейских и саддукейских предписаний. Страшный либерализм, с одной стороны, и мертвое законничество — с другой. И то и другое в равной степени отвратительно перед Богом. Сходство этих людей выразилось и в их характерах и манере проповедования. Они «не прилизывали» Божью весть о суде, не смягчали ее, понимая, что

¹ Лебедев А. П. Указ. соч. С. 70—71, 76—77.

это было бы преступно с их стороны, ибо могло бы стоить людям потери вечной жизни. При этом мы можем отметить интересную особенность. Когда Иоанн Креститель обращался к фарисеям, иудейскому духовенству, его слова всегда были весьма резки. «Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3:7—10). Кстати, если мы будем исследовать слова Христа, обращенные к духовенству, мы также отметим их резкий тон, и в то же время по отношению к блудницам, вора, язычникам, мытарям у Христа всегда находились слова доброты и участия. Неужели духовенство было хуже проституток и сборщиков податей? Нет, они не были более грешными. Однако, проблема заключалась в другом. Во-первых, в отличие от простого народа, и тем более, язычников, духовенство прекрасно знало Писания и требования Бога, в том числе, о богопоклонении. «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк 12:48). Во-вторых, они умышленно извратили Божью весть и истину, заменив ее своими предписаниями и постановлениями. В-третьих, своим законничеством и ханжеством они отталкивали простых людей от Бога, а язычников практически вообще не допускали к познанию истины, считая их уже безвозвратно погибшими. В-четвертых, они упивались своей самосвятостью и не чувствовали нужды в Боге. А именно ее остро ощущали все те, кого они считали изгоями общества: блудницы, мытари и воры. Они заслоняли от людей спасение и потому в их адрес ни у Христа, ни у Иоанна Крестителя не было слов милости, а были лишь слова обличения, которыми они в последний раз пытались образумить этих самоправедных святош. Проповедь Иоанна Крестителя потрясла Иудею, потрясла все иудейское общество. Но если одни увидели в ней спасительную весть, то для других она стала светом, обличившим их тайные и явные пороки. Среди последних была и царица Иродиада, жившая в незаконной связи с царем Иродом, который, наконец, по наущению своей любовницы повелел заточить Иоанна Крестителя в крепость Махерон. «Сама [эта] крепость образована была скалистым холмом, подымающимся на чрезвычайную высоту и потому уже одному труднопобедимым, но природа позаботилась еще о том, чтобы он был недоступен. Со всех сторон он окружен непроницаемой глубины пропастями, так что переход через них затруднителен, выравнивание же их землей совсем невозможно. Западная горная впадина простира-

ется на 60 стадий и доходит до Асфальтового озера и как раз на этой же стороне Махерон достигает наибольшей высоты. Северная и южная впадины уступают хотя в длине только что упомянутой, но тоже делают невозможным нападение на крепость; что касается восточной, то и она имеет не менее 100 локтей глубины; но примыкает к горе, противоположной Махерону. Царь иудейский Александр первый осознал благоприятные условия этого места и построил на нем крепость, но она впоследствии была скрыта Габинием в войне с Аристовбулом. Когда же на престол вступил Ирод, он нашел, что это место больше всякого другого заслуживает особенного внимания и сильнейшего укрепления, в особенности еще вследствие соседства арабов, против владений которых эта крепость образовала по своему положению чрезвычайно выгодный пункт. Он обвел поэтому обширное пространство стенами и башнями и основал там город, через который лежал путь в цитадель. Точно так же он и самую вершину горы окружил стеной и построил на углах башни по 160 локтей каждую. Посреди укрепленной таким образом площади он воздвиг дивный дворец, помещавший в себе множество просторных и изящных покоев; в наиболее подходящих местах было построено еще много цистерн как для сбора, так и для сохранения обильных запасов воды. Таким образом, царь, соперничая с природой, при помощи искусственных сооружений сделал это место еще более непобедимым. Далее он снабдил крепость огромным запасом стрел и машин и старался вообще всевозможными средствами поставить гарнизон в такое положение, чтобы он мог противостоять продолжительнейшей осаде»¹. «До сего дня сохранились страшные пещеры — тюрьмы Махерона. Стены пещеры имеют явно искусственное происхождение, очевидно, она была некогда подземельем замка. Здесь, в этой угрюмой темнице и содержали Иоанна Крестителя после ареста»². Что мог по-человечески думать Иоанн Креститель — величайший из пророков, второй Илия, Ангел Господень, предтеча Мессии, оказавшись в мрачной камере неприступной крепости. Ведь он делал все, как повелел ему Господь. Он не взирал на лица, не страшился гнева людей, не преследовал своих целей, не имел ничего своего. И вот как бы за все это — мрачное подземелье. Последнее, о чем он просил через своих учеников, так это узнать у Христа, подлинно ли Он Мессия. Но почему вместо ответа Спаситель не явился Сам к Своему верному пророку в его тюремные чертоги? Почему Он не утешил его, как Лазаря, Марию, самарянку у колодца? Насколько было бы легче Иоанну Крестителю, окажись Христос рядом с ним! В этом также зало-

¹ Флавий. Иудейская война. Указ. соч. Гл. 6, 1—2. С. 638—639.

² Келлер В. Библия как история. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 402.

жен важный урок для нас. Ибо человек спасается верой, а вера — «есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). Это то, что далеко не всегда можно потрогать руками или увидеть глазами. Если бы сегодня Бог или ангелы явились бы людям зримо, то все стали бы верующими. Но, что это была бы за вера? У одних — из страха, у других — из безысходности, у третьих — из расчета. Бог всегда незримо присутствует рядом с человеком, если тот, конечно, желает этого. Также незримо Он присутствовал и с Иоанном Крестителем в его мрачной камере, давая ему духовное подкрепление, которое только и помогло ему выстоять. У Бога нет лицемерия. И если бы Он зримо явился к Иоанну Крестителю, то Он должен был бы тогда зримо являться ко всякому из Своих детей, терпящих нужду и испытания. Но истинная вера как раз и заключается в том, чтобы люди осознавали незримое присутствие Бога в их жизни. Присутствие, с одной стороны, незримое для глаз, а, с другой стороны — ощущаемое в том мире, покоя и радости, которые дарует Бог в любых испытаниях. Цель миссии Иоанна Крестителя была приготовить людей к пришествию Христа, вернуть им понятие об истинном богопочтении. Сегодня в мире звучит та же весть, какую провозглашал и Иоанн Креститель: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2). Кого-то эта весть обличает во грехе, кого-то заставляет остановиться, кого-то пересмотреть свою жизнь. Сегодня этот призыв более широко выражен в Трехангельской вести, предназначенной именно для нашего времени (Откр. 14: 6—12), вести, призывающей нас выйти из Духовного Вавилона — союза лжехристианских церквей и языческих религий. Сегодня эта весть вызывает еще большее противодействие, чем служение Иоанна Крестителя. Сегодня также неистовствуют тысячи коварных Иродиад, развратных Саломей и слабовольных Иродов. Сегодня мир также делится на тех, кто принимает и кто отвергает весть Иоанна Крестителя, Ангела Господня. Сегодня мы не просто стоим перед картиной Иванова «Явление Христа народу», сегодня мы стоим перед выбором, который предопределяет, в конечном итоге, нашу вечную участь.

Глава 20 ВНЕЗАПНЫЙ ПРИХОД...

«Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф! (Мал. 3:1). Ключевым словом второй части этого стиха является слово «внезапно». Бог внезапно придет в Свой

храм. С одной стороны, это может показаться очень странным. Ведь каждый день люди идут в храмы на поклонение Богу. В воскресные дни и дни праздников храмы заполнены тысячами людей, обращающихся к Богу, взывающих к Нему. Многие церкви вообще учат о зримом присутствии Бога в святых иконах или статуях, не говоря уже о, якобы, великих чудесах, совершающихся, к примеру, на Пасху. Сегодня в мире 1, 5 млрд. христиан, а Христос говорит: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18:8). Бог придет внезапно в Свой храм! Да, сегодня сотни миллионов христиан, но многие ли из них ожидают прихода Бога? Если мы начнем исследовать вероучения более, чем трехсот существующих ныне христианских конфессий, то мы увидим, что в 99% из них идея II Пришествия Христа либо отсутствует вовсе, либо ей придается одно из последних мест. Весьма интересна позиция Римо-католической церкви по этому вопросу. «Католическое учение не обязывает нас верить, что Господь в буквальном смысле сойдет однажды утром или днем с неба на облаках... Каждый человек должен будет в конце-концов предстать пред Судом Божиим, но **как именно, когда и при каких обстоятельствах, мы не знаем**»¹. И это пишут при наличии того, что в Библии четко оговорены и обстоятельства, предшествующие II Пришествию, и принципы, и критерии суда. В Восточных церквях II Пришествие отнесено ко времени через несколько тысячелетий от нынешнего дня. Другие христиане учат, что когда Христос придет во второй раз, то наступит время Тысячелетнего царства, и тогда у каждого из непокаявшихся еще будет возможность прийти к Богу. Третьи учат тому, что Бог уже незримо явился на землю. Четвертые говорят о том, что Бог настолько добр, что помилует всех людей и потому особо думать о II Пришествии не надо. Удивительно, но одна из центральных тем Библии — тема о II Пришествии Христа — официально отсутствует в догматике практически всех христианских конфессий. Да, силы зла поработали действительно хорошо. Но, к сожалению, даже у тех, кто себя именует ожидающими II Пришествия, жизнь не всегда свидетельствует об этом. Ибо вера во II Пришествие должна вести к изменению жизни. Каждый, как мы уже говорили, из членов раннеапостольской церкви был миссионером. Они были не просто неплохими людьми, посещающими по субботам церковь, возвращающими десятину и хорошо относящимися к своим близким. Нет, это были в полном смысле слова служители Евангелия и людей. Да, сегодня существуют миллионы христиан, молящихся в миллионах храмов и при этом не чувствующих нужду в приходе Бога. Да, люди стеноют от болезней, горестей, имеют во многом

¹ Рауш. Указ. соч. С. 263.

нужду, но прихода Бога не желают. Он просто оказался лишним в их религии. Безусловно, мы не говорим здесь обо всех. В каждой религии у Господа есть верный остаток. Но сама догматика церквей, их история, образ жизни большинства прихожан позволяют сделать этот страшный вывод. Бог внезапно придет в Свой храм! В храм, где Его уже никто не ждет или ждут, но своего Бога. Поэтому, когда Христос пришел в первый раз, Его не приняли те, кто о Нем очень много говорил, писал научные трактаты. И первый во время земного служения приход Христа в Свой Храм в Иерусалиме был в этой связи весьма примечательным. Столы менял — это был символ фарисейского богопоклонения, символ того, насколько было извращено истинное богопоклонение. А как поступил бы Христос сегодня, если бы вошел во многие церкви, в которых продают «причастное» вино «Кагор» и духовные амулеты?... Как бы Он поступил, если бы увидел, как крещение, причастие, бракосочетание проводятся за деньги, взываемые в нескольких метрах от алтаря?... Как бы Он поступил? И как поступили бы те, которые находятся в храме, не обрушились ли бы они на Него с проклятьями и обвинениями в богохульстве, как фарисеи тех далеких времен? Бог внезапно придет в Свой Храм! Он придет и напомнит людям, что это Его, а не их храм. Что этот храм носит Его имя, а если так, то и поклонение в нем должно быть таким, каким повелел ему быть Он. А если они не принимают этого, то в их адрес зазвучат те же слова, что Он сказал тогда иудеям: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матф. 23:38). Бог внезапно придет в Свой Храм! Говоря об этом событии, Христос сказал следующую притчу: «И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился. И послал в свое время к виноградарям слугу — принять от виноградарей плодов из виноградника. Они же, схватив его, били, и отослали ни с чем. Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем. И опять иного послал: и того убили; и многих других то били, то убивали. Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградаря сказали друг другу: это наследник; пойдем, уьем его, и наследство будет наше. И, схватив его, убили и выбросили вон из виноградника. Что же сделает хозяин виноградника? — Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим. Неужели вы не читали сего в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мк. 12:1—10). Да, священники, которым был вверен уход за Божьим виноградником, т. е. церковью, за наживой забыли о своем предназначении, распорядясь им, как им было угодно. Более того, они убивали Божьих пророков, вестников, которые

приходили и обличали их. Наконец, они убили и Самого наследника — Христа, решив стать окончательно хозяевами виноградника. Но Хозяином его все равно остается Бог. И Он внезапно придет в Свой Храм! Придет к ужасу и злобе виноградарей. «И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде. Тогда благоприятна будет Господу жертва Иуды и Иерусалима, как во дни древние и как в лета прежние. И приду к вам для суда и буду скорым обличителем чародеев и прелюбодеев и тех, которые клянутся ложно и удерживают плату у наемника, притесняют вдову и сироту, и отталкивают пришельца, и Меня не боятся, говорит Господь Саваоф» (Мал. 3:2—5). Бог внезапно придет в Свой Храм! Внезапно придет во Второй раз! Придет уже для окончательного Суда! Судить чародеев — тех, кто принадлежит к различным языческим религиям, начиная от шаманства и заканчивая буддизмом, кто увлекается магией, астрологией, эзотерикой. Судить прелюбодеев не только физических, но и духовных, тех, кто изменили Божьей истине, заповедям, променяв их на человеческие постановления. Судить тех, кто обманывает и говорит неправду. Судить корыстных и мздоимцев. Судить тех, кто притесняет более слабых и тех, кто зависит от них. Судить тех, кто в духовной или национальной гордыне отталкивает неверующего или представителя другой нации. Судить, наконец, тех, кто потерял страх Божий. А страх Божий по Библии — **это ненавидеть зло**. «Страх Господень — ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу» (Прит. 8:13). В этих перечисленных различных категориях людей представлены разные стороны и виды греха, греха тайного и явного, плотского и духовного, «большого» и «малого». Бог внезапно придет в Свой Храм!

Глава 21

ОТЦОВСКАЯ ИЛИ ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ?

«Ибо Я — Господь, Я не изменяюсь; посему вы, сыны Иакова, не уничтожились» (Мал. 3:6). Благодаря чему сегодня все еще продолжает существовать наш мир? Задумаемся над этим вопросом! Он отнюдь не отвлеченно философский. Ибо, анализируя историю земли последних десятилетий, мы наблюдаем постоянную цепь счастливых «случайностей», которые не раз спасали наш мир. Можно здесь вспомнить и неудавшиеся вопреки всему попытки фашистской Германии создать атомное оружие. С одной

стороны, III Рейх вкладывал в это огромные деньги, ибо это было одним из главнейших его направлений, а с другой — нацистские спецслужбы арестовывали и высылали как раз именно тех физиков, которые ближе всего подходили к разгадке тайны атома. И, кстати, именно они на Западе и создали, в конце концов, это смертоносное оружие. Но представим себе на минуту, что оно было бы создано в Германии и оказалось бы в руках Гитлера. Тогда Вторая мировая война, безусловно бы, завершилась ядерной катастрофой. Здесь можно вспомнить и смерть Сталина на самом пороге задуманной им III мировой войны. Можно вспомнить и Бен Ладена с его неудачными попытками сделать теракты на ядерных объектах. Вспомнить и Карибский кризис, чуть не закончившийся войной между СССР и США. Мир за XX век многократно застывал на самом пороге страшной планетарной катастрофы. Что же заставляло его остановиться? Спросим себя еще, а благодаря чему сегодня существую лично я? Существую, когда миллионы людей погибают от действия страшных стихий, умирают от неизлечимых болезней, гибнут от рук террористов и военных конфликтах. Ибо никогда еще подобного нашествия стихий и бедствий мир не знал. Спросим также себя, а благодаря чему сегодня существует Божья Истина, Библия, Божья Церковь? Ведь по-человечески они должны были исчезнуть во времени. Исследуя ветхозаветную историю израильского народа, мы видим постоянную цепь событий, которые должны были привести его к уничтожению: египетское и вавилонское рабство, страшное господство греческой династии Селевкидов и римлян. Несколько раз издавались указы о полном истреблении иудеев и их религии — в Египте во дни Моисея, в Мидо-Персии при Амане, в Сирии при Антиохе Епифане. Но каждый раз происходило чудо, и народ выживал. Вспомним историю раннехристианской церкви. Как ее стремились уничтожить фарисеи, а затем в течение трех веков она подвергалась почти непрерывающимся гонениям со стороны языческого Рима, взявшего цель на полное уничтожение даже самого имени христиан. Но это самая великая империя в истории человечества, сокрушившая сотни народов и царств, так и не смогла справиться с безоружными людьми! Это необъяснимо с точки зрения человеческой логики. Вспомним, каким нещадным и планомерным гонением подвергалась Библия со стороны папского Рима. Вспомним миллионы сожженных Ватиканом за следование Божьей истине. И вновь мы наблюдаем, как этот новый, уже духовно-политический Рим потерпел полное фиаско в борьбе с людьми, у которых единственным оружием была Библия. Мы можем вспомнить и страшные преследования христиан в немецких концлагерях и сталинских ГУЛАГах. Но Божья Истина и Божья Церковь выжили. «Ибо Я — Господь, Я не изменяюсь; посему

вы, сыны Иакова, не уничтожились» (Мал. 3:6). Сегодня наш мир, церковь, лично каждый из нас существует только благодаря Божьей любви и верности Божьих обетований, которые Господь дает Своему народу. Он обещал и обещает хранить и вести Своих детей. Он обещает Своим детям: «Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно; и всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, — ты обвинишь. Это есть наследие рабов Господа, оправдание их от Меня, говорит Господь» (Ис. 54:17); «Воззови ко Мне — и Я отвечу тебе, покажу тебе великое и недоступное, чего ты не знаешь» (Иер. 33:3); «Ныне же так говорит Господь, сотворивший тебя, Иаков, и устроивший тебя, Израиль: не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя» (Ис. 43:1—2); «Господь сказал: конец твой будет хорош, и Я заставлю врага поступать с тобою хорошо во время бедствия и во время скорби» (Иер. 15:11). Библия содержит более 3 000 обетований и каждое из них Бог желает воплотить в нашей жизни, но только если мы доверимся и последуем за Ним. Ибо насильно, против воли человека, Он ничего не делает. «Со дней отцов ваших вы отступили от уставов Моих и не соблюдаете их; обратитесь ко Мне, и я обращусь к вам, говорит Господь Саваоф» (Мал. 3:7). Это очень важные Божьи слова, которые являются ответом для тех людей, которые заявляют: мы поклоняемся Богу так, как поклонялись наши отцы. Мы исповедуем религию отцов и дедов. Так вот, Бог выступает всегда против религии отцов, если она не основана на Библии. Он хочет, чтобы мы исповедовали и поклонялись Ему не так, как наши отцы, а так, как об этом говорит Он Сам. Мы должны исповедовать не религию отцов, а религию Христа. Ведь и церковь называется не отцовской или дедовской, а христианской! Господь говорит, что Он сможет обратиться к нам и стать Властелином нашей жизни только в том случае, если мы обратимся к Нему. И здесь мы вновь видим то уважение, которое Бог питает к нашему выбору. В отличие от ревнителей религии отцов, Он не навязывает нам Свою религию. Он хочет добровольного, осознанного поклонения. Ибо Богу важна не только форма, но, в первую очередь, мотив и цель поклонения.

Глава 22

ДВЕ ГРИВНЫ ИЗ ШЕСТИСОТОГО МЕРСЕДЕСА

«Можно ли человеку обкрадывать Бога? А вы обкрадываете Меня» (Мал. 3:8). Эти слова Малахии более всего изумили и возмутили слушателей. Во-первых, они считали себя, как мы уже го-

ворили, очень праведными людьми, а тут их обвиняют, да ни в чем-нибудь, а в воровстве! И не против кого-нибудь, а против Самого Бога! А, во-вторых, совершенно странно звучали сами слова: обкрадывать Бога! Как же Бога можно обворовать? И Бог через Малахию сразу же отвечает им: «Десятиною и приношениями» (Мал. 3:8). Более того, Он добавляет: «Проклятием вы прокляты, потому что вы — весь народ — обкрадываете Меня» (Мал. 3:9). Вдумаемся в это. Бог называет воров всякого, кто неверен в десятине и приношениях. Он называет его тем же словом «вор», что и тех людей, которые грабят квартиры и режут сумки. Являемся ли в контексте этого ворами мы с вами, читатель. Может быть, этот вопрос покажется резким, как он показался и слушателям Малахии? Но от нашего ощущения смысл не меняется. Более того, по тому, как остро мы восприняли его, мы можем судить об истинном нашем духовном состоянии. Ибо чем человек раздраженнее реагирует на обличение, тем тяжелее его духовное состояние. Здесь мы можем вспомнить уже упоминаемого нами царя Ирода и его любовницу Иродиаду, вспомнить то, как болезненно они реагировали на обличения Иоанна Крестителя. И одновременно можно вспомнить простых людей, которые плакали о своих грехах после обличения Иоанна. Но что такое десятина? Как она появилась? Куда она идет? Почему она является необходимым условием для поклонения Богу? Разве Богу нужны наши деньги? Впервые упоминание десятины в Библии относится ко времени Авраама, когда последний принес десятую часть своих доходов царю-священнику Мелхиседеку (Быт. 14:20). По законам, данным Богом Моисею, каждый израильтянин должен был давать десятую часть от всех своих доходов (урожая, скота и т. д.) Богу (Левит 27 глава; Числ. 18:21). Десятина была символом признания Божьего авторитета, как Владыки всего и как Царя народа. Десятина — это то, что принадлежит Богу. Поэтому, упоминая о десятине, нужно говорить не об отдаче ее, а о ее возвращении Богу. Ибо десятая часть людям не принадлежит. Господь обильно благословляет людей, давая им все необходимое для жизни, забирая при этом Себе лишь десятую часть. Здесь мы можем вспомнить из истории системы налогов, которыми в разные века облагались люди. И как нам говорит история, процент возврата составлял в основном не 10%, а 80%, а то и более. Но это людские законы. Бог несказанно милостивее людей. К тому же, сама десятина, шедшая на содержание храма и служащих в нем, в конечном счете, шла на тех же людей, способствуя сохранению их духовного здоровья и получения духовной пищи. Десятина подлежала строгому учету. Для ее хранения при храме были специальные кладовые, надзор за которыми был поручен левитам (2 Пар. 31:11). Не только возврат, но и использование десятины является очень се-

рьезным вопросом. И всякий, кто смеет нарушить святость десятины, навлекает на себя Божье проклятие. И потому, когда сегодня многие говорят: мы не знаем точно, на что идет десятина, правильно ли ее используют, не наживается ли кто-то корыстно на ней, то на основании Библии мы можем сказать: это уже Божье дело. С нашей стороны мы должны вернуть десятину как повелевает Бог, а если кто-то и неверно использует ее, то он ответит за это перед Богом. И ответ этот будет страшным. Ибо проклят всякий, обкрадывающий Бога! Пусть же каждый ответит за себя. И будем смотреть не на других, а на себя, анализируя свою верность Господу. Сегодня в столь кризисное время многие говорят: у меня такая маленькая пенсия или зарплата, где уж мне возвратить десятину. Неужели Бог не видит и не учтет этого. Но подчеркнем еще раз, десятина нужна не Богу. Он не нуждается в наших средствах. Десятина нужна нам самим, ибо через ее возвращение воспитывается наш характер, наша вера. Недаром с десятиной связаны очень многие библейские обетования, о которых упоминает и Малахия. «Принесите все десятины в дом хранилища, чтобы в доме Моем была пища, и хотя в этом испытайте Меня, говорит Господь Саваоф: не открою ли Я для вас отверстий небесных и не изолью ли на вас благословения до избытка? Я для вас запрещу пожирающим истреблять у вас плоды земные, и виноградная лоза на поле у вас не лишится плодов своих, говорит Господь Саваоф. И блаженными называть будут вас все народы, потому что вы будете землею вожделенною, говорит Господь Саваоф» (Мал. 3:10—12). Бог обещает нас несказанно благословить. Это не людское обещание, а Божье. Он предлагает нам испытать Его! Испытать Самого Бога! И история, и повседневная жизнь демонстрируют нам, что это действительно так. Верные в десятине никогда не терпели недостатка ни в хлебе, ни в воде, даже тогда, когда был повсеместный голод и война. И авторы этих строк знают очень много подобных примеров. Возвращая десятину, каждый из нас, таким образом, принимает участие и в провозглашении Евангелия, ибо десятина идет и на проведение евангельских программ и семинаров. Десятина — это не просто буква поклонения, это живое сотрудничество с Живым Богом. Удерживая десятину, мы сами навлекаем на себя проклятие, ибо отвергаем Бога, показываем свое неверие в Него, неверие в возможность для Него разрешить наши проблемы; показываем также и свою алчность. Однако, помимо десятины Бог говорит и о том, что народ обкрадывает Его в приношениях. Хорошо. Десятина, вроде бы, понятна — это десятая часть зарплаты, десятая часть прибытков с урожая, или какого бы то ни было другого дохода. Но где числовое выражение приношений? Как знать, жертвуя, не обкрадываю ли я Бога своим недостаточным приношением? На вопрос, как опре-

делить необходимую сумму для приношений, пожертвований на неимущих, обустройство храма и т. д., нам хорошо отвечает один библейский стих. «Но каждый с даром в руке своей, смотря по благословию Господа, Бога твоего, какое Он дал тебе» (Втор. 16:17). Смотри по благословию. И действительно, для бедной вдовы ее лепта была целым капиталом, а для, к примеру, богатого фарисея даже пятьдесят лепт были мелочью. Приношение — это то, что представляет сумму в ваших глазах. Приношение — это не подаяние нищему двух гривен (десяти рублей) из окна шестисотого мерседеса и затем долгие воспоминания о своей благотворительности. Приношение — это то, что представляет для вас значимость. Итак, истинного богопоклонения не может быть без верности в десятине и жертвованиях, говорит нам Бог через пророка Малахию.

Глава 23 НА ПОСЛЕДНЕМ СЕАНСЕ

Перед полетом в космос по традиции советские космонавты всегда смотрели фильм «Белое солнце пустыни». Смотрел его и экипаж космонавта Волкова, не подозревая при этом, что это последний фильм, который они смотрят в своей жизни. Ибо этот полет для них стал последним. Впрочем, это был для них не последний сеанс, ибо еще один фильм, как они, так и все когда-либо жившие на земле посмотрят в своей жизни. При этом для одних он принесет слезы радости, а для других — слезы отчаяния и безысходности. Этот фильм предстоит однажды просмотреть и нам с вами, читатель. Причем, для каждого он будет сугубо индивидуален. Это будет фильм о его, нашей собственной жизни. В течение мгновений пред нами пройдет вся наша жизнь... «Дерзостны предо Мною слова ваши, говорит Господь. Вы скажете: «что мы говорим против Тебя?» Вы говорите: «тщетно служение Богу, и что пользы, что мы соблюдали постановления Его и ходили в печальной одежде пред лицом Господа Саваофа? И ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя искушают Бога, но остаются целы». Но боящиеся Бога говорят друг другу: «внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его». И они будут Моими, говорит Господь Саваоф, собственностью Моею в тот день, который Я соделаю, и буду миловать их, как милует человек сына своего, служащего ему. И тогда снова увидите различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и не служащим Ему» (Мал. 3:13—18). Да, вопрос того, почему порой процветают нечестивые и терпят лишения пра-

ведники волновал людей всегда. Многие восклицали: где же справедливость Божья? Другие доходили до того, что вообще отрицали Бога. Третьи говорили, что Он лишь является сторонним наблюдателем за однажды сотворенной Им планетой. Четвертые брали на себя функции праведных мстителей, решив бороться против зла с оружием в руках. И здесь мы можем, к примеру, вспомнить и Уотта Тайлера в XIV веке, и Томаса Мюнцера в XVI веке, поднимавших простой народ на борьбу за правду под знаменем Евангелия. Но все эти человеческие взгляды на проблему существования несправедливости и методы борьбы с ней рано или поздно терпели провал. Провал потому, что они основаны были на человеческих понятиях. Библия же раскрывает перед нами скрытые механизмы истории, философию истории. Да, на нашей земле существует несправедливость. Существует благодаря греху, который впустили в наш мир наши прародители. Но не будем все списывать на них. Ибо сколько сегодня миллионов людей делают выбор в пользу зла, отдаваясь во власть князя тьмы, который становится властелином их душ, который стремится причинить как можно больше несчастья людям, и особенно тем, которые идут за Богом. Но может ли Бог полностью оградить, изолировать Своих детей от зла, поместив их в своеобразные тепличные условия? Конечно может, но Он не делает этого, причем, во имя нас самих же. Ибо, допуская в нашей жизни различные неприятности, беды, Он тем самым воспитывает наш характер, готовя его для вечности. Ибо с гордым, корыстным, малодушным, завистливым, похотливым характером люди не смогут наследовать спасение. А для подготовки характера нужно время, и это время называется — жизнь. Во-вторых, если бы Бог полностью ограждал верующих в Него от всех напастей и неприятностей, то тогда многие становились бы верующими из корысти, а не из-за любви к Богу и ненависти ко греху. В-третьих, если бы Бог полностью ограждал от всего Своих детей, то тогда бы силы зла обвинили Его в необъективности, обвинили бы в том, что люди служат Ему из-за страха и корысти, но если у них убрать Божьи благословения, то они не будут верны Господу. Именно это хотел показать дьявол на примере Иова, но потерпел полное поражение. Но такое положение вещей будет не всегда. Действие сил зла, время несправедливости имеет свой конец. И конец этому положит Второе Пришествие Христа, после которого грех навеки будет изглажен, а его родоначальник со своими приспешниками навечно погибнут. А сейчас Библия говорит, что на небе пишутся особые две книги: первая — это книга жизни, куда заносятся имена всех людей, которые когда бы то ни было приняли Христа. И вторая — это памятная книга, куда заносятся все дела и мысли человека. И потому, что будет написано в этих книгах, будет представлено на Небесном Суде, который

определит, в конечном счете, вечную участь каждого. «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20:11—12). Перед взором людей пройдет вся их жизнь. И если праведники увидят то, как их вел Господь, Которому они верили себя и свои жизни, как Он спасал и благословлял их, очищая их характер от греха и порока, то нечестивые увидят, сколько раз в жизни они отвергали Божественный призыв покаяться, они увидят все свои темные дела и мысли. «И когда откроются небесные книги и глаза Иисуса обратятся на безбожников, они осознают все свои грехи. Беззаконники увидят во всей ясности, когда и при каких обстоятельствах они отвергли путь чистоты и святости и как гордыня и сопротивление Богу привели их к нарушению Божьих заповедей. Перед ними предстанут, как бы записанные огненным пером, обольстительные искушения, которым они уступали, потворствуя греху; они вспомнят презрительное отношение к вестникам Божьим, отвергнутые предостережения, отклоненные упрямыми и непокорными сердцами волны великого милосердия и любви. Над Божьим престолом возносится крест и, как в панораме проходят над ним картины искушения Адама, его падение и последующие события воплощенного Плана спасения. Рождение Спасителя в скромных обстоятельствах, Его юность, исполненная послушания и простоты, крещение в Иордане, пост и искушения в пустыне, публичное служение, Его проповеди — драгоценный мир и благословения Небес всем людям, Его повседневная жизнь, насыщенная делами любви и милосердия, ночи молитвы и бодрствования среди одиночества и тишины гор, заговоры, вокруг Него, незабываемая ночь в Гефсимании, когда Он упал на землю, сокрушенный бременем человеческих грехов, предание Иисуса в руки кровожадной толпы, издевательства над беззащитным Узником, оставленным даже любимыми учениками, появление Сына Божьего перед Анной в первосвященническом дворце, судебный зал Пилата, где Христос был осмеян, унижен, измучен и, наконец, осужден на смерть... И дальше, перед взволнованным множеством спасенных проходят заключительные сцены: кроткий, терпеливый Страдалец идет на Голгофу, Князь мира висит на кресте, а надменные священники и грубая чернь издеваются над Его муками, — и сверхъестественная тьма, землетрясение, шум и треск разваливающихся скал, отверстые могилы, ознаменовавшие собой момент смерти Искушителя. Страшная панорама проходит во всем своем подлинном величии. Сатана, его ангелы и подданные также не могут отвести глаз от картин, при-

надлежащих их кисти. И каждый участник злодеяний вспоминает то, что было сделано им. Ирод, по приказу которого были убиты невинные младенцы Вифлиема, чтобы таким путем погубить и царя Израиля, развратная Иродиада, виновница гибели Иоанна Крестителя, слабовольный приспособленец к обстоятельствам своего времени Пилат, издевающиеся солдаты, священнослужители, старейшины и обезумевшая толпа, вопиющая: «Кровь Его на нас и детях наших», — теперь все они понимают чудовищность своей вины. Напрасно пытаются они укрыться от божественного величия Его лица, превосходящего своим сиянием солнце, в то время как искупленные возлагают венцы к ногам Спасителя и восклицают: «Он умер за нас!». Среди сонма искупленных есть и апостолы Христа. Здесь мужественный Павел, пламенный Петр, любящий и любимый Иоанн и их прямодушные братья, вместе с ними огромное множество мучеников. А за стенами и воротами святого города находятся те, которые, прибегая к самым низким и коварным методам, гнали, мучили и убивали их. Там Нерон — чудовище жестокости и порока. Он видит теперь радость тех, над которыми некогда издевался и в страшных мучениях которых находил сатанинское наслаждение. С ним его мать, чтобы увидеть плоды собственных трудов. Унаследовав от нее многие черты характера, ее сын, находясь под ее влиянием, совершал преступления, содрогавшие мир. Там папские священнослужители, представлявшие себя посланниками Христа, а на самом деле с помощью тюрем, эшафотов и костров делавшие все возможное, дабы поработить Его народ. Там высокомерные папы, которые возносили себя выше Бога и присваивали себе право изменять закон Всевышнего. Так называемые отцы церкви должны теперь дать отчет Богу, от Которого желали бы уклониться. Слишком поздно они убеждаются, что Всевышний Бог — ревнитель Своего закона и Он никого не оставляет без наказания. Они видят, что Христос соединил Свою жизнь со Своим народом-страдальцем и сознают всю силу Его слов: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матф. 25:40). Безбожный мир теперь предстает перед судом Божьим, обвиненный в измене небесному правлению. У безбожников нет защитника, для них нет пощады и над ними выносятся приговор вечной смерти. Теперь все они понимают, что возмездие за грех — это не высшая степень независимости и вечная жизнь, а рабство и смерть. Безбожники видят, что они потеряли вследствие собственного возмущения. Они с презрением отнеслись к вечной славе, предложенной им, но какой желанной и недостижимой кажется она им теперь! «Все это, — вопиет каждая погибшая душа, — я мог бы иметь, но предпочел оттолкнуть от себя. О ужасный обман! Я променял мир, счастье и честь на отчаяние, несчастье и позор!» Беззаконники убе-

дятся в справедливости Божьего приговора. Собственной жизнью они заявили: «Мы не хотим, чтобы Иисус царствовал над нами». Как зачарованные, нечестивые смотрят на коронацию Божьего Сына. Они видят в Его руках скрижали божественного закона — постановления, которые они отвергли, слышат голоса искупленных, полные восхищения и любви. И когда радостные песнопения доносятся до стоящих за стенами города, все они единогласно восклицают: «Велики и чудны дела Твои, Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святых!». Упав на землю, они поклонятся Князю жизни. На славу и величие Христа сатана взирает, как парализованный. Тот, который раньше был осеняющим херувимом, вспоминает, откуда он пал. Светлый серафим, «утренняя звезда», как ты изменился! Как низко ты пал! Люцифер навсегда исключен из небесного совета, где когда-то пользовался почетом и уважением. Он видит теперь Иисуса, стоящим перед Отцом и наделенным Его славой. Люцифер видит, как могущественный ангел торжественно возлагает на голову Христа корону, и понимает, что эта высокая честь могла бы принадлежать ему. Перед Люцифером проносятся картины его былой непорочности и чистоты, он вспоминает далекие времена мира и согласия, пока сам не начал роптать против Бога и завидовать Христу. С поразительной отчетливостью предстают перед ним собственные обвинения против Бога, всевозможные хитрые уловки, к которым он прибегал, чтобы завоевать симпатии и поддержку ангелов. А когда Бог обещал ему Свое прощение, как упорно он отказывался раскаиваться. Он вспомнил свою коварную работу среди людей и ее последствия: вражду человека к ближним, уничтожение жизней, рождение и падение царств, свержение престолов и непрерывные кровопролитные войны, вооруженные конфликты и революции. Он видит результаты своих стараний противодействовать Христу и неусыпных желаний толкать человека все ниже — в бездонную пропасть греха. Адские замыслы сатаны оказались бессильными уничтожить тех, кто уповал на Иисуса»¹. Так пройдет последний сеанс в жизни десятков миллионов людей. Страшный Великий день Божьего Суда, о котором писал Малахия, настал. «Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попадут их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей. А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и разыграете, как тельцы упитанные; и будете попира́ть нечестивых, ибо они будут прахом под стопами ног ваших в тот день, который Я соделаю, говорит Господь Саваоф. Помните закон Мо-

¹ Уайт Е. Великая борьба. К.: Вісник миру, 1993. С. 626—629.

исея, раба Моего, который Я заповедал ему на Хориве для всего Израиля, равно как и правила и уставы. Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не порази́л земли проклятием» (Мал. 4:1—6). Так величественная миссия, которую когда-то нес Илия, унаследовал Иоанн Креститель, а в последнее время, перед Вторым Пришествием Христа, эта весть Илии, весть о Божьем Суде будет провозглашена всеми теми, кто откликнется на Божий призыв подготовить мир к возвращению своего Господа, восстановить принципы истинного богопоклонения. Сегодня этой особой вестью, обращенной к сердцу каждого из живущих на земле, является Трехангельская весть.

Глава 24

ТРЕХАНГЕЛЬСКАЯ ВЕСТЬ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Задавали ли вы себе вопрос: что происходит с нашим привычным миром и жизненными устоями? Нас вынуждают думать, жить по иным, невидимо навязываемым и насаждаемым меркам и законам, и существует только одно средство от гибели в наступающем хаосе: Вечное Евангелие — весть спасения. Приближается то время, когда его глас в последний раз с особой силой осветит землю через проповедь Трехангельской вести (Откр. 14:6—12). Сегодня большинство людей тех стран, где совершается проповедь Евангелия, поставлено перед окончательным выбором и ни один человек на земле, услышавший евангельскую весть, не сможет уклониться от принятия решения, которое повлияет на его вечную участь. Когда голос Божий обращается «ко всякому племени, языку и народу», то перед всем миром встает ответственность за избираемый путь.

Последняя жатва всемирной истории

Стремительно приближается время последней жатвы всемирной истории, о которой говорил Иисус Христос: «Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела» (Иоиль 3:12). «И вышел другой ангел из храма и воскликнул громким голосом к Сидящему на облаках: пусти серп свой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела» (Откр. 14:15). «Жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы» (Мф. 13:39). Все, что породила человеческая премудрость, что веками пленяло умы целых народов, сегодня показывает свою нежизнеспособность. Это время великого последнего экзамена на состоятельность всех философских систем, мировых религий, государственных устройств, политических и эко-

номических доктрин человеческого сообщества, время подведения итогов. Оглядываясь назад и обозревая путь, по которому шло мировое сообщество через века, можно сделать следующий вывод: все теории моделирования мироустройства этого сообщества потерпели крах. Философы и революционеры разных мастей предлагали свои пути избавления от «недугов старого мира», но они никуда не привели. Так, теория исторического прогресса на пороге XIX в. утверждала, что человечество движется к вершинам научного и культурного процветания — к некоему «золотому веку». Несколько позже классики марксизма доказывали, что победа коммунизма — сначала в одной стране, а потом во всем мире, — неизбежна и наступит эра процветания человечества. На наших глазах повержены в прах эфемерные идеи коммунизма, которые оказались бесплодными, подобно смоковнице из 21 главы Евангелия от Матфея. Долгое время среди разбросанного по всем континентам еврейского народа созревала идея создания мессианского благословенного государства с центром в Иерусалиме, которое станет во главе всего мира. Но сионизм, призывавший рассеянное по свету еврейство собраться в Израиль, обнаружил свое бессилие и бесплодность именно в созданном им же государстве, которое раздираемо внешними и внутренними конфликтами и противоречиями. Не получилось и арабского единства из-за противостоящих друг другу шиитов и суннитов, затяжные конфликты между которыми перерастают в братоубийственные войны, как это было совсем недавно между Ираком и Кувейтом, и что наблюдается во взаимоотношениях между Сирией и Ливаном. На сегодняшний день демократические права и свободы демонстрируют свою иллюзорность и несостоятельность в ряде стран классической демократии Европы и Америки. Эпоха демократических свобод постепенно уступает место тоталитарному контролю, вводимому якобы «во имя безопасности» населения (?). В мире зреет самый грандиозный за всю историю человечества проект всемирной империи, именуемый как Новый мировой порядок. В прошлых веках так называемым «мировым империям» не удалось завладеть всем земным шаром, но сегодня на наших глазах воплощается в жизнь последний всемирный проект глобализации, о котором говорит Библия. Глобализм незаметно постепенно и бесшумно опутывает своими сетями ничего не подозревающий мир, затягивая все туже нити и воплощая в жизнь лелеемый на протяжении многих веков план по созданию мировой империи. «Впервые в истории человечества различные политические силы сплотились для достижения единой цели — объединения всей планеты под управлением Нового мирового порядка... Если мировое сообщество не будет противостоять появлению мирового правительства, тогда независимые государства прекратят

свое существование, и во всем мире будет установлена глобальная экономическая система» (текст обложки книги Г. Каха «Глобализация на пути к всемирному завоеванию»). Глобалисты стремятся создать свою модель мироустройства путем централизации мировой политической и религиозной власти, централизации мирового капитала и тотального контроля над всеми областями жизнедеятельности человеческого сообщества. Навязываемая идея объединения государств вытекает якобы из необходимости защиты общечеловеческих интересов выживания в условиях усиливающегося терроризма и надвигающихся экономических и экологических кризисов. Но на самом деле за этой «ширмой» стоят геополитические планы сильных мира сего, которые насаждают псевдомемократические режимы путем «бархатных» революций, путем подкупа политических лидеров и военного вмешательства. Таким образом, эпоха демократических свобод постепенно уступает место эпохе тоталитарного контроля во имя безопасности. В мире происходят интенсивные глобальные процессы, которые вторгаются во все сферы человеческой жизни. Они охватывают все материки и достигают самых отдаленных мест планеты. Сегодня некогда непреодолимые расстояния перестали быть таковыми благодаря техническому прогрессу. Об этом говорит пророчество: «концы земли сблизились и сошлись» (Ис. 41:5). Через перемещение огромных масс населения из одной части света в другую, из экономически слабо развитых стран в страны с более высоким уровнем жизни, происходит смешение рас, народов национальностей, культур и обычаев. Не случайно пророчество Даниила, указывая на завершение человеческой истории, говорит о смешении народов через «семя человеческое». Впервые за прошедшие тысячелетия человеческой истории весь мир стал единым информационным пространством. Все, что происходит где-то на земле, тут же становится известным во всех концах мира. Процессы глобализации коснулись:

— религии: все более набирает сил и ширится такое религиозное течение как экуменизм (объединение всех религий под руководством папы);

— политики (создание Организации Объединенных Наций, которая является неофициальным мировым правительством и арбитром; выдвижение США как единственной сверхдержавы, навязывающей остальным странам свои геополитические планы);

— экономики и финансов (создание единых экономических пространств, ВТО, Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд и т. д.).

Земной шар стал похож на большое общежитие, в котором люди слушают одну и ту же поп-музыку, смотрят одни и те же мыльные сериалы, едят одну и ту же пищу быстрого приготовления.

ния, генно-модифицированные продукты, и болеют старыми и новыми болезнями. История и границы перекраиваются. Изменение всего жизнеустройства идет полным ходом. Наш мир, начиная с XIX века, стал самым шумным и беспоконным местом во всем мироздании. Шум и грохот военных конфликтов воюющих народов, попирающих 10-ую заповедь, взрывы техногенных катастроф, рев музыкальных шоу, крики и свист тысяч фанатов на спортивных состязаниях и многое другое сотрясают не только землю, но и окружающую атмосферу планеты. Этот непрекращающийся шум, доходит до небес и беспокоит все мироздание — шум греховного разгула — был предсказан еще пророком Исайей в VIII в. до Р. Х.: «Увы! Шум народов многих! Шумят они, как шумит море. Рев племен! Они режут, как режут сильные воды» (Ис. 17:12). Записи на обнаруженных археологами глиняных табличках повествуют нам о том, как древние шумеры объясняли причину всемирного потопа: так как люди в то время вели себя очень буйно и шумно, и этим беспокоили небожителей, то именно поэтому они и были наказаны водами потопа. Несомненно, в этом предании есть доля правды, но Библия открывает нам более глубокую причину потопа: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. ... земля раздвинулась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями» (Быт. 6:5, 11). Наблюдая за стремительно происходящими в мире процессами, можно сделать следующий вывод: ныне на земле создалась экстремальная ситуация, которую не переживало ни одно из прошлых поколений землян. Слово Божье говорит об этом: «Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (Откр. 12:12), — вот почему он подвергает доколе небывалой массивной атаке человеческую личность во всей ее совокупности (все жизненно-важные органы тела, весь организм, нравственную сферу жизни, религиозные устои, семью и само человеческое сообщество в целом). Исходя из данной ситуации, зададим правомерный вопрос: почему надвигающийся кризис «врасплох» застает человеческое сообщество, которое психологически не подготовлено к тому, чтобы выдержать грядущие испытания? Главная причина, ослепившая и ослабившая человека и общество, состоит в том, что **человечество утратило историческую память своего происхождения**. Это произошло в результате отвержения библейского учения о сотворении мира и человека Богом, что явилось для него (человечества) невосполнимой потерей. Повсеместно принятая миром и нашедшая поддержку католической церкви, эволюционная теория Дарвина лишила людей истинного понимания их происхожде-

ния, высшей цели и смысла человеческой жизни. Не случайно именно в наше время появилось характерное определение «потерянное поколение» — то поколение, которое не знает, для чего оно живет, откуда появилось, куда идет и что его ожидает в будущем. Своего рода «научное затмение» (распространение эволюционной теории) началось с середины XIX в. Дерево этого учения породило в обществе множество ядовитых плодов. Приведем ниже несколько цитат и примеров:

«Кейт, будучи дарвинистом, указывал на прочную связь между эволюционной теорией и целями германского фюрера (Keith, 949, 230)»¹.

«Теория отбора учит, что в жизни человека, а так же животных и растений, повсюду и во все времена может существовать и процветать лишь небольшое избранное меньшинство, тогда как огромное большинство страдает и умирает от голода в ужасных условиях, причем преждевременно»² (надо быть слепым, чтобы не увидеть воплощения этой теории в планах современных глобалистов) — нарушение 8-й и 10-й заповедей. Принцип «побеждает и выживает сильнейший» лежит и в основе «экономического дарвинизма», капиталистического общества (термин из французской экономической литературы): большие и мощные концерны и фирмы разоряют и уничтожают слабых конкурентов.

Эта лженаучная эволюционная теория породила легализацию сексуальной свободы (нарушение 7-й заповеди), глашатаем которой стала Маргарет Мид (1901—1978 гг.), «гражданские браки» и легализацию марихуаны (так на сегодняшний день в Голландии установили запрет на курение в общественных местах — кафе, ресторанах, барах, — но не запретили в этих местах употребление наркотиков).

Массивной атаке подвергается мозг человека как вместилище разума, практических, научно-технических и духовных знаний, как центр человеческой личности и свободной воли. На эту цитадель, в которую вход имеет лишь Бог, посягнул через гипноз, через вторжение в подсознание враг. Как плод эволюционной теории возникла атеистическая теория Фрейда, выдвигающая главенство подсознательных, неконтролируемых разумом сексуальных мотивов. Эта полностью отрицающая Бога, Его спасающее и благословенное воздействие на человеческий разум через Духа Святого, через голос совести, теория дала толчок к распространению небезопасного использования гипноза для лечения душевнобольных людей. То, что Бог называет одержи-

¹ Иен Тейлор. В умах людей. Дарвин и новый мировой порядок. Симферополь, 2001. С. 446.

² Там же. С. 448.

мостью, пытались и продолжают «исцелять», пытаюсь изгонять бесов, впуская в подсознание врага рода человеческого. Только этим и можно объяснить возникновение на почве фрейдовской теории искусства хаоса — сюрреализма. [Сюрреализм — сверхреальность; течение в литературе, живописи, музыке, где место логических ясных форм и образов, гармонично отображающих созданный Творцом окружающий мир, а также внутренний мир человека, заняли кошмары, галлюцинации, хаос, бредовые образы подсознания — большого и одержимого рассудка, образы ночных кошмарных сновидений. Вспомним хотя бы картины Сальвадора Дали, почитателя и поклонника Фрейда и его теории, либо «Наваждения» — фортепианные миниатюры С. Прокофьева. Отрыв от Бога ввергает человека в хаос, чему примером может служить возникновение атональной музыки, додекафонии].

Отвергая Бога, эволюционная теория отвергла также нравственность, попрапа личную свободу выбора человека. Через средства массовой информации и новые методы и программы в школах проводится модификация сознания и поведения людей (управление поведением человека без его согласия); формируются вкусы толпы через навязывание массовой культуры посредством низкопробных суррогатных произведений (если так можно назвать ту музыку, которая звучит на дискотеках, в плеерах молодежи и та «литература», от которой ломятся прилавки киосков, в книжные магазины, как правило, мало кто заходит). Проводя планы глобалистов в жизнь, «СМИ создают ситуацию информационной перегрузки», концентрируя внимание на обыденном и незначительном, либо на грандиозных и пустых шоу, футбольных матчах, конкурсах на звание мисс мира и т. п. При этом, как известно, «блокируются главные духовные способности (эмоциональные, интеллектуальные, творческие)». Масскультура создает своего рода барьер, выше которого большинство не сможет подняться, т. к. перегруженный информацией мозг не способен принять тот материал, что находится выше барьера по эмоциональным и интеллектуальным параметрам. Существует новое определение — используемое СМИ — «хаотизация сознания». Так формируется человек низкого интеллекта, человек толпы, а по сути — раб и слуга. В мире правит «ситуационная этика» индивидуализма ничего общего не имеющая с Божьими заповедями: правильно то, что выгодно и приносит успех. Сегодня мир живет под лозунгом: «каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Суд. 17:6). Таким образом человек и общество сами определяют, что есть добро и зло. Как справедливо отметил в своем выступлении патриарх Московский Алексей II, сегодняшний международный свод законов по правам человека нарушает нравственные нормы, данные Богом в Его заповедях,

поскольку легализует однополые и так называемые «гражданские» браки. Не порицается «свободная» любовь, гомосексуализм, лесбиянство. Пороки и распутство больше не прячутся в ночных притонах, всякое бесстыдство и нечестие открыто демонстрирует себя на страницах газет и журналов, на телеэкранах и подиумах, на огромных щитах реклам. Разве не об этом мы читаем в Слове Божьем: «О грехе своем они рассказывают открыто, как Содомляне, не скрывают...» (Ис. 3:9). Этот далеко не полный обзор разрушительного воздействия эволюционной теории на развитие жизненно важных процессов в мире хотелось бы завершить следующей цитатой: «Это злое учение о том, что человек — просто развившееся животное, нанесло невыразимый вред особенно в прошлом столетии. Та или другая группа энергично внедряли расизм, экономический империализм, коммунизм, нацизм, сексуальную распущенность и извращения, агрессивный милитаризм, детоубийство, геноцид и все формы зла на том основании, что, поскольку они основывались на эволюции, их действия «научны», и поэтому в конце концов будет доказана их целесообразность»¹ Итак, мы видим, что современное человечество переживает все усиливающийся стремительный кризис, который происходит в трех основных направлениях:

— это кризис веры, потеря человеком связи с Богом (этот первостепенный кризис породил все остальные кризисы в истории мира);

— это кризис межличностных, межличностных и международных отношений (это кризис человеческой морали);

— это кризис экологический, порожденный техногенной деятельностью человека и его нравственными грехами («земля осквернена под живущими на ней...» (Ис. 24 гл.).

Реальность такова — современное мировое сообщество не может своими, даже объединенными силами разрешить многочисленные проблемы, возникшие повсеместно. А научно-технический прогресс не только не решил проблем и не избавил от кризисов личность, семью и общество, но еще больше их обнаружил. Он раскрыл современному миру пределы его возможностей: современная цивилизация бессильна победить грех и его последствия теми средствами и силами, которыми она обладает. Человек не может стать своим спасителем: он нуждается в Спасителе сверхъестественном. Бог видит катастрофическое состояние человечества, которое захлестывают волны греха, порока и насилия и с состраданием обращается к жителям земли с Вестью Вечного Евангелия — вестью спасения (Откр. 14:6, 7).

¹ Галли Н. Христос грядет. Заокский: Источник жизни. 2005. С. 520.

Вечное Евангелие

Евангелие — благая весть — возникло не в следствии грехопадения людей, а до их возможного падения. Еще **до сотворения мира** Бог застраховал людей на случай их отступления и непослушания жизнью и смертью Своего Единородного Сына Иисуса Христа. Евангелие включает весь план спасения, начиная от предвечного решения спасти род людской через проповедь, звучащую в тысячелетиях человеческой истории, продолжающую звучать и простирающуюся в грядущую вечность — в Царство Божье. Вот почему в Откровении в 14 главе оно названо Вечным Евангелием. Оно охватывает прошлое, настоящее и бесконечное будущее. «... Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое» (Гал. 1:11). В Новом Завете использовано греческое слово, обозначающее «не имеет начала и конца», т. е. безначальное, как и Сам Бог! Вечное Евангелие — это выражение любви высшего порядка — Божьей всеобъемлющей и жертвенной любви. Иисус Христос — «Агнец, закланный от создания мира» (Откр. 13:8) — стоит в начале этой цепи веков и в ее конце. Он есть Альфа и Омега, Начало и Конец, Первый и Последний. Апостол Петр говорит: «Зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, **предназначенного еще прежде создания мира**, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших чрез Него в Бога» (1 Петра 1:18—21). Апостол Павел неоднократно писал:

— о **предвечном определении Бога** (Еф. 3:11);

— о благодати для святых **данной нам прежде вековых времен** (2 Тим. 1:9);

— об избрании святых **прежде создания мира** (Еф. 1:4);

— о надежде вечной жизни **прежде вековых времен** (Тит. 1:2).

Все эти тексты говорят, что **прежде создания мира**, **прежде грехопадения** Бог приготовил план спасения. Вот почему Евангелие названо вечным и его можно даже назвать предвечным [План спасения человечества был образно представлен через служение в земном Святылище, а после смерти и воскресения Иисуса продолжается еще сегодня в небесном храме во святом святых небесного Святылища (Евр 8:1—13 и 9 глава). В ходе истории эта истина была утеряна, вот почему в конце времени она напоминает в вечном Евангелии]. Бог во все века был и продолжает быть любящим людей Отцом. Через Своего Единородного Сына Он защитил свободу всех разумных существ мироздания, но не свободу творить беззакония, а свободу святой и праведной жизни. В нашем греховном мире часто проповедуется урезанное Евангелие. Урезанное Евангелие (благодать без закона, как проповедуют баптисты, либо спасение без Спасителя — у католиков) губительно,

оно поражает дух. Вечное Евангелие возвещает путь преодоления греха и смерти, который ведет в необозримую и прекрасную вечность в Небесном Царстве. И так как мир грешный подходит к своему последнему рубежу, именно в Откр. 14:6—12 через 3-х ангелов громогласно звучит над всей землей в последний раз весть Божьей милости, весть предупреждения и спасения. В последний раз Бог обращается к миру с вестью, в которой заключена надежда всех веков.

Последний отсчет времени или время конца

В рабочем режиме центров управления космическими кораблями есть особый момент, когда время словно спрессовывается и счет уже идет не на месяцы и дни, и даже не на часы и минуты, а на секунды: «... 9, 8, 7, 6... 1 — пуск!» — и корабль стартует. Так и в земной истории река времени медленно катил свои волны до того момента, когда в Центре управления вселенной Самим Господом была запущена заранее разработанная программа последнего отсчета времени (в Библии этот период назван **временем конца**). С этого момента время, словно горная лавина, начинает свое ускорение и счет уже идет не на века и десятилетия, а на годы и даже дни! — это наше с вами время! Господь Своей рукой открывает заключительную главу истории греховного мира. Эту точку отсчета — середину XIX века (точнее 1844 год) — можно назвать великим моментом Истины или началом великого света, который подобно солнцу начал восходить над миром все разрастаясь и ширясь. Что же произошло тогда? «Как свидетельствует Книга пророка Даниила. «А ты, Даниил, сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее, и умножится ведение» (Дан. 12:4) Выделим в этом стихе главные мысли: **увеличение познания должно стать признаком того, что мир в своей истории достиг периода времени конца**. Этот поток света, наводняющий мир познанием, должен быть признаком того, что апогей — высшая точка веков — находится рядом. **Вторая мысль этого стиха заключается в том, что в этом периоде должна быть распечатана пророческая Книга Даниила**, то есть пророчества этой книги, не вполне понимаемые прежде или имеющие особое применение к нашему времени, должны быть представлены миру... Бог заявил, что Книга Даниила уже не запечатана. Истины, находящиеся в этой книге, полны значения сегодня для всего мира. Духовное познание должно увеличиться». Дух Господень обратил внимание миллеритского движения в первой половине XIX века на пророчество о 2 300 вечеров и утр (Дан. 8:14). И хотя миллериты ошибочно истолковали конец 2 300 вечеров и утр как время Второго пришествия Господа Иисуса Христа на землю, это духовное пробуждение и желание встретить грядущего Спасителя побудило многих усиленно исследовать

пророчество Даниила. И вот перед нами удивительный результат: настойчивым и терпеливым исследователям-адвентистам открылся чудный свет истины о начале следственного суда на небе в конце 2 300 вечеров и утр, то есть в 1844 г. (Дан. 8:14; Откр. 14:6). «Видал я в ночных видениях, вот с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему» (Дан. 7:13). В этой главе повествуется, что Ветхий днями (Бог Отец) воссел на престоле суда и судьи небесные «сели и раскрылись книги». В присутствии мириадом ангелов и небесных существ начался небесный суд над «домом Божиим». Этот суд не будет обжалован или пересмотрен, он решит вечную участь каждого. Что может быть более значимо и судьбоносно для каждого человека?! Подведем небольшой итог: книга Даниила стала открывать свои пророчества в то же время, когда Христос начал Свое служение на Небесном суде — пошел отсчет времени конца. Для ускорения процессов освещения мира светом Евангелия, Бог дарует человечеству свет научно-технического познания. Именно в начале XIX века «... мир, говоря, символическим языком, обратился от свечи к прожекторам современного знания и изобретений»¹.

В это же самое время произошла и вспышка миссионерской деятельности — первая после апостольского периода — которая стала отправной точкой всемирного миссионерского движения.

В это же время Господь воздвигает на земле Свою церковь остатка — церковь ожидающих Второе пришествие Христа.

«Я думаю, нет более важных истин для времени, в котором мы живем, чем истины, помещенные в 14 гл. Книги Откровение. Здесь мы находим причину, объясняющую наше существование, как единого народа ради провозглашения вечного Евангелия Христа через веру в Него и через послушание Его заповедям, ради возведения вести о наступлении часа суда для этого мира, ради опознания власти зверя и предостережения людей не принимать его начертание»². «Особая миссия адвентистов седьмого дня — нести свет миру и стоять на страже истины... Господь поручил им самую почетную миссию — возвестить миру вести первого, второго и третьего ангелов. И нет более важной работы, чем эта. Адвентисты не вправе занимать свое внимание чем-то иным»³.

Трехангельская весть — Божий ответ на главные проблемы современности

Библия — от Книги Бытие и до самого конца Откровения — говорит нам о великом плане спасения земных жителей. Но есть в ней весть особая, приготовленная Богом для последнего поколе-

¹ Дики А. Бог говорит..Заокский: Источник жизни. 1996.

² Кэвин Хейден. «Просеивание среди народа Божьего». Заокский: Источник жизни, 2004.

³ Уайт Е. «Свидетельства для Церкви». В 9 т. Заокский: Источник жизни. 2000. Т. 9.

ния греховного мира, который столкнется лицом к лицу с непомерной яростью доживающего остаток дней «князя мира сего», с его изощренной и прикрытой ризами «святости» ложью. Божье провидение даровало нам особый духовный свет в вести трех ангелов. **Это Божий ответ на главные проблемы современности.** Только Бог мог предвидеть, с чем столкнется человечество в конце истории, какие заблуждения будут угрожать людям, и какие силы сыграют последнюю губительную роль в заключительной драме истории. Первый ангел показан летящим «высоко в небе» с благой вестью — вечным Евангелием — и провозглашает он Евангелие громким голосом (слово «Евангелие» встречается здесь в последний раз, как последнее предупреждение о грядущих событиях). Он несет весть о том, как устоять и избежать вечной гибели. Именно в наши дни звучит страстная проповедь о пока еще возможном спасении через веру во Христа и искреннее раскаяние. Эта весть звучит через спутниковое телевидение, через евангельские компании, проводимые в городах и селениях, через повсеместное распространение Слова Божьего и христианской литературы. Но все меньше и меньше людей отзывается на последний призыв Божьей любви. «Убойтесь (почтите) Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его» (Откр. 14:7). В новом переводе этот текст звучит так: «Опомнитесь и вострепещите перед Богом» (почтите Бога). Бог просит погибающего человека опомниться, чтоб тот принял волевые усилия для своего спасения. Опомниться — значит стряхнуть, как наваждение, с себя мирскую суету, праздность и почтить Бога своим вниманием, признать Его своим Господом, желать познать Его лично и Его святую волю. Подобно тому, как замерзающему непреодолимо хочется уснуть, так и постоянное воздействие греха усыпляет нераскаянную душу. Нам следует убоиться остаться с нераскаянными перед Богом грехами, которые, как жернова, утянут на дно гибели. «Убойтесь (почтите) Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его». Удивительное словосочетание — «Слава за суд». Наше человеческое ухо не в состоянии это воспринять, так как в нашем понимании суд есть орудие кары. Как можно славить за то, чего страшишься? Здесь кроется особый, удивительный и полный надежды смысл для тех, кто доверился Христу и принял Его спасительную весть. Слово Божье говорит нам, что во всех веках дети Божьи прибежали к Господу за спасительными судами, которые падали на головы их врагов. Вот почему мы встречаем такие слова в Ветхом Завете: «Милость и суд буду петь; Тебе, Господи, буду петь» (Пс. 100:1). «... Пробудись для суда моего, для тяжбы моей... Суди меня по правде Твоей» (Пс. 34:23, 24). Кто безраздельно вверяет себя Господу и с детской верой взывает к Нему — тому суды во спасение! Господь говорит Своему народу: «Суд Мой поставлю во

свет для народов» (Ис. 51:4). На небесном следственном суде в присутствии миллионов небесных существ называются имена будущих граждан вечности. Только суд покажет, сколько долготерпения и премудрости явил Бог, чтобы спасти каждого отдельного человека. С каким огромным интересом будет выслушана ходатайственная просьба Христа в защиту каждого человека, омытого Его кровью. Это еще одна история спасения — новое Евангелие для всякого, кто будет вписан в книгу вечной жизни. Если мы замечаем, с каким напряженным вниманием подсудимые в наших земных судах выслушивают окончательное решение по их делу, то тем более нам надлежит приложить все старание и усердие, чтобы в итоге услышать положительное решение Божьего суда в нашу пользу. Итак, «убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его» (Откр. 14:7). Это и будет окончательное торжество милости и справедливости во вселенском масштабе. Не требует доказательства, что всякий суд на земле говорит о наличии закона, но законы земные несовершенны и зачастую несправедливы, но Закон Божий — «свят, и заповедь праведна и добра» (Рим. 7:12). Не удивительно и то, что откровение о небесном суде совпадает по времени (середина XIX в.) с восстановлением целостности Божьего закона, изложенного в десяти заповедях (Исх. 20:1—17). И это восстановление Бог поручил Церкви адвентистов седьмого дня. Именно в провозглашении первой ангельской вести сказано: «Поклонитесь Сотворившему небо и землю, море и источники вод». Эти слова из четвертой заповеди Закона Божьего — перечисление созданной Богом сферы нашего обитания: неба и земли... делает акцент на творческом всемогуществе Создателя, а также на самом моменте создания, апофеозом которого становится радостный покой после завершения созидательных дел, наслаждение от созерцания сотворенного мира и общение Бога с человеком, — это отделенное и освященное время седьмого (субботного) дня, когда Творец Сам успокоился от дел Своих и повелел человеку соблюдать это вечное установление (Исх. 20:8—11). Принимая его, человек тем самым говорит Господу: «Я безраздельно Твой». В идеале жизнь христианина в этом дне, от захода солнца в пятницу до захода в субботу, становится одним неделимым актом поклонения Творцу и признание Его Господином своей жизни. Суббота поэтично названа храмом во времени, который будет стоять вечно (Ис. 66:22, 23), а один верующий назвал субботу дверью в Божий Небесный дом.

Возвращение Вавилона последних дней

Вторая ангельская весть провозглашает: «И второй Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы» (Откр. 14:8). Почему снова возвращается дважды изжившая себя истори-

чески вавилонская модель мироустройства и каковы ее характеристики? Первый Вавилон описан в Ветхом Завете в книгах: Бытие 10, 11 главы, в книгах 4 Царств 20—25 главах и в ряде других. Пророки Иеремия и Исая, Даниил предвозвестили падение этого великого царства. Из истории нам известно, что последний период вавилонского могущества продлился с 605 по 539 годы до Р. Х.

Вот три основных кита, на которых зиждилась мощь Вавилонской империи: 1) государственный деспотизм (подчинение личности государственной машине); 2) вавилонская религия, в которой элементы истины были смешаны с языческими мифами; 3) вавилонская наука, в которой истинные знания были соединены с магией и астрологией. **Союз религии, государства и магии** — это те узы, которыми были повязаны общество, семья и личная жизнь подвластных Вавилону людей. Вавилон завоевал окружающие народы военной силой, а вавилонская религия, наука и магия поработали своим влиянием духовную жизнь покоренных народов. «Вавилон был золотой чашей в руке Господа, опьянявшею всю землю: народы пили из нее вино и безумствовали» (Иер. 51:7). Вавилон считал, что его собственная мудрость дала ему власть над миром, но это был самообман. Бог позволил Вавилону господствовать в мире семьдесят лет, и только поэтому Вавилон пленил жителей Иерусалима и Иудеи. Но власти Вавилона пришел конец — Бог опрокинул его золотую чашу, Вавилон пал и более никогда не был восстановлен. Вторично вавилонскую модель мироустройства повторил языческий, и продолжил средневековый Рим. Священное Писание, а именно Книга Откровение, использует слово «Вавилон» шесть раз, называя его «городом великим» и указывает на то, что он погибнет в последние дни истории земли (см. Откр. 18). Древний город Вавилон уже давно лежал в развалинах к тому времени, когда апостол Иоанн написал Книгу Откровение, и уж конечно не первый Вавилон назван им «городом великим». Апостол Петр (1 Петр. 5:13) тоже назвал Рим Вавилоном. Эту же терминологию применил к Риму известный христианский богослов и писатель раннего средневековья Августин, который был епископом г. Гиппона в Северной Африке (413—426 гг.). В своем труде «Град Божий» он писал: «Выражаясь кратко, город Рим был основан как новый Вавилон и дочь прежнего Вавилона, с помощью которого Богу было угодно [Мы не согласны с высказыванием «Богу было угодно» — нет, это не было Ему угодно, но данная цитата прекрасно характеризует устремления Рима; эти же планы проводят в жизнь современные глобалисты] завоевать весь мир и подчинить его вглубь и в ширь, установив одно правление и законы» (кн. 18, гл. 22). О том, что первый Вавилон пал, было известно уже во дни первой христианской церкви, то есть с I по IV века по Р. Х. И это никого не удивляло. О том, что

языческий Рим той же эпохи также образно называли новым Вавилоном было понятно всем мыслящим христианам. Но то, что новый Вавилон — Рим останется духовным Вавилоном даже после того, как христианская церковь станет государственной в самом Риме, вызывало великое недоумение апостола Иоанна, как это описано в Откровении (гл. 17): «... я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом... и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых, и видя ее, дивился удивлением великим» (Откр. 17:3—6). Итак, что же такое жена — Вавилон великий? Жена в Библии обозначает религиозную систему. Это говорят пророки и апостолы Христовы. У Исайи читаем: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы» (Ис. 1:21; Иер. 2:32—37). «У тебя лоб блудницы, ты отбросила стыд» (Иер. 3:3). То же у Иезекииля (см. гл. 16). Здесь Израиль — ветхозаветный народ Божий — представлен блудницей, которая блудит с царями Египта, Ассирии, Халдеи. В Новом Завете Церковь также — символ жены Христовой (Еф. 5:24, 32). Подобно тому, как ветхозаветная церковь блудила с царями земными (то есть вступала в союзы с языческими царями и их богами), так в эпоху Средних Веков государственная церковь блудила с царями земными: «С ней блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (вино из чаши, что она держит в руке) (Откр. 17:2). Эти далеко зашедшие союзы церкви с государствами Европы в литературе принято называть «папоцезаризмом».

Пророчество говорит, что Вавилон пал «потому, что он яростным вином блуда своего напоил все народы» (Откр. 14:8). Что значит «яростное вино блуда»? В древнем Вавилоне были так называемые «ворота смесительниц», возле которых располагались притоны. Там бывшие рабыни-вольнотпущенницы торговали не только своими телами, но и винными коктейлями, приправленными особыми снадобьями. Всякий посетитель, отведав эти напитки, неудержимо отдавался во власть страстей. Подобным же образом смешение истин с заблуждением опьянили народы, находившиеся во власти «великой блудницы» средневековья — римской церкви. Индульгенции, инквизиция, крестовые походы, бесчисленные реликвии, статуи святых, ложные чудеса, учение о чистилище и великое множество обрядов — все это содержало, с одной стороны элементы христианского учения, а с другой мифологию и элементы языческих культов. Правда искусно была

перемешана с ложью и народы средневековой Европы, насильственно лишённые света Библии, питались преданиями, не имеющими основания в слове Божьем, а непокорных сжигали на кострах и пугали адскими мучениями после смерти. Но прошли века и в эпоху новой истории, в XVIII веке, в той же Европе (особенно во Франции) люди отвергли не только католические (языческие) наслоения в религии, но и саму веру в Бога. Длительное извращение христианского учения привело к его полному отвержению — к атеизму. Так наступила эпоха скептицизма и безрелигиозной культуры в большинстве стран Западной Европы. Но в начале девяностых годов прошлого столетия пал безбожный государственный атеизм в России и Восточной Европе. Что же происходит сегодня? Вместо того, чтобы «пить» из чистого источника Слова Божьего, большинство людей предпочитают пребывать в добровольном неведении. Не только в Европе и странах бывшего Советского Союза, но и в США и в ряде других стран образовался духовный вакуум, который «втягивает» в себя не только всевозможные религиозные суеверия средневековья и его традиционные верования, не имеющие ничего общего с Евангелием Христа, но и оккультизм Востока. На этой базе в совокупности с экуменизмом и усиливающимся культом Марии сегодня возникло самое опасное духовное состояние человечества за всю его историю: духовный Вавилон возвращается. Возрождение последнего Вавилона предсказано в Библии (см. Зах. 5:6—11). Этот новый Вавилон более яростен и технически оснащен, чем Вавилон древности или Вавилон средневековья. Современное поколение человечества более виновно перед Богом, чем предыдущие поколения за нарушение Его закона, за неприятие повсеместно распространяющейся истины, за нежелание выйти из темных лабиринтов заблуждений последнего Вавилона. Прежние поколения не имели столько света истины, столько информации, столько свободы выбора, как население планеты наших дней. Это преддверье эпохи последнего антихриста (смотри 2 Фес. 2:3—12). О последнем поколении человечества сказано, что они погибнут. «За то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи...» (2 Фес. 2:10—11). Весть второго ангела обращена к современному миру в конце его истории. Эта весть предупреждает нас о том, что вавилонское вино с особой силой и яростью помутняет разум современного человека и, в духовном смысле, сбивает его с ног. Сатана «подсовывает» множественную противоречивую информацию, которая дает разные варианты заблуждений. Особо опасны такие, в которых христианские истины спшиваются с языческими верованиями (как в экуменизме), с оккультизмом (как это предлагает движение «Новый век»), с эволюционным мировоззрением

ем. В статье «U. S. News and World Report» (от 4 ноября 1996, стр. 12) под заголовком «Папа и Дарвин» мы читаем: «Сотворил ли Бог человека по Своему образу, как говорит Библия, или человек произошел от животных, в соответствии с выдвинутой Дарвиным... известной теорией? По словам папы Иоанна Павла II, эволюция является лучшим объяснением этому». Но если эволюция предполагает зарождение жизни в океане и множественные преобразования в течение миллиардов лет, то как вместить в эту теорию библейскую истину о происхождении рода человеческого от одной крови, через которую все население земли стало «инфицировано» грехом и смертью? И нужен ли тогда всем без исключения Спаситель и сама благая весть Евангелия? Прежде, чем суды Божьи величайшей силы обрушатся на современный мир, Бог призывает своих детей выйти из духовного Вавилона. «И услышал я иной голос с неба говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать в грехах ее и не подвергнуться язвам ее. Ибо грехи ее дошли до неба и Бог вспомнил неправды ее» (Откр. 18:4—6). Однако было бы неверно ограничивать понятие «Вавилон» только римско-католической системой. Вавилон — «мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17:5) — собирательное понятие. Те религиозные организации, которые в ходе истории «отпочковались» от Рима, но исповедуют его заблуждения, также названы блудницами. Сегодня наблюдается процесс возвращения разных церквей в лоно «оной блудницы» через экуменические контакты. Но Бог желает вернуть людей к свету Евангелия, Бог желает показать современному человеку, что между учением, жизнью Христа, жизнью его истинных последователей и между заблуждениями Вавилона нет и никогда не было ничего общего. Нет и ничего общего не может быть между историческими преступлениями католицизма и любовью Божьей, явленной во Христе Иисусе. Вторая ангельская весть проводит разделяющую линию между светом и тьмою и тем самым реабилитирует вечное Евангелие, напоминая, что духовная трезвость исходит из принятия истин Слова Божьего. Современные народы имеют то, что не имели люди средних веков: они имеют прекрасное образование и свободу выбора между истиной и заблуждением, так как в течение нескольких последних десятилетий проповедь вечного Евангелия непрестанно звучит по радио, телевидению и через духовную литературу.

Третья ангельская весть и современность

«И третий Ангел последовал за ним, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере перед святыми Ангелами и пред Агнцем... » (Откр.

14:9—11). Происходят ли сегодня в мире такие процессы, которые готовят ситуацию, описанную в этой вести? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к 12-й и 13-й главам Книги Откровение. Дракон в 12-й гл. — это дьявол (ст. 9). Его изначальной целью было и есть подчинение всей вселенной своей власти. Он возмечтал отнять ее у Бога и Христа. Как видите, амбиции не просто глобальные, а космические; однако вселенная не поддавалась на его соблазны и осталась верной Богу. Во власти дьявольских искушений оказалась лишь наша земля и все живущие на ней (Откр. 12:9). Он стал «князем мира сего». Сатана всегда пытался объединить своих последователей для борьбы с Богом и Его народом. Бог допустил создание великих империй древности, они были управляемы царями, которые также, как и сам дьявол, стремились к мировому господству. Но громадные империи древнего мира — Вавилон, Мидо-Персия, Греция (времен Александра Македонского), Рим — не достигли окончательного исполнения своих глобалистских мечтаний: они рухнули одна за другой, как карточные домики. В Средневековье в Азии и Африке созидались свои империи: Монгольская, Арабский халифат, Османская и другие, но и они рухнули, уничтожая друг друга. Чего-то недоставало в политических технологиях древности для стабильного наращивания потенциала зла и расширения границ империй до мирового масштаба. Позже, в Средние Века, одновременно в Европе и Азии строились глобалистские модели имперского владычества, которые укреплялись посредством соединения политической власти с государственной религией: Византийской и Римской империй — с христианством, Арабского халифата и Османской империи — с исламом. Средневековая Европа, начиная с VI в., подчинялась духовному управлению папства, что продемонстрировало характерную черту вышеобозначенных союзов: лидерство духовной власти над гражданской (государственной). Политическая карта средневековой Европы состояла из множества самостоятельных королевств и княжеств, которые не смогла сплотить священная Римская империя ни во времена Карла Великого, ни во времена Габсбургов. Последующие попытки глобализации Наполеона и Гитлера также не дали успеха. Европа по-прежнему оставалась политически раздробленной. Несмотря на эту раздробленность, все народы западной Европы (вплоть до Реформации XVI столетия) духовно подчинялись римско-католической церкви. Эту систему средневековья — союза одной церкви и многих государств, который просуществовал 1260 лет, — историки называют романогерманской либо католико-феодалной Европой. Она является исторической преемницей древней Римской империи. Двенадцатая и тринадцатая главы Книги Откровение в символических образах предвозвестили эту последовательность событий.

Дракон, который сам изображен с семью головами и десятью рогами, передает свою власть зверю с семью головами и десятью рогами (Откр. 13:2). Не достигнув власти над миром посредством древних империй и языческих религий, сатана использовал средневековое папство «и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть» (Откр. 13:2). Вспомним хотя бы власть таких пап, как Григорий VII или Иннокентий III, которые короновали царей всей Европы, считали их своими вассалами, а бывало, что отлучали от церкви и предавали анафеме. Не только короли, но и целые королевства могли быть на время отлучены от исповеди и права на христианское погребение. Сотни тысяч неудобных людей были подвергнуты пыткам инквизиции, или сожжены на кострах. Такое положение дел сохранялось веками. Сатана, замаскировавшись церковными ризами, успешно творил свое черное дело в лоне христианского мира. Подобным же образом он действовал и через властолюбивых халифов, султанов, эмиров, известных своей изощренной жестокостью по отношению к своим подданным и поработанным народами Азии и Африки. Но средневековье миновало, и первый зверь из тринадцатой главы «получил смертельную рану». Не уходя от Слова Божьего и от исторической действительности, мы можем засвидетельствовать, что папская система действительно получила рану от меча — меча духовного. В эпоху Реформации, начиная с XVI века, в Европе возник протестантизм, который вернул народам Библию: свет ее разоблачил ряд суеверий католицизма и этим нанес зверю смертельную рану (Еф. 6:17). Тогда же ряд государств Европы ушли из лона католической церкви. Но не только меч духовный, но и государственный меч ослабили власть папства в Европе со времен Французской революции 1789—1804 гг. С этого времени начинается в Европе период светской культуры с постепенным отделением церкви от государства. Папство теряет политическую власть и замыкается в стенах Ватикана. Параллельно с этими событиями в Европе, далеко за океаном происходит рождение нового независимого государства — Соединенных Штатов Америки. Всего двести лет понадобилось США, чтобы сегодня стать единственной в мире сверхдержавой. За это время «смертельная рана», полученная папством, приблизилась к окончательному «исцелению» (Откр. 13:3). И на сегодняшний день папство имеет авторитет и власть как никакая другая религиозная система в мире. Кто бы мог предвидеть лет 150 назад, что у папства появится такой сильный и надежный союзник? Ведь Америка была протестантской страной, страной тех переселенцев, которые бежали от карающей папской власти, в то время она только начинала формировать свои Штаты. Среди огромного количества богословской литературы, изданной в XIX в., есть только одна книга, которая безошибочно истолковала символы 13-й гл. Открове-

ния. Это «Великая борьба» Е. Уайт, впервые изданная в 1887 г. Только в этой книге точно указаны две влиятельные силы — два лидера нашей современности, проявившие себя в последние два десятилетия. Это папство (I зверь Откр. 13:1—10) и США (II зверь Откр. 13:11—18). Они определяют сферы влияния в религиозном и политическом мире. Они действуют совместно, поддерживая друг друга, чтобы достичь глобальной власти над всяким племенем, народом и языком (Откр. 13:7, 8, 12). В этой же главе Откровения предсказаны изменения, которые произойдут в каждой из этих двух сил.

1. I зверь получает рану и эта смертельная рана заживает.

2. II зверь выходит с агнчими рогами, но говорит как дракон.

Рассмотрим вкратце оба эти процесса: в современном мире происходит все усиливающийся процесс социальной реабилитации исторического прошлого папства и римско-католической церкви. Примером этого служат ряд решений Второго Ватиканского собора таких, как: пересмотр отношений с экуменическим движением и сотрудничество с ним, вопрос о свободе совести, извинения за прошлые деяния папства и много подобных популярных акций. Разве можно принятием энциклик и проявлением активности в благотворительности покрыть тысячелетнюю историю кровавой нетерпимости и зверского насилия? Это все равно, что забелить мелом окровавленный фасад своей истории. Соборные решения католической церкви, а также миротворческая деятельность Иоанна Павла II активно содействовали восстановлению авторитета папства в глазах современного мирового сообщества.

Рост же авторитета предшествует возвращению папского влияния и власти. Умножение авторитета папства будет все более интенсивным и масштабным на фоне ослабления влияния протестантизма, разрозненного православия и неоднородного мусульманства. Протестантизм не только отступает и поглощается папством, но и участвует в реабилитации своего традиционного противника (так президент Рейган назвал папу Иоанна Павла II «величайшим моральным авторитетом в современном мире»). Пятисотлетнее противостояние протестантизма католицизму в Европе окончилось. Двухсотлетнее противостояние протестантизма в США прекращено во II половине XX века. Эти процессы предвеляют полное «исцеление раны зверя», но оно еще не наступило, но до этого момента рукой подать...

Зверь с агнчими рогами или исторический оборотень

«Два рога, подобные агнчим» (Откр. 13:11), могут быть поняты, как две выдающиеся черты правительственной системы Соединенных Штатов — гражданская и религиозная свободы. Эти два уникальных права гарантированы всем жителям Америки Кон-

ституцией Соединенных Штатов»¹. Краткая история США — история перерождения агнца в дракона, история превращения страны гонимых в страну-диктатора. США родились под знаменами борьбы за независимость против королевской Великобритании и энергично стали воплощать идеи гражданской и религиозной свободы, изложенные в их конституции. Только молодое американское общество могло вполне справедливо назвать себя «государством без короля и церковью без папы». После гражданской войны за освобождение негров от рабства (1863—1865 гг.) Америка из полукOLONиальной страны к 1920 году превращается в экономически сильное государство и достигает своего могущества после Второй мировой войны. Ее характер постепенно меняется в связи с великодержавными амбициями и глобалистскими планами. Она начинает говорить «как дракон», диктуя миру жандармские установки и навязывая псевдодемократические режимы в других государствах, чтобы проводить в действие свои геополитические планы.

Что есть печать Божья?

«Но твердое основание Божие стоит, имея печать сию: «познал Господь Своих»; и: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа»» (2 Тим. 2:19).

«Познал Господь Своих» — Бог — сердцеведец, ничто от Него не сокрыто и кого Он предузнал, того и призвал. Бог знает, имеем ли мы только внешнее исповедание, либо Его истина и закон запечатлены в сердце человека (как печать и оттиск на скрижалях сердца). Дополнительный текст говорит: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа». Дело в том, что во всяком времени Бог спрашивал с человека по мере того света, который тому был открыт. И в сердце своем человек выбирал: принять ли ему этот свет или проигнорировать, прикрываясь традициями, культурой, преданиями отцов. Таким образом, отступление от неправды проявилось в запечатлении нового света истины в сердце человека. Наше время дано для восстановления и запечатления в сердцах 4-ой заповеди. Самое древнее Божественное установление, данное людям, звучит так: «И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт. 2:2, 3). Спустя тысячелетия после сотворения мира Бог Своим перстом вписал эти же слова в нравственный десятисловный закон: «помни день субботный, чтобы святить его... ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботный и освятил его» (Исх. 20:8—11). В этих словах отражены два основных и непреходящих жизненных процесса —

труд и богослужение. От создания мира и до конца истории Бог учредил время труда и Богослужения и никто не в праве менять эти исконные установления: они останутся и в вечности (см. Ис. 66:22, 23). Почему? Потому, что Сам Христос сказал: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо, истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5:17, 18). Итак, небо и земля еще не прошли. Это наша среда обитания и мы должны помнить, что Бог сотворил их. И Он же дал людям Свой регламент времени труда и общественного Богопоклонения на земле. Суббота — это памятник сотворения мира Богом, через Христа. Это печать завета между Богом и людьми (суббота — знамение = знак принадлежности) (Иез. 20:20). И как печать, она содержит имя своего Господа и подтверждает Его права на то, что Он создал и чем владеет — права на небо и землю. Первая ангельская весть напоминает о необходимости поклонения Господу неба, земли, морей и источников вод именно в эпоху, когда наступил час Его суда (см. Откр. 14:6), чтобы истина была восстановлена во всей полноте (включая IV заповедь). Часто можно слышать, как наши оппоненты пренебрежительно говорят: «Что вы выдвигаете заповедь о субботном дне, как камень испытания людей, ведь суббота не спасает», или «в прошлом наши отцы были добрыми христианами и без субботы». Действительно «суббота не спасает» и в прошлом, как и сегодня немало хороших людей, которые не святят субботу Господню. Однако известно, что в разные времена существовали различные испытания для людей, которые имели неодинаковый свет познания истины. Но одно всегда было и есть общее: Бог всегда испытывал людей на послушание Своим заповедям. Адам и Ева так же могли сказать: «Какая мелочь запретный плод! Почему к нему нельзя даже дотрагиваться?» Да, в плоде ничего не было особенного, но это была проверка на послушание Божьей заповеди. В древности особо актуально стоял вопрос о непоклонении идолам, хотя идол в «мире ничто». Брось щепотку фимиама на идольский жертвенник и иди спокойно домой — никто тебя не тронет, но многие жертвовали жизнью, чтобы не нарушить заповедь Божью. Любая Божья заповедь защищает людей от беды и вторжения зла в их жизнь — будь то «не укради» или «не прелюбодействуй» — но многие говорят: «а что здесь такого? — все так поступают». Каждая из десяти заповедей Божьих дана на благо людям, чтобы оберегать их жизнь в разных сферах. Ничего удивительного, если в век, когда эволюционная теория лишила людей исторической памяти своего происхождения, Бог желает напомнить людям, что Он — их Творец, Отец и Законодатель. И именно эту истину оберегает заповедь о субботе. Кроме того, когда человечество вошло в эпоху неимо-

¹ «Библейские пророчества» под редакцией и с дополнениями Р. Волкославского.

верной гонки, ускоряющей все процессы жизни, человек, подобно изношенной машине, из которой выжимают последние возможности, нуждается не только в ремонте, но и в бережном обращении. Усталость и беспокойство: вот от чего оберегает та же заповедь: «Ибо, кто вошел в покой Его (покой Христов), тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих» (Евр. 4 гл.). Бог предлагает утомленному грехами человечеству свергнуть не только бремя греха у ног Христа, но и отдохнуть, войдя в Его покой. Ежедневный отдых души и тела — это не просто право, но и святая обязанность, данная Жизнедателем. «Посему для народа Божия еще остается суббота» (Евр. 4:8, 9).

Не удивительно и то, что поклоняющиеся зверю и принимающие его начертание «не будут иметь покоя ни днем, ни ночью» (Откр. 14). Если сегодня мы слышим призывы людей культуры и искусства восстановить разорванную связь времен, восстановить духовное наследие прошлого, то не более ли весомо воззвание Божье вернуться к истокам человеческого бытия: «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим. Но они сказали: не пойдём» (Иер. 6:16).

«... Ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения. Если ты удержишь ногу твою ради субботы от исполнения прихотей Твоих во святой день Мой, и будешь называть субботу отрадою святым днем Господним... » (Ис. 58:12, 13). Люди будут судимы не потому, что они праздновали не тот день, который установил Бог, а потому, что не поверили Слову Божьему и потому, что позволили другим управлять своей совестью вопреки Слову Божьему. Люди будут спасены не потому, что они праздновали субботу, а потому что во всем доверились Богу, Который благословил и освятил этот день в Своем Слове, и не позволил и другим управлять своей совестью вопреки Слову Божьему.

Перед каждым встанет вопрос выбора авторитета:

— либо авторитет Слова Божьего и Самого Бога;

— либо авторитет папский и постановления католической церкви, идущие вразрез со Словом Божиим.

Согласно пророчества Даниила, четвертый зверь (Рим) постарается изменить у святых «праздничные времена и закон» (Дан. 7:25). В словах Иисуса Христа звучит предостережение: «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5:19). Пророчество Даниила и предостережение Иисуса Христа об изменении и нарушении Закона Божьего исполнилось в последующей истории в IV столетии после того, как христианская церковь

вступила в союз с Римской империей. Так, через триста лет после воскресения Христа впервые на церковном соборе было решено запретить покоиться людям в субботу (364 г. Лаодикийский собор, канон 21). Издание указа о праздновании первого дня недели (дня солнца) как христианского праздника в честь воскресения Христа, без Его на то повеления, было тем первым государственно-церковным законом Римской империи, в котором соединились интересы государства и церкви («возмечтает отменить времена и законы»). Этим актом обе стороны закрепили свое право устанавливать и регламентировать время важнейших жизненных процессов всего населения — дни производительного труда и общественного богослужения. Со времен императоров Константина и Феодосия прошло шестнадцать веков, многие их законы преданы забвению, а вот указы о праздновании воскресного дня остаются в силе и сегодня не только среди народов Европы и Америки, но в ряде стран Азии, Австралии и Африки. И это благодаря настойчивым рекомендациям и постановлениям последующих императоров и церковных соборов. Не удивительно, что этот измененный вопреки Библии закон внесен и сегодня в католический катехизис как знак власти и права римской церкви менять библейские законы по своему усмотрению.

Примечание. Император Константин в 321 году освятил астрологическую неделю, приказав, чтобы: «Все судьи... а так же все ремесленники в почитаемый день солнца отдыхали»¹.

Это и есть духовное начертание зверя. В настоящее время, в условиях глобализации, потребуется унификация не только товаров потребления, но и создание единого режима времени. В странах Европы и Америки закон о прекращении работы в воскресенье становится все более ощутимым и требовательным. Церковь, как тело Христово, имеет власть данную ей Богом (Мф. 16:19; 18:18), но она подвластна Закону Божьему. Церковь имеет исполнительную власть проводить в жизнь заветы Господа, но не имеет права изменять или отменять их. Каждый раз, когда церковь превышает свои права, она превозносится над Богом и заслуживает порицание Господа: «И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание?» (Мк. 7:6—13). Так и государство имеет власть, данную ему Богом (Рим. 13:1). Но, подобно церкви, оно так же должно подчиняться Божьему Закону, а не отменять его, как это делали в свое время римские императоры. Пророчества книг Даниила и Откровение говорят о том, что в завершении всемирной истории два «зверя» совместными усилиями наложат свое начертание всем народам, племенам

¹ Codex Just., III, 12, 2; Биккерман Э. «Хронология древнего мира». М., 1976 г. С. 55. Указы о праздновании воскресного дня императора Феодосия в 368 и 386 гг. (I, I, 3 Codex Theod VIII. 8)

и языкам на «чело и правую руку». Это событие не за горами, ибо современный исторический процесс стремительно движется в сторону глобализации: к сокращению экономической и политической самостоятельности отдельных государств и народов, а также личности. Вполне понятно, что взаимопомощь и взаимозависимость — естественные процессы в современном мире. И мы не должны думать, что Бог против совместных усилий людей во имя поддержания жизни на земле, но, поскольку человеческой природе, кроме добрых желаний и намерений, свойственно так же стремление к господству и насилию, то Бог предвидел, чем завершится наша технотронная эпоха. Последняя весть Евангелия — трехангельская — дана как предупреждение. Первая ангельская весть о вечном спасении через принятие евангелия оказывается хотя и услышанной, но отвергнутой большинством населения земли. Вторая ангельская весть предупреждает о том, что духовный Вавилон возвращается, заполняя вакуум, образовавшийся в душах людей, не принявших весть Евангелия в ее полноте. Большинство людей с готовностью принимают религиозные предания, обряды и традиции, смешанные с древними и средневековыми заблуждениями вместо чистого света Слова Божьего. Третья ангельская весть предупреждает, что все вышесказанное создает предпосылки для полного «исцеления раны» первого зверя. Кроме того, экономическая и политическая мощь второго зверя, поддержанная сатанинскими чудесами, объединятся с первым зверем, чтобы совместными усилиями господствовать в мире. Подводя итог, можем сказать, что Трехангельская весть — это последние лучи заходящего солнца Божественной благодати. «Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак — народы; а над тобою воссияет Господь» (Ис. 60:2). «И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп» (Откр. 14:14).

Веками возносились к небу молитвы многих поколений христиан: «Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Неудержимо приближается тот День, когда Бог ответит на молитвы скитальцев земли. Христос снова придет, чтобы уничтожить все, что поражено грехом. Освобожденные от уз греха и смерти святые востанут для торжества Вечной жизни. Вот та жатва Всемирной истории, о которой мы говорили вначале. Ни одна драгоценная душа не будет потеряна для вечности, ибо Божественный Жнец соберет все драгоценные зерна человеческих сердец, в которых записаны Духом Святым «заповеди Божии и вера в Иисуса» (Откр. 14:12). В житницу вечной жизни на небеса войдут миллионы спасенных. Будем ли мы дорожить бранными благами гибнущего мира, или будем превыше всего дорожить любовью Того, Кто возлюбил нас более Своей жизни?

Список использованной литературы

1. Амусин И. Д. Кумранская община. М.: Наука, 1983.
2. Амусин И. Д. Кумранский комментарий на Осию, — ВДИ, 1969, № 3.
3. Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1960.
4. Андреев Ю. В. Мужские союзы в поэмах Гомера, — ВДИ, 1964, № 4.
5. Бейджент М. Ли Р. Инквизиция. М.: ЭКСМО, 2003.
6. Бейнтон Р. На сем стою... Жизнь Мартина Лютера. Заокский: Источник жизни, 1996.
7. Бентон Д. Потеря связи с живым Богом. Книга пророка Малахии. Харьков: И-е Д. Ф. Ткаченко, 2001.
8. Биккерман Э. «Хронология древнего мира». М., 1976.
9. Бокмелдер И. Я. Всеобщая история христианской церкви. Черкассы: Маджута, 2004.
10. Болотов В. В. История церкви в период Вселенских соборов. М.: Поколение, 2005.
11. Боровский Я. М. Краткий очерк греческой фонетики, — в кн.: П. Шантрен, Историческая морфология греческого языка, М., 1953.
12. Бриллиантов А. И. Лекции по истории Древней церкви. СПб.: И-е О. Абышко, 2007.
13. Булгаков С. Православие. М.: Терра, 1991.
14. Вальдауэр Ф. Античная скульптура, Пг., 1924.
15. Вальсамона. Толкован. на 115-е пр. собора Карфагенского // Правила с толкованиями.
16. Вильскер Л. Е. О документах, найденных в Нахал-Хевер, — ВДИ, 1964, № 1.
17. Волкославский Р. Н. О библейских пророках и судьбах истории. Заокский: Источник жизни, 1997.
18. Волкославский Р. Н. Тайны Апокалипсиса. Исторический комментарий книг Даниила и Откровение. Заокский: Источник жизни, 2008.
19. Волкославский Р. Н. Энциклопедический атлас Библейской истории. Заокский: Источник жизни, 2005.
20. Герасимов О. Г. На ближневосточных перекрестках. М.: Наука, 1983.
21. Геродот. История. М.: Ладомир, АСТ, 1999.
22. Гонсалес Х. История христианства. В 2 т. СПб.: Библия для всех, 2006.
23. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении, М., 1963.
24. Грант М. История Древнего Израиля. М.: Терра, 1997.
25. Григулевич И. Р. Инквизиция. М.: Политиздат, 1985.
26. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М.: Наука, 1980.
27. Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века. М.: Молодая Гвардия, Палимпсест, 2004.
28. Дубнов С. М. История еврейского народа на Востоке. В 3 т. Иерусалим. Гешарим. М.: Мосты культуры, 2006.
29. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии, М., 1967.
30. Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб.: И-е О. Абышко, 2006.
31. Жорес Ж. История Великой Французской Революции. В 3 т. М.—Петроград: Гос. из-во, 1923.
32. Закон Божий. Сост. протоиер. С. Слободской. М., 1991.
33. Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. СПб.: И-е О. Абышко, 2005.
34. Зозулин М. С., Зозулина А. И. Беседы о законе, душе и пище (машинописное издание).
35. Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. СПб.: И-е А. Ф. Маркса, 1904.
36. Иен Тейлор. В умах людей. Дарвин и новый мировой порядок. Симферополь, 2001.
37. Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск: Современный литератор, 2003.
38. Ислам и христианство: на пути к диалогу. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2006.
39. Исторический очерк греко-болгарской распри // Правосл. Собеседник. 1873.
40. История II Ватиканского собора. // Под общ. ред. Д. Альбериги. В 4 т. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2003—2005.
41. История Византии. Т. 2. М.: Наука, 1967.

42. Каптерев Н. Ф., проф. Сношения Иерусалимских патриархов с русск. правительством в текущем столетии // Палестинский сборник. СПб., 1898. Вып. 43.
43. Карлейль Т. Французская революция. История. М.: Мысль, 1991.
44. Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912.
45. Карташев А. В. История русской церкви. В 2 т. М.: ЭКСМО, 2006.
46. Кауфман С. А. Об архитектуре древнего арабского народа набатеев и ее роли в развитии античной архитектуры, — «Вопросы всеобщей истории архитектуры», 1961, № 1.
47. Келлер В. Библия как история. М.: Крон-Пресс, 1998.
48. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990.
49. Колчин М. Ссылные и заточенные в Соловецком остроге в XVI—XIX в. М., 1908.
50. Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории Средневекового папства. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901.
51. Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1913.
52. Культура Византии IV века — первая половина VII века. Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1984.
53. Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V веков. СПб.: И-е О. Абышко, 2007.
54. Лебедев А. П. Вселенские соборы и VI, VII, VIII веков. СПб.: И-е О. Абышко, 2007.
55. Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб.: И-е О. Абышко, 2003.
56. Лебедев А. П. История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох. СПб.: И-е О. Абышко, 2005.
57. Лебедев А. П. История разделения церквей. СПб.: И-е О. Абышко, 2004.
58. Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958.
59. Лундин А. Г. Южная Аравия в VI веке, — «Палестинский сборник». Вып. 8, 1961.
60. Льоренте Х. А. История испанской инквизиции. В 2 т. М.: Ладомир, АСТ, 1999.
61. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
62. Мень А. История религии. В 7 т. М.: Слово, 1992.
63. Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. ФРГ, Biefild GBV, 1994.
64. Моммзен Т. История Рима, т. V, М., 1949.
65. Мортон Г. Святая земля. Путешествия по Библейским местам. М.: ЭКСМО, СПб.: Мидгард, 2007.
66. Муравьев А. Н. Путешествие по св. местам в 1830. М. 1830
67. Олар А. Политическая история Французской Революции. Петроград: И-е Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918.
68. Опарин А. А. Атлас древней и пророческой истории. — Х.: Факт, 1999.
69. Опарин А. А. Белые одежды. Археологическое исследование книги пророка Захарии. Х.: Факт, 2006.
70. Опарин А. А. Библейская концепция философии истории. Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, 2007. № 764-1.
71. Опарин А. А. В поисках бессмертия. Археологическое исследование Первой книги Царств. — Х.: Факт, 2004.
72. Опарин А. А. В царстве пигмеев и каннибалов. Археологическое исследование книг Ездры и Неемии. — Харьков: Факт, 2003.
73. Опарин А. А. Всемирная история в королевских династиях. — Х., 1997.
74. Опарин А. А. Всемирная история и пророчества Библии. — Х.: Факт, 1997, 2 изд. — 2004.
75. Опарин А. А. Допотопные цивилизации // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2005. № 656.
76. Опарин А. А. Древние города и библейская археология. — Х.: Факт, 1997, 2 изд. — 2004.
77. Опарин А. А. Древний мир и библейская хронология. — Х.: Факт, 1998.
78. Опарин А. А. Затерянные королевства. Археологическое исследование Третьей книги Царств. — Х.: Факт, 2005.
79. Опарин А. А. И камни возопиют... — Х.: Факт, 2000, 2 изд. — 2001.
80. Опарин А. А. История рабства. Археологическое исследование книги Откровение. Х.: Факт, 2004.
81. Опарин А. А. Ключи истории. Археологическое исследование книги Бытие. — Харьков: Факт, 2001. 2-изд. Нижний Новгород, 2003. 3-изд. Х., 2003.
82. Опарин А. А. Когда плачут сосны. — Х.: Факт, 2007.
83. Опарин А. А. Колесо в колесе. Археологическое исследование книги пророка Иезекииля. — Х.: Факт, 2003.
84. Опарин А. А. Кривые зеркала. Археологическое исследование книги Иова. — Х.: Факт, 2006.
85. Опарин А. А. Манкурты XXI века. Археологическое исследование Второй книги Царств. — Х.: Факт, 2004.
86. Опарин А. А. Отвергнувшие ведение... Археологическое исследование книги пророка Осии. — Х.: Факт, 2005.
87. Опарин А. А. Престол Ваала. Археологическое исследование Четвертой книги Царств. — Х.: Факт, 2007.
88. Опарин А. А. Проклятые сокровища. Археологическое исследование книг Руфь и Есфирь. Х., 2002.
89. Опарин А. А. Псалмы, написанные кровью. Х.: Факт, 2007.
90. Опарин А. А. Развенчанные боги. Археологическое исследование книг Ионы и Наума. — Х.: Факт, 2002.
91. Опарин А. А. Религии мира и Библия. — Харьков: Факт, 2000, 2 изд. — 2001, 3 изд. — 2004.
92. Опарин А. А. Судьи, приговорившие себя. Археология Нового Завета. — Х.: Факт, 2001.
93. Опарин А. А. Тайна судьбы. Археологическое исследование книги пророка Иеремии. — Х.: Факт, 2005.
94. Опарин А. А. У разбитых водоемов. Археологическое исследование книг Исход и Иисуса Навина. — Х.: Факт, 2002.
95. Опарин А. А. Формула жизни. Археологическое исследование книги пророка Амоса. — Х.: Факт, 2008.
96. Опарин А. А. Хранители времени. Археологическое исследование книги Судей. — Х.: Факт, 2006.
97. Опарин А. А. Юбилейный год. Очерки истории адвентизма в Харькове. — Х.: Факт, 2006.
98. Опарин А. А., Балаклицкий М. А. Адвентистская журналистика и кризис современной религиозной прессы. // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, 2006. № 745. Випуск 49.
99. Опарин А. А., Балаклицкий М. А. Адвентистская церковь в Украине: штрихи к портрету // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2006. № 714.
100. Опарин А. А., Молчанов С.Б. Но как было во дни Ноя. — Харьков: Факт, 1998; 2 изд. Нижний Новгород, 2002; 3 изд. Х., 2002.
101. Опарин А. А., Юнак Д. О. Желтая река. — Х.: Факт, 2008.
102. Пазилова В. П. Современна ли «Жрица Изиды»? // Культура и религия. 1991, №10.
103. Папский Совет по развитию христианского единства. Правило по применению принципов и норм по экуменизму. Град Ватикан, 1993.
104. Пельман Р. История античного коммунизма и социализма, СПб., 1910.
105. Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX вв., М., 1961.
106. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках, Л., 1966.
107. Петрушевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV — VI вв., М. — Л., 1964.
108. Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция. М., 1897. Вып. 2.
109. Полный православный Богословский энциклопедический словарь. В 2 т. М.: Возрождение, 1992.
110. Поснов М. Э. История христианской церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель: Жизнь с Богом, 1964.
111. Православная Богословская энциклопедия. IV том. СПб., 1903.
112. Прозоровский Д. И. Набатеи и их монеты, — ЗИАО, т. II, 1887.
113. Прутавин А. С. Монастырские тюрьмы. М., 1905.
114. Путинцева Т. А. Следы ведут в пески Аравии. М.: Наука, 1986.
115. Ренан Э. История Израильского народа, М.: Изд-во В. Шевчук, 2001.
116. Ренан Э. Собрание сочинений. В 12 т. К.: И-е Б. К. Фукса, 1902.
117. Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М.: «Наука», 1986.

118. Робертсон Д. История христианской церкви. В 2 т. СПб.: И-е И. Л. Тузова, 1890.
119. Розанов В. В. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994.
120. Скабаланич Н. А. Византийское государство и церковь в XI веке. В 2 т. СПб.: И-е О. Абышко, 2004.
121. Собр. мнений и отзывов *Филарета, митр. Московского*, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886.
122. Соколов И. И. Лекции по истории греко-восточной церкви. В 2 т. СПб.: И-е О. Абышко, 2005.
123. Соколов И. И. О византинизме. Избрание патриархов в Византии. Вселенские соборы в Византии. СПб.: И-е О. Абышко, 2003.
124. Соловьева С. С. Арабы в борьбе с Ассирийской военной державой в середине VII в. до н. э., — «Вестник МГУ», сер. IX. История, № 1, 1971.
125. Спасский А. А. Обращение императора Константина Великого в христианство. СПб.: И-е О. Абышко, 2007.
126. Стоянов-Вурмов. Греко-болгарская распря // Вестник Европы. 1888.
127. Такер Р. От Иерусалима до края земли. История миссионерского движения. СПб.: Мирт, 2001.
128. Тарн В. Эллинистическая цивилизация, М., 1949.
129. Терновский С. Записка о состоянии Казан. Духовн. академии. Казань, 1892.
130. Толкование Ветхозаветных книг от кн. Исаяи по кн. Малахии // Под ред. П. Харглаа, США, Аншфорд, 1996.
131. Уайт Е. Пророки и цари. Заокский: Источник жизни, 1993.
132. Уайт Е. Разум, характер, личность. Заокский: Источник жизни, 2007.
133. Уайт Э. Великая борьба. К.: Вісник миру, 1993.
134. Флоровский Г. В. «Восточные отцы IV века». М.: МП «Паломник», 1992.
135. Флоровский Г. В. «Восточные отцы V—VIII веков». М.: МП «Паломник», 1992.
136. Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907.
137. Церковн. Ведомости. 1894, № 37.
138. Церковн. Ведомости. 1906, № 47. Приложение.
139. Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в первой половине текущего столетия. СПб., 1894.
140. Шафф Ф. История христианской церкви. Т. I—III. СПб.: Библия для всех, 2007.
141. Шифман И. Ш. К характеристике набатейского частного права по эпиграфическим данным, — «Палестинский сборник», вып. II, 1964.
142. Шифман И. Ш. Nabateianское государство и его культура. М.: Наука, 1976.
143. Шифман И. Ш. Пальмирские Септимии, потомки Цепперы (из истории общественных отношений в Пальмире конца II — первой половины III вв. н. э.). — «Эпиграфика Востока», вып. XX, 1971.
144. Шифман И. Ш. Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции, — ВДИ, 1964, № 3.
145. Шифман И. Ш. Царские и полисные земли в эллинистическо-римской Сирии, — «Палестинский сборник», вып. 15, 1966.
146. Шифман И. Ш. Эпиграфические заметки, — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 86, М., 1965.
147. Экуменическое движение. Антология ключевых текстов. Сост. М. Киннемон и Б. Коуп. М.: Библейско-богословский институт Св. Ап. Андрея, 2002.
148. Юнак Д. О. История Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России. В 2 т. Заокский: Источник жизни, 2002.
149. 'Abi-Yona M. 'Elat kepetab la'oqeanos haHodi, — «'Elat», Yerušalayim, 5723.
150. Altheim F., Stiehl R. Die Araber in der Alten Welt, Bd I, Berlin, 1964.
151. Alu W. Strabonis Geographica, Bd 4, Bonn, 1957.
152. Abulfeda, Historia anteislamica, ed. H. O. Fleischer, Lipsiae, 1831.
153. Aharoni Y. Excavations at Ramat Rahel. The Biblical Archaeologist. New Haven Vol. 24. 1961.
154. Anglican-Lutheran Consultation, Niagara Report, London: Church Publishing House, 1988.
155. Anna Comnena. Alexias. Lib. XV // PG. T. 131. Col. 1133.
156. Arnim W. Athenodoros, — P.-W.RE, Bd II Stuttgart, 1896.
157. at-Tabari. Annales quos scripsit Abu Djarfar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, ed M. J. de Goeje, ser. I, vol. III, Lugduni Batavorum, 1882—1885.
158. Avi-Yonah M. 'Avdat ('Abdeh), — RB, 77, 1960, № 3.
159. Bachmann W., Watzinger C., Wiegand Th. Petra, Berlin — Leipzig, 1921.
160. Bennett C. M. The Nabataeans in Petra, — «Archaeology», 1962, vol. 15, № 4.
161. Bethe, Dioskuren — P.-W.RE, Halbbd.9, Stuttgart, 1903.
162. Beyer H. W. Der syrische Kirchenbau, Berlin, 1925.
163. Bikerman E. Institutions des Séleucides, Paris, 1938.
164. Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, Berlin, 1907.
165. Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur, Bd I, Weimar, 1898.
166. Brünnow R. E., von Domaszewski A., Die Provincia Arabia, Bd I—III, Strassburg, 1904—1909.
167. Broome E. C. Nabaiati, Nebaioth and the Nabataeans: the linguistic problem, — «Journal of Semitic Studies», vol. XVIII, 1973, № 1.
168. Burckhardt J. L. Travels in Syria and the Holy Land, London, 1822.
169. Butler H. C. Ancient Architecture in Syria, Section A: Southern Syria, Leyden, 1907—1921.
170. Butler H. G. The Temple of Dūshāra at Si' in the Haurān, — «Florilegium Melchior de Vogüé», Paris, 1909.
171. Cantineau J. Cours de la phonétique arabe, Paris, 1960.
172. Cantineau J. Le Nabatéen, vol. I—II, Paris, 1930—1932.
173. Ceriqober A. Hayyehudim ba'alam hayyewani weharomi, Yerušalayim, 5721.
174. Christian Salvation: Its Nature and Practice — An Interreligions Proposal, b New Theology Review. 7/4. 1994.
175. Clermont-Ganneau Ch. Recueil d'archéologie orientale, vol. I—VIII, Paris, 1888—1907.
176. Cleveland R. L. The Excavations of the Conway High Place (Petra) and Soundings at Khirbet Ader, — AASOR, vol. XXXIV — XXXV, 1954—1956.
177. Crosswell K. G. C. A Short Account of Early Muslim Architecture, Harmondsworth, 1958.
178. Cumont F. Études syriennes, Paris, 1917.
179. Dalman G. Petra und ihre Felsheiligtümer, Leipzig, 1908.
180. Dalman G. Neue Petra-Forschungen und der heilige Felsen in Jerusalem, Leipzig, 1912.
181. Dalman G. Petra und ihre Felsheiligtümer. Leipzig, 1908.
182. de la Borde L. Voyage en Arabie Pétrée, Paris, 1830.
183. De Lacy O'Leary. Arabia before Muhammad, London, 1927.
184. Doughty Ch. M. Travels in Arabia Deserta, vol. I—II, London, 1936.
185. Dussard R., Macler F. Mission dans les regions desertiques de la Syrie Moyenne. Paris, 1903.
186. Dussard R. La pénétration des Arabes en Syrie avant l'Islam, Paris, 1955.
187. Dussard R. Numismatique des rois do Nabatène, — «Journal Asiatique», 1904, X sér., vol. III—IV.
188. Dussard R., Macler F. Mission dans les régions désertiques de la Syrie Moyenne, Paris, 1903.
189. Ehtechem M. L'Yran sous les Achemenides. Fribang. 1946.
190. Eissfeldt O. Das Alte Testament im Lichte der safatenischen Inschriften, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1954, Bd 104.
191. Foxe J. Foxe's Christian Martyrs of the world. Chicago. Moody. n. d.
192. Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient, Baltimore, 1955.
193. Glaser E. Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens, Bd II, Berlin, 1930.
194. Gardiner A. H., Peet T. E., Cerny J. Inscriptions of Sinai, vol. I—II, London, 1952—1955.
195. George H. Anderson, J. Francis Stafford, and Joseph A. Burgess, eds., The One Mediator, the Saints, and Mary, Minneapolis: Augsburg, 1992.
196. Germer-Durand J. Antiquités de Pétra, — «Echos d'Orient», 1898, vol. I.
197. Glueck N. Deities and dolphins, London, 1966.
198. Glueck N. Nabataean Painting, — BASOR, 1956, № 14.
199. Glueck N. Nabataean Syria, — BASOR, 1942, № 85.
200. Glueck N. Rivers in the Desert, New York, 1959.
201. Glueck N. The Nabataean Temple of Qasr Rabbah, — «American Journal of Archaeology», 1939, vol. 43, № 3.
202. Glueck N. The Other side of the Jordan. New Haven, 1940.
203. Glueck N. The Seventh Season of Archaeological Exploration in the Negeb, — BASOR, 1958, № 152.

204. Glueck N. The Sixth Season of Archaeological Exploration in the Negeb, — BASOR, 1958, № 149.
205. Graetz H. Die Anfänge der Nabatäerherrschaft, — «Monatsschrift für die Geschichte des Judentums», 1875, Bd XXIV.
206. Grohmann A. Nabataioi, — P. - W. RE, Halbbd. 32, Stuttgart, 1935.
207. Hammond Ph. C. Nabataean New Year Lamps from Petra, — BASOR, 1957, № 146.
208. Hammond Ph. C. Petra, — «The Biblical Archaeologist», 1960, vol. 23.
209. Hammond Ph. C. Pottery from Petra, — PEQ, 1973.
210. Hammond Ph. C. The Physical Nature of Nabataean pottery, — «American Journal of Archaeology», 1964, vol. 68.
211. Hammond Ph. C. The Nabataean Bitumen Industry at the Dead Sea, — «The Biblical Archaeologist», 1952, vol. 15.
212. Head B. V. Historia Nummorum, Oxford, 1911.
213. Hengel M. Judentum und Hellenismus, Tübingen, 1969.
214. Hittorff I. J. Mémoire sur Pompéi et Petra, Paris, 1866.
215. Hittorff I. J. Pompéi et Petra, — «Revue archéologique», 1862, vol. 6.
216. Holy Things: A Liturgical Theology, Minneapolis: Fortress, 1993.
217. Horowitz J. Koranische Untersuchungen, Berlin — Leipzig, 1926.
218. Horsfield G. and A. Sela. The Rock of Edom and Nabatene, — «Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine», 1938, vol. VII.
219. Hommel F. Ethnologie und Geographie des Alton Orients, München, 1926.
220. International Roman Catholic-Lutheran Joint Commission, Facing Unity: Models, Forms and Phases of Catholic-Lutheran Fellowship, Geneva: Lutheran World Federation, 1985.
221. Irby Ch. L., Mangels J. Travels in Egypt and Nubia, Syria and Asia Minor, London, 1823.
222. Jaussen A., Savignac R. Mission archéologique en Arabie, Paris, 1909.
223. Jeffrey S. Siker, Homosexuality in the Church: Both Sides of the Debate, Louisville: Westminster / John Knox, 1994.
224. Kammerer A. Pétra et la Nabatène, Paris, 1929—1930.
225. Kedar Y. Ancient Agriculture at Shivtah in the Negev, — IEJ, 1957, vol. 7, № 3.
226. Kedar Y. More about the Teleilat el-'Anab in the Negev, — BASOR, 1964, № 176.
227. Kennedy A. B. W., Petra, its History and Monuments, London, 1925.
228. Kenneth L. Woodward, Making Saints, New York: Simon & Schuster, 1990.
229. Kirkbride D. A. Short Account of the Excavation at Petra in 1955—1956, — «Annual of the Department of Antiquities of Jordan», 1953, vol. 2.
230. Kirkbride D. Le temple nabatéen de Ramm, — RB, 1960, 67.
231. Kohl H. Kasr Firaun in Petra, Leipzig, 1910.
232. Kroll W. — P. - W. RE, Halbbd. 17, Stuttgart, 1914.
233. Koffman, Die Doppelurkunden aus der Wüste Juda, Leiden, 1968.
234. Lagrange M.-J., Études sur les religions sémitiques, Paris, 1903.
235. Lampl P. Cities and Planning in the Ancient Near East, London, 1969.
236. Lévêque P. Une chronologie nouvelle des Royaumes Sud-Arabes et du «Périple de la Mer Érythré», — «Revue des études grecques», 1962, t. 75.
237. Levi Della Vida G. Una bilingue greco-nabatea a Coe, — «Clara Rhodos», 1938, vol. 9.
238. Levy J. Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim, Bd I — IV, Berlin — Wien, 1924.
239. Lippens Ph. Expédition en Arable Centrale, Paris, 1956.
240. Littmann E. Nabataean inscriptions from Egypt, — «Bulletin of Society of Oriental and African Studies», 1953, vol. 15, pt. 1; 1954, vol. 16, pt. 2.
241. Littmann E. Nabatäisch-griechische Bilinguen, — «Florilegium Melchior de Vogüé», Paris, 1909.
242. Mayerson Ph. Ancient Agricultural Remains in the Central Negev: the Teleilat el-'Anab, — BASOR, 1959, № 153.
243. Mayerson Ph. The Ancient Agricultural Remains of the Central Negev: Methodology and Dating Criteria, — BASOR, 1960, № 160.
244. Milik J. T. Nouvelles inscription nabatéens, — «Syria», 1958, t. 35.
245. Milik J. T., Teixidor J. New Evidence on the north-arabic deity Aktab-Kutbâ, — BASOR, 1961, № 163.
246. Miller J. I. The Spice Trade of the Roman Empire, Oxford, 1969.
247. Morris Y. Masters of the Desert. New York, 1961.
248. Musil A. Arabia Deserta. Wien, 1927.
249. Musil A. Die Arabia Petraca. Bd. I—II. Wien, 1907—1908.
250. Negeb 'A. Hahapirot baKurnub (Mamšit), — «Qadmoniyot», ker. 5, 5729.
251. Negeb 'A. Parasiyyot betoledot 'Abdat, — «'Elat», Yerusalayim, 5723.
252. Negev A. Nabataean Inscriptions from 'Avdat (Oboda), — IEJ, 1961, vol. 11; 1963, vol. 13.
253. Negev A. Oboda, Mampsis and Provincia Arabia, — IEJ, 1967, vol. 17.
254. Negev A. The Chronology of Middle Nabataean Period, — PEQ, 1969.
255. Oparins A. Pašuales religijas un Bibeles. Riga. Izd. A. Klavins, 2006.
256. Oparins A. VĒSTURES ĀTSLĒGAS. Riga: Patmos, 2008.
257. Pachymeris. De Michaële et Andronico Palaeolog. Lib. II. Cap. 15.
258. Palmer E. H. The Desert of Exodus, London, 1871.
259. Parr P. J. Compte rendu des dernières fouilles, — «Syria», 1968, t. 45.
260. Parr P. J. Recent Discoveries at Petra, — PEQ, 1957.
261. Parr P. J. The Nabataeans and North-West Arabia, — «Bulletin of the Institute of Archaeology of the University of London», 1970, № 8—9.
262. Petraček K. Gindibu' — Arbajja — ein Safa-Araber? — «Archiv Orientalný», 1951, № 1.
263. Pirenne J. Le Royaume sud-arabe de Qatabân et sa datation d'après l'archéologie et les sources classiques jusqu'au «Périple de la Mer Érythré», Louvain, 1961.
264. Pirenne J. Un problème-clé pour la chronologie de l'Orient: la date du «Périple de la Mer Érythré», — «Journal Asiatique», 1961.
265. Protestants and the Marian Year, в Christian Century 104, 3 июня 1987.
266. Puchstein O. Die nabatäischen Grabfassaden, — «Archäologischer Anzeiger», 1910.
267. Polosqi Y. Šeloš te'udot mearkeyonah šel Baḥata bat Šime'on, — «'Eres — Yisra'el», ker. 8, 1968.
268. Polotsky H. J. The Greek Papyri from the Cave of the Letters, — IEJ, 1962, vol. 12.
269. Qedar Y. Hehaqla'ut haqqeduma behebel 'Abdat, — «Yedi'ot», ker. 23, 5719.
270. Qedar Y. Be'ayyat hatteluliyot 'o «tuleylat 'al 'anab» bahaqla'ut ha'atiga ban-Negeb, — «Yedi'ot», ker. 20, 5716.
271. Rabinowitz J. Aramaic Inscriptions of the Fifth Century B. C. from a North — Arabic Shrine in Egypt, — «Journal of the Near Eastern Studies», 1956, vol. 15.
272. Rabinowitz J. J. A Clue to the Nabataean contract from the Dead Sea Region, — BASOR, 1955, № 139.
273. Ronczewski K. Kapitelle des El Hasne in Petra, — «Archäologischer Anzeiger», 1932.
274. Rosenthal F. Die aramaistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen, Leiden, 1964.
275. Rosmarin T. W. Aribi und Arabien in den babylonisch-assyrischen Quellen, — «Journal of the Society of Oriental Research», 1932, vol. XVI.
276. Rost P. Die Keilschrifttexte Tiglatpilesers III, Leipzig, 1893.
277. Rostovtzeff M. Caravan Cities, Oxford, 1932.
278. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic world, Oxford, 1941.
279. Rostowzew. M. Zur Geschichte des Ost- und Südhandels im ptolemäisch-römischen Ägypten, — «Archiv für Papyrusforschung», Bd IV, 1906/7.
280. Rüppel E. Reisen in Nubien, Kordofan und dem peträischen Arabien, Frankfurt am Main, 1829.
281. Ryckmans G. Les noms propres sud-sémitiques, Louvain, 1934.
282. Rohde E. Der griechische Roman und seine Vorläufer, Leipzig, 1900.
283. Savignac R., Horsfield G. Le temple de Ramm, — RB, 1935, 44.
284. Schlumberger D. Les formes anciennes du chapiteau corinthien en Syrie, en Palestine et en Arabie, — «Syria», 1933, t. 14.
285. Schürer E. Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Bd I, Leipzig, 1898.
286. Schwartz E. Diodoros, — P. - W. RE, Halbbd. 9, Stuttgart, 1903.
287. Segre M. Postilla, — «Clara Rhodos», 1938, vol. 9.
288. Sourdel D. Les cultes de Hauran à Pépoque Romaine, Paris, 1952.
289. Starcky J. La civilisation nabatéenne: état des questions, — «IX Congrès international d'archéologie classique», Damas, 1969.
290. Starcky J. Nouvelle épitaphe nabatéenne donnant le nom sémitique de Pétra, — RB, 1965, 72.

291. Starcky J. Pétra et la Nabatène, — «Supplement au Dictionnaire de la Bible», vol. VII, Paris, 1961—1962.
292. Starcky J. Petra et la Nabateue — «Supplement au Dictionnaire de la Bible». Vol. VII. Paris. 1961—1962.
293. Starcky J. The Nabataeans, — «The Biblical Archaeologist», 1955, vol. XVIII.
294. Starcky J. Un contrat nabatéen sur papyrus, — RB, 1954, 61.
295. Starcky J., Bennett C. M. Les inscriptions du témenos, — «Syria», 1968, t. 45.
296. Strugnell J. The Nabataean Goddess Al-Kutba' and her Sanctuaries, — BASOR, 1959, № 156.
297. Studniczka F. Tropaeum Trajani, Leipzig, 1904.
298. Šaron D. Behinot pisiograpiyyot šel hatteluliyot behar hanNegeb, — «Yedi'ot», ker. 23, 5719.
299. Tarn W. W. Ptolemy II and Arabia, — «Journal of Egyptian Archaeology», 1929, vol. XV.
300. Täubler E. Der Nabatäerkönig Erotimus, — «Klio», 1910, Bd 10.
301. The Non-Absoluteness of Christianity, b The Myth of Christian Uniqueness: Towards Pluralistic Theology of Religion, eds. John Hick and Paul F. Kuitter, Maryknoll, N. Y. Orbis. 1987.
302. Thiersch H. Die alexandrinischen Königsnekropole, — «Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institute», 1910, Bd 26.
303. To Live in Christ Jesus: A Pastoral Reflection on the Moral Life, Washington: USCC, 1976.
304. Tushingham A. D. Excavations at Dibon in Moab, 1952—1953, — BASOR, 1954, № 133.
305. Tweedie W. K. Ruined Cities of the East, London, 1859.
306. Van den Branden A. Histoire de Thamoud, Beyrouth, 1960.
307. Vandier J. Manuel d'archéologie orientale, vol. II, Paris, 1952.
308. Verger A. Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina, Roma, 1965.
309. Vincent H. Les Nabatéens, — RB, 1898, 7.
310. Waterman L. Royal correspondence of the Assyrian Empire, vol. I, Ann Arbor, 1930.
311. Wellhausen J. Reste arabischer Heidentums, Berlin — Leipzig, 1927.
312. Winnett F. V. Excavations at Dibon in Moab, 1950—1951, — BASOR, 1952, 125.
313. Winnett F. V., Reed W. L. Ancient Records from North Arabia, Toronto, 1970.
314. Winnett F. V., Reed W. L. The Excavations at Dibon (Dhibān) in Moab, — AASOR, 1964, vol. 36—37.
315. Wiseman D. J. Fragments of Historical Texts from Nimrud, — «Iraq», 1964, vol. 26, № 2.
316. Woolley L. A. Forgotten Kingdom, London, 1959.
317. Wright G. R. H. Petra, Some Unusual Views, — «Zeitschrift des Deutschen Palästina — Vereins», 1972, Bd 88, № 2.
318. Wright G. R. H. Quelques aspects de la architecture et de la sculpture, — «Syria», 1968, t. 45.
319. Wright G. R. H. Structure of the Qasr Bint Far'un, a preliminary review, — PEQ, 1961.
320. Wright G. R. H. The Date of the Khaznet Fir'aun at Petra in the Zight of an Iconographic Detail, — PEQ, 1973.
321. Wright G. R. H. The Nabataean-Roman Temple at Dhiban: a suggested reinterpretation, — BASOR, 1961, № 163.
322. Yadin Y. Expedition D — the Cave of the Letters, — IEJ, 1962, vol. 12.
323. Yadin Y. Mahane D — me'arat ha'iggerot, — «Yedi'ot», ker. 30, 5722.
324. Yadin Y. Mamleket hannabatim, happrobinqiya `Arabia, Petra we'En-Geddi le'or hatte'udot minNahal — Heber, — «Elat», Yerušalayim, 5723.
325. Yanna'it-Ben-Sebi R., Negeb 'A. Sela' 'Edom, Tel — 'Abij, s. a.
326. Yaron R. Introduction to the Law of the Aramaic Papyri, Oxford, 1961.
327. Zimmerli W. Die landwirtschaftliche Bearbeitung des Negeb im Altertum, — «Zeitschrift des Deutschen Palästina — Vereins», 1959, Bd 75, №2.

Содержание

Предисловие	3
Пролог. У стены Плача земного Иерусалима.	4
Глава 1. Уснувшее царство: уснувшая надежда.....	6
Глава 2. Уснувшее царство: уснувшая вера	14
Глава 3. Уснувшее царство: уснувшая любовь.....	16
Глава 4. Беда: результат или причина?	18
Глава 5. Кровавые ступени к солнцу	22
Глава 6. Нечистый хлеб	35
Глава 7. Сущность иконопочитания и библейская позиция в отношении религиозного искусства	48
Глава 8. Летающие души?!	96
Глава 9. Скрытые механизмы экуменизма	101
Глава 10. О способах отпущения грехов на 270 дней	123
Глава 11. Индексы запретов	154
Глава 12. В Иерусалиме 70 года х. э.	175
Глава 13. Перчатки из человеческой кожи.....	181
Глава 14. Сломанная вера	196
Глава 15. В общине терапевтов	202
Глава 16. Святые столпники.....	212
Глава 17. Формирование и плоды патологического мышления ...	234
Глава 18. Целибат или война с природой человека.....	239
Глава 19. Загадка картины художника Иванова	254
Глава 20. Внезапный приход.....	258
Глава 21. Отцовская или христианская церковь?	261
Глава 22. Две гривны из шестисотого мерседеса	263
Глава 23. На последнем сеансе	266
Глава 24. Трехангельская весть и глобальный кризис человечества	271
Список использованной литературы	295

Наукове видання

Опарін Олексій Анатолійович
Волкославський Ростислав Миколайович

Повержені вівтарі
Археологічне дослідження книги пророка Малахії

Монографія

Комп'ютерна верстка *О. А. Ільїної*
Коректор *Г. О. Гнатченко*

Підписано до друку 18.11.2008. Формат 60×90 1/16. Папір газетний.
Гарнітура Palatino. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 19,13. Ум. фарбовідб. 19,5.
Обл.-вид. арк. 19,42. Тираж 500 прим. Вид. № 107. Зам.

Видавництво «Факт»

Україна, 61072, м. Харків, вул. 23-го Серпня, 27, оф. 30.
Тел./факс: 8(057)340-52-26. E-mail: publish_fakt@mail.ru
Свідоцтво про держреєстрацію: серія ДК № 3172 від 22.04.2008 р.

Виготовлено у ТОВ «Навчальний друк»

Україна, 62300, Харківська обл., м. Дергачі, вул. Петровського, 163-А.
Тел./факс: (263)3-03-81.
Свідоцтво про держреєстрацію: серія ХК №58 від 10.06.2002 р.